

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ПЕХОТНАЯ БАЛЛАДА

Monstrous Regiment

**ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ!**

Annotation

Что делать миролюбивой стране, которую окружили вероломные, злобные, воинственные враги? Правильно — призвать на защиту Отечества своих верных сыновей. Только как поступить, если сыновей-то практически и не осталось, а те, что есть, как бы это помягче, недосчитались конечностей еще с прошлого похода. Вот и приходится сержанту Джекраму и капралу Страппи вербовать кого попало в славный полк «Тудой-судой» — ведь у Отечества есть и дочери, раз уж сыновья... закончились. Короче, вперед, парни, к победе!.. Э-э-э, то есть девушки!

- [Терри Прагчетт](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
-

Терри Пратчетт

Пехотная баллада

Полли отрезала волосы, стоя перед зеркалом, и почувствовала себя слегка виноватой из-за того, что ничуть этого не устыдилась. Волосы были ее главной гордостью, все говорили, что они чудесны, но за работой Полли обычно собирала их под сеточку. Она твердила себе, что природа зря старалась, но все-таки позаботилась, чтобы длинные золотые пряди до единой упали на расстеленный платок.

Если какие-то сильные чувства и владели ею в эту минуту, то исключительно разочарование при мысли о том, что Полли не понадобилось ничего, кроме стрижки, чтобы сойти за юношу. Не пришлось даже бинтовать грудь (Полли слышала, что так делают всегда). Природа позаботилась, чтобы здесь у нее трудностей не возникло.

Результат возни с ножницами получился... слегка странным, но не хуже, чем бывают иные мужские прически. Сойдет. По обнаженной шее прошел холодок, но не только потому, что Полли рассталась с длинными волосами. Она чувствовала Взгляд.

Герцогиня смотрела на Полли со стены над кроватью.

Это была скверная гравюра, раскрашенная вручную, преимущественно в два цвета — синий и красный. Она изображала пожилую женщину; отвисший подбородок и слегка выпученные глаза могли навести иного циника на мысль, что кто-то сунул ей в вырез платья рыбу, но в этом странном, безжизненном выражении лица художник сумел передать нечто большее. Глаза на некоторых портретах следят за тобой. Взгляд Герцогини пронизывал насквозь. Ее лицо было в каждом доме. Жители Борогравии росли с мыслью о том, что Герцогиня смотрит на них.

Полли знала, что такой же рисунок висит в комнате родителей. Когда мать была жива, каждый вечер она делала перед ним книксен. Полли протянула руку и перевернула гравюру лицом к стене. Внутренний голос сказал «нет». Но Полли одержала верх. Она уже решилась.

Потом она натянула братнину одежду, упаковала содержимое платка в мешочек, сунула его на дно сумки вместе с чистой рубашкой, положила записку на кровать, забрала вещи и вылезла в окно. По крайней мере, в окно вылезла Полли, но земли коснулись ноги Оливера.

Рассвет только-только превращал темный мир в монохромный, когда

Полли проскользнула через двор харчевни. Герцогиня наблюдала за ней и с вывески. Отец всегда был верноподданным, по крайней мере, пока не умерла мать. Вывеску в этом году не подновляли, ее засидели птицы, и казалось, что Герцогиня косит.

Полли удостоверилась, что тележка вербовщика по-прежнему стоит перед трактиром. Яркие флаги повисли, отяжелев от ночного дождя. Толстяк сержант вряд ли собирался отправиться в путь раньше чем через несколько часов. У нее было много времени. Этот тип скорее всего принадлежал к тем, кто завтракает не торопясь.

Она вышла через калитку в задней стене и зашагала по холму. Добравшись до вершины, Полли обернулась и посмотрела на просыпающийся городок. Из нескольких труб поднимался дымок, но в харчевне еще никто не встал, поскольку Полли всегда поднималась первой и будила заспавшихся служанок. Она знала, что вдова Кламберс осталась ночевать (отец сказал: «Дождь слишком сильный, чтоб отпускать ее домой»), и, честно говоря, надеялась, что так будет и впредь — ради отца. В городе хватало вдов, а Ева Кламберс была добродушной особой, которая вдобавок превосходно пекла пироги. Долгая болезнь жены и отсутствие Поля измучили отца. Полли радовалась, что он вновь обретает силы. Старухи, которые проводят целые дни, сердито глаза из окошек, непременно будут все разнохивать, злиться и ворчать, но так всегда было. Никто их уже не слушает.

Она подняла глаза. В прачечной Работной школы для девочек уже топили печи. Школа грозно нависала над окраиной городка — большая, серая, с высокими узкими окнами. Там всегда царил тишина. Когда Полли была маленькой, ей сказали, что туда отправляются Плохие Девочки. Но взрослые не объяснили, кто они такие, и к пяти годам у Полли сложилось смутное впечатление, что быть плохим значит не ложиться спать, когда велено. В восемь лет она поняла, что в Школу можно запросто угодить, если купить брату краски.

Она повернулась и зашагала между деревьев, исполненных птичьего пения.

Забудь, что ты Полли. Думай как мальчик. Вот что главное. Громко пускай газы и гордись этим, двигайся как марионетка, у которой наугад обрезали пару ниточек, никого не обнимай, а если встретишь приятеля — отвесь ему тумак. Работая за стойкой, Полли получила много материала для наблюдений. Зато ей не приходилось думать о том, чтобы не качать на ходу бедрами. Природа и здесь ее обделила.

Нужно научиться ходить по-мужски. По крайней мере, женщины

качают только бедрами. У молодых людей шевелится буквально все, что ниже плеч. А еще надо занимать как можно больше места, подумала Полли. Тогда ты сам кажешься больше, совсем как кот, распушивший хвост. Она не раз видела это в харчевне, когда одни большие парни выставлялись перед другими большими парнями. Я злой, я плохой, я крутой, гони пинту имбирного пива, а то мама велит мне быть дома к девяти...

Ну-ка попробуем. Руки подальше от тела, будто несешь пару мешков с мукой... так. Плечи вперед-назад, словно проталкиваешься через толпу... так. Руки полусогнуты и ходят по кругу, будто вращаешь две рукоятки, прикрепленные к поясу... так. Ноги расслаблены, переступают по обезьяньи... так...

Она благополучно прошла несколько метров, а потом что-то сбилось, мышцы не поняли, что нужно делать, и отправили Полли кувырком в куст остролиста. После этого она сдалась.

Тем временем послышался гром; порой гроза висела над горами целые дни. Но, по крайней мере, дорога не превратилась в реку грязи, а на деревьях еще оставалось достаточно листьев, чтобы укрыться от дождя. Некогда было ждать хорошей погоды, Полли предстоял долгий путь. Вербовщик наверняка переправился на пароме, но Полли знали в лицо все паромщики, и сторож потребовал бы пропуск, которого, разумеется, у Оливера Перкса не было. Значит, предстояло сделать крюк и добраться до троллевого моста в Тюбце. Для тролля все люди одинаковы, и любой клочок бумажки сойдет за пропуск, поскольку читать тролли не умеют. Потом она дойдет сосняком до Плюна. Вербовщик непременно остановится там на ночь. Плюн — одна из тех захолустных деревень, которые существуют лишь потому, что обширные пустые пространства на карте действуют на нервы. Никто там не знал Полли. Никто туда не ездил. Плюн — просто дыра.

Такое-то место ей и нужно. Вербовщик остановится там, и она запишется. Полли не сомневалась, что толстый сержант и грязный маленький капрал не обратили внимания на девушку, которая подавала им еду накануне вечером. Она, как говорится, красотой не блистала. Капрал, впрочем, попытался ущипнуть ее за ягодицу, но скорее всего исключительно по привычке, как попытался бы прихлопнуть муху, да и какой это был щипок.

Полли остановилась на холме над переправой и позавтракала холодной картошкой и сосиской, наблюдая за паромом. Никого, кроме сержанта с капралом, в тележке не было. Парни из Мунца не спешили вступать в армию. Они предпочитали держаться подальше. В последние годы

слишком много молодых людей ушли воевать и далеко не все вернулись. Да и вернулись порой не с полным комплектом конечностей. Капрал мог сколько угодно бить в большой барабан. Количество сыновей в Мунце сокращалось столь же быстро, как росло количество вдов.

День был жаркий и душный, и желтая славка следовала за Полли, перелетая с куста на куст. Над вчерашней грязью поднимался пар, когда Полли подошла к тролльему мосту, висевшему над рекой в узком ущелье. Он был тонким и изящным — поговаривали, что его выстроили без известки. Поговаривали также, что благодаря своему весу мост еще прочнее держится за камни по обе стороны. А еще говорили, что мост — настоящее чудо света; впрочем, немногие местные жители верили в чудеса, не говоря уже о том, чтобы повидать свет. За проход брали один пенни (или сто золотых, если к пешеходу прилагался козел^[1]). На полпути Полли глянула через перила и увидела тележку вербовщика далеко-далеко внизу — она катила по узкой дороге над самой рекой.

Дальше тропа все время шла вниз, через темный сосняк в ущелье. Полли не спешила. Еще до заката она увидела постоялый двор. Вербовщики уже приехали, но, судя по всему, сержант даже не старался произвести впечатление. Никто не бил в барабан, как накануне, и не кричал: «Подходи записываться, молокососы! В „Тудой-судой“ хорошо живется!»

Война была всегда. Чаще всего происходили стычки на границе — нечто вроде соседской ссоры из-за того, что чья-то изгородь непомерно разрослась, только в национальном масштабе. Порой дела обстояли еще хуже. Миротлюбивую Борогравию окружали вероломные, злобные, воинственные враги. Ведь если бы они не были вероломными, злобными и воинственными, мы бы с ними не сражались, не так ли? Война была всегда.

Отец Полли служил в армии, прежде чем получить в наследство от Поллиного дедушки «Герцогиню». О войне он почти не рассказывал. Он принес с собой саблю, но вместо того, чтобы повесить ее над очагом, ворошил ею огонь, словно кочергой. Иногда заходили старые друзья; закрыв ставни на ночь, они усаживались вокруг камелька, пили и пели. Маленькая Полли под разными предлогами оставалась и слушала песни, но развлечению пришел конец, когда она ввернула одно из самых интересных словечек в присутствии матери. Потом она подросла и стала подавать пиво; видимо, старшие решили, что она уже знает все интересные словечки — ну или скоро выяснит, что они значат. Кроме того, ее мать отправилась туда,

где сквернословие не оскорбляет ничьих ушей и теоретически вообще не существует.

Солдатские песни были частью ее детства. Полли наизусть знала «Весь мир перевернулся», «Дьявол — мой сержант», «Джонни ушел на войну» и «Девушку я оставил». А когда было выпито уже достаточно, старики затягивали «Полковника Свинского» и «Зачем я ее поцеловал?».

Ну и конечно, «Душку Полли Оливера». Отец пел ее, когда маленькая Полли капризничала или грустила, и она смеялась, просто потому, что в песне упоминалось ее имя. Она запомнила слова, еще прежде чем узнала, что значит большинство из них. А теперь...

...Полли распахнула дверь. Сержант-вербовщик и капрал сидели за грязным столом. Они подняли глаза, задержав пивные кружки на полпути к губам. Полли сделала глубокий вдох, подошла и попыталась отсалютовать.

— Чего тебе, парень? — прорычал капрал.

— Хочу записаться, сэр!

Сержант уставил взгляд на Полли и осклабился, так что шрамы у него на лице странно задвигались, а подбородки задрожали. Его нельзя было назвать толстым — первым на язык проталкивалось слово «внушительный». Сержант принадлежал к тем людям, у которых вместо талии экватор. Воплощенная сила тяжести. Случись ему упасть — в любую сторону, — и он бы закачался, как яйцо. От солнца и спиртного его лицо побагровело, маленькие темные глазки мерцали на красном фоне, словно искры на лезвии ножа. На столе рядом с ним лежали две старомодные сабли — оружие скорее сродни мясницкому ножу, чем мечу.

— И все? — уточнил он.

— Да, сэр!

— Правда?

— Да, сэр!

— Ты не хочешь, чтобы сначала мы напоили тебя до соплей? Такова традиция, знаешь ли.

— Нет, сэр!

— Если не ошибаюсь, я еще не рассказал тебе о замечательных возможностях сделать карьеру и подзаработать.

— Нет, сэр!

— Я упомянул, что в шикарном красном мундире у тебя отбою от девчонок не будет?

— Кажется, нет, сэр.

— А харчи? Если ты в наших рядах, каждый ужин — это пир! — сержант похлопал себя по животу, вызвав некоторое волнение в

прилегающих областях. — Я тому живое доказательство!

— Да, сэр. Нет, сэр. Я просто хочу записаться и сражаться за мою страну во славу Герцогини, сэр.

— Правда? — недоверчиво спросил капрал, но сержант его как будто не слышал. Он оглядел Полли с головы до ног, и у нее возникло отчетливое ощущение, что этот тип не настолько пьян и глуп, как кажется.

— Похоже, капрал Страппи, нам достался настоящий патриот старой закалки, — сказал он, не сводя глаз с лица Полли. — Ну что ж, ты обратился к кому надо, мальчик. — Он с шуршанием извлек стопку бумаг. — Знаешь, кто мы такие?

— Десятый пехотный, сэр, известный также как «Тудой-сюдой», сэр, — сказала Полли с облегчением. Она явно прошла испытание.

— Правильно, парень. Старые добрые Сырцееды. Самый лучший полк, какой только есть, в самой лучшей армии на свете. Хочешь вступить, э?

— Чертовски хочу, сэр, — ответила Полли, чувствуя подозрительный взгляд капрала.

— Молодец, парень!

Сержант открыл чернильницу, обмакнул металлическое перо и занес его над листом.

— Как звать?

— Оливер, сэр. Оливер Перкс.

— Возраст?

— В воскресенье исполнилось семнадцать, сэр.

— Ага, конечно, — сказал сержант. — Если тебе семнадцать, то я — Великая Герцогиня Аннаговия. Пустился в бега, э? Сделал какую-нибудь дочку матерью?

— Да ему в одиночку не справиться, — с ухмылкой заметил капрал. — Он же пицтит, как сосунок.

Полли поняла, что начинает краснеть. Но ведь и юный Оливер покраснел бы, не так ли? Нетрудно вогнать парня в краску. Полли проделывала это одним взглядом.

— Неважно, — отрезал сержант. — Поставь тут крестик, поцелуй Герцогиню — и ты мой со всеми потрохами, ясно? Меня звать сержант Джекрам. Я теперь тебе вместо отца и матери, а капрал Страппи — вместо старшего брата. Каждый день будешь лопать бифштексы и ветчину, а если кто захочет тебя забрать, ему придется тащить и меня заодно, потому что я буду держать тебя за шиворот. Можете не сомневаться, мистер Перкс, никому это не под силу. — Толстый палец уткнулся в бумагу. — Вот здесь.

Полли взяла перо и расписалась.

— Это что? — спросил капрал.

— Моя подпись, — ответила Полли.

Она услышала, как у нее за спиной открылась дверь, и обернулась. Несколько парней — точнее, *еще* несколько парней, мысленно оговорилась Полли, — с шумом ввалились в трактир и подозрительно огляделись.

— Грамотный? — спросил сержант, посмотрев на новоприбывших и снова переведя взгляд на Полли. — Вижу, вижу. Красивый почерк, да. Такие, как ты, и выходят в офицеры. Дай ему шиллинг, капрал. И картинку не забудь.

— Слушаюсь, сержант, — капрал Страппи достал картинку в рамке с рукояткой, похожей на зеркало. — Чмокай сюда, рядовой Пукс.

— Перкс, сэ, — поправила Полли.

— Ну, Перкс. Целуй Герцогиню.

Это была дешевая копия знаменитой картины. Рисунок выцвел, и за потрескавшимся стеклом вырос мох. Задержав дыхание, Полли слегка коснулась Герцогини губами.

— На, — сказал Страппи и сунул ей что-то в руку.

— Что это? — спросила Полли, разглядывая бумажный квадратик.

— Считай, долговая расписка. Шиллингов у нас нехватка, — сказал сержант, а Страппи ухмыльнулся. — Но хозяин поставит тебе пинту эля за счет ее светлости.

Он повернулся и взглянул на новоприбывших.

— Однако вы прямо косяками идете. Хотите записаться, парни? А ведь мы даже в барабан не били. Наверное, все дело в удивительной харизме капрала Страппи. Подходи ближе, не стесняйся. Кто у нас следующий?

Полли взглянула на очередного новобранца с ужасом, который по мере сил постаралась скрыть. В сумерках она не разглядела его, потому что он был одет в черное. Не стильное, а пыльное черное, в таких костюмах обычно хоронят. Судя по виду, парень и впрямь не так давно прибыл с того света. Он изрядно зарос паутиной, а на лбу у него были швы.

— Как звать? — спросил Джекрам.

— Игорь, шэр.

Джекрам сосчитал швы.

— Так я, знаешь ли, и подумал, — сказал он. — Как вижу, тебе восемнадцать?

— *Пробудитесь!*

— Боги, боги... — командор Сэмюель Ваймс прикрыл глаза руками.

— Прошу прощения, ваша светлость, — сказал анк-морпоркский консул в Злобении. — Вам нехорошо, ваша светлость?

— Как бишь тебя зовут, молодой человек? — переспросил Ваймс. — Прости, но я две недели в дороге, мало спал и весь день знакомился с людьми, у которых очень сложные имена. Это вредно для мозгов.

— Кларенс, ваша светлость. Кларенс Трепло.

— Трепло? — переспросил Ваймс, и на его лице Кларенс прочитал все.

— Боюсь, что так, сэр, — ответил он.

— В школе хорошо дрался?

— Нет, ваша светлость, зато никто не мог меня обогнать на дистанции в сто ярдов.

Ваймс засмеялся.

— Знаешь, Кларенс, любой национальный гимн, который начинается со слова «пробудитесь», рано или поздно приведет к неприятностям. Разве в кабинете патриция тебе этого не объяснили?

— Э... нет, ваша светлость.

— Значит, сам поймешь. Продолжай.

— Да, сэр. — Трепло откашлялся. — Национальный гимн Борогравии! — объявил он во второй раз.

Пробудитесь, *прошу прощения, ваша светлость*, сыны Отчизны,
Довольно пить вино из кислых яблок.
Дровосеки, беритесь за топоры,
Фермеры, разите врага орудиями, которыми вы прежде копали
свеклу.
Расстроим бесчисленные козни наших недругов.
Мы с песнями шагаем во тьму,
Готовые сражаться против целого мира.
Видите золотой свет над вершинами гор?
Грядет новый день, и будет рыба!

— Э... — сказал Ваймс. — Последние слова...

— Это буквальный перевод, ваша светлость, — нервно объяснил Кларенс. — Значит, что-то вроде «отличная возможность» или «первый приз», ваша светлость.

— Когда мы не на людях, Кларенс, говори просто «сэр». «Ваша светлость» предназначена исключительно для того, чтобы впечатлить

местных.

Ваймс откинулся на спинку неудобного кресла, подперев подбородок ладонью, и поморщился.

— Две тысячи триста миль, — сказал он, поерзав. Чертовски холодно, когда путешествуешь на метле, даже если лететь невысоко. Потом лодка, потом карета... — он снова поморщился. — Я читал твой отчет. Как по-твоему, целая нация может сойти с ума?

Кларенс вздохнул. Он знал, что его собеседник — второй по влиятельности человек в Анк-Морпорке, но Ваймс вел себя так, как будто совершенно не подозревал о своем могуществе. Он сидел в холодной комнате в башне, за шатким столом, который до вчерашнего дня принадлежал коменданту кнекского гарнизона. На исцарапанной поверхности грудями лежали бумаги; они же громоздились и за креслом Ваймса.

Кларенс решил, что Ваймс вовсе не похож на герцога. Больше всего он походил на стражника, каковым, в общем, и являлся. Кларенса Трепло это оскорбляло. Те, кто стоит на вершине власти, должны выглядеть соответственно.

— Это... интересный вопрос, сэра, — сказал он. — Вы хотите сказать, что люди здесь...

— Не люди, а нация, — поправил Ваймс. — Борогравия, по-моему, спятила — судя по тому, что я прочел. Люди по мере сил выполняют свой долг и воспитывают детей — должен признать, что лично я сейчас предпочел бы заняться именно этим. Ты ведь понимаешь, о чем я. Вот люди, которые вроде бы ничем не отличаются от нас с тобой... но если собрать их в кучу, получается один огромный маньяк с государственными границами и национальным гимном.

— Отлично сказано, сэра, — дипломатично отозвался Кларенс.

Ваймс обвел взглядом комнату. Голые каменные стены. Узкие окна. Здесь чертовски холодно даже в солнечный день. Скверная пицца, тряска, ночевки на дрянных кроватях... путешествие в темноте, на гномьих лодках, по секретным протокам под горами. Одним лишь богам известно, какую тонкую дипломатию пришлось пустить в ход Ветинари, чтобы это устроить, хотя Король-под-горой и впрямь был кое-чем обязан Ваймсу...

...и все это — ради холодного замка над холодной рекой, на границе между двумя дурацкими странами, ведущими дурацкую войну. Ваймс хорошо знал, чего ему хочется. Будь это уличные буяны, он бы не растерялся. Он бы стукнул их лбами и скорее всего сунул до утра в камеру. Но невозможно стукнуть лбами две страны.

Ваймс взял лист бумаги, покрутил и бросил обратно.

— К черту, — сказал он. — Что творится в крепости?

— Мне известно, что в некоторых труднодоступных частях еще остались очаги сопротивления, но противник уже практически подавлен. С тактической точки зрения, цитадель в наших руках. Это был отличный ход, ваша све... сэр.

Ваймс вздохнул.

— Нет, Кларенс, это была глупая старая уловка. Только идиот пропустит в крепость вражеских солдат, переодетых прачками. Да у троих из них были усы!

— Борогравцы в таких вопросах... довольно старомодны, сэр. Кстати говоря, в нижних подвалах мы, кажется, наткнулись на зомби. Жуткие твари. Судя по всему, здесь веками хоронили представителей высших военных чинов Борогравии.

— Правда? И что они там делают?

Кларенс поднял брови.

— Бродят, сэр. Я так думаю. Стонут. Как и положено зомби. Что-то их встревожило.

— Наверное, мы, — сказал Ваймс. Он встал, пересек комнату, открыл большую тяжелую дверь и крикнул: — Редж!

Через несколько секунд появился стражник и отсалютовал. Лицо у него было серое, и Кларенс не мог не заметить, что пальцы Реджа крепятся к ладони нитками.

— Ты уже видел констебля Башмака, Кларенс? — бодро спросил Ваймс. — Один из моих подчиненных. Мертв уже больше тридцати лет и наслаждается каждой минутой нежизни. Да, Редж?

— Так точно, мистер Ваймс, — ответил Редж, обнажая в ухмылке множество коричневых зубов.

— Здесь, в подвале, собрались твои соотечественники.

— Ну надо же. Бродят и стонут?

— Боюсь, что так, Редж.

— Тогда я пойду и перекинусь с ними словечком, — сказал Редж. Он снова отдал честь и вышел, слегка прихрамывая.

— Он... э... отсюда родом? — спросил побледневший Трепло.

— Нет-нет. Ну, сам знаешь — страна, откуда еще никто не возвращался и всё такое, — сказал Ваймс. — Он мертв, но, отдам Реджу должное, смерть его не остановила. А ты не знал, что в Страже служит зомби, Кларенс?

— Э... нет, сэр. Я пять лет не был в городе, — он сглотнул. — Судя по

всему, многое изменилось.

Притом катастрофически, с точки зрения Кларенса Трепло. Служить консулом в Злобении было несложно — оставалось много свободного времени, чтобы заниматься своими делами. А потом в долине появились большие семафорные башни, и внезапно Анк-Морпорк оказался в чаше пути. Раньше письмо из Анк-Морпорка шло больше двух недель, поэтому никто не волновался, если консул пару дней размышлял над ответом. Теперь ответа ожидали немедленно. Кларенс обрадовался, когда борогравцы разрушили несколько треклятых башен. Но в результате разверзся ад.

— У нас в Страже кого только нет, — сказал Ваймс. — И мы, ей-богу, в них нуждаемся, Кларенс, особенно теперь, когда злобенцы и борогравцы дерутся на улицах из-за какой-то дурацкой ссоры, которая началась тысячу лет назад. Это хуже, чем гномы и тролли! И все потому, что чья-то светлейшая прапрапра- и так далее бабушка дала пощечину какому-то прапрапра- и так далее дедушке. Борогравия и Злобения даже не условились насчет границы. Они назвали границей речку, которая меняет русло каждую весну! Иногда семафорные башни оказываются на борогравской земле, точнее, грязи, и тогда какие-то идиоты сжигают их по религиозным соображениям.

— Э... дело не только в этом, сэр, — сказал Трепло.

— Я знаю. Я читал историю. Ежегодная война со Злобенией — своего рода местное развлечение. Борогравия дерется со всеми. Но почему?

— Национальная гордость, сэр.

— Чем они гордятся? Здесь ничего нет, кроме нескольких жировых шахт. Борогравцы неплохие фермеры, но у них нет ни памятников архитектуры, ни больших библиотек, ни знаменитых композиторов, ни высоких гор, ни потрясающих пейзажей. О Борогравии можно сказать только одно: она расположена именно здесь, а не где-то еще. Что в ней такого особенного?

— Думаю, для борогравцев она особенная, потому что они тут живут, сэр. Ну и конечно, Нугган. Их бог. Я принес вам «Книгу Нуггана», сэр.

— Я читал ее в Анк-Морпорке, Трепло, — ответил Ваймс. — По моему, просто чепу...

— Вы читали не самое последнее издание, сэр. Сомневаюсь, что там, в городе, следят... за обновлениями. Вот этот экземпляр, сэр, содержит все поправки, — сказал Трепло, кладя небольшую, но увесистую книжку на стол.

— Поправки? Как это? — Ваймс озадаченно взглянул на него. —

Священное Писание, оно... уже написано. Делай то, не делай этого, не желай вола ближнего твоего.

— Э... Нугган на этом не остановился, сэр. Он... э... вносит дополнения. Преимущественно в раздел Мерзостей, если быть точным.

Ваймс взял свежий выпуск. Он был заметно толще, чем привезенный из Анк-Морпорка.

— Эту книгу называют Живым Заветом, — объяснил Трепло. — Она... ну, можно сказать, умирает, если вывезти ее из Борогравии. Завет перестает... пополняться. Новейшие Мерзости в конце, сэр, — добавил он.

— То есть это священная книга с приложениями?

— Именно так, сэр.

— На скоросшивателе?!

— Да, сэр. Люди вкладывают пустые страницы, и записи... появляются сами собой.

— Чудесным образом?

— Я бы сказал, божественным, сэр.

Ваймс открыл книгу наугад.

— Шоколад? Нугган не любит шоколад?

— Да, сэр. Это Мерзость пред Нугганом.

— Чеснок? Положим, я тоже его не люблю, так что пускай... Кошки?

— О да. Он очень не любит кошек, сэр.

— Гномы?! Здесь сказано: «Народ гномов, что поклоняется Золоту, сие есть Мерзость пред Нугганом». Да он с ума сошел. И что случилось, когда об этом узнали?

— Гномы закрыли свои шахты и исчезли, ваша светлость.

— Да уж неудивительно. Они беду сразу чувят, — сказал Ваймс. На сей раз он простил Кларенсу «вашу светлость»: молодой человек явно испытывал удовольствие, разговаривая с герцогом.

Он полистал книгу и вдруг замер.

— Синий цвет?..

— Так точно, сэр.

— Что мерзостного в синем цвете? Это просто цвет! Небо тоже синее.

— Да, сэр. Ревностные нугганиты стараются на него не смотреть. Э... — Трепло, будучи профессиональным дипломатом, не любил все называть своими именами. — Нугган, сэр, э... довольно нервический бог, — наконец произнес он.

— Нервический? — переспросил Ваймс. — Нервический бог? Что, он жалуется, если дети шумят? Требуется выключать громкую музыку после девяти?

— Э... мы здесь наконец стали получать «Анк-Морпоркскую Правду», сэр... и я заметил, что Нугган... эээ... очень похож на тех, кто пишет жалобы в редакцию. Ну, вы понимаете, сэр. «Понаехали тут!» и прочее в том же духе.

— То есть он действительно спятил, — сказал Ваймс.

— Я ничего такого не хотел сказать, — поспешно возразил Трепло.

— И как с этим управляются священники?

— В общем... никак... сэр. Насколько я понимаю, они втайне смотрят сквозь пальцы на самые, э, радикальные Мерзости.

— Значит, нелюбовь Нуггана к гномам, кошкам и синему цвету — это не предел? Есть еще более безумные заповеди?

Трепло дипломатично кашлянул.

— Ну ладно, — проворчал Ваймс. — Более радикальные заповеди.

— Устрицы, сэр. Они ему не нравятся. Но это не беда, потому что никто здесь никогда и не видел устриц. А еще — дети. Они тоже Мерзость.

— И все-таки люди по-прежнему их заводят?

— Да, ваша све... простите, сэр. И чувствуют себя виноватыми. Лающие собаки — тоже Мерзость. И рубашки с шестью пуговицами. И сыр. Э... люди просто... избегают самых сложных требований. Даже священники, кажется, уже не пытаются их объяснить.

— И я, кажется, понимаю почему. Итак, мы в стране, пытающейся жить по законам бога, который, судя по всему, надевает подштанники на голову. Кстати, Нугган еще не объявил подштанники Мерзостью?

— Нет, сэр. — Трепло вздохнул. — Но, вероятно, это лишь вопрос времени.

— И как же люди терпят?

— В наши дни они по преимуществу молятся Герцогине Аннаговии. Ее изображения висят в каждом доме. Ее называют «Матушка».

— Ах да, Герцогиня. Я ее увижу?

— Нет-нет, к ней никого не пускают, сэр. Никто, кроме слуг, не видел Герцогиню вот уже более тридцати лет. Честно говоря, сэр, она, возможно, уже умерла.

— Возможно?

— Никто не знает наверняка. Официальная версия гласит, что она скорбит по мужу. Печальная история, сэр. Молодой герцог скончался спустя неделю после свадьбы. Его растерзал дикий кабан на охоте. Чтобы оплакать его, Герцогиня затворилась в старом замке КнязьМармадьюкПётрАльбертГанс ЙозефБернгардВильгельмсберг и с тех пор не появлялась на публике. Официальный портрет написали, когда ей

было около сорока.

— У нее нет детей?

— Нет. Когда она умрет, род прервется.

— И люди ей молятся? Как богу?

Трепло вздохнул.

— Я упоминал об этом в своих докладах, сэр. Представители правящего дома Борогравии всегда имели полубожественный статус. Они возглавляют церковь, и крестьяне молятся им, надеясь, что герцоги замолвят за них словечко перед Нугганом. Они некоторым образом... местночтимые святые. Посредники между небом и землей. Честно говоря, в здешних краях это главное правило. Если хочешь сделать дело, знай, к кому обратиться. Наверное, проще молиться человеку на портрете, чем богу, которого не видишь.

Ваймс некоторое время сидел, глядя на консула. Когда он заговорил, Кларенс перепугался до полусмерти.

— Кто ей наследует? — спросил Ваймс.

— Сэр?..

— Я следую монархической логике, мистер Трепло. Если Герцогиня покинет трон, кто займет ее место?

— Э... это очень сложно, сэр, в силу кровнородственных браков и различных юридических систем, как-то...

— На кого ставить деньги, мистер Трепло?

— Э... на князя Генриха Злобенского.

К удивлению Трепло, Ваймс рассмеялся.

— И он, наверное, сейчас гадает, как там тетушка. Если не ошибаюсь, я видел его утром. Не могу сказать, что он мне понравился.

— Но он друг Анк-Морпорка, — с упреком заметил Трепло. — Я об этом тоже писал. Он человек образованный. Его очень интересуют клик-башни. У князя огромные планы в отношении этой страны. Прежде Злобения тоже поклонялась Нуггану, но он запретил старую религию, и, надо сказать, никто особенно не возражал. Князь хочет, чтобы Злобения шла вперед. Он восхищается Анк-Морпорком.

— Да, знаю. По-моему, он такой же ненормальный, как и Нугган, — сказал Ваймс. — Насколько я понимаю, здесь плетется замысловатая интрига, цель которой — вывести Генриха из игры. Как управляют Борогравией?

— Ничего особо сложного. Собирают налоги — и, в общем, всё. Высшие придворные чины ведут себя так, как будто Герцогиня жива. Единственное, что по-настоящему функционирует в Борогравии, так это

армия.

— А стража? Любой стране нужны стражники. По крайней мере, они-то твердо стоят на земле.

— Неформальные гражданские комитеты следят за исполнением заветов Нуггана, сэр.

— О боги. Иными словами, они всюду суют нос, отдергивают занавески и всячески бдят, — сказал Ваймс.

Он встал и посмотрел через узкое окно на далекую равнину. Стояла ночь. Костры вражеского лагеря складывались в темноте в зловещие созвездия.

— Кларенс, тебе объяснили, зачем меня прислали сюда? — спросил он.

— Нет, сэр. Мне сообщили, что вы... э... будете наблюдать за происходящим. Князь Генрих не в восторге, сэр.

— Что ж, интересы Анк-Морпорка — это интересы всех людей, которые любят деньг... то есть, прошу прощения, свободу. Нельзя иметь под боком страну, которая заворачивает наши почтовые кареты и исправно уничтожает клик-башни. Это слишком дорого обходится. Борогравия делит континент пополам, точно перемычка в песочных часах. И я должен добиться «удовлетворительного» исхода. Честно говоря, Кларенс, мне интересно, стоит ли вообще нападать на Борогравию. Дешевле будет просто сесть и подождать, пока она не взорвется сама. Хотя лично я полагаю... где же этот отчет?... ах, да. Что раньше она вымрет от голода.

— К сожалению, так, сэр.

Игорь молча стоял перед столом вербовщика.

— В последнее время вы, ребята, мне редко попадались, — сказал Джекрам.

— Должно быть, закончились свежие мозги, — ехидно заметил капрал.

— Придержи язык, капрал, — Джекрам откинулся на спинку скрипучего кресла. — В Борогравии полно парней, которые не расхаживали бы теперь на двух ногах, если бы рядом не оказалось дружелюбного Игоря. Так, Игорь?

— Да? Ну а я слышал, люди порой просыпались и понимали, что какой-нибудь дружелюбный Игорь посреди ночи вытащил у них мозги и слинял, чтобы их продать! — заявил капрал, злобно глядя на Игоря.

— Клянущь, ваши мозги в шовершенной безопасности, капрал, — сказал Игорь. Полли рассмеялась, но замолчала, как только поняла, что

никто не последовал ее примеру.

— Да-да, а один сержант рассказывал, как Игорь пришил солдату ноги задом наперед! — продолжал капрал Страппи. — Немного от этого проку, сэр!

— Он шможет одновременно наштупайт и отштупайт, — бесстрастно ответил Игорь. — Шержант, я знайт ваши иштории, и вше это злоштный клевета. Я вшего лишь хочу шлужить моей штрane. Неприятношти мне не нужны.

— Вот именно, — сказал сержант. — Нам тоже. Ставь крестик и пообещай, что не будешь мудрить с мозгами капрала Страппи. Как, еще одна подпись? Ей-богу, сегодня завербовался целый университет! Дай ему картонный шиллинг, капрал.

— Шпашибо, — отозвался Игорь. — И, ешли вы пожволяйт, я протру картинку.

Он достал платок.

— Протрешь? — переспросил Страппи. — Сержант, это дозволяется?

— Зачем тебе ее вытирать, мистер? — поинтересовался Джеккрам.

— Чтобы штирайт невидимых демонов, — ответил Игорь.

— Я не вижу никаких невиди... — начал Страппи и запнулся.

— Оставь его в покое, — велел Джеккрам. — Это их, Игоревы, штучки.

— Неправильно это, — проворчал Страппи. — Сегодня Герцогиню он протрет, а завтра родину...

— Нет ничего такого в том, чтобы умыть старушку, — отрезал сержант. — Следующий. Э...

Игорь, осторожно вытерев грязное стекло, слегка коснулся его губами и встал рядом с Полли, робко улыбаясь. Но она во все глаза смотрела на следующего рекрута.

Он был невысок, довольно строен — ничего удивительного, ведь в Борогравии редко удавалось раздобыть достаточно еды, чтобы потолстеть, — и тоже в черном, но как настоящий аристократ; у него даже была шпага. Сержант недаром встревожился. Ничего не стоит влезть в неприятности, если неправильно выбрать слова в разговоре с юнцом, у которого, возможно, есть влиятельные друзья.

— Вы уверены, что не ошиблись адресом, сэр? — спросил он.

— Да, сержант. Я хочу записаться.

Сержант Джеккрам неуютно заерзал.

— Да, сэр, но я сомневаюсь, что благородный юноша вроде вас...

— Вы запишете меня или нет, сержант?

— Не так уж часто благородные господа записываются рядовыми,

сэр, — пробормотал сержант.

— Вы хотите знать, сержант, не охотятся ли за мной? Не обещана ли плата за мою голову? Нет.

— А как насчет толпы с вилами? — спросил капрал Страппи. — Он же треклятый вампир, сержант! Это любому ясно! У него Черная Ленточка! И значок!

— На котором написано «Ни капли», — спокойно заметил молодой человек. — Ни капли человеческой крови, сержант. Я принес клятву почти два года назад, вступив в Лигу воздержания. Разумеется, если у вас есть личные претензии, сержант, изложите мне их в письменной форме.

Умно сказано, подумала Полли. Эта одежда стоит немалых денег. Большинство вампирских семей невероятно богаты. Никогда не угадаешь, кто с кем связан. И хлопот от этих «с кем» бывает гораздо больше, чем от обычных «кто». Сержант мысленно обозрел скользкий путь и решил на него не ступать.

— Надо идти в ногу со временем, капрал. И солдаты нам нужны.

— Да, но вдруг он захочет высосать всю мою кровь посреди ночи? — спросил Страппи.

— Тогда ему придется подождать, пока рядовой Игорь закончит искать твои мозги! — рявкнул сержант. — Подпишитесь здесь, мистер.

Перо зацарапало по бумаге. Через несколько минут вампир перевернул листок и продолжил на другой стороне. У вампиров длинные имена.

— Но вы можете звать меня Маладикт, — сказал он, втыкая перо в чернильницу.

— И спасибо вам большое, сэр... то есть рядовой. Дай ему шиллинг, капрал. Хорошо, что он не серебряный, э? Ха-ха!

— Да, — ответил Маладикт. — Хорошо.

— Следующий! — крикнул сержант.

Полли увидела, как юный крестьянин в штанах, подвязанных бечевкой, подошел к столу и уставился на металлическое перо — обиженно и озадаченно, как человек, впервые столкнувшийся с новейшими технологиями.

Полли подошла к стойке. Трактирщик взглянул на нее так, как всегда смотрят никудышные хозяева. Отец говорил: если ты держишь трактир, то либо любишь людей, либо сошел с ума. Как ни странно, некоторые безумцы лучше всех варили пиво. Но, судя по здешнему запаху, трактирщик из Плюна не принадлежал к их числу.

Полли облокотилась на стойку.

— Пинту пива, пожалуйста, — сказала она. Трактирщик нахмурился и

отправился к бочонкам. Полли не сомневалась, что на ночь под текущий кран он подставляет помойное ведро, которое потом опорожняет в бочку, что забывает воткнуть обратно затычку, что пиво тут кислое и... да, что его подадут в кожаной кружке, которую никогда не моют.

Двое новых рекрутов, впрочем, уже допивали свои порции с очевидным наслаждением. Но, в конце концов, это Плюн. Здесь сойдет любое пойло, лишь бы ты забыл, где находишься.

Один из парней сказал:

— Отличное пиво, а?

Сосед рыгнул и ответил:

— Лучше и не пробовал.

Полли понюхала содержимое. Отбросы, которые так воняют, она и свиньям не рискнула бы скармливать. Она отхлебнула и тут же передумала. Именно свиньям она бы это и вылила. Полли сказала себе, что эти парни наверняка никогда раньше не пробовали пива. В точности как говорил отец. В Борогравии уйма юнцов, готовых записаться в армию ради пары штанов, на которые больше никто не претендует. Они выпьют любую дрянь и притворятся, что им хорошо, они же настоящие мужчины, эй, парни, ну и надрались мы вчера, правда? А потом...

О боги... и тут она вспомнила. Интересно, какой здесь туалет. Мужская уборная на заднем дворе «Герцогини» была довольно жуткой. Полли по утрам выливала туда два больших ведра воды, стараясь не дышать. На каменном полу рос какой-то странный зеленый мох. При этом «Герцогиня» считалась приличным трактиром. Тамошние постояльцы снимали сапоги, прежде чем лечь спать.

Она прищурилась. Этот стоявший перед ней идиот, обладатель одной длинной брови на ставке двух, подавал какие-то помои и вонючий уксус людям, которые собирались на войну...

— Это пиво, — заметил справа Игорь, — на вкуш как лошадиная моча.

Полли отшатнулась. Разговор был убийственный даже для такого трактира.

— А ты пробовал, что ли? — спросил трактирщик, нависая над Игорем. — Ты, что ли, лошадиную мочу пил?

— Да, — ответил Игорь.

Трактирщик поднес к его лицу кулак.

— А теперь послушай меня, ты, шепелявый маленький...

Тонкая рука в черном рукаве мелькнула с удивительной скоростью, бледные пальцы схватили грубияна за запястье, и единственная бровь искривилась от боли.

— Это ты послушай, — спокойно сказал Маладикт. — Мы солдаты Герцогини, тебе понятно? Просто скажи «ой-ой-ой».

Должно быть, он слегка нажал. Трактирщик застонал.

— Благодарю. Под видом пива ты подаешь нам пойло, которое в лучшем случае можно назвать вонючей водой, — продолжал Маладикт тем же спокойным и даже добродушным тоном. — Я, конечно, не пью... лошадиную мочу, но у меня высокоразвитое обоняние. Честно говоря, я предпочел бы не перечислять вслух те вещи, которые я чувствую в этом месиве, поэтому назовем их для краткости «крысиный помет» и закончим разговор, согласен? Можешь заскулить. Вот и молодчина.

На дальнем конце стойки кого-то из новобранцев вырвало. Пальцы у трактирщика побелели. Маладикт удовлетворенно кивнул.

— Вывести из строя солдата ее светлости в военное время — это приравнивается к измене, — сказал он и слегка подался вперед. — И карается, конечно же, смертью. — Маладикт произнес это слово с несомненным удовольствием. — Тем не менее, если вдруг здесь найдется бочонок пива... хорошего пива, которое ты приберегаешь для друзей, если они у тебя есть, тогда, несомненно, мы позабудем этот маленький инцидент. Сейчас я тебя отпущу. Судя по твоей брови, ты о чем-то думаешь. Если ты думаешь о том, чтобы вернуться сюда с большой палкой, то подумай лучше вот об этой черной ленточке, которую я ношу. Ты знаешь, что она означает?

Трактирщик поморщился и выдавил:

— Лига воздер...

— Вот именно! Совершенно верно! — воскликнул Маладикт. — И подумай еще вот о чем, если в твоей голове осталось свободное место. Я принес обет всего-навсего не пить человеческой крови. Ничто не мешает мне пнуть тебя между ног с такой силой, что ты оглохнешь.

Он разжал пальцы. Трактирщик медленно выпрямился. Полли не сомневалась, что под стойкой у него лежит короткая деревянная дубинка. Такая была в каждом трактире. Даже в «Герцогине». Отец говорил, что во дни тревог и сомнений дубинка одна поддержка и опора. Полли увидела, что пальцы левой руки подергиваются...

— Не надо, — предупредила она. — Он серьезно.

Трактирщик обмяк.

— Мы чуток друг друга не поняли, господа, — пробормотал он. — Я перепутал бочонки. Сейчас все будет.

Он заковылял прочь. Помятая рука у него заметно дрожала.

— Я прошто шказал, что это лошадиная моча, — заметил Игорь.

— Неприятностей не бойся, — сказала Полли Маладикту. — Отныне и навсегда он твой друг. Он понял, что не сможет тебя избить, — а значит, станет твоим лучшим товарищем.

Маладикт задумчиво взглянул на нее.

— Я-то в курсе, — ответил он. — А ты откуда знаешь?

— Я работал в трактире, — сказала Полли и почувствовала, что сердце у нее забилось быстрее. Как всегда, когда ложь громоздилась на ложь. — Там научишься разбираться в людях.

— И что ты делал?

— Подавал пиво.

— Что, в этой дыре есть второй трактир?

— Нет, нет. Я не из этих мест.

Полли застонала при звуке собственного голоса. Она ждала вопроса: «Так зачем было ехать сюда, чтобы записаться?», — но ничего не последовало. Маладикт просто пожал плечами и сказал:

— По-моему, тут вообще нет местных.

В трактире появились еще несколько новобранцев. Все они выглядели одинаково — смущенные и слегка нахальные, в одежде не по росту. Бровастый трактирщик появился с небольшим бочонком, почтительно поставил его на стойку и аккуратно открыл. Из-под стойки он извлек настоящую оловянную кружку, наполнил ее и робко протянул Маладикту.

— Игорь? — сказал вампир, жестом отказываясь от пива.

— Я предпочту лошадиную мочу, ешли вы не возражаете, — ответит тот и огляделся, потому что вокруг разом воцарилась тишина. — Шлушайте, я же не говорил, што мне не понравилось. — Он подтолкнул кружку по липкой стойке. — Налей того же шамого.

Полли взяла чистую кружку, понюхала, потом отпила.

— Неплохо, — сказала она. — По крайней мере, на вкус как...

Дверь распахнулась, и в трактир ворвался вой ветра. В комнату просунулись две трети тролля, а следом кое-как и все остальное.

Полли не возражала против троллей. Иногда она встречала их в лесу — они сидели под деревом или целенаправленно брели по своим тролльным делам. Они не стремились к дружбе — они просто... смирились. Мир населен людьми, ничего не поделаешь. Люди не стоят несварения желудка. Всех их не убьешь. Значит, уступи дорогу. А если предпочитаешь не уступать, а наступать на них — жди неприятностей.

Время от времени фермеры нанимали троллей на какую-нибудь тяжелую работу. Иногда тролль приходил, иногда нет. Порой он являлся, лениво брел по полю, выдергивая по пути пни, как морковки, и уходил, не

дожидаясь платы. Многие из того, что делали люди, озадачивало троллей, и наоборот. Как правило, люди и тролли избегали друг друга.

Но Полли редко видела таких... стопроцентных троллей, как этот. Он походил на валун, который пролежал сотни лет в сыром сосняке. Его покрывали лишайники, серый мох прядями свисал с головы и подбородка, в одном ухе торчало птичье гнездо, в руке была настоящая тролля дубина из молодого деревца корнями вверх. Это был почти анекдотический тролль, только никто не засмеялся.

Тролль, постукивая корнями дубины по полу, подошел к столу под взглядами новобранцев и перепуганного капрала Страппи.

— Хочу, ета, записаться, — сказал он. — Хочу, ета, исполнить долг. Гоните шиллинг.

— Ты же тролль! — не выдержал Страппи.

— Ну, ну, капрал, — вмешался сержант Джеккрам. — Ни о чем не спрашивай, ничего не говори.

— Не спрашивать? Не спрашивать?! Сержант, да это же тролль! Самый что ни на есть утесистый тролль! У него под ногтями трава растет! Это тролль!

— Точно так, — сказал Джеккрам. — Запиши его.

— Ты хочешь с нами сражаться? — пискнул Страппи.

У троллей нет чувства личного пространства, и тонна, строго говоря, дикого камня нависла прямо над столом.

Тролль проанализировал вопрос. Рекруты стояли молча, забыв донести кружки до рта.

— Нет, — наконец ответил тролль. — Хочу, ета, сражаться с врагом. Боги храни енту... — он задумался, глядя в потолок. Не найдя там искомого, тролль посмотрел на свои ноги, поросшие травой, затем на свободную руку и подвигал пальцами, как будто что-то считал. — ... Герцогиню, — закончил он. Ждать пришлось долго. Стол скрипнул, когда он положил на него руку ладонью вверх. — Гоните шиллинг.

— У нас только бумаж... — начал Страппи. Сержант Джеккрам двинул его локтем в ребра.

— Ты спятил, черт возьми? — прошипел он. — Если мы запишем тролля, нам дадут премию как за десятерых рекрутов! — Он полез в карман, вытащил настоящий серебряный шиллинг и осторожно опустил на огромную ладонь. — Добро пожаловать в новую жизнь, дружище. Сейчас запишу твое имя. Как тебя звать?

Тролль посмотрел на потолок, на ноги, на сержанта, на стенку и на стол. Полли видела, как у него двигаются губы.

— Карборунд? — неуверенно спросил он.

— Да, наверное, — сказал сержант. — Э... не мог бы ты побрить... срезать воло... в смысле, мох? У нас на этот счет... э... некоторые правила.

Стенка, пол, потолок, стол, пальцы, сержант.

— Нет, — ответил Карборунд.

— Ладно. Ладно. Ладно, — поспешно сказал сержант. — Не то чтобы это строгое правило... скорее рекомендация. По-моему, глупая. Я всегда так думал. Рад, что ты с нами, — энергично добавил он.

Троль лизнул монетку, которая сверкала в его руке, как бриллиант. У него действительно растет трава под ногтями, заметила Полли. Карборунд подошел к стойке. Толпа немедленно расступилась: троллям не приходится стоять в заднем ряду и размахивать деньгами в тщетной попытке привлечь внимание трактирщика.

Он разломил шиллинг пополам и бросил обе половинки на стойку. Бровастый сглотнул. На лице у него было написано «Ты уверен?», хотя с таким вопросом не обращаются к посетителям весом больше тонны. Карборунд ненадолго задумался и сказал:

— Гони, ета, выпить.

Бровастый кивнул, ненадолго исчез в задней комнате и выскочил с двуручной кружкой. Маладикт чихнул, у Полли заслезились глаза. Запах ударял не только в нос, но и в зубы. В этом трактире, разумеется, варили дрянное пиво, но это был самый едкий уксус.

Трактирщик бросил в него половинку монеты, потом достал из ящика с мелочью медный пенни и подержал над дымящейся кружкой. Троль кивнул. С безыскусной торжественностью, как официант, втыкающий маленький зонтик в коктейль «Двойное грандеву», Бровастый разжал пальцы.

Со дна поднялись пузырьки. Игорь наблюдал с интересом. Карборунд взял кружку двумя пальцами каждой руки, похожей на лопату, и одним глотком опорожнил. Секунду он постоял неподвижно, а потом осторожно поставил кружку на стойку.

— Вы, парни, лучше немного отойдите, — шепнул Бровастый.

— А что сейчас будет? — спросила Полли.

— Действует на кого как, — протянул трактирщик. — Похоже, что этот... а, нет, уже.

Карборунд классическим образом рухнул. Никаких согнутых коленок, никаких боязливых попыток смягчить падение. Он упал, как стоял, и несколько раз качнулся с боку на бок. Его вытянутая вперед рука теперь торчала в потолок.

— Силенок не хватает, — объяснил Бровастый. — Обычное дело для молодых. Разыгрывают из себя крутых троллей, приходят сюда, заказывают «Электрический мозголом» и не справляются.

— Он придет в себя? — спросил Маладикт.

— Не. Сдается мне, вырубился до рассвета, — сказал Бровастый. — У них просто мозги перестают работать.

— Ну, ему это вряд ли грозит, — сказал капрал Страппи. — Эй вы, кучка оборванцев! Спать будете в сарае на заднем дворе, ясно? Сарай практически водонепроницаемый, почти без крыс. Выступаем на рассвете. Теперь вы в армии!

Полли лежала в темноте, на подстилке из затхлой соломы. Никто даже и не подумал раздеться перед сном. Дождь барабанил по крыше, ветер задувал в щель под дверью, хотя Игорь и постарался заткнуть ее соломой. Новобранцы вели довольно бессвязную беседу, из которой Полли поняла, что в одном сарае с ней находятся Кувалда Холтер, Зыркий Маникль, Уолти Гум и Дылда Тьют. У Маладикта и Игоря прозвищ не оказалось. Полли, с общего одобрения, стала Оззи.

К некоторому удивлению Полли, парень, отныне известный как Уолти, достал из сумки маленький портретик Герцогини и с волнением повесил его на старый гвоздь. Никто ничего не сказал, пока он молился. Ведь именно это и положено делать.

Поговаривают, что Герцогиня умерла...

Полли мыла посуду однажды поздно вечером, когда услышала мужской разговор. Плоха та женщина, которая не умеет подслушивать и одновременно шуметь.

Умерла. Но в КнязьМармадюкПётрАльбертГанс ЙозефБернгардВильгельмсберге этого не признают. У Герцогини нет детей, а знать вся переженилась на своих кузинах и бабушках, поэтому герцогский трон должен отойти князю Генриху Злобенскому. Ничего себе! Представляете? Вот почему ее никто никогда не видел. И за столько лет не написали ни одного нового портрета. Невольно задумаешься, да? Конечно, утверждают, что она оплакивает молодого герцога, но ведь он умер семьдесят лет назад. Говорят, ее похоронили тайно и...

...и тут отец велел болтуну замолчать. Бывают разговоры, после которых меньше всего хочется, чтобы тебя запомнили как свидетеля.

Мертвая или живая, Герцогиня смотрит на тебя.

Новобранцы пытались спать.

Время от времени кто-нибудь рыгал или громко пускал ветры, и Полли старательно отвечала тем же. Это как будто побуждало остальных удвоить усилия, так что погромыхивала крыша и осыпалась пыль; потом все успокаивались. Пару раз Полли слышала, как кто-то, пошатываясь, выходил во двор, на холод и в темноту, теоретически — в сортир, но скорее всего, учитывая мужское нетерпение в подобных делах, куда поближе. Однажды, когда она в очередной раз вынырнула из беспокойного сна, ей показалось, что кто-то всхлипывает.

Стараясь не шуметь, Полли вытащила последнее письмо от брата — сложенное до маленького квадратика, зачитанное до дыр, испещренное пятнами до черноты — и перечитала его при свете одинокой оплывшей свечи. Оно было вскрыто, изувечено военной цензурой и отмечено печатью Герцогини. Письмо гласило:

Дорогие все, мы в xxx, который в xxx, и xxx это такая большая штука с набалдашником. В xxx мы будем xxx и это неплохо, потому что xxx. У меня все хорошо, нас кормят xxx. xxx мы xxx в xxx но мой приятель xxx говорит, что беспокоиться не надо, все закончится xxx и нам дадут медали.

Не унывайте!

Поль.

Письмо было написано аккуратным, чрезмерно опрятным, старательным почерком человека, вынужденного задумываться над каждой буквой. Полли медленно сложила его. Поль мечтал о медалях, потому что они блестят. Он ушел почти год назад, когда каждый вербовщик, проезжавший мимо, увозил с собой полбатальона, и новобранцев провожали с флагами и музыкой. Теперь они понемногу возвращались. Те, кому по-настоящему повезло, потеряли только одну руку или ногу.

И никаких флагов.

Полли развернула второй листок. Это было воззвание, озаглавленное «От матерей Борогравии!!» «Матерям Борогравии» не терпелось отправить сыновей в Бой со Злобенским Агрессором!! — и они выражали свое желание при помощи множества восклицательных знаков. Полли это казалось очень странным: в Мунце женщины не особенно радовались тому, что их сыновья могут пойти на войну, и всячески старались их удержать. Несколько экземпляров воззвания, впрочем, все равно лежали в каждом

доме, ведь оно было очень патриотичным — то есть утверждало, что иностранцев надо убивать.

Полли научили читать и писать, следуя обычаю, так как трактир был большой и приходилось вести дела — например, считать и записывать. Мать научила Полли читать, потому что Нугган этого не запрещал, а отец проследил, чтобы она научилась писать вопреки всем запретам. Отец Юпк утверждал, что женщина, умеющая писать, сие есть Мерзость пред Нугганом: все, что она напишет, по определению будет ложью.

Но Полли все равно научилась, потому что Поль так и не одолел грамоту — по крайней мере, настолько, чтобы управлять таким бойким трактиром, как «Герцогиня». Он читал, медленно водя пальцем по строчкам, и писал со скоростью ползущей улитки, старательно выводя буквы и тяжело дыша, будто корпел над ювелирным украшением. Поль был большой, добрый, медлительный, он поднимал бочонки с пивом как игрушечные, но бумажная работа приводила его в замешательство. Отец намекал Полли — деликатно, но часто, — что ей придется помогать брату, когда он станет хозяином «Герцогини». Если предоставить Поля самому себе и не подсказывать, что делать дальше, он будет просто стоять столбом и смотреть на птичек.

По настоянию Поля она целиком прочла ему «От матерей Борогравии!!», в том числе про героев и про то, что нет лучше доли, чем умереть за свою страну. Теперь Полли об этом жалела. Поль всегда поступал именно так, как ему велели. К сожалению, он и верил в то, что ему велят.

Полли убрала бумаги и снова задремала, пока мочевого пузыря не дал о себе знать. По крайней мере, можно было не бояться, что в такую пору ей помешают. Она кое-что достала из сумки и как можно тише вышла под дождь.

В основном он капал с деревьев, гудевших от ветра. Луна скрылась за облаками, но света было достаточно, чтобы рассмотреть строения во дворе. Серые очертания намекали, что скоро рассвет — ну или то, что считалось рассветом в Плуэне. Полли нашла мужскую уборную, которая, как она и предполагала, просто-таки воняла неопрятностью.

Поход в туалет требовал немалой хитрости и тренировки. Полли благополучно управлялась благодаря покрою бриджей — старомодных, с обилием пуговиц на ширинке — и экспериментам, которые проделывала дома рано утром, когда прибиралась. Она обнаружила, что женщина вполне может справлять малую нужду стоя. Главное — осторожность и внимание к мелочам. У нее вполне получалось дома, в уборной, которую

планировали и строили с учетом того, что посетители скорее всего будут промахиваться.

Ветхое строение задрожало от ветра. Стоя в темноте, Полли вспомнила тетушку Хетти, которая слегка повредила в уме, перейдя на седьмой десяток, и упорно обвиняла всех молодых людей в том, что они заглядывают ей под юбку. После стакана вина она окончательно теряла рассудок и каждый раз повторяла одну и ту же шутку: «Что мужчина делает стоя, женщина сидя, а собака — задрал лапу?» Убедившись, что присутствующие слишком смущены, чтобы ответить, она торжествующе взвизгивала: «Здороваются!» и падала под стол. Тетушка Хетти была воплощенной Мерзостью пред Нугганом.

Полли застегнула бриджи с чувством приятного волнения. Она поняла, что пересекла черту, и эта мысль подкреплялась тем, что ей удалось не замочить ноги.

Кто-то позвал:

— Эй!

Хорошо, что она уже успела закончить. От страха немедленно напряглись все мышцы. Где он прячется? Старый гнилой сарай разделялся на несколько каморок, но одного запаха было достаточно, чтобы клиент предпочел ближний лесок. Даже глухой ночью. Даже с волками в придачу.

— Что? — дрожащим голосом спросила Полли, а потом откашлялась и повторила грубее: — Чего?

— Возьми, тебе понадобится, — шепотом ответили ей. В зловонной мгле что-то показалось над перегородкой. Полли нервно протянула руку и ощутила нечто мягкое. Моток шерсти. Она пощупала его...

— Носки?..

— Да, — хрипло ответил загадочный голос. — Носи их.

— Спасибо, но у меня есть несколько пар, — сказала Полли.

Невидимка вздохнул.

— Нет. Носить их надо не на ногах. Засунь в перед штанов.

— Зачем?

— Послушай, — терпеливо прошептали ей, — у тебя плоско там, где должно быть плоско. Это хорошо. Но у тебя плоско и там, где не должно быть плоско. Понимаешь? Ну... внизу.

— О! Э... но я... я думала, никто не заметит, — сказала Полли, багровея от смущения. Ее разоблачили! Но никто не спешил бить тревогу или яростно цитировать «Книгу Нуггана». Ей пытались помочь. Кто-то видел ее и...

— Как ни странно, — ответил голос, — люди лучше замечают то, чего

нет, чем то, что есть. Одной пары достаточно, учти. Не зарывайся.

Полли помедлила.

— Э... это так очевидно? — спросила она.

— Нет. Потому-то без носков и не обойдешься.

— Я имела в виду... что я не... что я...

— Нет, не особенно, — ответил голос в темноте. — У тебя хорошо получается. Перепуганный парнишка, который пытается казаться большим и смелым. Чаще ковыряй в носу. Это тебе совет на будущее. Мало что так интересуется молодых людей, как содержимое собственного носа. А теперь я тоже попрошу об услуге.

Я ни о чем не просила, подумала Полли, раздосадованная тем, что, оказывается, выглядит перепуганным парнишкой. Сама она была уверена, что из нее получился хладнокровный и невозмутимый юноша. Она негромко спросила:

— Что тебе нужно?

— Бумажка найдется?

Полли без единого слова вытащила из кармана «Матерей Борогравии!!» и передала через перегородку. Она услышала чирканье спички и почувствовала запах серы, отчего вокруг отнюдь не стало хуже пахнуть.

— Ого, уж не герб ли ее светлости Герцогини я вижу передо мною? — шепнул невидимка. — Ну, сейчас он спереди отправится взад. Давай, вали отсюда... парень.

Полли поспешно выскочила в темноту — испуганная, потрясенная, смущенная, почти бездыханная. Она едва успела войти в сарай и еще моргала, стоя во мраке, когда дверь снова распахнулась, впустив дождь, ветер и капрала Страппи.

— Подъем, подъем! Выймай руку из штанов — хотя чего вы там найдете, — влазь ногами в сапоги! Живей, живей, хоп-хоп-хоп!

Новобранцы подскакивали и скатывались с постелей. Голосу капрала повиновались исключительно мышцы, потому что ничей мозг не в состоянии так быстро заработать. Капрал Страппи, следуя обычаю всех унтер-офицеров, старательно увеличивал общее смятение.

— Ой, боги мои, да кучка старых баб и то справилась бы живее! — радостно орал он, пока новобранцы металась по сараю в поисках курток и башмаков. — Живей! Бриться! Каждый солдат должен быть чисто выбрит, таков порядок! Одевайсь! Уолти, я за тобой приглядываю! Шевелись, шевелись! Завтрак через пять минут! Кто придет последним, останется без сосиски! Чтоб ему провалиться, ну и поливает!

Четыре младших всадника Абокралипсиса — Паника, Замешательство, Невежество и Ругань — галопировали по сараю, к непристойной радости капрала Страппи. Полли выскочила за дверь, вытащила из сумки маленькую жестяную кружку, зачерпнула воды из бочки, поставила на старую колоду позади трактира и начала бриться. Она научилась и этому. Секрет был в старой бритве, которую она тщательно затупила. В конце концов, главное — кисточка и мыло. Нанеси побольше пены, сними побольше пены — и ты выбрит, не так ли? Готово, сэр, гляньте, какая у меня гладкая кожа.

Она уже почти закончила, когда над ухом у нее раздался пронзительный вопль:

— Ты что это делаешь, рядовой Пукс?

Слава богу, бритва была тупая.

— Перкс, сэр, — поправила Полли, вытирая пену с носа. — Я бреюсь, сэр. Меня зовут Перкс, сэр.

— Сэр? Сэр?! Я тебе не сэр, Пукс, я, черт возьми, господин капрал. Вот как меня надо звать, Пукс. И вода у тебя в солдатской кружке, Пукс, которую тебе еще не выдавали, если не ошибаюсь. Ты дезертир, Пукс?

— Нет, сэ... господин капрал!

— Значит, вор?

— Нет, господин капрал!

— Тогда откуда у тебя такая-разэтакая кружка, Пукс?

— Снял с мертвеца, сэр... господин капрал!

В голосе Страппи, который при каждом удобном случае поднимался до визга, зазвучала неподдельная ярость.

— Ты мародер?!

— Нет, господин капрал! Этот человек...

...умер у нее на руках, на полу трактира.

Их было шестеро — шесть героев, вернувшихся с войны. Они, должно быть, уже не первый день тащились с предсмертным серолицым терпением в свои маленькие горные деревушки. На всех Полли насчитала девять рук, десять ног и десять глаз.

Впрочем, самое жуткое зрелище представляли те, кто вернулся относительно целым. Они сидели в застегнутых доверху грязных мундирах, которые вместо бинтов стягивали чудовищное месиво, крившееся под одеждой. От этих людей пахло смертью. Завсегдатаи «Герцогини» раздвинулись, чтобы дать им место, и заговорили тише, как в церкви. Отец Полли, обычно не склонный к сантиментам, тихонько подлил бренди в каждую кружку эля и отказался от платы. Калеки несли письма от

солдат, оставшихся в строю, и один из них передал весточку от Поля. Он бросил письмо через стол Полли, когда она подала тушеное мясо, а потом тихо умер.

Вечером остальные кое-как двинулись дальше, забрав с собой для передачи родным оловянную медаль, которую нашли в кармане покойного, и официальную благодарность, которая к ней прилагалась. Полли взглянула на нее. Это был печатный листок с подписью Герцогини и пропуском для имени — его пришлось втискивать в строчку, потому что оно оказалось длиннее обычного. Последние несколько букв слепились вместе.

Такие мелочи всегда остаются в памяти, когда бесцельная ярость, раскаленная добела, заполняет сознание. Не считая письма и медали, все, что осталось от солдата, — это жестяная кружка и пятно на полу трактира, которое так и не удалось отскрести.

Капрал Страппи нетерпеливо выслушал слегка измененную версию. Полли видела, что он глубоко задумался. Раньше кружка принадлежала одному солдату, теперь она принадлежит другому. Таковы были факты, и капрал ничего не мог поделать. Тогда он решил, избегая скользкой почвы, обойтись обычными оскорблениями.

— Думаешь, ты тут самый умный, Пукс? — поинтересовался он.

— Нет, господин капрал.

— Значит, ты дурак, да?

— Ну, я же записался в армию, господин капрал, — кротко ответила Полли. Кто-то за спиной Страппи хихикнул.

— Я за тобой приглядываю, Пукс, — прорычал Страппи, временно побежденный. — Шаг влево, шаг вправо — и все.

Он отошел.

— Э... — сказал кто-то позади Полли. Она обернулась и увидела парня в поношенной одежде, с тревогой на лице, которая, впрочем, не скрывала закипающий гнев. Он был рослый и рыжий, стриженный так коротко, что вместо волос голову покрывал пушок.

— Ты, кажется, Кувалда? — уточнила Полли.

— Да. Э... можно у тебя одолжить бритву и остальное?

Полли посмотрела на его подбородок, гладкий как бильярдный шар. Парень покраснел.

— Надо же когда-нибудь начинать, — решительно сказал он.

— Бритву нужно наточить, — предупредила Полли.

— Ничего, управлюсь, — сказал Кувалда.

Полли молча дала ему кружку и бритву, а сама улучила возможность

нырнуть в уборную, пока остальные занимались своими делами. Сунуть носки в штаны было мгновенным делом. Закрепить их на месте оказалось труднее, но Полли догадалась заправить верх одного носка за пояс. Ощущение было странное, маленький сверток шерсти как будто весил слишком много. Неловко переставляя ноги, Полли пошла в дом, гадая, какие ужасы сулит завтрак.

Он сулил лошадиный хлеб, сосиску и кружку разбавленного пива. Полли взяла сосиску и кусок хлеба и села.

Нужно сосредоточиться, чтобы съесть лошадиный хлеб. В последнее время только он и попадался — хлеб, испеченный из муки пополам с сухим горохом, фасолью и овощными очистками. Раньше им кормили только лошадей, чтобы они окрепли. Теперь на столе редко бывало что-то другое, и даже лошадиного хлеба становилось все меньше и меньше. Чтобы прожевать его, требовались крепкие зубы и уйма свободного времени, а чтобы съесть борогравскую сосиску — полное отсутствие воображения. Полли села и попыталась сосредоточиться исключительно на жевании.

Невозмутимое спокойствие излучал только рядовой Маладикт, который пил кофе с таким видом, как будто сидел в уличном кафе. Судя по выражению лица, он до мелочей обдумал свою жизнь. Маладикт кивнул Полли.

Она задумалась: может быть, именно он разговаривал с ней в уборной?

Я вернулась в ту самую минуту, когда Страппи начал орать, и все забежали и засуетились. Это мог быть кто угодно. Ходят ли вампиры в туалет? Кто рискнет спросить?

— Хорошо спал? — спросил Маладикт.

— Да. А ты?

— Я понял, что не выдержу ночевки в этом сарае, и господин трактирщик любезно позволил мне занять погреб, — сказал Маладикт. — От старых привычек трудно избавиться, знаешь ли. По крайней мере, — добавил он, — от приемлемых привычек. Я всегда предпочитал спать, вися вниз головой.

— Ты пьешь кофе?

— У меня свой запас, — сказал Маладикт, указывая на изящную серебристо-золотую кофеварку, стоящую на столе рядом с чашкой. — А господин Бровастый любезно вскипятил для меня воды. — Он ухмыльнулся, обнажив два длинных клыка. — Просто удивительно, какие чудеса творит улыбка, Оливер.

Полли кивнула.

— Э... а Игорь твой друг? — спросила она. За соседним столом Игорь

пристально рассматривал сырую сосиску, видимо, взятую на кухне. От сосиски отходили две проволочки, опущенные в кружку с ужасным пивом. Пиво побулькивало.

— В жизни его не видел, — сказал вампир. — Но если ты знаешь хотя бы одного Игоря, то некоторым образом знаешь всех. У нас дома был Игорь. Они чудесные слуги. Надежные. Достойные доверия. И, конечно, шить они умеют как никто, если ты меня понимаешь.

— Швы у него на лбу выглядят не очень профессионально, — заметила Полли, которую начала раздражать аура непринужденного превосходства, не покидавшая Маладикта.

— А, это. Игоревы штучки, — сказал вампир. — Это Знак. Вроде... клановой метки, понимаешь? Игори любят выставлять их напоказ. Ха, у нас был слуга, у которого швы шли вокруг шеи, и он ими очень гордился.

— Правда? — слабо спросила Полли.

— Да, и самое интересное, это была даже не его голова...

Игорь удовлетворенно наблюдал за сосиской, держа в руке шприц. На мгновение Полли показалось, что сосиска дернулась...

— Живей, живей, шевелитесь, неудачники! — гаркнул капрал Страппи, вбегая в трактир. — Стройся! Это значит — все в ряд, слабаки! Тебя это тоже касается, Пукс! И вас, сударь мой Упырь. Не угодно ли присоединиться к нашей небольшой утренней разминке? А ну, встали! Где треклятый Игорь?

— Здесь, шэр, — отозвался Игорь, стоя в трех дюймах позади капрала. Тот резко развернулся.

— Ты как сюда попал? — рявкнул он.

— У меня такая шпошобность, шэр, — ответил Игорь.

— Не смей больше заходить ко мне за спину! Иди к остальным! А теперь... смирно! — Страппи драматически вздохнул. — Это значит — «встать прямо». Усекли? Еще раз то же самое и от всей души! Смирно! Так, я понял, в чем дело. Виноваты ваши штаны, они сами собой становятся «вольно». Этак я напишу Герцогине и намекну, чтоб она потребовала деньги обратно. Чего вы ухмыляетесь, сударь мой Упырь, сэр? — Страппи остановился напротив Маладикта, который безупречно стоял по стойке «смирно».

— Счастлив служить в вашем отряде, господин капрал!

— Э... да, — буркнул Страппи. — И все-таки не...

— Все в порядке, капрал? — спросил сержант Джекрам, появляясь в дверях.

— На лучшее надеяться не приходится, сержант, — капрал

вздыхнул. — Нужно их прогнать в шею, честное слово. Никакого толку, никакого...

— Ладно, парни. Вольно, — сказал Джеккрам, глядя на капрала отнюдь не самым дружелюбным образом. — Сегодня мы выступаем в Плотц, где соединимся с другими вербовочными отрядами. Там вы получите оружие и обмундирование, счастливики. Кто-нибудь из вас когда-нибудь держал в руках саблю? Ты, Перкс?

Полли опустила поднятую руку.

— Да, сержант. Брат меня немного поучил, когда приходил на побывку. И старики в трактире, где я работал, тоже... кое-что показали.

О да. Очень смешно смотреть, как девочка размахивает саблей. Когда старики не смеялись, то обращались с ней довольно ласково. Полли быстро училась, но старалась казаться неуклюжей, даже когда кое-что освоила, потому что владеть оружием — Мужское Дело. Женщина, которая берется за оружие, сие есть Мерзость пред Нугганом. Старые солдаты, как правило, предпочитали смотреть на Мерзости сквозь пальцы. Полли смешила их, пока оставалась безвредной, и была в безопасности, пока оставалась смешной.

— Опытный боец, э? — Страппи злобно усмехнулся. — Фехтовальный гений, да?

— Никак нет, господин капрал, — кротко ответила Полли.

— Ну ладно, — сказал Джеккрам. — Еще кто-нибудь...

— Погоди, сержант. Я думаю, нам всем не помешает урок мастерства от господина Пукса, — прервал Страппи. — Так, парни? — Послышалось общее бормотание — новобранцы с первого взгляда распознали в капрале мелкого тирана, но в глубине души радовались, что он избрал жертвой кого-то другого.

Страппи вытащил саблю.

— Дай ему оружие, сержант, — сказал он. — Позабавимся немного.

Джеккрам помедлил и взглянул на Полли.

— Что скажешь, парень? Ты не обязан драться, — добавил он.

Рано или поздно придется, подумала Полли. Мир полон Страппи. Если ты пятишься, они продолжают наступать. Их нужно осаживать сразу же. Она вздохнула.

— Ладно, сержант.

Джеккрам вытащил саблю из ножен и протянул Полли. Сабля оказалась на удивление острой.

— Он тебя не поранит, Перкс, — сказал Джеккрам, глядя на ухмыляющегося Страппи.

— Я тоже постараюсь его не поранить, сэр, — ответила Полли и тут же выбрала себя за неуместную браваду. Наверное, носки давали о себе знать.

— Поехали, — сказал Страппи, отступая на шаг. — Сейчас поглядим, из чего ты сделан, Пукс.

Из плоти и крови, подумала Полли. То и другое легко режется. Ну ладно...

Страппи взмахнул саблей низко над землей, точь-в-точь как старики в трактире, на тот случай если противник думает, что главное — ударить по чужому клинку. Полли не поддавалась — она смотрела ему в глаза, хотя в этом было мало приятного.

Он не ранит ее, по крайней мере — смертельно, пока Джекрам наблюдает за поединком. Он постарается ударить побольнее, выставить ее на посмешище. Именно так поступают все Страппи. В каждом трактире найдется парочка таких, как он.

Капрал сделал несколько более решительных выпадов, и дважды благодаря чистому везению Полли удалось парировать. Впрочем, удача не могла длиться вечно; Страппи живо поставит точку, как только поймет, что противник намерен сопротивляться всерьез. И тогда Полли вспомнила совет, который дал ей, хихикая, Беззубый Аббенс, отставной сержант, которого вражеский палаш оставил без левой руки, а пристрастие к сидру — без зубов. «Хороший боец, детка, терпеть не может драться с зеленым новичком! Потому как он не знает, чего ждать от этого сукина сына!»

Она яростно взмахнула саблей, Страппи пришлось отбить, и на мгновение клинки сомкнулись.

— Это все, на что ты способен, Пукс? — капрал оскалился.

Полли схватила его за грудки.

— Никак нет, господин капрал, — сказала она. — Не все.

Она что есть сил дернула Страппи на себя и ударила головой.

Столкновение оказалось более, чем она думала. Полли услышала треск — но не своих костей. Она поспешно отступила, чувствуя легкую дурноту, но держа саблю наготове.

Страппи рухнул на колени, из носа у него хлынула кровь. Когда он встал, Полли поняла: сейчас кто-то умрет...

Тяжело дыша, она метнула умоляющий взгляд на сержанта Джекрема. Сложив руки на груди, тот невинно смотрел в потолок.

— Уж этому ты точно научился не от брата, Перкс, — заметил он.

— Нет, сержант. От Беззубого Аббенса, сэр.

Джекрам вдруг с улыбкой взглянул на нее.

— Что? От старика Аббенса?

— Да, сержант.

— Вот это я называю «зов прошлого»! Что, он не помер еще? Как поживает старый пьяница?

— Э... он хорошо сохранился, сэр, — сказала Полли, все еще пытаюсь отдышаться.

Джеккрам расхохотался.

— Да уж не удивлюсь. Лучше всего он дрался по кабакам. И держу пари, он тебя не только этому фокусу научил.

— Да, сэр.

Другие старики ругали Аббенса за это, а он все хихикал, сидя за кружкой сидра. В любом случае Полли далеко не сразу поняла, что такое «фамильные драгоценности».

— Слышал, Страппи? — крикнул сержант, обращаясь к капралу. Тот ругался и вытирал кровь, капавшую наземь. — Похоже, тебе повезло. Вам не выдадут наград за честный бой во время рукопашной, парни, и вы это сами поймете. Ну ладно, веселью конец. Иди и умойся холодной водой, капрал. Разбитый нос всегда выглядит хуже, чем есть на самом деле. И учтите вы оба, *на этом все*, таков мой приказ. Намек поняли?

— Да, сержант, — послушно ответила Полли. Страппи что-то буркнул. Джеккрам оглядел остальных.

— Так. Кто-нибудь из остальных когда-нибудь держал в руках саблю? Вижу, придется начать медленно и постепенно...

Страппи снова что-то забурчал. Полли невольно восхитилась. Стоя на коленях и зажимая рукой разбитый нос, капрал тем не менее не упустил возможности хотя бы немного испортить кому-то жизнь.

— У рядобобо Кровофофа есть фабля, фержабт, — обвинительным тоном проговорил он.

— Умеешь с ней обращаться? — спросил Джеккрам у Маладикта.

— В общем, нет, сэр, — ответил вампир. — Никогда не учился. Я ношу ее в целях безопасности, сэр.

— Как же ты можешь быть в безопасности, если не умеешь драться?

— Не для своей безопасности, сэр. Если люди увидят у меня меч, они не станут нападать, — терпеливо объяснил Маладикт.

— Да, но если они все-таки нападут, парень, тебе не будет от него проку.

— Нет, сэр. Скорее всего я просто оторву им головы, сэр. Я имел в виду их безопасность, а не свою, сэр. Мне зададут чесу в Лиге, если я оторву кому-нибудь голову, сэр.

Сержант некоторое время просто смотрел на него.

— Ловко придумано, — наконец выговорил он.

Позади послышался гулкий удар, и стол перевернулся. Троль Карборунд сел, застонал и снова рухнул. Со второй попытки он удержался прямо и схватился обеими руками за голову.

Капрал Страппи, который наконец поднялся на ноги, от ярости, должно быть, утратил страх. Он рысью подбежал к троллю и остановился прямо перед ним, дрожа от гнева. Из носа у него липкими струйками сочилась кровь.

— Ах ты треклятый... карлик! — заорал он. — Ах ты...

Карборунд вытянул руку, взял капрала за голову и поднял — осторожно и без всяких видимых усилий. Он поднес Страппи к запекшемуся глазу и повернул туда-сюда.

— Я што, вступил в армию? — прорычал он. — Ой, копроли-ит...

— Это бападебие ба офицера! — сдавленно завопил капрал.

— Поставь, пожалуйста, капрала Страппи на место, — сказал сержант Джекрам. Троль недовольно заворчал и вернул капрала на землю.

— Звиняй, — сказал он. — Я думал, ты, ета, гном.

— Я бастаиваю, фтобы его арефтовали за... — начал Страппи.

— Нет, капрал, ты ни на чем не настаиваешь, — сказал сержант. — Сейчас не время. Поднимайся, Карборунд, и вставай в строй. Вот тебе мое честное слово, еще разок попробуешь проделать такое — и у тебя будут неприятности, понял?

— Да, сержант, — и троль, опираясь руками оземь, поднялся.

— Слушайте сюда, — сержант отступил на шаг. — Теперь, везунчики мои, вы поучитесь одной штуке, которая называется «маршировка»...

Они покинули Плюн под ветром и дождем. Примерно через час после того, как они скрылись за поворотом долины, сарай, в котором ночевал отряд, загадочным образом сгорел дотла.

Конечно, мир видал маршировку и получше. Например, в исполнении пингвинов. Сержант Джекрам, сидя в повозке, замыкал шествие и выкрикивал команды, но новобранцы двигались так, как будто прежде им никогда не доводилось перемещаться с места на место. Своими окриками сержант наконец добился того, что они перестали цеплять на ходу ногу за ногу, после чего остановил повозку и устроил для избранных импровизированный урок с объяснением концепции «право и лево». И так, шаг за шагом, они покинули горы.

Полли вспоминала эти первые дни со смешанным чувством. Они

только и делали, что шагали, но она привыкла ходить подолгу, и башмаки у нее были крепкие, а штаны перестали натирать. Тусклое солнце наконец удосужилось выглянуть. Погода стояла довольно теплая. Все бы неплохо, если бы не капрал.

Полли гадала, каким образом Страппи, нос у которого приобрел цвет спелой сливы, собирается уладить недоразумение. Оказалось, что он намерен делать вид, будто ничего не произошло, и как можно меньше обращать внимания на Полли.

Остальных он не щадил, хотя и избирательно. Маладикта оставили в покое, как и Карборунда; Страппи мог быть кем угодно, но только не самоубийцей. Игорь озадачивал капрала. Какое бы дурацкое поручение ни изобрел Страппи, Игорь выполнял его быстро, умело и явно радуясь работе, чем приводил начальство в полное замешательство.

На остальных капрал набрасывался без всякой видимой причины, досаждал им, пока они не совершали какой-нибудь мелкий промах, и тогда обрушивался на новобранцев с руганью. Его излюбленной мишенью был рядовой Гум, он же Уолти, — худой как палка, с огромными глазами, дерганый. Перед едой он вслух читал молитву. Вечером первого дня Страппи наорал на него так, что парня вырвало. Капрал хохотал.

Страппи не то чтобы по-настоящему смеялся. Он издавал горлом хриплое клокотание, что-то вроде «грxxx».

Его присутствие омрачало все вокруг, но Джеккрам редко вмешивался. Впрочем, он частенько наблюдал за Страппи и однажды, когда Полли поймала взгляд сержанта, подмигнул.

Вечером, под ругань Страппи, новобранцы вытащили навес из повозки и, опять-таки под ругань Страппи, поставили его, а после ужина, состоявшего из черствого хлеба и сосисок, уселись перед грифельной доской, и угадайте, что служило аккомпанементом. На доске Страппи написал «ЗА ЧТО МЫ СРАЖАЕМСЯ» и поставил цифры — 1, 2, 3.

— Всем смотреть сюда! — сказал он, постукивая по доске палочкой. — Начальство думает, что вы, парни, должны знать, за что мы воюем, ясно? Поехали. Пункт первый. Помните город Липц? Год назад на него вероломно напали злобенские войска! Они...

— Простите, но я думал, что это мы напали на Липц, господин капрал. В прошлом году говорили... — начал Зыркий.

— Ты чего умничаешь, рядовой Маникль? — поинтересовался Страппи, выбирая самый тяжкий грех из своего персонального списка.

— Просто хотел спросить, господин капрал, — сказал Зыркий. Он был коренастый и пухленький — из тех людей, которые вечно суетятся и

смутно досаждают окружающим, берясь за мелкие дела, которые всякий охотно сделает и сам. В нем ощущалось что-то странное — может быть, потому, что сейчас он сидел рядом с Уолти, который был, безусловно, странным — и, возможно, заразным...

...и Страппи это заметил. Травить Зыркового было неинтересно — зато Уолти Гум... Уолти Гум всегда стоил того, чтобы на него наорать.

— Ты слушаешь, рядовой Гум? — завопил Страппи.

Уолти, который сидел с закрытыми глазами, обратив лицо кверху, вздрогнул и очнулся.

— Господин капрал?.. — дрожа, выговорил он, когда Страппи приблизился.

— Я сказал: ты слушаешь, Гум?

— Так точно, господин капрал!

— Правда? Ну и что ты слышал, позволь спросить?

В голосе Страппи смешались патока и яд.

— Ничего, господин капрал. Он молчит.

Страппи с наслаждением втянул воздух полной грудью.

— Ах ты треклятый пустоголовый идиот...

И тут послышался звук. Негромкий и неопределенный, из тех, что раздаются каждый день. Звук, который честно выполняет свой долг, но тем не менее его никогда не насвистывают и не вставляют в сонаты. Всего-навсего скрежет металла по камню.

По ту сторону костра сидел Джекрам, держа в одной руке саблю, а в другой точильный камень. Он взглянул на остальных.

— Что? А. Просто правлю лезвие, — как ни в чем не бывало сказал он. — Прости, если сбил тебя с мысли, капрал. Продолжай.

На помощь Страппи пришел обыкновенный инстинкт самосохранения. Он оставил в покое трясущегося Уолти и снова повернулся к Зыркому.

— Да, да, мы тоже напали на Липц...

— До того как это сделали злобенцы? — уточнил Маладикт.

— Может, дослушаешь?! Мы смело атаковали Липц, чтобы вернуть борогравскую территорию! А потом эти вероломные брюквояды украли ее у нас обратно...

Раз уж ей не суждено было увидеть, как капралу Страппи сносят голову, Полли отвлеклась и задумалась. Она знала про Липц. Среди старых солдат, которые приходили к ее отцу выпить, половина когда-то брала этот город. Никто не ожидал, что солдаты проявят такое рвение. Кто-то просто заорал: «На штурм!»

Проблема заключалась в реке Кнек. Похожая на оброненную ленту,

она неторопливо текла по широкой, плодородной, илистой равнине, но порою наводнение или просто упавшее дерево вынуждали реку изгибаться, как ремень кнута, и петлять вокруг клочков суши, расположенных за много миль от ее изначального русла. Тем не менее река была государственной границей.

Прервав свои размышления, Полли услышала:

— ...но на сей раз все помогают этим сволочам! Знаете почему? Из-за Анк-Морпорка. Потому что мы останавливали почтовые кареты, которые ехали через нашу страну, и уничтожали ихние клик-башни — Мерзость пред Нугганом! Анк-Морпорк — безбожный город...

— А я слышал, там более трехсот различных святилищ, — заметил Маладикт.

Страппи смотрел на вампира с беспомощной яростью, пока не нащупал почву под ногами.

— Анк-Морпорк — сплошное богохульство! — наконец выговорил он. — Он отравлен, точь-в-точь как его река. Почти не пригоден для жизни. В Анк-Морпорке принимают кого попало — зомби, вервольфов, гномов, вампиров, троллей... — Страппи окинул взглядом слушателей, запнулся и поправился: — Хотя, конечно, иногда это неплохо. Но в остальном Анк-Морпорк мерзок, непристойен, беззаконен и перенаселен. Вот почему он так нравится князю Генриху! Анк-Морпорк очаровал его, купил задешево — такая у него политика, парни. Анк-Морпорк тебя покупает, чтоб ты не лез в его дела. Эй, какой толк в моих разъяснениях, если вы продолжаете задавать вопросы?

— Я просто хотел узнать, почему Анк-Морпорк перенаселен, господин капрал, если там так плохо, — сказал Кувалда.

— Потому что у них упадок и вырождение, рядовой. Они прислали сюда отряд, чтобы помочь Генриху захватить нашу любимую родину. Генрих свернул с пути Нуггана и пошел по безбожному... то есть по богохульному пути Арк-Морпорка. — Страппи, довольный тем, что не оговорился, продолжал: — Пункт второй. Не считая солдат, Анк-Морпорк отправил к нам Мясника Ваймса, самого ужасного человека в этом ужасном городе. Они думают только о том, чтобы уничтожить Борогравию!

— Я слышал, в Анк-Морпорке просто недовольны тем, что мы снесли клик-башни, — сказала Полли.

— Они стояли на нашей суверенной территории!

— Но это была территория Злобении, до того как... — начала Полли.

Страппи гневно замахал пальцем.

— Слушай меня, Пукс! Нельзя быть великой страной вроде

Борогравии и не нажить врагов. Поэтому третий пункт, Пукс, и нечего тут сидеть и думать, что ты самый умный. Все вы такие, вижу. Ну-ка подумайте лучше вот о чем. Вам, может быть, не все здесь нравится, а? Возможно, Борогравия — не идеальная страна, но это наше отечество. Возможно, у нас не идеальные законы, но это наши законы. Возможно, борогравские горы не самые высокие и не самые красивые, но это наши горы. Мы деремся за то, что принадлежит нам, парни! — Страппи стукнул себя в грудь.

Пробудитесь, сыны Отчизны,
Довольно пить вино из кислых яблок...

Они присоединились, более или менее заунывно. А как же иначе. Даже если ты просто открываешь и закрываешь рот. Даже если поешь «ла-ла-ла». Полли, которая в таких случаях всегда оглядывалась на окружающих, заметила, что Зыркий отчетливо произносит все слова, что у Страппи неподдельные слезы на глазах и что Уолти вообще не поет. Рядовой Гум молился. Ловкий трюк, сказал вероломный внутренний голос в глубине души Полли.

К общему удивлению, Страппи продолжал петь — и в одиночестве исполнил второй куплет, который вообще никто не помнил. Капрал самодовольно улыбнулся, как бы намекая, что таких патриотов, как он, еще поискать.

А потом они попытались устроиться на ночлег поудобнее, насколько это возможно при помощи двух одеял. Некоторое время все лежали молча. Джекрам и Страппи ночевали в своих палатках, но инстинкт подсказал новобранцам, что по крайней мере капрал подкрадет послушать.

Примерно через час, когда по парусине барабанил дождь, Карборунд сказал:

— Ета, я, кажись, понял. Даже если мы *грууфарно* глупые, мы будем драться, потому что енто наша глупость... И, ета, так и должно быть.

Несколько человек сели и удивленно уставились в темноту.

— Я понимаю, что должен знать такие вещи, но все-таки — что значит «грууфарно»? — спросил Маладикт в сырой мгле.

— А... енто когда мама тролль и папа тролль сильно любят друг друга...

— Я, кажется, понял, спасибо, — перебил Маладикт. — То, что о чем идет речь у нас, друг мой, называется патриотизм. Это мое отечество, право

оно или нет.

— Нужно любить свою страну, — сказал Зыркий.

— Что именно любить? — послышался из дальнего угла голос Кувалды. — Утренний свет на вершинах гор? Ужасную еду? Дурацкие Мерзости? Всю страну целиком, за исключением того клочка земли, на котором стоит Страппи?

— Но мы на войне!

— Да, вот тут ты прав, — Полли вздохнула.

— Ну а я не куплюсь на ихнее вранье. Сначала тебя топчут, а потом, когда они ссорятся с соседней страной, изволь за них драться. Борогравия становится «твоей», только когда кому-то нужно послать тебя на убой! — заявил Кувалда.

— Все, что есть хорошего в нашей стране, сейчас находится в этой палатке, — прозвучал голос Гума.

Воцарилось смущенное молчание. Дождь усиливался. Вскоре крыша начала протекать. Наконец Зыркий спросил:

— А что будет, если... э... ты сначала пойдешь в армию, а потом решишь, что тебе неохота сражаться?

— Тогда, если не ошибаюсь, тебя будут судить за дезертирство и отрубят голову, — ответил Маладикт. — Лично я назвал бы это мелким, хотя и досадным происшествием, но твоему общественному бытию, дорогой Зыркий, пожалуй, будет положен конец.

— А я не целовал ихнюю проклятую картинку, — сказал Кувалда. — Я перевернул ее, когда Страппи не смотрел, и поцеловал сзади.

— И все равно скажут, что ты целовал Герцогиню, — возразил Маладикт.

— Т-ты п-п-поцеловал Г-Герцогиню в... в зад? — в ужасе уточнил Уолти.

— Это была всего лишь задняя сторона картинки! — отрезал Кувалда. — Будь это зад Герцогини, стал бы я его целовать, ха.

Из углов послышалось неопределенное хихиканье и даже чей-то смешок.

— Ты п-п-поступил д-д-дурно! — прошептал Уолти. — Нугган на небесах в-в-видел т-тебя!

— Это просто картинка, — повторил Кувалда. — И потом, какая разница? Смотри на нее хоть спереди, хоть сзади, но мы сидим тут, и пока что я не вижу бифштексов и ветчины.

Над головами послышался негромкий гул.

— Я, ета, вступил, потому что хочу увидеть, ета, иностранные

гусударства и всякую еротику, — сказал Карборунд.

На мгновение все задумались.

— Ты имеешь в виду экзотику? — уточнил Игорь.

— Ну да, ета, все такое, — подтвердил тролль.

— Но ведь нам врут, — прозвучал чей-то голос, и Полли осознала, что он принадлежит ей. — Нам всегда и обо всем врут.

— Аминь, — произнес Кувалда. — Будем драться за вранье.

— Может, это и вранье, — прорычала Полли, весьма убедительно подражая капралу Страппи, — но это наше вранье!

— Ну ладно, детишки, — сказал Маладикт. — Попробуем заснуть. Дядюшка Маладикт желает вам спокойной ночи. Пусть вам приснится, как мы пойдем в бой. Ведь нас поведет капрал Страппи. По-моему, это очень приятно.

Через некоторое время Кувалда уточнил:

— Так что, он пойдет впереди?

— Да. Ты, кажется, правильно меня понял, Кувалда. Страппи будет шагать прямо перед нами. На шумном и людном поле битвы, где, к сожалению, многое может случиться...

— И нам дадут оружие? — с надеждой спросил Зыркий.

— Конечно, вы же солдаты. И враг будет так близко, как раз перед вами...

— Это хороший сон, Мэл.

— Пусть он тебе приснится, малыш.

Полли отвернулась и попыталась устроиться поудобнее. Нам врут, сонно подумала она. Иногда ложь бывает приятной, а иногда нет. Люди видят то, что хотят видеть. Я сама — воплощенная ложь. И это сходит мне с рук.

Теплый осенний ветер сдувал листья с рябин. Рекруты шли вдоль холмов. Это было утром нового дня, когда горы остались позади. Полли по привычке развлекалась, определяя птиц, сидевших на кустах. Почти всех она знала.

Она не собиралась становиться орнитологом. Но птицы радовали Поля. В их присутствии его, мягко выражаясь, медлительный разум обретал быстроту молнии. Он внезапно вспоминал их названия, привычки и маршруты, мог насвистеть птичьи песенки, а однажды, когда Полли скопила денег и купила у одного из постояльцев коробку с красками, нарисовал королька — совсем как живого. Казалось, птичка пела...

Мать тогда была еще жива. Попреки не стихали несколько дней.

Изображения живых существ считались Мерзостью пред Нугганом. Полли спросила, почему тогда повсюду портреты Герцогини, и получила трепку. Рисунок сожгли, а краски выбросили.

Полли так и не сумела забыть об этом. Мать была незлой — по крайней мере, насколько возможно для человека, который ревностно старается выполнять все прихоти Нуггана. Она медленно умирала среди портретов Герцогини. Среди эха молитв, на которые никто не отзывался. Но каждый раз в памяти Полли предательски оживало воспоминание: гнев, брань и маленькая птичка, трепещущая в пламени очага.

В полях женщины и старики жали прибитую вчерашним дождем пшеницу, надеясь спасти хоть что-то. Молодых мужчин видно не было. Полли заметила, что и другие новобранцы украдкой бросают взгляды на жнецов. Возможно, все они думали об одном и том же.

Шагая среди низких холмов, они до самого вечера никого не встречали. Солнце отчасти рассеяло облака, и, по крайней мере, ненадолго вернулось лето — влажное, душное, неприятное, как гость, который никак не желает уходить домой.

Красное пятно в отдалении выросло и превратилось в нестройную вереницу людей. Полли догадалась, что это такое, как только увидела. Остальные, судя по реакции, нет. Несколько минут новобранцы сталкивались и натыкались друг на друга, а потом наконец остановились и принялись смотреть.

Раненым понадобилось некоторое время, чтобы поравняться с рекрутами и пройти мимо. Двое относительно целых солдат (насколько Полли могла судить) тащили тележку, на которой лежал третий. У остальных были костыли, руки на перевязи и пустые рукава красных мундиров. Но больше всего Полли ужаснули те, кто походил на того человека в трактире, — серолицые, с неподвижным взглядом, застегнутые доверху, несмотря на жару.

Двое-трое раненых поглядели на рекрутов, ковыляя мимо. Их лица не выражали ничего, кроме пугающей целеустремленности.

Джеккрам натянул вожжи.

— Привал двадцать минут, — сказал он.

Игорь повернулся, кивком указал на раненых, мрачно тащившихся дальше, и спросил:

— Разрешите пошмотреть, не змогу ли я им помочь, шэр?

— Скоро насмотришься, парень, — ответил сержант.

— Шэр? — укоризненно повторил Игорь.

— Ладно, ладно. Если по-другому никак. Дать тебе еще пару рук в

помощь?

Капрал Страппи гнусно захихикал.

— Да, от помощи я бы не отказался, шэр, — с достоинством произнес Игорь.

Сержант окинул взглядом отряд.

— Рядовой Холтер, шаг вперед. В лекарском деле разбираешься?

Рыжий Кувалда немедленно шагнул вперед.

— Я резал свиней у мамы на ферме, сэр, — сказал он.

— Прекрасно. Все лучше, чем армейский хирург, помяни мое слово. Ступайте. И учтите — двадцать минут!

— Пригляди там, чтобы Игорь не прихватил с собой сувениров! — добавил Страппи и снова разразился своим скрипучим смехом.

Остальные уселись на траву на обочине. Кое-кто отошел в кусты. Полли отправилась туда же, но забрела подальше и воспользовалась уединением, чтобы поправить носки. Они сползали, если она о них забывала.

Услышав шорох за спиной, Полли застыла, но тут же расслабилась. Она вела себя так осторожно, никто не должен был ничего заметить. Что такого, если кто-то еще пошел отлить? Она выйдет обратно на дорогу и не станет обращать внимания...

Дылда Тьют вскочил, когда Полли показалась из кустов, — в спущенных бриджах, красный как свекла.

Полли ничего не смогла поделаться. Может быть, из-за носков. А может быть, из-за умоляющего выражения лица Дылды. Когда на чьем-нибудь лице написано «Не смотри!», глаза начинают жить собственной жизнью и устремляются куда не надо.

Дылда вскочила, натягивая штаны.

— Послушай, не бойся... — начала Полли, но было слишком поздно.

Девушка скрылась.

Полли уставилась вслед и подумала: черт возьми, нас уже двое. Но что бы я ей сказала? «Не бойся, я тоже девушка, ты можешь мне доверять, давай подружиться, и, кстати, тебе понадобится пара носков»?

Игорь и Кувалда вернулись, не говоря ни слова. Сержант Джекрам тоже промолчал. Отряд двинулся дальше.

Полли шагала в хвосте, рядом с Карборундом. Таким образом она могла бдительно наблюдать за Дылдой, кем бы та ни была. Впервые Полли действительно *смотрела* на нее. Мало кто обращал внимание на Дылду, потому что она держалась в тени Кувалды. Она была низенькая; теперь,

когда Полли узнала, что Дылда девушка, приличнее было бы назвать ее миниатюрной — смуглая, темноволосая, постоянно погруженная в собственные мысли. Она всегда шла рядом с Кувалдой. Более того, она и спала рядом с ним.

Ах вот оно что. Дылда пошла на войну вместе со своим кавалером, подумала Полли. Как романтично — и очень, очень глупо. Теперь, когда одежда и прическа больше не вводили ее в заблуждение, Полли и по другим признакам замечала, что Дылда — девушка, и притом девушка, которая не слишком умело маскируется. Она заметила, что Дылда что-то шепчет Кувалде. Тот обернулся и устремил на Полли взгляд, исполненный ненависти и угрозы.

Я не могу ей открыться, подумала она. Дылда проболтается. Нельзя, чтобы остальные узнали. Я вложила в это столько сил. Я не просто отрезала волосы и надела штаны. Я готовилась...

Да, готовилась.

Все началось со внезапной странной фантазии, а закончилось планом. Сначала Полли пристально наблюдала за парнями. Некоторые пытались отвечать взаимностью, к своему большому разочарованию. Полли запоминала, как они двигаются, прислушивалась, улавливая ритм разговора — ну или того, что сходило у них за разговор, — и отмечала, как они туют друг друга в знак приветствия. Она открыла для себя новый мир.

У нее были достаточно крепкие для девушки мышцы, потому что заправлять большим трактором значит таскать тяжести. Полли выполняла непростые обязанности по дому, и руки ее изрядно загрубели. Она носила под длинной юбкой старые штаны брата, чтобы привыкнуть к ощущению.

За такое могли выпороть. Мужчины должны одеваться по-мужски, а женщины по-женски. Переодевание — богохульство и Мерзость пред Нугганом, как утверждал отец Юпк.

И до сих пор это ее спасало, подумала Полли, шлепая по луже. Никто не додумается искать переодетую женщину. Чтобы поверить, что перед ним мужчина, для стороннего наблюдателя достаточно мужской одежды, короткой прически и разболтанной походки. Ну и пары носков, конечно.

Но Полли тревожилась. Кто-то знал про нее — точно так же, как она знала про Дылду. Однако этот кто-то не выдал Полли. Сначала она подумала, что в уборной с ней разговаривал Бровастый, но тут же сообразила, что он разболтал бы сержанту — с тракторщика стало бы наядбедничать. Теперь Полли подозревала, что ее разоблачил Маладикт, но, возможно, лишь потому, что вампир казался всеведущим...

Карбо... нет-нет, он вырубился на всю ночь, и потом... нет, только не

тролль. Игорь шепелявит. Кувалда? В конце концов, он знает про Дылду, поэтому, может быть... впрочем, с какой стати ему помогать Полли? Нет, признаваться Дылде слишком опасно. Лучшее, что можно сделать, — это постараться, чтобы она не выдала их обоих.

До Полли донесся шепот Кувалды:

— ...один раненый недавно умер, и Игорь отрезал ему ноги и руку и пришел тому солдату, который в них нуждался, вот как я заштопал бы носок! Это надо было видеть! Пальцы у него так и летали! И всякие мази, которые...

Шепот затих. Страппи снова обрушился на Уолти.

— От ентого Страппи по мне трещины идут, — пожаловался Карборунд. — Хочешь, я, ета, оторву ему голову? И сделаю так, чтоб было, ета, похоже на несчастный случай.

— Лучше не надо, — попросила Полли, хотя на мгновение эта мысль и впрямь ее увлекла.

Они дошли до развилки, где дорога, идущая со стороны гор, вливалась в большой тракт. Он был переполнен. Повозки и телеги, стада коров, старухи, тащившие на спине весь свой скарб, крайнее волнение детей и поросят...

Люди двигались в одну сторону. Противоположную той, куда шел отряд. Люди и скот обтекали рекрутов, как поток обтекает неуместно торчащий камень. Новобранцы сгрудились тесной кучкой, чтобы между ними не вклинились коровы.

Сержант Джекрам поднялся во весь рост на повозке.

— Рядовой Карборунд!

— Да, сэр? — прогремел тролль.

— В первый ряд!

И это помогло. Поток продолжал течь, но по крайней мере теперь люди расступались, не доходя Карборунда и оставляли широкий проход. Никто не хотел столкнуться с медленно шагающим троллем.

Торопившиеся мимо крестьяне смотрели на новобранцев. Пожилая женщина, подбежав, сунула в руки Кувалде краюху черствого хлеба и сказала: «Ах вы бедняжки», прежде чем толпа увлекла ее за собой.

— Что здесь творится, сержант? — спросил Маладикт. — Похоже на беженцев.

— Такие разговоры сеют Панику и Упадок Духа! — заорал капрал.

— То есть все эти люди просто собрались на выходные за город и встали с утра пораньше, чтобы избежать давки? — уточнил Маладикт. — Простите, я не догадался. Наверное, меня смутила вон та женщина с

копной сена на спине.

— Знаешь, что бывает за насмешки над вышестоящим офицером? — взвизгнул Страппи.

— Никак нет! Что-то пострашнее, чем то, от чего они бегут?

— Вы вступили в армию, господин Кровосос! Вы обязаны повиноваться приказам!

— Да, но я не припомню, чтобы мне приказывали не думать.

— Хватит! — рявкнул Джекрам. — Меньше ора! Шевелитесь! Карборунд, расталкивай толпу, если тебе не уступают дорогу, понял?

Они двигались дальше. Через некоторое время толпа слегка поредела, и поток превратился в струйку. Время от времени навстречу попадалась семья или одиноко бегущая женщина, навьюченная узлами. Какой-то старик упорно толкал тачку, груженную репой. Они даже вывозят с полей урожай, подумала Полли. Все двигались полубегом, будто стремясь догнать ушедшую вперед толпу. Ну или поскорее миновать солдат.

Они посторонились, пропуская старуху, согнувшуюся под тяжестью черно-белой свиньи. А потом осталась только дорога, изрытая колеями и грязная. Над полями по обе стороны поднимался вечерний туман, тихий и холодно-липкий. После шума толпы тишина равнин внезапно показалась гнетущей. Единственным звуком было хлюпанье под ногами.

— Разрешите обратиться, сержант, — сказала Полли.

— Что, рядовой? — ответил Джекрам.

— До Плотца далеко?

— Им ни к чему знать, сержант, — заметил Страппи.

— Миль пять, — сказал Джекрам. — Там на складе вы получите обмундирование и оружие.

— Это военная тайна, сержант! — жалобно заскулил Страппи.

— Мы закроем глаза и не будем смотреть, что на нас надето, господин капрал, — предложил Маладикт.

— Замолкни, рядовой, — приказал Джекрам. — Шагай вперед и придержи язык.

И они зашагали дальше. Дорога становилась все грязнее. Поднялся ветерок, но не разогнал туман, а растянул его над сырыми полями, придав ему странные, изогнутые, неприятные очертания. Солнце превратилось в оранжевый шар.

Полли увидела нечто большое и белое — оно летело над полем, гонимое ветром. Сначала ей показалось, что это молодая цапля, которая запоздала с отлетом, но цапель обычно не носит ветром. Несколько раз хлопнув «крыльями» в воздухе, «цапля» перелетела через дорогу,

подхваченная очередным порывом, и облепила лицо капрала Страппи.

Тот заорал. Дылда схватил — то есть схватила — нечто трепещущее и сырое, и это нечто разорвалось в ее руках. Отчаянно извивающийся капрал освободился.

— Это всего лишь лист бумаги, — заметила Тьют.

Страппи отмахнулся.

— Я сразу понял, — сказал он. — Тебя не спросили!

Полли подобрала один из обрывков. Бумага была тонкая, заляпанная грязью, и все-таки она разобрала слово «Анк-Морпорк». Богохульный город. Талант Страппи заключался в том, что все, против чего он боролся, немедленно становилось притягательным.

— «Анк-Морпоркская Правда»... — прочитала Полли вслух, прежде чем капрал выхватил у нее газету.

— Нельзя читать все, что попадает на глаза, Пукс! — гаркнул он. — Ты же не знаешь, кто это писал.

Страппи бросил сырую бумагу в грязь и принялся топтать, а потом приказал:

— Вперед!

И они пошли дальше. Когда отряд зашагал более или менее в ногу, рассматривая собственные башмаки или вглядываясь в туман впереди, Полли подняла правую руку на уровень груди и осторожно повернула ладонью вверх. Там притаился прилипший клочок, который остался у нее, когда Страппи отобрал газету.

«МЫ НЕ СДАДИМСЯ», — ЗАЯВЛЯЕТ КОАЛИЦИИ ГЕРЦОГИНЯ (97 ЛЕТ)

Вильям де Словв, долина Кнек, 7 сентября
Борогравские войска, при поддержке лорда В
Легкая пехота захватила Кнекскую крепость в
после яростной рукопашной сх

Должен сказать, что вооружение, которое
брошено на прои

Его Светлость командор сэра С
заявил «Правде»:

капитуляция была

вражеские военачальн

упрямые идиоты, но не см

чатать это в своей газетке.

Известно, что

безнадежная ситу
ий голод
по всей
нет выбор
вторже

Но ведь Борогравия побеждает? Так почему же «не сдадимся»? И что такое Коалиция?

А еще Полли не давал покоя капрал Страппи. Она понимала, что он действует на нервы и Джекраму. Капрал задавался — с точки зрения Полли, носки явно не давали ему покоя, — и вел себя так, будто это он командовал отрядом. Возможно, причиной была общая мерзопакость Страппи, но...

— Господин капрал, — окликнула она.

— Чего тебе, Пукс? — отозвался Страппи. Нос у него по-прежнему был очень красный.

— Мы побеждаем, правда? — спросила Полли. Ей уже надоело его поправлять.

Внезапно все остальные обратились в слух.

— Не лезь не в свое дело, Пукс! — огрызнулся Страппи. — Мы деремся, вот и все.

— Так точно, господин капрал. Значит... я буду драться на той стороне, которая побеждает?

— Сержант, тут кое-кто задает слишком много вопросов, — пожаловался капрал.

— Не задавай вопросов, Перкс, — рассеянно сказал Джекрам.

— Значит, мы проигрываем? — уточнил Кувалда. Страппи обернулся к нему.

— Ты сеешь Панику и Упадок Духа, вот что! — заорал он. — Это — пособничество врагу!

— Замолкни, рядовой Холтер, — велел Джекрам. — Слышал? А теперь...

— Холтер, ты под арестом до...

— Капрал Страппи, пару слов в твое отвислое ухо, если не возражаешь! А вы, парни, стойте тут! — зарычал сержант, слезая с повозки.

Джекрам отошел шагов на пятьдесят по дороге. Одарив отряд яростным взглядом, капрал побежал за ним.

— У нас неприятности? — спросил Кувалда.

— Догадайся, — сказал Маладикт.

— И гадать нечего, — сказал Зыркий. — Страппи может придрататься за что угодно.

— Они спорят, — заметил Маладикт. — Это странно, вам так не кажется? В принципе сержант должен *командовать* капралом.

— Так мы побеждаем или нет? — спросил Зыркий. — То есть я знаю, что идет война, и... нам ведь дадут оружие? И мы... ну, нас должны сначала чему-нибудь научить? Может быть, к тому времени война уже закончится? Все говорят, что мы побеждаем.

— Сегодня я попрошу Герцогиню о победе, когда буду молиться, — сказал Уолти.

Остальные переглянулись с одинаковым выражением лица.

— Ну да, Гум, — добродушно сказал Кувалда. — Ты помолись.

Солнце быстро садилось, полускрытое туманом. На грязной дороге посреди сырых полей вдруг стало очень холодно.

— Никто не говорит, что мы побеждаем. Разве что Страппи, — сказала Полли. — Просто все говорят... что все говорят, что мы побеждаем.

— Только не те солдаты, которых... чинил Игорь, — заметил Кувалда. — Они говорили: «Бедные вы дурни, делайте ноги, если хоть что-то соображаете».

— Спасибо, что поделился, — сказал Маладикт.

— Похоже, нас жалеют, — произнесла Полли.

— Я тоже, а ведь я — один из наш, — сказал Игорь. — Некоторые шолдаты...

— Эй, эй, хватит чесать языки, молокососы! — заорал Страппи, торопясь обратно.

— Капрал, — негромко окликнул сержант, забираясь на повозку. Страппи замолчал, а потом голосом, полным сладости и сарказма, продолжил:

— Прошу прощения. Мы с господином сержантом были бы весьма вам *признательны*, если бы вы, наши будущие отважные герои, соизволили продолжить вместе с нами эту приятную прогулку! Вот так! Финтифлюшки оставим на потом. Правое плечо вперед, девочки!

Полли услышала, как Кувалда ахнул. Страппи со зловецим предвкушением взглянул на него.

— Что, кому-то не нравится? Помяни мое слово, рядовой Холтер, тебе еще учиться и учиться. Ты, черт возьми, будешь сопливой девчонкой, пока мы не сделаем из тебя мужчину, ясно? И мне страшно подумать, сколько времени на это уйдет! Шагом арц!

Я знаю, сколько времени на это нужно, подумала Полли, когда они двинулись дальше. Десять секунд и два носка. Ну или один, если речь о Страппи.

Плотц был похож на Плюн, но еще хуже, потому что больше. Дождь зарядил опять, когда новобранцы вышли на вымощенную булыжником площадь. Полли подумала, что, наверное, здесь всегда непогода. Серые дома были в грязи понизу, из переполненных желобов на крышах вода текла на булыжники, забрызгивая идущих мимо. И никого вокруг. Открытые двери хлопали на ветру, мусор носило по улицам. Она вспомнила толпу беженцев на дороге. В городе не осталось ни души.

Сержант Джеккрам слез с повозки, а Страппи выстроил отряд. Сержант шагнул вперед, предоставив капралу злобно посматривать с фланга.

— Вот он, прекрасный Плотц! — сказал он. — Запомните его на случай, если вас убьют, — тогда и ад не слишком удивит! Жить будете в казарме, вон там, это армейская собственность! — Он махнул рукой, указывая на полуразвалившееся каменное здание, которое больше всего походило на обыкновенный сарай. — Вы получите обмундирование и оружие. Завтра нам предстоит прелестный долгий переход до Кротца. Вы придете туда мальчишками, а уйдете мужчинами, я сказал что-то смешное, Перкс? Мне тоже кажется, что нет. Смирно! Это значит — стоять прямо!

— Прямо! — заорал Страппи.

Через площадь на усталом, тощем кауром коне ехал молодой человек, такой же усталый и тощий. Худобу подчеркивало то, что на нем был мундир двумя размерами больше, чем нужно. То же самое относилось и к шлему. Надо было набить его тряпьем, подумала Полли. Иначе один чих — и шлем съедет на глаза.

Офицер приблизился, и сержант Джеккрам отсалютовал.

— Джеккрам, сэр. Вы лейтенант Блуз, сэр?

— Да, сержант.

— Это новобранцы из верховий, сэр. Отличные парни, сэр.

Всадник окинул рекрутов взглядом, подавшись вперед, через голову лошади. Со шлема потекла вода.

— И это все, сержант?

— Да, сэр.

— Почти все они, кажется, чересчур юны, — сказал лейтенант, который и сам отнюдь не выглядел стариком.

— Да, сэр.

— И среди них тролль?

— Да, сэр. Верно подмечено, сэр.

— А этот, со швами на лбу...

— Игорь, сэр. Вроде как особое горное племя, сэр.

— Они умеют драться?

— Насколько я знаю, сэр, Игори способны перебраться ребра кому угодно, — сказал Джекрам с каменным лицом.

Юный лейтенант вздохнул.

— Не сомневаюсь, они славные ребята, — сказал он. — Ну, солдаты...

— Стоять смирно и слушать, что говорит лейтенант! — заорал Страппи.

Блуза передернуло.

— Спасибо, капрал, — сказал он. — Солдаты, у меня хорошие новости, — добавил он, хотя его голос намекал на обратное. — Вы, наверное, думали, что придется провести неделю-другую в тренировочном лагере в Кротце? Я рад сообщить вам, что... что события развиваются так... так успешно, что вы немедленно отправитесь на передовую.

Кто-то ахнул, капрал Страппи захихикал.

— Все отправляются на передовую, — повторил лейтенант. — В том числе и вы, капрал. Пора вам наконец показать себя.

Хихиканье прекратилось.

— Простите, сэр? — переспросил Страппи. — На передовую? Но вы же знаете, что я... у меня особые обязанности...

— Приказ касается всех здоровых мужчин, капрал, — заметил Блуз. — Небось у такого... э... молодца, как вы, руки чешутся подраться, после стольких-то лет?

Страппи промолчал.

— Кстати, — продолжал лейтенант, что-то ища под промокшим плащом, — у меня для вас пакет, сержант Джекрам. Насколько я знаю, очень важный.

Джекрам осторожно взял послание.

— Спасибо, сэр, потом посмотрю... — начал он.

— Наоборот, сержант, — возразил Блуз. — Новобранцы должны это видеть, потому что вы, сержант, одновременно солдат и отец солдатам! Пусть видят, как бравый воин получает награду... почетную отставку! — Блуз едва не причмокнул от удовольствия.

Не считая дождя, единственным звуком был шорох бумаги. Джекрам пухлым пальцем вскрыл конверт.

— О, — удивленно сказал он. — Отлично. Портрет Герцогини. У меня их уже восемнадцать. Ну надо же, и бумажка, в которой сказано, что это

медаль. Похоже, у нас закончилось даже олово. О-о, а вот и приказ о моей отставке, и на нем оттиснута собственноручная подпись Герцогини... — Сержант перевернул и потряс конверт. — Жалованья за три месяца, впрочем, нет.

— Гип-гип ура сержанту Джекраму! — воскликнул лейтенант, обращаясь к дождю и ветру. — Гип-гип...

— Но я думал, нам дорог каждый солдат, сэр, — заметил Джекрам.

— Судя по пометкам, конверт следовал за вами не один год, сержант, — сказал Блуз. — Вы сами знаете военные порядки. Боюсь, это ваша официальная отставка, и я не могу ее отменить. Мне очень жаль. Но, во всяком случае, вам теперь нечего делать. Больше мы не будем посылать вербовщиков.

— Что? Но солдаты нужны всегда, сэр, — запротестовал Джекрам. — Я здоров и крепок, силен как конь...

— Вы — единственный, кто привел новобранцев, сержант. Вот как обстоят дела.

Сержант помедлил, а потом отсалютовал.

— Да, сэр. Очень хорошо, сэр. Я только посмотрю, как парни устроятся, сэр. Рад был служить, сэр.

— Можно спросить? — сказал Маладикт.

— К офицеру не обращаются напрямую, рядовой, — прикрикнул Джекрам.

— Ничего, пусть спрашивает, — сказал лейтенант. — В конце концов, время сейчас... необычное. Да, солдат?

— Я правильно понял, что мы отправимся в бой необученными, сэр?

— Ну... большинству из вас почти наверняка дадут пики, ха-ха, — нервно ответил сержант. — Чему здесь учиться? Просто нужно знать, за какой конец держать, ха-ха...

Судя по выражению лица, Блузу больше всего хотелось умереть на месте.

— Пики? — недоверчиво уточнил Маладикт.

— Ты слышал лейтенанта, рядовой Маладикт, — рыкнул сержант.

— Да, сэр. Спасибо, сэр, — вампир вернулся в строй.

— Еще вопросы есть? — спросил Блуз, окидывая отряд взглядом. — Прекрасно. Мы отправляемся последней лодкой, в полночь. Займитесь новобранцами, сержант... пока что. И что-то еще... ах да. Мне нужен «летун».

— Добровольцы в «летуны» к лейтенанту, шаг вперед! *Не ты, рядовой Маладикт!* — крикнул сержант.

Никто не двинулся с места.

— Ну же, — сказал лейтенант.

Полли медленно подняла руку.

— А что такое «летун», сэр?

Сержант невесело улыбнулся.

— Правильный вопрос. «Летун» — это, скажем так, слуга, который заботится об офицере. Подает еду, смотрит, чтоб он был одет как следует, ну и так далее. Таким образом, у офицера остается больше времени для исправного выполнения своих обязанностей.

Игорь выступил вперед.

— Вше Игорю привыкли пришлуживать, — сказал он.

Внезапно оглохнув и ослепнув — это умеют даже самые неопытные офицеры, — лейтенант не обратил на него никакого внимания. Он пристально посмотрел на Полли.

— Может быть, ты? — спросил он.

— Рядовой Перкс раньше служил в трактире, сэр, — подсказал сержант.

— Прекрасно. Приходи на постоялый двор в шесть, рядовой Перкс, я поселился там. Продолжайте, сержант.

Когда костлявая лошадь зарысила прочь, сержант Джекрам окинул отряд сердитым взглядом, но без особого огня. Он, казалось, действовал автоматически, тогда как его мысли где-то витали.

— Нечего тут торговать рожей! Обмундирование и оружие — на складе, идите и берите все, что нужно. Если хотите жрать, готовьте сами. Р-р-разойдись!

Отряд бросился в казарму, подгоняемый исключительно мощностью звука. Но Полли помедлила. Капрал Страппи не двигался с тех самых пор, как оборвался его смешок. Он тупо смотрел в землю.

— Все в порядке, господин капрал? — спросила Полли.

— Уйди, Пукс, — ответил капрал тихим голосом, и это было намного хуже, чем обычный недовольный ор. — Иди отсюда, слышишь?

Полли пожала плечами и зашагала вслед за остальными. Она успела заметить влажное пятно под ногами капрала.

Внутри царил хаос. Казарма представляла собой одну большую комнату, которая служила столовой, сборным залом и кухней, а в дальнем ее конце тянулись ряды коек. Здание пустовало и уже начинало разваливаться. Крыша протекала, вместо окон зияли дыры, на полу валялись сухие листья пополам с мышинным пометом. Ни караульных, ни

дневальных не было. На покрытом сажей очаге кипел большой котел, и лишь его шипение и бульканье оживляли казарму. Некогда здесь устроили нечто вроде интендантского склада, но теперь почти все полки были пусты. Полли ожидала увидеть очередь и некое подобие порядка. Ну и, возможно, человека, который раздавал бы стопки обмундирования.

Происходящее больше всего напоминало дешевую распродажу: все лежавшее на столе не блистало новизной, и весьма небольшое казалось достойным обладания. Новобранцы ворошили вещи, которые можно было бы назвать товаром, если бы имелась хоть какая-то возможность найти на них покупателя.

— *Это что? Один размер, и никому не подходит?*

— *На этом мундире кровь! Кровь!*

— *Да, от крови оштаются упрямые пятна, их никак не вывешти беж...*

— *А есть нормальные кольчуги?*

— *А, черт, в ней дыра от стрелы...*

— *Ета, здесь ничего не налазит на тролля!*

Морщинистый старичок, стоявший за столом, содрогнулся от гневного взгляда Маладикта. На нем была красная форменная куртка скверного покроя, с вылинявшими и грязными капральскими нашивками на рукаве. Левую половину груди сплошь покрывали медали.

Одна рука заканчивалась крюком. Один глаз закрывала черная повязка.

— *Лейтенант сказал, что мы будем пикинерами, — заметил вампир. — Это значит — меч и копье каждому, не так ли? И щит, если вдруг нас накроет ливнем стрел. И тяжелый шлем. Я не ошибаюсь?*

— *Ошибаешься! Какое право ты имеешь на меня орать? — поинтересовался старик. — Видишь медали? Я...*

Карборунд протянул руку, поднял старого капрала над столом, поднес к лицу и кивнул.

— *Ага, вижу, мистер. И?..*

Воцарилась тишина.

— *Поставь его на место, Карборунд, — сказала Полли. — Только аккуратно.*

— *Ета почему?*

— *У него нет ног.*

Троль присмотрелся. А потом, с преувеличенным тщанием, поставил старого солдата наземь. Послышался легкий стук, когда две деревяшки коснулись пола.

— *Звиняй, — сказал Карборунд.*

Старик обрел равновесие и подхватил костыли под мышки.

— Ладно, — ворчливо сказал он. — Без обид. Но в другой раз — смотри у меня!

— Чушь какая-то... — Маладикт обернулся к Полли и широким жестом указал на груды лохмотьев и гнutoго железа. — Этого барахла не хватит и на троих! Здесь даже нет приличных сапог!

Полли окинула взглядом стол.

— Считается, что мы хорошо экипированы, — сказала она одноглазому старику. — Что у нас лучшая армия на свете. Так все говорят. Разве Борогравия не побеждает?

Старик взглянул на нее, и Полли удивилась самой себе. Она вовсе не собиралась произносить подобных речей.

— Так говорят, — невыразительно ответил старик.

— А в-вы что скажете? — спросил Уолти, вытаскивая один из немногочисленных мечей — покрытый пятнами и зазубренный.

Капрал взглянул на Карборунда, потом на Маладикта.

— Я не д-дурак, — продолжал Уолти, краснея и дрожа. — Это все — в-вещи с м-мертвецов!

— Зачем же пропадать хорошим сапогам... — начал капрал.

— Мы — п-п-последние, да? — спросил Уолти. — Последние рекруты?

Безногий капрал посмотрел на дверь и убедился, что никто не спешит ему на помощь.

— Нам предстоит провести здесь всю ночь, — намекнул Маладикт. — Ночь! — повторил он, и старый капрал затрясся на своих костылях. — Кто знает, какая нечисть выйдет из мрака, неся смерть на бесшумных крыльях, в поисках беспомощной жертвы...

— Хватит, хватит, я видел твою ленточку, — перебил капрал. — Слушайте, парни, я закрою лавочку, как только вы уйдете. Я просто сижу на складе и, честное слово, больше ни о чем понятия не имею. Я получаю десятую часть жалованья, потому что у меня ноги, и все такое. И неприятности мне не нужны!

— И больше у вас ничего нет? — сказал Маладикт. — Чего-нибудь... припрятанного?

— Ты хочешь сказать, что я ворую? — с жаром спросил капрал.

— Скажем так — я готов предположить, что вы, вполне возможно, этого не делаете, — ответил вампир. — Ну же, капрал, вы сами сказали, что мы последние. Что вы там припрятали?

Капрал вздохнул, с удивительной скоростью направился к дверце и

отпер замок.

— Зайдите и посмотрите, — сказал он. — Но здесь ничего хорошего...

И даже хуже того. Они нашли разбитый щит и несколько нагрудников, но один был расколот пополам, а другой представлял собой сплошную вмятину. В кладовке лежали гнутые мечи и пробитые шлемы, грязные кивера и рваные рубахи.

— Я сделал все, что мог, — капрал вздохнул. — Выпрямил вмятины и выстирал одежду, но угля для кузни не привозили давным-давно. Как починишь оружие без кузнеца? Новых вещей нет уже несколько месяцев, и вот что я вам скажу: с тех пор как гномы перестали поставлять нам сталь, мы получали только старый хлам... — Он вытер нос. — Конечно, вы думаете, что все интенданты — воры, и я не стану утверждать, будто мы не слизываем пенку, когда дела идут хорошо... но этот мусор? Здесь и таракану нечем поживиться, — он снова шмыгнул носом. — Мне самому не платили жалованья три месяца. Наверное, десятая часть — лучше, чем ничего, но философ из меня плохой.

Он вдруг просветлел.

— По крайней мере, жратвы полно. Если, конечно, вы любите конину. Лично я предпочитаю крыс, но о вкусах не спорят.

— Я не стану есть конину! — сказал Зыркый.

— Предпочтешь крысу? — спросил капрал, выходя из кладовки.

— Нет!

— Привыкнешь. Все вы привыкнете, — сказала одна десятая капрала с недоброй улыбкой. — Лопали когда-нибудь баланду? Нет? Нет ничего лучше миски баланды, когда живот подводит. В баланду можно положить что угодно. Свинину, говядину, баранину, кролика, цыпленка, утку... Даже крысу, если поймаешь. Баланда — лучшая кормежка для солдата на походе. Я только что поставил котелок на огонь. Присоединяйтесь, ежели хотите.

Новобранцы слегка оживились.

— Звучит неплохо, — сказал Игорь. — Что там?

— Кипяток, — ответил капрал. — Так сказать, «голая баланда». Но, если только у вас не найдется чего-нибудь получше, через минуту туда добавится старая кляча. Сойдет и она, если подсыпать приправ. Кстати, кто из вас обхаживает руперта?

Они переглянулись.

Капрал вздохнул.

— Офицера, — объяснил он. — Их всех зовут Руперт, Родни, Тристрам или как-нибудь этак. Харч у них получше, чем у нас. «Летун» может слямзить что-нибудь на постоялом дворе.

— Слямзить? — переспросила Полли.

Старик закатил глаза.

— Слямзить, свистнуть, стянуть, позаимствовать, украсть, спереть, реквизиловать, притырить. Ты и этому научишься, если хочешь пережить войну. Конечно, все говорят, что мы побеждаем. Не забывай, — он рассеянно плюнул в огонь, по чистой случайности не попав в котелок. — Те парни, которые возвращались по этой дороге под ручку со Смертью... наверное, они слегка хватили через край, когда праздновали победу, э? Ничего не стоит остаться без руки, если неправильно открываешь бутылку *шумпанского*. Ого, да тут Игорь. Это вам повезло, чертенята. Жаль, что в нашем отряде не было какого-нибудь Игоря, когда я пошел в бой. Теперь древоточцы не мешали бы мне спать.

— Нам придется *воровать еду*? — уточнил Маладикт.

— Если угодно, можешь помереть с голоду, — сказал капрал. — Со мной такое сколько раз бывало. Бесперспективное занятие, скажу я тебе, — помирать с голоду. Когда нас занесло снегом под Ибблештарном, я съел ногу нашего сержанта. Все по-честному, до этого он съел мою... — он взглянул на лица новобранцев. — Ну не собственную же было есть!

— Вы *обменялись* ногами? — в ужасе спросила Полли.

— Ну да, мы с сержантом Хаузгердой. Это он додумался, разумный был мужик. Мы продержались целую неделю, а потом нас спасли. Уж как мы радовались... Ох, черт возьми, совсем забыл о хороших манерах. Как поживаете, парни, меня звать капрал Шкаллот, по прозвищу Три Куска, — он показал свой крюк.

— Но это же людоедство, — сказал Кувалда, попятившись.

— А вот и нет, по крайней мере, если ты не съел человека целиком, — спокойно возразил Шкаллот Три Куска. — Военное время, все такое.

Взгляды обратились на большой котелок, который булькал на огне.

— Кони́на, — заверил Шкаллот. — И ничего, кроме конины. Я же сказал. С какой стати мне вам врать, парни? А теперь *кипируйтесь* лучшим, что сумеете найти. Как тебя звать, монумент?

— Карборунд, — ответил тролль.

— Тут где-то был довольно приличный антрацит тебе на закуску. И ведерко красной краски, потому как я до сих пор не встречал тролля, который хочет носить мундир. А остальные слушайте, что я скажу: набивайте жратвой пузо. Набивайте жратвой сумку. Набивайте жратвой кивера. Наливайте суп в сапоги. А если кто-нибудь случайно встретит горшочек горчицы, тащите его сюда. Просто удивительно, чего только не проглотишь с горчицей. Заботьтесь о товарищах и держитесь подальше от

офицеров, это народ небезопасный. Вот о чем надо помнить на войне. Враги не особо жаждут с вами драться, потому что они, в общем, такие же парни, как и вы, а значит, хотят разойтись по домам целыми и невредимыми. Но офицеры уж позаботятся, чтобы вас прикончили... — Шкаллот огляделся. — Ну вот, я выговорился. А если среди вас есть политический, пусть идет и доносит, и черт с ним.

На несколько секунд воцарилось смущенное молчание, а потом Полли спросила:

— Политический?

— Шпион, только среди своих, — ответил Маладикт.

— Точно, — сказал Шкаллот. — В наши дни такого держат в каждом батальоне. Он шпионит за своими товарищами. Зарабатывает повышение. Поняли? Нам не нужен раскол в наших стройных рядах, правда? И всякие там разговорчики, что мы, мол, проигрываем. Так вот, это все чушь собачья, пехтура всегда ворчит. Найдите мне такого солдата, который ни на что не жалуется... — капрал вздохнул. — Вон там койки. Я регулярно перетряхиваю шкрябки, так что, надеюсь, блох не слишком много, — он снова взглянул на вытянувшиеся лица. — Соломенные тюфяки, парни. Давайте, располагайтесь, берите что хотите. В любом случае, когда вы уйдете, я закрою лавочку. Мы уж точно побеждаем, если в армию стали брать таких молодцов, а?..

Когда Полли вышла из казармы, облака расступились, и ущербная луна залила все вокруг холодным серебряным светом. Стоявший напротив постоялый двор оказался очередным дрянным трактиром, где солдатам продавали скверное пиво. Не успела Полли войти, как изнутри пахнуло старыми помоями. Вывеска облупилась до неузнаваемости, но она все-таки разобрала название — «Мир вверх тормашками». Она толкнула дверь, и запах еще усилился. Трактир пустовал, Страппи и Джеккрама тоже не было видно, зато Полли увидела слугу, который методично размазывал грязь по полу ровным слоем.

— Изви... — начала она, потом вспомнила про носки, повысила голос и попыталась говорить сердито: — Эй, где тут лейтенант?

Слуга взглянул на нее и ткнул пальцем в сторону лестницы. Там горела одна-единственная свечка. Полли постучала в ближайшую дверь.

— Войдите.

Она вошла. Лейтенант Блуз стоял в середине комнаты, в бриджах и рубашке, с саблей в руках. Полли слабо разбиралась в военном искусстве, но тем не менее догадалась, что именно эту щегольскую, вычурную позу

склонны принимать начинающие фехтовальщики, прежде чем получить смертельный удар в сердце от опытного бойца.

— Перкс, если не ошибаюсь? — лейтенант опустил саблю. — Э... я просто разминаюсь.

— Да, сэр.

— Я сложил грязные вещи в сумку. Надеюсь, кто-нибудь здесь их выстирает. Что на ужин?

— Сейчас узнаю, сэр.

— А что едят солдаты?

— Баланду, сэр, — сказала Полли. — Возможно, из кони...

— Тогда принеси и мне. Мы, в конце концов, на войне, и я должен подавать пример подчиненным, — сказал Блуз, с третьей попытки загоняя саблю в ножны. — Это поднимает боевой дух.

Полли взглянула на стол. Там поверх стопки других лежала открытая книга. Судя по рисункам, учебник фехтования. Он был открыт на пятой странице. Рядом Полли заметила очки с толстыми стеклами.

— Ты умеешь читать, Перкс? — спросил Блуз, захлопывая книгу.

Полли помедлила. Но, в конце концов, чего бояться Оззи Перксу?

— Немного, сэр, — ответила она.

— Большую часть вещей, видимо, придется оставить здесь, — сказал Блуз. — Можешь взять что-нибудь себе, если хочешь.

Он указал на книги. Полли прочла заглавия. «Искусство воевать». «Основные принципы ведения боя». «Стратегия сражений». «Тактическая оборона».

— Это для меня тяжеловато, сэр, — сказала она. — Но все равно спасибо.

— Скажи, Перкс, — произнес Блуз, — боевой дух новобранцев... э... высок?

Он посмотрел на нее с искренней тревогой. Полли заметила, что у Блуза совершенно нет подбородка. Лицо переходило в шею, не встречая по пути никаких препятствий, зато кадык был просто фантастический. Он скользил по шее туда-сюда, как мячик на бечевке.

Полли стала солдатом всего два дня назад, но уже обзавелась инстинктом, который гласил: ври начальству.

— Да, сэр, — сказала она.

— Они получили все, что нужно?

Пресловутый инстинкт прикинул, велики ли шансы получить что-нибудь еще, если она скажет «нет».

Полли ответила:

— Да, сэр.

— Конечно, мы не вправе оспаривать приказы, — заметил Блуз.

— Я и не собирался, сэр, — ответила Полли, моментально смешавшись.

— Пусть даже иногда нам кажется... — начал лейтенант и снова замолчал. — Война — штука очень непостоянная, и ситуация может измениться в любой момент.

— Да, сэр, — сказала Полли, не сводя с него глаз. На переносице у лейтенанта виднелось пятнышко, натертое очками.

Казалось, Блуз тоже задумался.

— Зачем ты вступил в армию, Перкс? — спросил он, ощупывая стол и с третьей попытки находя очки. На нем были шерстяные митенки.

— Патриотический долг, сэр! — немедленно ответила Полли.

— Ты соврал насчет возраста?

— Нет, сэр!

— Только патриотический долг, Перкс?

Бывает ложь — и ложь. Полли неловко переступила с ноги на ногу.

— Я хотел узнать, что случилось с моим братом Полем, сэр, — сказала она.

— А-а...

На лице Блуза, и раньше не сиявшем радостью, появилось затравленное выражение.

— Поль Перкс, сэр, — подсказала она.

— Э... я вряд ли смогу тебе помочь, Перкс, — сказал Блуз. — Я служил... э... я занимался... э... у меня было особое назначение в штабе армии... э... я, разумеется, не знаю по именам всех солдат, Перкс. Он был старше... то есть он старше?

— Да, сэр. Записался в «Тудой-судой» в прошлом году, сэр.

— У тебя есть младшие братья?

— Нет, сэр.

— Честно говоря, это хорошо, — неожиданно сказал Блуз. Полли недоуменно наморщила лоб.

— Сэр? — уточнила она.

И вдруг ощутила какое-то неприятное движение. Что-то медленно ползло у нее по бедру, с внутренней стороны.

— В чем дело, Перкс? — поинтересовался лейтенант, заметив выражение ее лица.

— Ни в чем, сэр! Просто судорога, сэр. От ходьбы, сэр! — Полли ухватила обеими руками за колено и попятилась к двери. — Я сейчас

пойду... и принесу вам ужин, сэр!

— Да, да, — Блауз не сводил взгляда с ее ноги. — Да, пожалуйста...

Полли задержалась за дверью, чтобы подтянуть носки и заправить один из них за пояс, а потом заспешила на трактирную кухню. Достаточно было оглядеться, чтобы понять все. Представление о гигиене здесь сводилось к тому, что повар по мере сил старался не плевать в кастрюлю.

— Мне нужны лук, соль, перец... — начала она.

Служанка, что-то мешавшая в закопченном горшке на закопченной плите, подняла голову, увидела, что к ней обращается мужчина, и поспешно отбросила мокрые волосы с лица.

— Есть рагу, сэр, — заявила она.

— Не надо. Мне нужны только продукты, — сказала Полли и добавила: — Для офицера.

Служанка ткнула черным пальцем в ближайшую дверь и одарила Полли тем, что, вероятно, считала кокетливой улыбкой.

— Берите все, чего вам надо, сэр, — сказала она.

Полли осмотрела три полки, удостоенные названия кладовки, и схватила две большие луковицы, по одной в каждую руку.

— Можно? — спросила она.

— Ой, сэр! — служанка захихикала. — Я прямо надеюсь, что вы не из тех грубых солдат, которые делают чего хотят с беспомощной служанкой...

— Нет, — ответила Полли. — Я не из таких.

Кажется, это был неправильный ответ. Служанка склонила голову набок.

— Вы часто имели дело с девушками, сэр? — поинтересовалась она.

— Э... да. Часто, — сказала Полли. — Очень часто.

— Правда? — служанка придвинулась ближе. От нее пахло потом и немного сажей. Полли выставила вперед луковицы, словно щит.

— А я думаю, ты бы не отказался кое-чему научиться... — проворковала служанка.

— А я думаю, ты бы предпочла кое-чего не знать, — сказала Полли и сбежала.

Выскочив на холод, в темноту, она услышала позади жалобный зов:

— Я буду свободна в восемь!

Капрал Шкаллот был в восторге. Полли подозревала, что такое случалось нечасто. Зыркый пристроил у очага старый нагрудник, отбил до мягкости несколько кусков конины, обвалял в муке и принялся жарить. Рядом шипел лук.

— А я их обычно просто варю, — сказал Шкаллот, с интересом глядя на Маникля.

— Тогда весь вкус уйдет, — возразил тот.

— Ну, парень, мне доводилось есть такое, что ты и в рот бы не взял.

— Сначала надо все пожарить, особенно лук, — продолжал Маникль. — Получится вкуснее. А уж если варишь — вари на медленном огне. Так говорит моя мама. Жарь быстро, вари медленно. Понял? Кониная попалась не такая уж скверная, жаль ее просто варить.

— Чудно, — сказал Шкаллот. — В Ибблештарне мы бы с тобой не пропали. Сержант Хаузгерда был отличный парень, но, знаешь ли, жестковат.

— И маринад бы не помешал, — рассеянно произнес Зыркий, переворачивая кусок мяса сломанным мечом. Он повернулся к Полли. — В кладовке больше ничего не было, Оззи? Я сделаю запас на завтра, если...

— Я больше не пойду на кухню! — заявила Полли.

— А, ты встретил Молли Пятки-Кверху? — Капрал Шкаллот поднял голову и ухмыльнулся. — Да уж, она порадовала многих парней...

Он сунул черпак в котелок с баландой. Там, прикрытое несколькими дюймами кипящей воды, плавало распавшееся на лохмотья серое мясо.

— Сойдет для руперта, — сказал он и взял грязную миску.

— Он хочет есть то же, что и мы, — заметила Полли.

— А, он из таких, — немилосердно отозвался Шкаллот. — Да, иные руперты, что помоложе, требуют наше варево, если начитаются дурацких книжек. Хотят с нами подружиться, сукины дети... — Он ловко сплюнул в промежуток между котелками. — Погоди, вот пусть он попробует то, что мы едим.

— Но если мы едим жаркое с луком...

— Нет, не едим. Именно из-за таких, как он, — отрезал капрал, наливая серую жижу в миску. — Злобенские солдаты получают самое малое фунт говядины и фунт муки в день, а еще жирную свинину, масло и полфунта гороха. А порой даже фунт патоки. А мы едим черствый хлеб и то, что наворуем. Руперт будет жрать баланду и радоваться.

— Ни свежих овощей, ни фруктов, — пожаловался Зыркий. — Суровая диета, капрал.

— Ну, когда начнется бой, меньше всего ты будешь думать о несварении желудка, — сказал Шкаллот. Он убрал с полки какое-то тряпье и достал пыльную бутылку.

— Руперт и этого не получит, — заметил он. — Я ее выудил из вещей офицера, который проезжал здесь последним. Но с вами я поделюсь,

потому что вы славные парни. — Он с легкостью отбил горлышко бутылки о край очага. — Всего-навсего херес, но надраться можно.

— Спасибо, капрал, — сказал Зыркий и щедро полил жаркое.

— Эй, не трать попусту хорошую выпивку! — потребовал капрал, хватаясь за бутылку.

— Наоборот, мясо будет еще вкуснее! — возразил Зыркий, пытаясь отобрать херес. — Ну... елочки!

Половина спиртного выплеснулась в огонь, пока две руки перетягивали бутылку. Но вовсе не из-за этого у Полли возникло такое ощущение, что в голову ей воткнули железный штырь. Она оглянулась на остальных — никто, кажется, не заметил...

Маладикт подмигнул, едва заметным кивком указал на дальний угол и отошел первым. Полли последовала за ним.

Маладикт всегда находил, к чему прислониться. Расслабленно устроившись в тени и посмотрев на стропила, вампир сказал:

— Должен заметить, что мужчина, который умеет готовить, не становится от этого менее мужественным. Но мужчина, который вместо брани говорит «елочки»? Ты когда-нибудь слышала, чтобы парни так выражались? Нет. Ручаюсь.

Значит, это ты дал мне носки, подумала Полли. Не сомневаюсь, что ты знаешь мою тайну. А как насчет Дылды? Может быть, Зыркий слишком хорошо воспитан... но одного взгляда на всезнающую улыбку Маладикта было достаточно, чтобы Полли удержала язык за зубами. И потом, если внимательно посмотреть на Зыркового с мыслью о том, что, возможно, это девушка, становилось ясно, что так оно и есть. Мужчина ни за что не скажет «елочки!». Значит, в отряде три девушки...

— И насчет Дылды я тоже почти уверен, — сказал Маладикт.

— И что ты намерен делать? — спросила Полли.

— Делать? А зачем мне что-то делать? — поинтересовался тот. — Между прочим, я — вампир, который официально притворяется не вампиром. Я уж точно не вправе утверждать, что всякий обязан играть теми картами, которые ему сдали. Поэтому удачи... рядовому Маниклю. Но ты, пожалуй, при случае отведи его в сторонку и кое-что объясни. Э... по-мужски.

Полли кивнула, попытавшись изобразить понимание.

— Я лучше пойду и отнесу лейтенанту баланду, — сказала она. — И... черт возьми, я забыл про стирку.

— Я бы об этом не беспокоился, старик, — ответил Маладикт с улыбкой. — Если дела так пойдут и дальше, окажется, что Игорь —

переодетая прачка.

В конце концов Полли сама взялась за стирку. Она сомневалась, что сумеет второй раз улизнуть от Молли, да и белья было не так уж много. Она развесила стиранное перед ярко пылающим огнем.

Конина оказалась на удивление сносной — но еще удивительнее была реакция Блуза. Во-первых, он надел парадную форму. Полли и не подозревала, что можно надеть особый костюм лишь для того, чтобы сесть и поужинать в одиночестве. Блуз проглотил баланду и отправил денщика за новой порцией. Мясо уварилось добела, сверху плавала пена. Новобранцы гадали, как жилось бедняге раньше, если солдатская баланда пришлась ему по вкусу.

— Я о нем мало что знаю, — признал Шкаллот, когда на него посыпались вопросы. — Он здесь уже две недели. Так и рвется на войну. Привез с собой целую тележку книг. По-моему, типичный руперт. Все они только и ждали своей очереди, когда Борогравия ругалась с соседями. Сержант, который тут проезжал, сказал, что Блуз вообще никакой не солдат — просто штабной хилак, который ловко умеет считать.

— Прекрасно, — сказал Маладикт, который варил кофе, сидя у огня. Маленькая кофеварка булькала и шипела.

— По-моему, он плохо видит без очков, — заметила Полли. — Зато очень вежливый.

— Значит, недавно в офицерах, — заявил Шкаллот. — Настоящие офицеры, они такие: «Эй, ты! Лопни твои глаза!» Кстати, вашего сержанта, старика Джеккрама, я знаю. Он везде побывал. Кто не знает старого Джеккрама? Он был с нами, когда нас замело под Ибблештарном.

— И скольких он съел? — под общий смех поинтересовался Маладикт. Ужин удался на славу, и вина осталось по стакану на каждого.

— Скажем так, вернулся он оттуда не тоньше, чем был, — ответил капрал.

— А Страппи? — спросила Полли.

— Я его тоже раньше не видел, — сказал Шкаллот. — Злобный мелкий сукин сын. Небось политический. Куда он делся, почему бросил вас тут? Нашел уютный уголок в трактире?

— Надеюсь, он не б-будет нашим командиром, — сказал Уолти Гум.

— Он? А с какой стати?

Полли пересказала события вечера. К ее удивлению, Шкаллот рассмеялся.

— Они снова пытаются избавиться от старика Джеккрама! Вот умора.

Помяни мое слово, десятка гавейнов и рупертов не хватит, чтобы выдворить Джеккрама из родной армии. Его дважды судили военным судом, и оба раза он вышел сухим из воды. Вы знаете, что он спас жизнь генералу Фракку? Он везде побывал, все про всех знает, и связей у него больше, чем у меня, — а у меня неплохие знакомства, парни. Если Джеккрам завтра решит отправиться с вами, он так и сделает, и никакой хилый руперт ему не помеха.

— А почему же такой человек ездит вербовщиком? — быстро спросил Маладикт.

— В Злобении ему разрубили ногу, рана загноилась, и Джеккрам, старый хрен, укусил костоправа, который хотел на нее взглянуть, — ответил Шкаллот. — Он сам ее очистил с помощью меда и личинок, потом выпил пинту бренди, зашил рану и неделю провалялся в горячке. Говорят, генерал Фракк разыскал его и приехал, когда Джеккрам был еще слишком слаб, чтобы спорить. Генерал велел ему год ездить вербовщиком и не стал слушать возражений. Даже сам Фракк не рискнул бы вручить Джеккраму отставку, ведь однажды сержант протащил его на спине четырнадцать миль по вражеской территории...

Дверь распахнулась, и вошел сержант Джеккрам, сунув обе руки за пояс.

— Не вставайте, парни, — сказал он, когда новобранцы виновато оглянулись. — Привет, Три Куска. Приятно видеть тебя почти целым и здоровым, ловкий ты плут. А где капрал Страппи?

— Я его весь вечер не видел, сержант, — ответил Маладикт.

— Он не заходил сюда с вами?

— Нет, сержант. Мы думали, он у вас.

На лице Джеккрама не дрогнул ни один мускул.

— Понятно, — сказал он. — Слышали, что сказал лейтенант? Лодка отходит в полночь. В среду на рассвете нам нужно быть в низовьях Кнека. Постарайтесь поспать. Завтра будет долгий день, если повезет.

Он развернулся и вышел. Вой ветра прервался, когда дверь закрылась. «Нам нужно быть в низовьях Кнека», — мысленно повторила Полли. Один-ноль в пользу Шкаллота.

— Недосчитались капрала? — спросил Три Куска. — Теперь вот оно как, значит. Обычно ноги делают рекруты. Ладно, парни, вы слышали сержанта. Умывайтесь и ложитесь.

В казарме были умывальник и уборная, сооруженные кое-как, на скорую руку. Полли улучила минутку, когда они с Маникль оказались наедине. Она задумалась, как бы получше выразиться, но оказалось, что

достаточно одного взгляда.

— Ты догадался, когда я вызвалась готовить ужин? — проямлила Маникль, пристально глядя на мох, выросший в раковине.

— Да, это наводило на мысль, — согласилась Полли.

— Многие мужчины умеют готовить! — горячо возразила Маникль.

— Да, но не солдаты и не с таким энтузиазмом. И без маринада.

— Ты кому-нибудь сказал? — спросила Маникль, краснея.

— Нет, — ответила Полли — в общем, не покривив душой. — Слушай, у тебя хорошо получалось, мне бы ничего и в голову не пришло, пока ты не сказала «елочки».

— Да, да, знаю, — шепнула Маникль. — Я научилась рыгать, ходить по-дурачки и даже ковырять в носу, но меня не так воспитывали, чтобы я сквернословила, как вы, парни!

Мы, парни, подумала Полли.

— Мы грубые распущенные солдафоны, — заметила она. — Либо ругайся — либо уходи. Э... а зачем ты вообще пошла на войну?

Маникль рассматривала сырую каменную раковину, как будто странная зеленая слизь и в самом деле очень ее интересовала. Она что-то пробормотала.

— Что-что? — переспросила Полли.

— Я ищу своего мужа, — чуть громче повторила Маникль.

— О боги. И давно вы женаты? — без задней мысли спросила Полли.

— Мы не успели... — пискнула Маникль.

Полли посмотрела на ее пухлую фигурку. О боги, боги. Главное — не терять головы.

— А ты не думаешь, что...

— Только не говори, что я должна вернуться домой! — сказала Маникль, резко оборачиваясь. — Там меня не ждет ничего, кроме позора! Я не вернусь! Я пойду на войну и найду его! И никто мне не помешает, Оззи! Никто! Так уже бывало, и все закончилось хорошо! Об этом даже в песне поется!

— О да, — сказала Полли. — Да. Помню.

Менестрелей нужно убивать.

— Кстати говоря, вот это тебе наверняка пригодится...

Она достала из сумки скатанные в трубочку шерстяные носки и молча протянула Маникль. Полли понимала, что рискует, но чувствовала некоторую ответственность за человека, который подчинился внезапной прихоти, не озаботившись планом.

По пути к своей койке она заметила Уолти Гума, который вешал

маленький портрет Герцогини на крючок в облупленной стене, прямо над изголовьем. Он воровато огляделся, не заметив Полли в потемках, и быстро сделал перед портретом книксен. Вместо поклона.

Полли нахмурилась. Четыре. Впрочем, она почти не удивилась. Но у нее осталась только одна пара чистых носков. Скоро всему отряду придется надевать сапоги на босу ногу.

Полли умела определять время, глядя на огонь. Рано или поздно учишься угадывать, давно ли он горит. Поленья в очаге покрылись серым пеплом, но под ними рдели угли. Полли сообразила, что время подходит к полуночи.

Судя по звукам, никто не спал. Полли два часа пролежала на хрустящем соломенном тюфяке, глядя в темноту и прислушиваясь к движениям под своей спиной. Она бы вообще не стала вставать, но какое-то существо, скрытое в соломе, попыталось отодвинуть ее ногу в сторону. И вдобавок пришлось обойтись без одеяла. В казарме были одеяла, но Три Куска предупредил, что лучше их не брать, если не хочешь заразиться чесоткой.

Капрал оставил зажженную свечу. Полли перечитала письмо брата и еще разок взглянула на клочок газеты, подобранный на дороге. Слова обрывались, и Полли сомневалась, что все поняла правильно, но ей не нравилось само звучание. «Вторже» было особенно неприятно.

Она сохранила и еще один клочок бумаги. Полли была не виновата, это произошло по чистой случайности, когда она стирала белье Блуза, — разумеется, предварительно вывернув карманы. Всякий, кто однажды пытался расправить разбухшую и полинявшую бумажную сосиску, которая некогда была банкнотой, не захочет проделать это вторично. В кармане лейтенанта Полли нашла сложенный листок. Разумеется, не обязательно было его разворачивать, а если уж развернула — то не обязательно читать. Но некоторые вещи случаются сами собой.

Видимо, Блуз сунул письмо в карман рубашки и забыл, когда переодевался. Не было никакой необходимости перечитывать его теперь, но Полли, при свете свечи, все-таки это сделала.

Дорогая Эммелина, меня ждут Слава и Удача. Прослужив в чине младшего лейтенанта всего восемь лет, я получил повышение, и мне дали отряд. Теперь в Департаменте постельного белья и фуража не останется офицеров, но я разъяснил капралу Дреббу суть новой системы делопроизводства.

Не сомневаюсь, он справится.

Конечно, я не могу входить в подробности, но, по-моему, у меня появилась отличная перспектива. Мне не терпится «ринуться на врага». Я достаточно смел — и надеюсь, что имя Блузов войдет в анналы военной истории. Пока что я освежаю в памяти «приемчики» и убеждаюсь, что все помню. Более того, после повышения мое жалованье увеличилось на целый шиллинг в день плюс три пенса на фураж. В связи с этим я приобрел «скакуна» у мистера Честного Джека Слэкера, очень забавного джентльмена, хотя, боюсь, он несколько преувеличил, описывая «статии» моего коня. Тем не менее я «продвигаюсь», и, если Судьба улыбнется мне, скоро наступит день, когда

К счастью, на этом послание обрывалось. После некоторых размышлений Полли осторожно смочила листок водой, быстро высушила у потухающего огня и сунула в карман выстиранной рубашки. Она сомневалась, что Блуз выругает ее, даже если заметит, что денщик не вынул письмо перед стиркой.

Итак, счетовод и изобретатель новой системы делопроизводства. Восемь лет в чине лейтенанта, и это в военное время, когда повышают быстро. Человек, который заключает в кавычки любое слово, которое кажется ему хоть немного «просторечным». Новичок-фехтовальщик. Такой близорукий, что он купил лошадь у Джека Слэкера, подбиравшего свой товар на ярмарочных свалках и продававшего наскипидаренных старых одров, у которых отваливались ноги, прежде чем покупатель успевал добраться до дома.

И это наш командир.

Борогравия терпела поражение. Все это знали, но никто не говорил. Как будто людям казалось, что ничего не случится, если не произносить страшное слово вслух. Борогравия проигрывала войну, и их отряд, необученный и необстрелянный, обутый в сапоги, снятые с мертвецов, мог лишь приблизить финал. Половина новобранцев — девушки! Из-за какой-то идиотской песенки Маникль отправилась на войну искать отца своего будущего ребенка — даже в мирное время это рискованная затея. Дылда потащилась вслед за возлюбленным — да, очень романтично, но только до начала боя. А она...

...ну да, Полли тоже знала ту старую песню. И что? Поль был ее братом. Она всегда за ним присматривала, даже в раннем детстве. Мама работала не разгибаясь — как и все в «Герцогине», — поэтому Полли стала

старшей сестрой для брата, который родился полутора годами раньше. Она учила его сморкаться и выводить буквы; когда мальчишки, склонные к жестоким развлечениям, завели Поля в лес, она отправилась его искать и нашла. Всюду бегать за братом было ее обязанностью — а потом вошло в привычку.

Ну... и не только поэтому. После смерти отца «Герцогиня» перейдет к другой ветви семейства, если в роду Полли не будет мужчины, способного унаследовать трактир. Так гласил закон, коротко и ясно. Нугган утверждал, что мужчины должны наследовать «мужское добро», то есть постройки, деньги и домашний скот, кроме кошек. Женщинам дозволяется наследовать «женское добро» — в основном мелкие ювелирные украшения и прялки, которые передавались от матерей к дочерям. Женщина уж точно не может стать владелицей большого процветающего трактира.

«Герцогиня» перейдет к Полю, если он жив; в противном случае трактир достался бы мужу Полли, будь она замужем. Поскольку замужество на повестке дня не стояло, Полли обязана была найти брата. Поль до конца жизни радостно таскал бы бочонки с пивом, а она бы заправляла «Герцогиней». Но если она останется одна, без мужчины, то трактиром завладеет пьяница-кузен Влопо, и лучшее, что ей светит, — зыбкая возможность жить в «Герцогине» из милости.

Но все это были не *главные* причины. Хотя, несомненно, причины. *Главная* заключалась в самом Поле. Она всегда находила брата и приводила домой.

Полли посмотрела на кивер, который держала в руках. В кладовой были шлемы, но, поскольку на них зияли дыры от стрел или огромные прорубы, новобранцы молча предпочли кивера. Если нам так и так суждено умереть, по крайней мере, зачем наживать головную боль. На кивере красовался полковой знак — пылающий сыр. Может быть, когда-нибудь она узнает, в чем смысл эмблемы. Полли надела кивер, взяла ранец и стирное белье и вышла в темноту. Луна скрылась, снова появились облака. Перебегая площадь, Полли вымокла до костей: дождь шел горизонтально.

Она толкнула дверь и при свете одинокой оплывшей свечи увидела... хаос. На каменных плитах пола валялась одежда, шкафы стояли открытыми. С лестницы, держа в одной руке саблю, а в другой фонарь, спускался Джекрам.

— А, это ты, Перкс, — сказал он. — Эти сукины дети собрали пожитки и удрали. Даже Молли. Я слышал, как они уходили. Судя по звуку, толкали тележку. А ты что тут делаешь?

— Я денщик, сэр, — сказала Полли, стряхивая воду с кивера.

— Да. Точно. Ну так иди и разбуди лейтенанта. Он храпит как сто чертей. Надеюсь, проклятая лодка еще здесь.

— Почему эти су... эти люди удрали, сержант? — спросила Полли и подумала: елочки! Я тоже не могу ругаться, если на то пошло! Но сержант, кажется, не заметил.

Он обратил на нее взгляд человека, который «повидал жизнь». Судя по этому взгляду, сержант Джекрам был лично знаком с динозаврами.

— Скорее всего они о чем-то прослышали, — ответил он. — Хотя, конечно, мы продолжаем побеждать.

— А. Да. И не ожидаем никакого вторжения, я так понимаю, — сказала Полли, с тем же преувеличенным тщанием выбирая слова.

— Вот именно. Ненавижу вероломных предателей, которые внушают нам, что с минуты на минуту в нашу страну может вторгнуться чужеземная армия, — подхватил Джекрам.

— Э... вы не видели капрала Страппи, сержант?

— Нет, но я еще не под всеми камушками поискал... Шшш!

Полли застыла и обратилась в слух. Послышался стук копыт — он становился все громче и громче, из глухих ударов превращаясь в звон подков по мостовой.

— Кавалерийский патруль, — шепнул Джекрам, ставя фонарь на стойку. — Шестеро или семеро...

— Это наши?

— Сомневаюсь, черт возьми.

Стук копыт стал медленнее, и наконец лошади остановились.

— Заговори им зубы, — велел Джекрам, протянул руку и задвинул щеколду, а потом развернулся и спешно зашагал в дальнюю комнату.

— О чем мне с ними говорить, сержант? — шепотом спросила Полли.

Но Джекрам исчез. Полли услышала бормотание снаружи; в дверь громко постучали.

Она сбросила мундир, скинула с головы кивер и засунула его под стойку. Теперь, по крайней мере, она перестала быть солдатом. Когда дверь затряслась под ударами, Полли увидела на полу среди разбросанных вещей нечто белое. Какое искушение!..

Дверь распахнулась со второго удара, но солдаты не спешили заходить. Лежа под стойкой и натягивая юбку поверх закатанных штанов, Полли по звукам угадывала, что происходит. Судя по шороху и стуку, всякий, кто встал бы за дверью и попытался устроить засаду, горько пожалел бы об этом. Она попыталась сосчитать пришельцев. Их было, самое малое, трое.

Полли испугалась, когда напряженную тишину прервал голос,

заговоривший обыденным тоном:

— Мы слышали, как вы задвинули щеколду. Значит, здесь кто-то есть. Не усложняйте себе жизнь. Нам неохота искать вас по углам.

Мне тоже не хочется, чтоб вы меня искали, подумала Полли. Я не солдат. Убирайтесь отсюда. Но тут же она спохватилась: что значит «я не солдат»? Ты взяла шиллинг и поцеловала Герцогиню!

Внезапно за стойку нырнула рука и схватила ее за шиворот. По крайней мере, Полли ничего не пришлось делать самой.

— Не надо, сэ, пожалуйста! Не бейте меня! Я просто испугалась! Пожалуйста!

Но носки немедленно дали о себе знать. Они пристыдили Полли и внушили желание сопротивляться.

— Ты кто такая? — спросил кавалерист, ставя ее на ноги и разглядывая, как экспонат на выставке.

— Полли, сэ. Служанка, сэ. Все сбежали и бросили меня!

— Не ори, девчонка!

Полли кивнула. Меньше всего ей хотелось, чтобы Блуз примчался сюда с саблей в одной руке и «фехтованием для начинающих» в другой.

— Хорошо, сэ, — пискнула она.

— Служанка, говоришь? Налей-ка три пинты вашего так называемого самого лучшего.

По крайней мере, здесь Полли могла действовать машинально. Она видела кружки под стойкой, а бочонки стояли за спиной. Жидкое пиво было едким на вкус, но вряд ли способным растворить пенни.

Кавалерист пристально наблюдал за ней, пока она наполняла кружки.

— Куда подевались твои волосы? — спросил он.

Полли была к этому готова.

— Их отрезали, сэ, за то, что я улыбнулась злобенскому солдату, сэ.

— Здесь?

— Нет, сэ, в Дроке, — это был пограничный город. — Матушка сказала, что я опозорила семью, и меня отослали сюда, сэ.

Руки у нее дрожали, когда она ставила кружки на стойку. Полли даже не понадобилось притворяться. Но самую капельку она все-таки притворялась.

Ты ведешь себя как девчонка, подумала она. Так держать.

Теперь она рассмотрела чужаков. Один стоял у разбитого окна, двое наблюдали за ней. Темно-синяя форма, высокие сапоги и тяжелые кавалерийские шлемы. У злобенца, который смотрел на нее с глубочайшим подозрением, были сержантские нашивки. Тот, кто вытащил Полли из-за

стойки, был в чине капитана.

— Мерзкое пиво, девочка, — заметил он, нюхая кружку.

— Да, сэр, знаю, сэр, — выпалила Полли. — Они не слушали, сэр, когда я говорила, что не надо закрывать бочонки сырой простыней в такую погоду, а Молли никогда не моет затычку...

— Ты знаешь, что в городе пусто?

— Жители разбежались, сэр, — немедленно отозвалась Полли. — Все говорили, что будет вторжение. Люди вас боятся, сэр.

— А ты, гляжу, не боишься? — спросил сержант.

— Как тебя зовут, девушка, которая улыбается злобенским солдатам? — поинтересовался капитан.

— Полли, сэр, — ответила Полли. Ее рука наконец нащупала то, что искала. Друг трактирщика. Есть под каждой стойкой.

— Так ты боишься меня, Полли? — спросил капитан. Стоявший у окна солдат захихикал.

У капитана были красивые нафабранные усы с заостренными кончиками, рост не меньше шести футов, как прикинула Полли, и любезная улыбка, которую отчего-то совершенно не портил шрам на лице. Один глаз закрывало круглое стеклышко.

Пальцы Полли сомкнулись вокруг спрятанной дубинки.

— Нет, сэр, — сказала она, глядя в глаза капитану — точнее, в глаз. — Э... а зачем это стеклышко, сэр?

— Оно называется «монокль», — ответил он. — Благодаря ему я могу хорошенько тебя разглядеть, что очень приятно. Я всегда говорил, что, будь их два, я бы каждый раз зарабатывал дополнительное очко...

Сержант почтительно засмеялся. Полли бессмысленно взглянула на капитана.

— Ты скажешь, где ваши рекруты? — спросил он.

Она заставила себя сохранять прежнее выражение лица.

— Нет.

Капитан улыбнулся. Зубы у него были красивые, зато глаза утратили всякую теплоту.

— У тебя не то положение, чтобы отговариваться незнанием, — заметил он. — Уверяю, мы не причиним им вреда...

Вдалеке послышался вопль.

— Большого вреда, — уточнил сержант с нескрываемым удовольствием. Раздался еще один крик. Капитан кивнул стоявшему у двери солдату, и тот вышел. Полли вытащила из-под стойки кивер и надела его.

— Кто-то из них подарил тебе свою шапку? — сержант усмехнулся, обнажив далеко не такие красивые зубы, как у капитана. — Знаешь, а мне нравятся девушки, которые улыбаются солдатам...

Удар старой терновой дубинки пришелся ему поперек темени, и он свалился как подкошенный. Капитан попятился, когда Полли выбралась из-за стойки, держа дубинку наготове. Но он не спешил вытаскивать меч. Он расхохотался!

— Слушай, девочка...

Когда Полли размахнулась, он ухватил ее за руку, притянул к себе, крепко обнял, продолжая смеяться, — и беззвучно сложился пополам, когда она врезала ему коленом... по носкам. Спасибо, Беззубый Аббенс. Капитан осел на пол. Полли отступила и с размахухватила злобенца дубинкой по голове, так что шлем зазвенел.

Она дрожала. Ее мутило, в животе как будто лежал кусок докрасна раскаленного железа. А что еще оставалось делать? Подумать: «Мы встретили врага, и он такой милый»? В любом случае капитан был не милым, а наглым.

Полли вытащила саблю из ножен и прокралась в темноту. Дождь продолжал идти, с реки наплывал туман глубиной по пояс. На улице стояли полдюжина лошадей, но они не были привязаны, и их караулил солдат. Сквозь шум дождя до Полли донесся его голос — караульный успокаивал лошадей. Полли пожалела, что услышала.

Что ж, она ведь взяла шиллинг. Полли поудобнее перехватила дубинку и шагнула вперед, но тут же туман между нею и вражеским солдатом медленно поднялся, и из него что-то возникло. Лошади испуганно прыгнули, солдат обернулся, тень сделала быстрое движение, и человек упал...

— Ой, — шепотом сказала Полли.

Тень обернулась.

— Оззи? Это я, Маладикт. Сержант велел проверить, не нужна ли тебе помощь.

— Проклятый Джекрам бросил меня среди вооруженных врагов! — зашипела Полли.

— И?..

— Ну... я вырубил двоих, — сказала она, подозревая, что теперь вряд ли удастся сойти за жертву. — А один пошел куда-то туда...

— Видимо, он нам и достался, — произнес Маладикт. — Точнее, это ему досталось. Кувалда его чуть не выпотрошила. Я бы сказал, что у этой девушки... нет сдерживающих факторов. Ну-ка посчитаем... семь лошадей, семеро солдат. Да.

— Кувалда?.. — переспросила Полли.

— Да. Неужели ты до сих пор не замечала? Она как будто с цепи сорвалась, когда солдат набросился на Дылду. Давай-ка посмотрим на твою добычу, — Маладикт двинулся к двери трактира.

— Но Дылда и Кувалда... — начала Полли, догоняя вампира бегом. — Они ведут себя, как будто... Я думала, Дылда его девушка... я думала, Кувалда-то есть я знаю, что Дылда деву...

Даже в темноте зубы Маладикта сверкнули в улыбке.

— Мир раскрывает для тебя свои тайны, Оззи? Каждый день что-то новенькое. Я так понимаю, теперь ты освоил искусство переодевания.

— Что?!

— На тебе юбка, Оззи, — заметил Маладикт, заходя в трактир. Полли виновато взглянула на себя и принялась стягивать юбку, а потом подумала: погоди-ка...

Сержант пытался подняться, держась за стойку, возле которой лежал. Капитан стонал на полу.

— Добрый вечер, господа, — сказал вампир. — Пожалуйста, минуту внимания. Я — вампир-трезвенник. Иными словами, я — комок подавленных инстинктов, которые удается держать под контролем лишь с помощью силы воли и чашки кофе. Вы ошибаетесь, если думаете, что мне придется принудить себя, чтобы совершить жестокое убийство. Сейчас мне приходится принуждать себя, чтобы не перекусить вам глотки. Пожалуйста, не усугубляйте ситуацию.

Сержант оттолкнулся от стойки и с трудом замахнулся. Маладикт почти машинально уклонился от удара и двинул сержанта наотмашь так, что тот отлетел.

— Капитану, похоже, и впрямь скверно, — заметил он. — Что он попытался сделать с бедным маленьким тобой?

— Оказать мне покровительство, — ответила Полли, сердито глядя на Маладикта.

— А.

Маладикт негромко постучал в дверь казармы. Она приоткрылась — сначала слегка, потом полностью. Карборунд опустил дубину. Полли и Маладикт молча втащили внутрь двух кавалеристов. Сержант Джекрам сидел на табурете у огня и пил пиво.

— Отлично сработано, парни, — сказал он. — Бросьте их к остальным.

Он махнул кружкой в сторону дальней стены, где под грозным

взглядом Холтер угрюмо сидели четверо солдат, связанных вместе. Еще один лежал на столе, и Игорь возился над ним с ниткой и иголкой.

— Как дела, рядовой? — спросил Джеккрам.

— Он выживет, сержант, — ответил Игорь. — Вше не так штрашно, как выглядит, честное шлово. И хорошо, потому что запашных чаштей у меня не будет, пока мы не окажемша на передовой.

— У тебя, часом, не найдется пары ног для старика-капрала?

— Ну нет, сержант, — спокойно отозвался Шкаллот, сидевший напротив. — Лучше оставьте мне лошадей и седла. А вражеские сабли пригодятся твоим парням.

— Они искали *нас*, сержант, — сказала Полли. — Мы — всего лишь кучка необученных новобранцев, но они нас искали. Меня могли убить, сержант!

— Ну нет, я распознаю талант с первого взгляда, — заметил Джеккрам. — Ты сделал все как надо, парень. Уж извини, мне пришлось слинять. Толстяка во вражеском мундире трудно не заметить. И потом, вам, ребята, надо было встряхнуться. Это армейский образ мыслей, вот что это такое.

— Но если бы я не... — Полли помедлила. — Если бы я их не обманул, они бы убили лейтенанта!

— Вот видишь, так и так хорошо получилось бы, — сказал Шкаллот.

Сержант встал, вытер рот ладонью и подтянул пояс. Он подошел к капитану и поднял его, держа за ворот.

— Зачем вы искали моих парней, сэр? — спросил он.

Капитан приоткрыл один глаз и взглянул на толстяка.

— Я офицер и джентльмен, сержант, — пробубнил он. — Соблюдайте правила.

— Здесь не так уж много джентльменов, сэр, — заметил сержант.

— Что правда, то правда, — шепнул Маладикт. Полли, опьянев от радости и от возможности расслабиться, прикрыла рот ладонью, чтобы подавить смешок.

— Ах да. Правила. Военнопленные и все такое, — продолжал Джеккрам. — Вам придется есть то же, что и нам, бедолаги. Значит, вы отказываетесь со мной разговаривать?

— Я капитан Горенц из Первого драгунского полка, и я больше ничего не скажу.

Полли вздрогнула, словно кто-то заехал ей локтем по мозгам.

Он врет.

Джеккрам несколько секунд тупо смотрел на капитана, а потом сказал:

— Так... похоже, у нас тут возникла небольшая сложность, дети мои Сырцееды, которую я бы назвал препятствием на пути прогресса. И я намерен ее устранить!

Он выпустил капитана, и тот плюхнулся обратно.

Сержант Джеккрам снял кивер. Потом куртку, оставшись в грязной рубашке и ярко-красных подтяжках. Он по-прежнему был почти сферичен — от шеи и до экватора складки жира наплывали друг на друга. Полли подумала: ремень, наверное, нужен сержанту лишь затем, чтобы не нарушать устав.

Джеккрам снял с шеи бечевку, на которой болталась потускневшая монетка.

— Капрал Шкаллот!

— Да, сержант? — откликнулся тот и отсалютовал.

— Засвидетельствуй, что я снял с себя все знаки различия и передаю тебе свой официальный шиллинг. Поскольку в последний раз я заключал контракт на двенадцать лет, а было это шестнадцать лет назад, я теперь, черт возьми, гражданское лицо, самым законным образом!

— Да, мистер Джеккрам, — бодро ответил Шкаллот. Пленники вскинули головы, заслышав это имя.

— Учитывая все вышесказанное, капитан, и поскольку вы напали на нашу страну ночью, под покровом темноты, а я — смиренное гражданское лицо, я так полагаю, что никакие правила не помешают мне спустить с вас семь шкур, если вы не скажете, зачем пришли и когда прибудет подкрепление. И на это понадобится некоторое время, сэр, потому что до сих пор мне приходилось доходить только до пятой шкуры... — он закатал рукава, поднял капитана и занес кулак...

— Мы всего лишь должны были захватить новобранцев! — крикнул сержант. — Мы не собирались причинять им вред! Отпусти его, Джеккрам, черт возьми! Он же не в себе.

Полли посмотрела на остальных. Пусть даже за пленными присматривали Карборунд и Маладикт, пусть над ними гневно нависала Кувалда, создавалось такое впечатление, что первый же удар, полученный капитаном, послужит сигналом к бунту. Полли подумала: они его защищают...

До Джеккрама, должно быть, тоже дошло.

— А, вот мы и запели, — сказал он, осторожно ставя Горенца наземь, но по-прежнему держа его за грудки. — Твои люди неплохо за тебя заступаются, капитан.

— Потому что мы не рабы, чертов свеклоед, — буркнул кто-то.

— Рабы? Все мои парни вступили в армию по доброй воле, ты, репоголовый.

— Может, они и вправду так думали, — сказал сержант. — А ты им наврал. Ты врал им все эти годы. И их убьют из-за твоего дурацкого вранья и вашей поганой лгуни, старой шлюхи Герцогини!

— *Рядовой Гум, стоять! Это приказ! Стоять, я сказал! Рядовой Маладикт, заведи у рядового Гума меч! И это приказ! Сержант, прикажи своим людям сдать назад! Назад! Медленно! Сию секунду! Честное слово, я не склонен к жестокости, но, клянусь богом, я переломаю ребра любому, кто не подчинится!*

Джеккрам проорал это без единой паузы и не сводя глаз с капитана.

Отклик, порядок и мертвая тишина — всего за несколько секунд. Полли, медленно расслабляя мышцы, смотрела на немую сцену.

Злобенские солдаты попятились. Карборунд плавно опустил поднятую дубину. Маладикт удерживал на весу маленькую Уолти, вывернув у нее из кулака меч. Только вампир мог опередить Гум, когда она бросилась на пленных.

— Захватить, — негромко сказал Джеккрам. — Забавное слово. Посмотрите на моих парней. Безусые юнцы, все до одного, не считая тролля, но лишайники не в счет. У них молоко на губах не обсохло. Какой вред могут причинить безобидные крестьянские мальчишки грозному кавалерийскому отряду?

— Пожалуйшта, кто-нибудь, подите шюда и прижмите пальшем этот ужелок, — попросил Игорь, склонившийся над самодельным операционным столом. — Я уже почти жакончил.

— Безобидные? — переспросил сержант, глядя на извивающуюся Гум. — Да они просто чокнутые!

— Я хочу поговорить с вашим командиром, черт возьми, — потребовал капитан, который, кажется, слегка пришел в себя. — У вас ведь есть старший офицер?

— Ну да, где-то был, насколько я помню, — ответил Джеккрам. — Перкс, сходи за рупертом. Но лучше сначала сними юбку. С рупертами никогда не знаешь, чего ждать.

Он осторожно усадил капитана на скамью и выпрямился.

— Карборунд и Маладикт, отрубите что-нибудь любому пленнику, который двинется, и любому из наших, кто попытается на них напасть! Теперь... ах да. Шкалот Три Куска, я хочу вступить в нашу замечательную армию, потому что в ней столько отличных возможностей для молодого человека, который ищет себе дела.

— Уже доводилось служить? — Шкаллот ухмыльнулся.
— Сорок лет дрался со всяким сукиным сыном, какого только видел на ста милях борогравской земли, капрал!
— Особые навыки?
— Остаюсь жив в любой передряге, капрал!
— Тогда позволь вручить тебе шиллинг и немедленно повысить до сержанта, — сказал Шкаллот, возвращая Джекраму мундир и монету. — Хочешь лобызнуть старушку?
— Ни в жизни, — ответил тот, натягивая куртку. — Ну вот. Все чисто, все правильно, все законно. Ступай, Перкс, ты слышал приказ.

Блуз храпел. Свеча догорела до основания. На одеяле лежала открытая книга. Полли осторожно вытянула ее из-под руки лейтенанта. На захватанной обложке не без труда можно было прочитать: «Тактикус. Военные кампании».

— Сэр, — шепнула она.
Блуз открыл глаза, увидел ее, перевернулся и лихорадочно принялся что-то искать вокруг себя.
— Вот они, сэр, — Полли протянула ему очки.
— Спасибо, Перкс, — сказал лейтенант, садясь. — Полночь?
— Уже минула, сэр.
— Ох боги, тогда нужно торопиться. Живей подай брюки. Вы выпались?
— На нас напали злобенские солдаты... Первый драгунский полк, сэр. Мы взяли их в плен, сэр. Потерь нет, сэр...

...потому что они не ожидали, что мы будем драться. Они хотели взять нас живьем — и повстречали Карборунда, Маладикта... и меня.

Было трудно, очень трудно заставить себя размахнуться. Но, как только Полли это сделала, дальше стало проще. А потом она смутилась из-за того, что ее застали в юбке, хотя внизу у нее были штаны. Она превратилась из парня в девушку, просто подумав об этом. То есть с удивительной легкостью. Полли решила хорошенько поразмыслить на досуге. Ей о многом хотелось подумать, но она подозревала, что досуга теперь будет неоставать.

Блуз сидел на постели в полунадетых штанах и смотрел на нее.
— Пожалуйста, повтори еще раз, Перкс, — сказал он. — Ты захватил в плен вражеских солдат?
— Не я один, сэр. Я захватил только двоих, — сказала Полли. — Мы... навалились вместе, сэр.

— Вы взяли в плен драгун?

— Да, сэр.

— Это же личная гвардия князя Генриха! Они вторглись на нашу территорию?

— Думаю, это была разведка, сэр. Семь человек.

— И никто из вас не пострадал?

— Нет, сэр.

— Дай рубашку. Ах ты...

Лишь теперь Полли заметила повязку на правой руке Блуза. Бинт покраснел от крови. Лейтенант перехватил взгляд Полли.

— Я случайно поранился, Перкс, — нервно сказал он. — Вспоминал кое-какие приемчики после ужина. Немного утратил хватку, знаешь ли. Теперь не могу застегнуть пуговицы. Будь так любезен...

Полли помогла лейтенанту натянуть остальную одежду и бросила его немногочисленные пожитки в ранец. Нужен особый талант, чтобы поранить собственным мечом именно ту руку, в которой его держишь.

— Надо заплатить по счету, — сказал лейтенант, когда они поспешно спускались по темной лестнице.

— Исключено, сэр. Все сбежали.

— Может быть, оставить записку, как ты думаешь? Не хочу, чтобы они решили, что я просто «сделал ноги»...

— Все ушли, сэр! — повторила Полли, подталкивая его к двери. Она остановилась у входа в казарму, поправила на лейтенанте мундир, заглянула в лицо...

— Вы вчера умывались, сэр?

— Здесь нигде нет... — начал Блуз.

Полли отреагировала машинально. Она слишком долго нянчилась с Полем, хотя и была на пятнадцать месяцев младше.

— Платок! — потребовала она. Поскольку некоторые вещи запечатлеваются в мозгу с самого раннего возраста, Блуз послушно протянул платок.

— Плюньте! — приказала Полли, стерла пятнышко грязи с лица Блуза и в процессе поняла, что она, собственно, делает. Но отступить было поздно. Единственное, что оставалось, — идти вперед.

— Так, — быстро сказала она. — Ничего не забыли?

— Нет, Перкс.

— Сходили в туалет? — слова вылетели сами собой, и мозг живо представил себе все ужасы военного трибунала. У меня шок, подумала Полли, и у Блуза тоже. В таком состоянии цепляются за привычное и

знакомое, и остановиться не получается...

— Нет, Перкс, — сказал лейтенант.

— Тогда обязательно сходите, прежде чем мы сядем в лодку, ясно?

— Да, Перкс.

— Идите прямо сейчас и будьте хорошим лейтенантом.

Полли прислонилась к стене и несколько раз хватанула ртом воздух, чтобы отдышаться. Когда Блуз вошел в казарму, она проскользнула следом.

— Смирно! — рявкнул Джеккрам. Отряд, уже выстроившийся в шеренгу, по мере сил вытянулся по стойке «смирно». Сержант отсалютовал так лихо, что Блуз попятился.

— Мы задержали вражескую разведку, сэр! Опасное дело, сэр! Поскольку у нас тут случился непредвиденный случай, сэр, и поскольку у вас больше нет унтер-офицера, потому что капрал Страппи слинял, а также в связи с тем, что я — старый солдат в отличной форме, вы имеете полное право принять меня в качестве вспомогательного офицера, согласно Уставу Герцогини, статья 796, раздел 3-а, параграф II, сэр, спасибо, сэр!

— Что? — переспросил Блуз, туманно оглядываясь и внезапно осознавая, что в этом бешено вращающемся мире есть большой человек в красном мундире, который, кажется, знает, что делать. — А. Да. Конечно. Статья 796, вы сказали? Совершенно верно. Вы молодец, сержант. Продолжайте.

— Вы тут главный? — крикнул Горенц, вставая.

— Да, капитан, — ответил Блуз.

Горенц оглядел его с головы до ног.

— Вы? — повторил он с невероятным презрением.

— Да, сэр, — сказал Блуз, прищуриваясь.

— Ладно, обойдемся тем, что есть. Этот жирный ублюдок, — Горенц грозно ткнул в сторону Джеккрама, — грозил применить ко мне физическое насилие! К пленному! В оковах! А этот... мальчишка, — добавил капитан, с ненавистью указывая на Полли, — пнул меня между ног и чуть не забил дубинкой насмерть! Я требую, чтобы нас отпустили!

Блуз обернулся к Полли.

— Ты действительно пнул капитана Горенца между ног, рядовой?

— Э... да, сэр. Точнее, ударил коленом.

— В какой именно момент?

— Э... когда он пытался меня обнять, сэр, — Полли увидела, что у Блуза глаза на лоб полезли, и поспешно добавила: — Я временно переоделся девушкой, сэр, чтобы отвести подозрения.

— И потом ты... ударил его дубинкой?

— Да, сэр. Один раз, сэр.

— Так что же, скажи на милость, помешало тебе продолжить? — поинтересовался Блуз.

— Сэр?.. — спросила Полли. Горенц разинул рот. Лейтенант, с ангельским блаженством на лице, взглянул на него.

— А вы, сержант, — продолжал он, — действительно применили силу к капитану?

Джеккрам шагнул вперед и размашисто отсалютовал.

— Не совсем так, сэр. По сути, нет, сэр, — сказал он, старательно разглядывая какую-то точку на дальней стене, в двенадцати футах над полом. — Я просто подумал, сэр, что, раз уж он вторгся в нашу страну, чтобы взять в плен наших парней, сэр, ему полезно будет испытать немножко страха и трепета. Честное слово, сэр, я не склонен к жестокости.

— Конечно, нет, сержант, — сказал Блуз. Теперь в его улыбке проглядывала злобная радость.

— Ради всего святого, неужели вы, идиот, верите этим невежественным мужланам, подонкам... — начал Горенц.

— Конечно, верю. Разумеется, верю, — с вызовом ответил Блуз, весь дрожа от волнения. — И я поверю их слову против вашего, сэр, даже если они скажут, что небо зеленое. Эти необученные юнцы благодаря уму и смелости взяли верх над лучшими злобенскими солдатами. Не сомневаюсь, они еще не раз сумеют нас удивить...

— Особенно если у кого-нибудь свалятся штаны, — шепнул Маладикт.

— Заткнись! — прошипела Полли и засунула в рот кулак, чтобы не рассмеяться.

— Я знаю вас, капитан Горенц, — сказал Блуз, и на мгновение на лице капитана мелькнула тревога. — То есть я знаю вашу породу. Мне всю жизнь приходилось терпеть таких, как вы, — жизнерадостных задиристых здоровяков, у которых мозги ниже пояса. Вы посмели вторгнуться в нашу страну — и думаете, что мы вас испугаемся? Вы смеете обращаться ко мне через головы моих людей? Вы чего-то требуете? Стоя на моей земле?

— Капитан... — шепнул злобенский сержант, пока Горенц с открытым ртом смотрел на Блуза. — Они скоро будут здесь.

— А, — неуверенно отозвался Горенц, а потом некоторым усилием воли вернул себе присутствие духа. — К нам подходит подкрепление, — резко сказал он. — Немедленно освободи нас, идиот, и я, так и быть, спишу этот инцидент на вашу природную глупость. Иначе я уж позабочусь, чтобы тебе и твоим... ха!.. солдатам пришлось очень, очень скверно.

— Значит, семерых кавалеристов недостаточно, чтобы справиться с

деревенскими мальчишками? — поинтересовался Блуз. — Вы вспотели, капитан. Вы нас боитесь. И вдобавок к вам подходит подкрепление?

— Разрешите обратиться, сэр! — рявкнул Джеккрам и немедленно перешел к делу: — *Сырцееды! К оружию, да поживей! Маладикт, отдай рядовому Гуму меч и пожелай ему удачи! Карборунд,хвати в пучок пики подлиннее! Остальные...*

— Вот это тоже пригодится, сержант, — заметил Маладикт. — Их там много. Висели на седлах у наших друзей...

Он держал в руках два арбалета — стальных, больших, блестящих.

— Ого! — воскликнул Джеккрам совсем как ребенок, который разворачивает подарок на Страшество. — Вот что получаешь, если ведешь честную и трезвую жизнь, дети мои. Отличные смертоносные штучки. Берите каждый по две.

— Я не хочу неоправданной жестокости, сержант, — предупредил Блуз.

— Так точно, сэр, — сказал Джеккрам. — Карборунд! Пригвозди к стене первого, кто войдет в эту дверь... — он перехватил взгляд лейтенанта и добавил: — ...но не слишком сильно.

...И тут кто-то постучал.

Маладикт прицелился из двух арбалетов. Карборунд размахнулся обеими руками, сжимая в каждой по две пики. Полли подняла дубинку — по крайней мере, этим оружием она умела владеть. Остальные похватали то, что выдал им Три Куска. Настала тишина.

Полли огляделась.

— Войдите... — нерешительно сказала она.

— Да уж, сойдет за приглашение, — Джеккрам многозначительно закатил глаза.

Дверь распахнулась, и в казарму осторожно шагнул щеголевато одетый человек. Фигурой, лицом и прической он очень напоминал Мала...

— Вампир? — негромко спросила Полли.

— Черт возьми, — сказал Маладикт.

Пришелец был одет необычно — в старомодный фрак без рукавов, сплошь покрытый карманами. На шее у него висела большая черная коробка. Вопреки здравому смыслу он улыбнулся, увидев дюжину разнообразных предметов вооружения, направленных на него и в равной мере способных причинить мучительную смерть.

— Какой красота! — воскликнул он, хватая коробку и устанавливая ее на треножник. — Пожалуйста, пусть тролль встанет чуть левее!

— Э? — сказал Карборунд. Остальные переглянулись.

— Пожалуйста, сержант, будьте так любезны и встаньте ближе к центр... а остальные пусть поднимут мечи повыше... — продолжал вампир. — А вы, сэр, не могли бы сказать «гrrrr»?

— Гrrrr? — повторил Блуз.

— Очень хорошо! Очень свирепо!

Мелькнула ослепительная вспышка, за которой последовали короткий возглас «Чтоб тебя!» и звон разбившегося стекла.

Там, где стоял вампир, лежала маленькая горка пыли. Проморгавшись, Полли увидела, как пыль взвилась фонтанчиком в воздух, обрела человеческие очертания и вновь превратилась в вампира.

— Надо же, а я думала, что новый фильтр устранит проблему, — пожаловался он. — Как это говорится... век живи, век учись.

Он бодро улыбнулся и добавил:

— Пожалуйста... кто из вас капитан Горенц?

Через полчаса Полли все еще продолжала удивляться. Она не вполне понимала, что происходит, потому что для этого нужно было понять множество других вещей. Например, что такое «газета».

Блуз поочередно то пыжился, то тревожился, но неизменно нервничал. Полли внимательно наблюдала за ним, не в последнюю очередь потому, что он разговаривал с человеком, который пришел вместе с вампиром. На нем были бриджи и просторный кожаный плащ, и он почти непрерывно что-то записывал в блокнот, время от времени бросая удивленные взгляды на новобранцев. Наконец Маладикт, у которого был хороший слух, перестал подпирать стенку и небрежно подошел к остальным.

— Так, — сказал он, понизив голос. — Дело немного запутанное, но... Кто-нибудь из вас знает, что такое газета?

— Да, мой родич Игорь, который живет в Анк-Морпорке, мне рашшкажывал, — сказал Игорь. — Газета — это вроде правительштвенного шообщения.

— Э... ну да. С той разницей, что газету выпускает не правительство. Ее делают обычные люди, которые... записывают то, что видят, — объяснил Маладикт.

— Как в дневник? — спросила Кувалда.

— Э... нет...

Маладикт попытался объяснить. Отряд попытался понять. Но тщетно. Газеты представлялись Полли чем-то вроде ярмарочного балагана. С какой стати верить в то, что написано? Она уж точно не верила воззванию «матерей Борогравии» — а ведь его написало правительство! Если нельзя

верить правительству, то кому же можно?..

Если подумать... да почти всем остальным.

— Мистер де Словв работает в анк-морпоркской газете, — сказал Маладикт. — Он говорит, мы проигрываем войну. Потери растут, солдаты дезертируют, мирные жители бегут в горы.

— П-п-почему мы должны ему верить? — спросила Уолти.

— Мы видели много раненых и беженцев. И капрал Страппи исчез, как только узнал, что его отправляют на передовую, — ответил Маладикт. — Простите, но это правда. Мы тому свидетели.

— Да, но все-таки мистер де Словв — иностранец. Г-г-герцогиня не станет нам лгать. Зачем ей посылать подданных на смерть? — продолжала Уолти. — Она присм-м-матривает за нами!

— Все говорят, что мы побеждаем, — с сомнением сказала Кувалда, когда миновало секундное замешательство. По лицу Уолти текли слезы.

— Нет, не говорят, — сказала Полли. — Кстати, я тоже так не думаю.

— Хоть кто-нибудь думает, что мы побеждаем? — спросил Маладикт.

Полли посмотрела на лица остальных.

— Но это... измена Герцогине, — сказала Уолти. — Вы сеете Панику и Упадок Духа.

— Быть может, нам уже пора запаниковать? — предположил Маладикт. — Знаете, как этот человек сюда попал? Он повсюду разъезжает и пишет для газеты статьи о ходе военных действий. Он повстречал злобенских кавалеристов на дороге. В нашей стране! И они сказали, что, по их сведениям, последние борогравские рекруты где-то поблизости, и это, прошу прощения, просто «кучка сопливых молокососов». Они сказали, что возьмут нас в плен ради нашего же блага и разрешат ему сделать картинку для газеты. Тогда все увидят, как ужасно положение вещей, раз уж в Борогравии больше некого вербовать.

— Да, но мы победили, и газетчик промахнулся, — заметила Холтер, злобно улыбаясь. — То есть писать ему не о чем.

— Э... не совсем так. Он говорит, что получилось даже лучше.

— Лучше? На чьей же он стороне?

— Не знаю, честно говоря. Он из Анк-Морпорка, но при этом ни на чьей стороне. Э... Отто Шрик, который делает картинки для газеты...

— Вампир? Он рассыпался прахом, когда вспыхнул свет, — сказала Полли. — А потом... ожил.

— Я в это время стоял за спиной Карборунда. Но прием я знаю. Судя по всему, у Отто был с собой тонкий стеклянный фиал с кр... кр... нет, погодите, я могу произнести это слово... с кровью, — он вздохнул. — Вот.

Никаких проблем. Стекланный фиал с... этим самым... который разбился оземь, и Отто восстал из праха. Отличная идея, — Маладикт слабо улыбнулся. — Ему действительно небезразлично то, что он делает. Он сказал, де Словв просто пытается докопаться до истины. Тогда он ее запишет и продаст любому, кто захочет.

— И ему позволяют? — спросила Полли.

— Как мы видим, да. Отто уверяет, что де Словв как минимум раз в неделю доводит командора Ваймса до белого каления, но при этом до сих пор жив...

— Ваймса? Мясника? — уточнила Полли.

— Отто говорит, он герцог. Но не как наш. Отто говорит, Ваймс еще никого не изрубил в фарш. Отто тоже член Лиги. Он не станет врать собрату. Он клянется, что картинка, которую он сделал, сегодня же вечером отправится с ближайшей клик-башни в Анк-Морпорк. Она появится в городской газете завтра! И здесь ее тоже напечатают!

— Как можно послать картинку через клик-башню? — спросила Полли. — У меня есть знакомые, которые бывали внутри. Там ничего нет, кроме ящиков, которые постоянно щелкают.

— Отто мне и это объяснил. Отличная выдумка.

— Ну и как оно работает?

— Я не понял, что он сказал, но там все дело в... цифрах. По-моему, действительно умно придумано. В любом случае де Словв сказал лейте... руперту, что весть о кучке мальчишек, которые побии опытных солдат, уж точно заставит кое-кого сесть и задуматься!

Новобранцы робко посмотрели друг на друга.

— Это была счастливая случайность. И потом, с нами Карборунд, — сказала Холтер.

— А я прибег к хитрости, — подхватила Полли. — То есть... во второй раз такое не пройдет.

— И что? — спросил Маладикт. — Мы ведь справились. Мы победили. В следующий раз придумаем что-нибудь другое.

— Да! — воскликнула Кувалда, и на мгновение всех охватила радость. Казалось, они способны на что угодно. Но радостное возбуждение длилось мгновение.

— Ничего не получится, — сказала Маникль. — Нам просто повезло. Ты сам знаешь, что ничего не получится, Маладикт. И мы все знаем.

— А я и не предлагаю, например, напасть на целую роту, — ответил Маладикт. — И наш лейте... руперт, конечно, слабоват. Но все-таки мы могли бы хоть как-то повлиять на ход войны. Старина Джекрам знает, что

делает...

— Мы поговорили со злобенцами по-мужски! — усмехнулась Кувалда, и в ответ послышалось... ну да, хихиканье. Полли не назвала бы это иначе.

— Сомневаюсь, — спокойно сказала Маникль. — Потому что все мы девушки.

Настала мертвая тишина.

— Ну ладно. Все, кроме Карборунда и Оззи, — продолжала Маникль, как будто общее молчание заставляло ее говорить против воли. — И я не уверена насчет Маладикта и Игоря. Но я знаю, что остальные — девушки. У меня есть глаза, уши... и мозги. Я права?

В тишине послышался медленный рык, которым Карборунд всегда предварял любую фразу.

— Если что, — сказал тролль, и в его голосе послышался не столько рокот обвала, сколько шуршание песка, — меня, ета, зовут Яшма.

Полли почувствовала, что вопрошающие взгляды устремились на нее. Разумеется, она смутилась. Но по другой причине. Есть одно маленькое правило, которое жизнь иногда запечатлевает в мозгу насильно: ты — не единственная, кто наблюдает за окружающими. Остальные тоже люди. Ты смотришь на них, они смотрят на тебя. Ты думаешь о них, они думают о тебе. Мир состоит не только из тебя.

Вывернуться не было никакой возможности. Но отчего-то Полли испытала облегчение.

— Меня зовут Полли, — сказала она почти шепотом.

И вопросительно взглянула на Маладикта, который уклончиво улыбнулся.

— Думаете, сейчас самое время? — спросил он.

— Так, парни, и чего стоим? — крикнул Джекрам, появляясь в шаге от него. Никто не видел, как сержант подошел; он двигался с типично унтер-офицерской ловкостью, которая порой приводит в замешательство даже Игорей.

Улыбка Маладикта не дрогнула.

— Мы ожидаем ваших приказов, сержант, — сказал он, оборачиваясь.

— Думаешь, ты тут самый умный, Маладикт?

— Думаю, что не самый глупый, сержант, — ответил вампир.

Джекрам улыбнулся, хоть и не сказать что добродушно.

— Рад это слышать. Еще одного дурака-капрала нам не надо. Да, да, я знаю, ты еще даже не настоящий рядовой, но, черт возьми, теперь ты капрал, потому что он мне нужен и потому что вид у тебя самый приличный. Три Куска даст тебе нашивки. Остальные... здесь, черт возьми,

не клуб многодетных матерей, мы отправляемся через пять минут! Шевелись!

— Но пленные, сержант... — начала Полли, все еще пытаясь осмыслить услышанное.

— Дотащим их до трактира, разденем догола и свяжем, — сказал Джекрам. — Наш руперт просто порох, если его разозлить, а? Сапоги и лошадей отдадим Шкаллоту. Без штанов эти ребята бегом не побегут.

— А этот, из газеты, их не выпустит? — спросила Холтер.

— Не беспокойся, даже если он перережет веревки, ключ от кандалов я брошу в сортир — пускай выживают.

— На чьей он все-таки стороне? — поинтересовалась Полли.

— Понятия не имею. Я ему не доверяю. Просто не обращайтесь внимания. Не говорите с ним. Никогда не разговаривайте с людьми, которые все записывают! Армейское правило. Так, парни, если не ошибаюсь, я вам отдал приказ и еще слышу эхо! Живей! Мы отправляемся!

— Повышение — это дорога в ад, парень, — сказал Шкаллот Маладикту, протягивая на конце крюка две нашивки, и ухмыльнулся. — Теперь тебе положено три пенса прибавки, только ты ни хрена не получишь, потому что нам не платят. Зато есть свои плюсы. Тебе не задержат жалованье — а они это умеют. Я так думаю: солдат стоит, а служба идет.

Дождь прекратился. Большинство новобранцев расхаживали перед казармой, где стоял маленький крытый фургон, принадлежавший газетчику. С шеста свисал огромный флаг, который Полли не удавалось разглядеть при лунном свете. Возле фургона Маладикт оживленно беседовал с Отто.

Центром внимания, впрочем, были лошади. Одну из них предложили Блузу, но он встревоженно отмахнулся, пробормотав, что хочет «остаться верен своему скакуну», который, с точки зрения Полли, больше всего напоминал самодвижущуюся стиральную доску с дурным нравом. Но, наверное, лейтенант принял правильное решение, потому что злобенские лошади были огромными, могучими, закаленными в боях, огнеглазыми животными. Если бы Блуз попытался сесть на одну из них, то, вероятно, порвал бы штаны, а если бы вздумал потянуть за узду, то скорее всего вывихнул бы руку из плеча. Теперь с каждого седла свисала пара сапог, а на прекрасного коня, стоявшего первым в веренице, с некоторым сомнением взгромоздился капрал Шкаллот.

— Я не лошатник, сам знаешь, Три Куска, — сказал Джекрам, закончив привязывать к седлу костыли, — но тебе, черт возьми, достался

отличный скакун.

— Ты прав, сержант. Его хватит на неделю целому взводу.

— Уверен, что не хочешь с нами? — спросил сержант, отходя. — Черти-зlobенцы тебя еще не дочиста обрубали.

— Спасибо за щедрое предложение, сержант, — ответил Три Куска. — Но быстрые лошади скоро станут настоящим сокровищем, и уж я своего не упущу. Эти коняги окупят жалованье за три года!

Он повернулся в седле и кивнул остальным.

— Удачи, парни, — бодро сказал он. — Вы идете под ручку со Смертью, но я ее видел, и, говорят, иногда она подмигивает. И не забывайте наливать суп в сапоги!

Кавалькада тронулась с места. Три Куска со своими трофеями исчез во тьме.

Джекрам проводил его взглядом, покачал головой и обернулся к рекрутам.

— Ладно, девочки... что тут смешного, рядовой Холтер?

— Э... ничего, сержант... я просто кое о чем подумал, — сказала Кувалда, задыхаясь от смеха.

— Тебе платят не за то, чтоб ты думал. Тебе платят за то, чтоб ты шагал. Вот этим и займись.

И отряд зашагал прочь. Дождь прекратился, но ветер слегка набрал силу — он погромыхивал ставнями, задувал в обезлюдевшие дома, открывал и закрывал двери, будто искал вещь, которую «честное слово, положил вот здесь минуту назад», но искал тщетно. В Плотце не двигалось ничего, кроме ветра и огонька одной-единственной свечи, которую оставили на полу в задней комнате пустой казармы.

Свеча стояла под наклоном, опираясь на нитку, привязанную между ножками стула. Погорев еще некоторое время, она должна была пережечь нитку и упасть на пол — точнее, на выложенную из соломы дорожку, которая вела к груде тюфяков. На них лежали две старые канистры с ламповым маслом.

Сырой ночью на это понадобился почти час. А потом от взрыва в казарме вылетели все окна.

В Борогравию пришел рассвет, и была рыба.

Над лесом взлетел голубь. Он лег на крыло и полетел в направлении долины Кнека. Черная каменная глыба цитадели, вздымавшаяся над морем деревьев, была видна издали. Стояло раннее свежее утро. Голубь, воплощенная целеустремленность, набрал скорость...

...и пискнул, когда с неба пала мгла и схватила его стальными когтями. Канюк и голубь некоторое время падали вместе, потом хищник слегка набрал высоту и полетел дальше.

Голубь подумал: «ОООООООО!» Если бы он умел связно мыслить и был чуть лучше осведомлен о том, как хищные птицы ловят голубей,^[2] то, возможно, задумался, отчего канюк держит его так... осторожно. Канюк не стискивал когти. И все-таки голубь подумал только: «ОООООО!».

Канюк достиг долины и низко закружил над крепостью. Тем временем на спине птицы показалась крошечная фигурка; отстегнув пару ремешков, она с величайшей осторожностью спустилась по ноге канюка. Добравшись до пленного голубя, человечек встал на колени и обхватил его руками за шею. Канюк скользнул над каменным балконом, снова набрал высоту и выпустил добычу. Голубь и крошечный человечек вместе покатались по каменным плитам в вихре перьев и замерли.

Голос откуда-то из-под голубя произнес:

— Блин...

По камням зазвучали торопливые шаги. Голубя подняли, и капрал Сварли Свирс обрел свободу. В нем, как и положено лепрекону, было всего шесть дюймов роста. С другой стороны, будучи главой и единственным служащим воздушного подразделения анк-морпоркской Городской Стражи, большую часть времени Сварли проводил так высоко в воздухе, что ему все казались маленькими.

— Ты цел, Сварли? — спросил командор Ваймс.

— Бывало и хуже, сэр, — сказал Сварли, выплевывая голубиное перо. — Жесткая посадка, черт возьми. В следующий раз будет лучше. К сожалению, голуби слишком глупы, чтобы ими рулить...

— Что ты мне привез?

— Газетчики выпустили голубя со своей повозки, сэр. Я всю дорогу за ним следил.

— Молодчина, Сварли.

Послышался шум крыльев, и канюк приземлился на парашют.

— Как его зовут? — спросил Ваймс. Канюк, как и положено птице, устремил на него безумный ледяной взгляд.

— Ее зовут Мораг, сэр. Ее обучили пиктсы. Чудесная птица.

— Это за нее мы заплатили ящик виски?

— Да, сэр, и она стоит каждой капли.

Голубь затрепыхался в руках Ваймса.

— Подожди здесь, Сварли. Я пришлю Реджа с освежеванным кроликом, — сказал Ваймс и зашагал в башню.

Сержант Ангва, сидя за столом, читала «Живой Завет Нуггана».

— Почтовый голубь, сэр? — поинтересовалась она, когда Ваймс сел.

— Нет, — ответил тот. — Погоди минутку, ладно? Я хочу посмотреть, что тут у него...

— Все-таки он похож на почтового голубя, — сказала Ангва, откладывая книгу.

— Да, но сообщения, пересылаемые по воздуху, — Мерзость пред Нугганом, — заметил Ваймс. — Наверное, потому, что они сталкиваются с молитвами верующих. Нет-нет, я нашел заблудившуюся домашнюю птичку и заглядываю в трубочку у нее на лапе в надежде узнать имя и адрес хозяина, потому что я добрая душа.

— То есть вы не перехватываете фронтовые корреспонденции «Правды», сэр? — Ангва ухмыльнулась.

— Ничего подобного. Я просто нетерпеливый читатель и хочу знать завтрашние новости сегодня. У мистера де Словва, кажется, талант по части вынюхивания. Ангва, я хочу сделать так, чтобы эти идиоты перестали драться, и тогда мы все поедем домой. Если ради этого голубь должен нагадить на мой стол, так тому и быть.

— Простите, сэр, я не заметила. Надеюсь, стол вытрет.

— Найди Реджа. Пусть отнесет канюку крольчатины.

Когда Ангва ушла, Ваймс осторожно раскрутил трубочку и вытащил тонкую бумажку. Он развернул ее, разгладил и с улыбкой прочел текст, написанный бисерным почерком. Потом перевернул листок и посмотрел на картинку.

Он все еще разглядывал ее, когда Ангва вернулась вместе с Реджем и ведерком рубленой крольчатины.

— Что-нибудь интересное, сэр? — невинно спросила она.

— О да. Планы изменились, ставки сделаны. Ха. Мистер де Словв, ну вы и дурак...

Он передал Ангве листок. Она внимательно прочитала статью.

— Ребята молодцы, сэр, — сказала она. — Почти все они выглядят лет на пятнадцать. По сравнению с драгунами... да, тут есть от чего впечатлиться.

— Да, да, ты права, совершенно права... — Глаза у Ваймса сверкнули, как у человека, который собирается рассказать занятный анекдот. — Скажи-ка, брал ли де Словв интервью у каких-нибудь злобенских шишек, когда приехал?

— Нет, сэр. Насколько мне известно, его прогнали в шею. Местные не знают, что такое репортер, поэтому адъютант его выставил и велел впредь

не докучать.

— Вот бедолага, — по-прежнему ухмыляясь, сказал Ваймс. — Ангва, ты ведь видела князя Генриха. Опиши его.

Ангва кашлянула.

— Ну... зеленые тона с синим оттенком, немного *grrrrl* и чуть-чуть...

— Я имел в виду — опиши его с учетом того, что я не вервольф, который видит носом, — перебил Ваймс.

— Простите, сэр. Рост шесть футов два дюйма, вес сто восемьдесят фунтов, светлые волосы, зелено-синие глаза, сабельный шрам на левой щеке, в правом глазу монокль, нафабранные усы...

— Ты наблюдательна. А теперь, пожалуйста, посмотри на капитана Горенца на этой картинке.

Ангва посмотрела на рисунок и тихо сказала:

— О боги. Они не знали?..

— А он не собирался выдавать себя. Они могли где-нибудь видеть его портрет?

Ангва пожала плечами.

— Сомневаюсь, сэр. Где?.. Здесь не было никаких газет, пока на прошлой неделе не приехали репортеры из «Правды».

— Может быть, гравюра?

— Нет. Они считаются Мерзостью, если только не изображают Герцогиню.

— Значит, парни действительно не знали. И де Словв тоже не видел князя, — сказал Ваймс. — Но ты-то познакомилась с ним, когда мы сюда приехали. Что скажешь? Между нами, разумеется.

— Тот еще сукин сын, и поверьте, сэр, я знаю, что говорю. Чертовски самонадеян. Такие мужчины не гадают, чего хочет женщина. Они не сомневаются, что женщины хотят именно их. Обычно они очень, очень любезны — пока не услышат отказ.

— Князь глуп?

— Пожалуй, нет. Но не так умен, как ему кажется.

— Все-таки он не назвал репортеру свое настоящее имя. Ты прочитала до конца? «Перри, капитан Горенц ругался и угрожал мне, когда новобранцы ушли. К сожалению, нам было некогда выуживать ключ из уборной. Пожалуйста, как можно скорее дайте князю знать об их местонахождении. В. де С.».

— Похоже, Вильям тоже от него не в восторге, — заметила Ангва. — Интересно, зачем князь отправился с разведкой?

— Ты же сказала, что он самонадеянный сукин сын. Может быть,

князь решил навеститься в гости и проверить, дышит ли еще его тетушка... — голос Ваймса оборвался.

Ангва взглянула ему в глаза. Ваймс смотрел сквозь нее. Ангва хорошо знала своего командира. Он считал, что война — такое же преступление, как и обыкновенное убийство. Он недолюбливал титулы и думал, что «герцог» — это должность, а не привилегия. У Ваймса было странное чувство юмора. И он обладал свойством, что Ангва назвала бы развитым предчувствием: Ваймс замечал летящие по ветру соломинки, предвещающие приближение бури.

— Стало быть, драгун пустили гольшом... — он хихикнул. — С тем же успехом им могли перерезать глотки. Но почему-то не перерезали. Ребята разули злобенцев и предоставили добираться до дома в чем мать родила.

Кажется, новобранцы только что приобрели нового друга.

Ангва ждала.

— Мне жаль борогравцев, — сказал Ваймс.

— Мне тоже, сэр.

— Да? И почему?

— Религия им не на пользу, сэр. Вы читали новейшие Мерзости? Нугган запретил запах свеклы и рыжие волосы. И все это — едва разборчивым почерком. Корнеплоды в Борогравии — основной продукт. Три года назад Нугган запретил выращивать их на полях, где росли злаки и горох.

Ваймс непонимающе взглянул на нее, и Ангва вспомнила, что он вырос в городе.

— Никакого севооборота, сэр, — пояснила она. — Почва истощается, начинаются болезни. Вы были правы, когда сказали, что борогравцы сходят с ума. Любому фермеру понятно, что эти... предписания просто безумны. Наверное, люди управляются как могут, но рано или поздно им приходится либо нарушать правила и чувствовать себя виноватыми, либо соблюдать их и мучиться. Без всякой причины, сэр. Я успела оглядеться. Здешние жители очень религиозны, но Нугган не оправдывает их надежд. Неудивительно, что они преимущественно молятся правящей семье.

Ваймс некоторое время смотрел на письмо. Потом он спросил:

— Отсюда далеко до Плотца?

— Пятьдесят миль, — ответила Ангва и добавила: — Волчьим ходом — часов шесть.

— Хорошо. Сварли за тобой присмотрит. Тем временем юный Генри доберется до дома или встретит злобенский патруль или борогравский

патруль... неважно. Но как только люди увидят картинку... навоз разлетится во все стороны. Готов поклясться, что де Словв освободил бы Генриха, будь он вежлив и любезен. Отныне князь будет почтительнее с представителями свободной и справедливой прессы, ха-ха. — Ваймс выпрямился и потер руки с видом человека, намеренного взяться за дело. — Давай выпустим голубя, пока его не хватились. Пусть Редж сходит к газетчикам и скажет, что их голубь влетел не в то окно. Опять.

Скучать не приходилось.

Они не пошли к причалу, потому что лодки там не было. Новобранцы не явились вовремя, и лодочник уплыл, не дождавшись. Тогда отряд перешел через мост и углубился в лес. Маладикт шел первым, Блуз, на своем древнем одре, возглавлял остальных, а Яшма замыкала. Ночью можно обойтись без света, если отряд ведет вампир, ну а тролль у любого отобьет охоту виснуть на хвосте.

Никто даже не упоминал про лодку. Все молчали. Дело в том, подумала Полли, что теперь они шагали не по одиночке. Их объединял общий Секрет. В этом было огромное облегчение, и сейчас они не испытывали нужды ничего обсуждать. Тем не менее они по-прежнему рыгали, пускали ветры, ковыряли в носу и чесали между ног — просто на всякий случай.

Полли не знала, стоит ли гордиться, что ее приняли за парня. Она подумала: «Конечно, я очень старалась сойти за мужчину. Я научилась правильно ходить и бриться понарошку. Ни один из них об этом даже не подумал. Точнее, ни одна. Ха. Я несколько дней не чистила ногти и лучше всех умею рыгать. Во всяком случае, я подготовилась». Полли почувствовала досаду, убедившись, что добилась такого внушительного успеха.

Через несколько часов, когда по-настоящему рассвело, они почуяли запах дыма. Меж деревьев повисла тонкая белесая пелена. Лейтенант Блуз поднял руку, приказывая остановиться, и о чем-то зашептался с Джеккрамом.

Полли шагнула вперед.

— Разрешите обратиться, сержант? По-моему, я знаю, что это такое.

Джеккрам и Блуз уставились на нее. Сержант сказал:

— Ладно, Перкс. Иди и проверь.

Полли этого не ожидала, но ведь она сама подставилась. Джеккрам смилостивился, увидев выражение ее лица. Он кивнул Маладикту и сказал:

— Сходи с ним, капрал.

Они отделились от отряда и осторожно двинулись вперед, ступая по грудам опавших листьев. Дым был тяжелым и пахучим, а главное — навевал воспоминания. Полли направилась туда, где густой подлесок совершенно заслонял свет, пробившийся сквозь тучи, и пролезла через частокол орешника. Густой дым здесь висел почти неподвижно.

Заросли закончились. В нескольких ярдах от Полли, на широкой поляне, похожая на маленький вулкан горка земли извергала в воздух дым и пламя.

— Угольная яма, — шепнула Полли. — Ореховые вязанки, обмазанные глиной. Они несколько дней лежат и тлеют. Должно быть, ветер вчера ночью раздул огонь. Теперь хорошего угля не получится, горит слишком сильно.

Они обошли яму, держась поближе к кустам. На поляне были и другие кучки, над которыми поднимались легкие завитки дыма. Полли заметила две недоделанные угольные ямы — их отмечали вязанки орешниковых палок и запас свежей глины. Неподалеку стояла хижина. Не считая потрескивания вырвавшегося на волю огня, ничто не нарушало тишину.

— Углежог, наверное, умер... или умирает, — сказала Полли.

— Он умер, — ответил Маладикт. — Здесь пахнет смертью.

— Ты это чувствуешь, несмотря на дым?

— Конечно, — сказал вампир. — Некоторые вещи мы чувствуем очень хорошо. Но ты-то откуда знаешь?

— Углежоги следят за своими ямами, как ястребы за добычей, — сказала Полли, разглядывая хижину. — Он ни за что не позволил бы огню разгореться, если бы был жив. Он в хижине?

— Они в хижине, — спокойно поправил Маладикт и зашагал по затянутой дымом поляне.

Полли побежала следом.

— Мужчина и женщина? — спросила она. — Жены часто живут вместе с ними...

— Пока не могу понять. Должно быть, оба стары.

Хижина представляла собой времянку без окон, сделанную из переплетенных ореховых прутьев, с куском парусины вместо крыши. Углежоги перебираются с места на место, из роци в роцу. Рваная тряпка заменяла дверь. Внутри царил темнота.

Веди себя по-мужски, подумала Полли.

На постели в хижине лежала женщина, на полу — мужчина. Глаз заметил и другие подробности, о которых не пожелал задумываться мозг.

Там было много крови.

Оба действительно были стары. И старше уже не станут.

Выйдя из хижины, Полли лихорадочно задышала.

— Думаешь, это сделали злобенские кавалеристы? — наконец спросила она и поняла, что Маладикт весь дрожит. — А... ты увидел кровь...

— Я справлюсь! Ничего страшного! Просто нужно собраться с мыслями. Все в порядке, — тяжело дыша, вампир прислонился к стене хижины. — Так. Все нормально. Я не чую здесь лошадей. Посмотри сама. После дождя повсюду мягкая грязь — но никаких отпечатков подков нет, хотя человеческих следов полно. Это сделали мы.

— Не говори глупостей, мы были...

Вампир наклонился, вытащил из-под опавших листьев тонкий латунный кругляш и большим пальцем стер с него грязь. Полли увидела кокарду «Тудой-судой» с изображением пылающего сыра.

— Но... я думала, мы — хорошие парни, — слабо сказала Полли. — То есть будь мы парнями...

— Мне нужен кофе, — ответил вампир.

— Дезертиры, — произнес сержант Джеккрам. — Бывает...

Он швырнул кокарду в огонь.

— Но они воевали на нашей стороне! — заметила Маникль.

— И что? Не все тут такие благородные сэры, как ты, рядовой Маникль, — сказал сержант. — Некоторым через несколько лет надоедает увертываться от стрел и лопать крысиную баланду. Когда мы отступали от Хруска, у меня три дня не было ни капли во рту, а потом я упал мордой в лужу лошадиной мочи и отнюдь не стал лучше относиться ни к собратьям по оружию, ни к их коням. В чем дело, капрал?

Маладикт, стоя на коленях, рассеянно рылся в ранце.

— У меня пропал кофе, сержант.

— Наверное, ты его не взял, — без особого сочувствия сказал Джеккрам.

— Взял, сэр! Я вымыл кофеварку и положил ее в ранец вместе с кофе вчера после ужина. Я знаю, что положил. Я очень серьезно отношусь к кофе!

— Если к твоему кофе несерьезно отнесся кто-то другой, он пожалеет, что я родился на свет, — прорычал Джеккрам. — Больше никто ничего не потерял?

— Э... я не хотел говорить, сэр, потому что не был уверен, — начала Маникль, — но сейчас я открыл ранец... похоже, в моих вещах кто-то

рылся.

— Та-ак... — протянул Джекрам. — Так, так, так. Слушайте сюда, парни. Воровать у товарищей — это преступление, за которое вешают, ясно? Быстрее всего боевой дух падает, когда какой-нибудь мелкий сукин сын начинает копаться в чужих вещах. И если я кого на этом застукаю, то шкуру с него спущу! — он яростно взглянул на новобранцев. — Я не требую, чтобы вы все, как преступники, вытряхнули барахло из ранцев, — сказал Джекрам, — но лучше проверьте и убедитесь, что ничего больше не пропало. Вдруг кто-нибудь случайно сунул к себе чужие вещи. Бывает. Собирались в спешке, впотьмах, проще простого ошибиться. Разбирайтесь сами, поняли? А я пойду побреюсь. Лейтенант Блуз блюет за хужиной, бедняга. Он посмотрел на трупы.

Полли принялась лихорадочно рыться в ранце. При сборах она побросала вещи как попало, но то, что она теперь отчаянно искала...

...действительно исчезло. Несмотря на жар от углей, она задрожала.

Пропал сверток со срезанными волосами.

Полли попыталась припомнить все события вчерашнего вечера. Они скинули ранцы, как только пришли в казарму, — так? И Маладикт действительно варил себе кофе к ужину. Он вымыл и вытер кофеварку...

Послышался тоненький жалобный скулеж. Уолти Гум, сидя посреди своих жалких разбросанных пожитков, держала в руках кофеварку, сплюсненную почти в блин.

— Б-б-б... — начала она.

Мысли Полли понеслись быстрее, чем мельничное колесо во время наводнения.

...Потом они отнесли вещи в заднюю комнату, где стояли койки. Ранцы оставались там, пока отряд дрался с драгунами...

— О боги, — проговорила Маникль.

Значит, кто-то прокрался через заднюю дверь. В городе не было никого, кроме них и вражеских кавалеристов. Должно быть, этот кто-то хотел понаблюдать за происходящим и заодно немного навредить...

— Страппи! — воскликнула Полли вслух. — Ну конечно, Страппи! Этот хорек налетел по дороге на вражеский разъезд, а потом вернулся украдкой, чтобы посмотреть. Он, черт возьми, рылся в наших вещах, которые лежали в задней комнате! Послушайте, — продолжала она, когда все взгляды устремились на нее, — разве можно представить, чтобы Гум воровала? И потом, она не успела бы...

— А почему злобенцы не взяли Страппи в плен? — спросила Кувалда Холтер, глядя на сломанную кофеварку в трясущихся руках Гум.

тут побывал, вряд ли вернутся — но если таки вернутся, дашь знать, ясно? Вы с Игорем сейчас пойдете со мной, и я покажу, где встать.

— У меня больше нет кофе... — простонал Маладикт.

— Кофе — вонючая гадость, — отрезал Джеккрам на ходу. — Горячий сладкий чай — вот друг солдата.

Полли схватила котелок, в котором Блауз кипятил воду для бритья, и заспешила прочь. Вот чему еще она научилась в армии: кажись занятым. Если ты создаешь видимость бурной деятельности, никто даже не поинтересуется, чем именно ты занят.

Проклятый Страппи! Он украл ее волосы и попытается использовать их как улику, это уж точно, вполне в его духе. Интересно, чем он сейчас занят? Конечно, капрал будет держаться подальше от Джеккрама, в этом сомневаться не приходится. Он подождет. Значит, она тоже.

Отряд разбил лагерь с наветренной стороны. Они надеялись отдохнуть, потому что вчера ночью никто почти не спал, но Джеккрам, раздавая наряды, напомнил: «Есть старая армейская поговорка — ни пуха ни пера».

Никто даже не заикнулся о том, чтобы переночевать в хижине углежога. Новобранцы нашли на поляне несколько обтянутых парусиной деревянных рам, укрывавших приготовленные дрова от дождя. Те, кому нечем было заняться, улеглись на груды веток, которые приблизительно повторяли очертания тела, не воняли и были в любом случае лучше, чем густонаселенные шкрябки в казарме.

Блауз, на правах офицера, получил персональный шалаш. Полли сложила из вязанок хвороста кресло, которое, по крайней мере, пружинило. Она выложила бритвенные принадлежности и уже развернулась, собираясь уходить...

— Ты не мог бы побрить меня, Перкс? — попросил лейтенант.

К счастью, Полли стояла спиной, и он не видел ее лица.

— Рука, к сожалению, распухла, — продолжал Блауз. — В обычной ситуации я бы не стал просить, но...

— Да, сэр, конечно, — ответила Полли, потому что выбора не оставалось. Так-так... она, конечно, наловчилась скрести тупой бритвой по собственному безволосому лицу, а еще брила забитых свиней на трактирной кухне, потому что клиентам обычно не нравится волосатая ветчина. Но это ведь не считается. Полли охватила паника — и страх усилился, когда она увидела Джеккрама. Ей предстояло перерезать горло старшему офицеру в присутствии сержанта.

Когда не знаешь, что делать, — побольше суетись. Так гласит

солдатская мудрость. И надейся, что внезапно налетят враги.

— Вы не слишком строги с вашими людьми, сержант? — спросил Блуз, когда Полли завязала ему вокруг шеи полотенце.

— Нет, сэр. Главное — чтоб они были заняты, вот в чем фокус. Иначе парни захандрят, — уверенно ответил Джекрам.

— Да, но они только что увидели два изувеченных трупа, — напомнил Блуз и содрогнулся.

— Пусть привыкают, сэр. Увидят и еще.

Полли стояла над бритвенными принадлежностями, разложенными на чистом полотенце. Так... острая бритва, мама дорогая. Серый камень для грубой заточки, красный — для тонкой. Мыло, кисточка, чашка... что ж, по крайней мере, она умела взбивать пену.

— Дезертиры, сержант. Скверное дело, — продолжал Блуз.

— Они есть всегда, сэр. Вот почему жалованье задерживают. Любой дважды подумает, прежде чем сбежать, оставив плату за три месяца.

— Мистер де Словв сказал, что дезертиров очень много, сержант. Странно, что столько солдат бегут из победоносной армии.

Полли принялась энергично взбивать пену. Джекрам, впервые с тех пор как к отряду присоединился Маладикт, казался смущенным.

— Но на чьей стороне мистер де Словв, сэр? — поинтересовался он.

— Сержант, я не сомневаюсь, что вы не глупы, — ответил лейтенант. Пена вылезла за края чашки и упала на пол. — Солдаты бегут толпами. Наши границы, судя по всему, настолько проницаемы, что вражеская кавалерия забралась на сорок миль в глубь нашей дорогой родины. А верховное командование, видимо, совершенно отчаялось — да, отчаялось, сержант, — если отправляет на фронт полдюжины необученных и, давайте признаем, совсем юных солдат.

Пена жила собственной жизнью. Полли помедлила.

— Сначала горячее полотенце, Перкс, — подсказал Блуз.

— Да, сэр. Простите, сэр. Забыл, сэр, — сказала Полли, ощутив прилив паники. У нее сохранилось смутное воспоминание о цирюльне в Мунце. Горячее полотенце. Да. Она схватила маленькое полотенце, плеснула на него кипятком, выжала и положила на лицо Блуза. Нужно отдать ему должное, он почти не вскрикнул.

— А-а-аргх... меня еще кое-что беспокоит, сержант.

— Да, сэр?

— Я думаю, вражеские кавалеристы встретили капрала Страппи. Иначе каким образом они могли про нас узнать?

— Логично, сэр, — сказал Джекрам, наблюдая за Полли, которая

залепила пеной рот и нос Блуза.

— Я очень надеюсь, что они... пф-ф... не пытали беднягу, — сказал лейтенант. Джеккрам многозначительно промолчал. Полли взмолилась, чтобы он перестал на нее смотреть.

— Но зачем дезертиру... пф-п... идти в сторону фронта... пф-ф? — продолжал Блуз.

— Для старого солдата, сэр, в этом есть определенный смысл. Особенно для политического.

— Правда?

— Вот уж поверьте, сэр, — сказал Джеккрам. Стоя за спиной Блуза, Полли принялась водить бритвой туда-сюда по точильному камню. Лезвие уже блестело, как льдинка.

— Но наших парней, сержант, не назовешь старыми солдатами. Нужны две недели... пф-ф... чтобы новобранец превратился в вояку, — заметил лейтенант.

— Многообещающие ребята, сэр. Думаю, что обойдусь парой дней, — ответил сержант. — Перкс?..

Полли чуть не отхватила себе палец.

— Да, сержант? — дрожа, спросила она.

— Как по-твоему, ты мог бы сегодня убить человека?

Полли взглянула на бритву. Лезвие светилось.

— Боюсь, что смог бы, сэр.

— Вот вам, — обратился Джеккрам к лейтенанту с кривой ухмылкой. — В этих парнях есть запал, сэр. Они быстро учатся...

Он подошел к Полли, молча забрал бритву и сказал:

— Нам нужно обсудить кое-какие вопросы, сэр. Частного свойства. А Перксу лучше отдохнуть.

— Конечно, сержант. *Pas devant les soldats jeunes.*

— И это тоже, сэр, — отозвался Джеккрам. — Можешь идти, Перкс.

Полли зашагала прочь, по-прежнему чувствуя дрожь в правой руке. Она слышала, как Блуз вздохнул и сказал:

— Тяжелые времена, сержант. Командовать еще никогда не было так тягостно. Великий генерал Тактикус говорит, что в минуту опасности командир должен видеть картину целиком, как орел, но в то же время подмечать все мелочи, как ястреб.

— Да, сэр, — Джеккрам провел лезвием бритвы по щеке Блуза. — А если он окажется полным дятлом, сэр, то должен будет биться головой о сосну.

— Э... хорошо сказано, сержант.

Угольщика и жену похоронили в сопровождении коротенькой молитвы, которую, разумеется, прочла Гум. Она попросила Герцогиню вступить за покойных перед Нугганом, чтобы тот даровал им вечный покой и так далее. Полли неоднократно слышала эту молитву и всякий раз гадала, как происходит такое общение.

Сама она не молилась — с того самого дня, когда сгорела нарисованная птичка. Не молилась, даже когда умирала мать. Бог, который сжигает нарисованных птичек, не спасет ничью жизнь. Такой бог не стоит молитвы.

Но Гум молилась за всех. Молилась, как ребенок, плотно зажмурившись и сжав руки так, что костяшки белели. Ее тоненький голосок дрожал, и в нем звучала такая вера, что Полли смущалась и чувствовала себя пристыженной, а когда слышалось последнее «аминь», удивлялась тому, что мир ничуть не изменился. В течение двух минут он казался лучше и чище...

В хижине была кошка. Она спряталась под самодельной кроватью и шипела на всех, кто подходил.

— Дезертиры забрали всю еду, но в маленьком огороде под холмом есть немного моркови и репы, — сказала Маникль, когда похороны закончились.

— Н-н-не надо к-к-красть у мертвецов, — возразила Гум.

— Если они против, то пусть крепче держатся за свою морковку, — ответила Маникль. — Они ведь теперь тоже под землей.

Почему-то остальные решили, что это очень смешно. Они теперь смеялись чему угодно.

В лагере остались Яшма, Тьют, Маникль и Полли. Остальные караулили.

Они сидели у костра, на котором кипел маленький котелок. Тьют подкладывала дрова. Полли заметила, что она всегда оживлялась рядом с огнем.

— Я приготовлю лошадиную баланду для руперта, — сказала Маникль, охотно ввертывая жаргонные словечки, которые выучила меньше суток назад. — Он сам попросил. Три Куска оставил нам уйму вяленой конины, но Кувалда пообещала подшибить пару фазанов, пока будет стоять в дозоре.

— Надеюсь, она не забудет, что караулить тоже надо, — сказала Полли.

— Она будет осторожна, — ответила Тьют, вороша огонь палкой.

— Если нас раскроют, то выпорют и отошлют обратно, — сказала Маникль.

— Кто нас раскроет? — спросила Полли — так быстро, что сама удивилась. — Кто станет проверять здесь и сейчас? Кому до этого есть дело?

— Ну... носить мужскую одежду — Мерзость пред Нугганом...

— Почему?

— Нипочему, — твердо ответила Маникль. — Но...

— ...но ты ее носишь, — закончила Полли.

— Это был единственный способ, — возразила Маникль. — Я надела ее... и не нашла в ней ничего особенно мерзкого.

— Ты заметила, что мужчины говорят с тобой по-другому? — застенчиво спросила Тьют.

— Говорят? — переспросила Полли. — Да они даже слушают по-другому!

— Они не смотрят на тебя все время, — сказала Маникль. — Ну, вы понимаете. Ты... просто человек, такой же, как остальные. Но если девушка выйдет на улицу с мечом, любой мужчина постарается его отнять.

— У нас, троллей, девушкам, ета, не разрешают носить дубины, — пожаловалась Яшма. — Только камни. И лишайники, ета, тоже нельзя. Мужчины говорят, что, ета, непокрытая голова символизирует скромность. Мне пришлось натирать голову птичьим... ентим самым, чтоб вырос лишайник.

Для тролля это была довольно длинная речь.

— А я и не знала, — сказала Полли. — Э... для человека все тролли примерно одинаковы.

— Я от природы угловатая, — заметила Яшма. — И не понимаю, зачем мне шлифоваться.

— То-то и оно, — сказала Маникль. — Наверное, все дело в носках. Они как будто тащат тебя вперед. Весь мир вращается вокруг твоих носков.

Она вздохнула и посмотрела на конину, разварившуюся почти добела.

— Баланда готова. Отнеси ее руперту, Полли... то есть Оззи. Я объяснила сержанту, что могу приготовить что-нибудь получше, но он сказал, что в прошлый раз лейтенанту очень понравилось...

Небольшая дикая индейка, несколько фазанов и два кролика, связанных за лапки, приземлились прямо перед Маникль.

— Неплохо мы покараулили, а? — спросила Холтер, ухмыляясь и крутя на пальце пращу. — Один камень — один ужин. Маладикт стоит в дозоре. Говорит, что учует любого врага, прежде чем тот его увидит. И

потом, он слишком нервничает, чтобы есть. Что можно приготовить из дичи?

— Мясо в горшочке, — уверенно ответила Маникль. — Овощи у нас есть, а у меня осталось поллуковицы.^[3] Вместо духовки сгодится одна из...

— Встать! Смирно! — рявкнул незаметно подошедший Джеккрам. Он стоял, слегка улыбаясь. — Рядовой Холтер, у меня, должно быть, чертовски острое зрение, — заметил он, когда они приблизительно встали по стойке «смирно».

— Да, сержант, — ответила Холтер, глядя прямо перед собой.

— Знаешь почему, рядовой Холтер?

— Нет, сержант.

— Потому что я уверен, что ты в дозоре, Холтер, но при этом явственно вижу, что ты стоишь тут передо мной, Холтер! Так, Холтер?

— Да, сержант!

— Но я не сомневаюсь, что ты в дозоре, Холтер, потому что за уход с поста в военное время полагается смертная казнь, Холтер!

— Я только...

— Никаких «только»! Слышать не желаю ваши «только»! Не думай, что я попусту ору, Холтер. Попусту орал капрал Страппи, но он, черт возьми, был политический. Клянусь, я не стану на вас орать, *но если ты не вернешься на пост через тридцать секунд, я тебе язык вырву!!!*

Холтер исчезла. Джеккрам кашлянул и продолжал уже тише:

— Так, дети мои. Вот что такое настоящая вступительная лекция, а вовсе не те политические штучки, которыми пичкал вас капрал Страппи. — Он прочистил горло и продолжал: — И цель моей лекции, парни, — разъяснить, где мы находимся. А именно: мы находимся в глубокой заднице. Хуже и быть не может, даже если бы с небес сыпалось дерьмо. Есть вопросы?

Поскольку ошеломленные новобранцы ни о чем не спрашивали, он продолжал, медленно расхаживая вокруг шеренги:

— Мы знаем, что в округе вражеские солдаты. На данный момент — без сапог. Но придут и другие, и сапог у них будет в избытке. Еще в округе есть дезертиры. Неприятная публика. Бывают очень невежливы. Поэтому лейтенант Блуз приказал двигаться лесом и только ночью. Да, мы столкнулись с врагом и победили. Нам повезло. Враг не ожидал, что встретит такого сильного и смелого противника. Вы тоже не ожидали. Поэтому не задирайте нос... — Он наклонился, так что его лицо оказалось в нескольких дюймах от лица Полли. — Ты не будешь задирать нос, рядовой Перкс?

— Нет, сержант!

— Хорошо. Хорошо, — Джекрам отступил на шаг. — Мы идем на фронт, парни. На войну. А где всякий солдат мечтает находиться, когда идет война? Не считая луны, конечно. Ну, кто ответит?

Яшма медленно подняла руку.

— Валяй, — приказал Джекрам.

— В армии, сержант, — ответила троллиха. — Потому что, ета... — Она начала загибать пальцы: — Раз. В армии тебе дают оружие и все такое. Два. В армии вокруг тебя — другие люди с оружием. Э... Много. Тебе платят деньги и кормят лучше, чем штатских. Э... Очень много. Если ты, ета, сдаешься, тебя берут в плен и соблюдают всякие правила, типа, не бить пленных по голове, потому что, ета, если ты будешь бить пленных по голове, на той стороне тоже будут бить пленных по голове, поэтому, ета, ты вроде как бьешь по голове самого себя. Это еще не все, но у меня цифры закончились... — Яшма улыбнулась в тридцать два алмаза. — Тролли, мож, медленно соображают, но они не глупые, — добавила она.

— Я потрясен, рядовой, — сказал Джекрам. — И — да, ты совершенно прав. Единственная проблема в том, что вы еще не солдаты. Но уж об этом я позабочусь. Стать солдатом нетрудно, иначе бы солдат не было вообще. Нужно запомнить всего три вещи, а именно: первое — выполнять приказы, второе — всыпать врагу как следует, третье — не умирать. Ясно? Вот так. Вы уже почти научились. Молодцы! Я предлагаю вам свою помощь, чтоб вы добились того, другого и третьего. Вы — мои ребятки, и я за вами пригляжу. А пока что займитесь делом. Маникль, готовь ужин. Рядовой Перкс, ступай к руперту. А потом поучись брить. А я пока проведу тех, кто стоит в дозоре, и возведу им слово истины. Разойтись!

Они стояли по стойке «смирно», пока Джекрам не оказался за пределами слышимости, а потом расслабились.

— Почему он всегда так орет? — спросила Маникль. — Ему ведь достаточно только попросить...

Полли вытрясла кошмарную баланду в миску и почти бегом отправилась к лейтенанту. Тот оторвался от карты и улыбнулся, как будто его пригласили на роскошный пир.

— А, баланда, — сказал он.

— У нас есть и другая еда, сэр, — сказала Полли. — Не сомневаюсь, ее хватит на всех...

— Нет-нет, я уже давным-давно не ел ничего подобного, — возразил Блуз, хватая ложку. — Конечно, в школе мы не ценили баланду...

— Вас этим кормили в школе, сэр? — спросила Полли.

— Да. Почти каждый день, — радостно ответил Блуз.

У Полли это не укладывалось в голове. Блуз — хоть и небольшая, но шишка. Шишки едят соответствующую еду, не так ли?

— Э... вы сделали что-то очень плохое, сэр?

— Не понимаю тебя, Перкс, — сказал лейтенант, прихлебывая ужасное жидкое варево. — Солдаты отдыхают?

— Да, сэр. Мертвецы нас немного напугали...

— Да. Неприятная ситуация, — Блуз вздохнул. — Увы, такова война. Очень жаль, что вам приходится учиться так быстро. Просто возмутительная трата сил. Не сомневаюсь, все наладится, как только мы доберемся до Кнека. Никакой генерал не станет требовать, чтобы юноши вроде вас немедленно превратились в настоящих солдат. Я непременно сделаю заявление...

Его остренькие черты обрели необычайную решимость, точь-в-точь как если бы хомячок вдруг нашел дырку в колесе.

— Будут еще приказания, сэр? — спросила Полли.

— Э... солдаты обо мне говорят, Перкс?

— Нет, сэр.

Лейтенант, казалось, был разочарован.

— О. Ну ладно. Спасибо, Перкс.

Полли гадала, спит ли Джекрам хоть когда-нибудь. Она стояла в дозоре, а он вдруг вышагнул у нее из-за спины и сказал:

— Угадай, кто, Перкс. Ты в карауле. Следовательно, ты должен увидеть опасного врага, прежде чем он увидит тебя. Знаешь, что такое четыре «эс»?

— Свет, силуэт, сияние и сумерки, — отчеканила Полли, вытягиваясь во фронт. Она ждала этого вопроса.

Джекрам слегка растерялся.

— Ты ведь знал, да?

— Нет, сэр. Одна маленькая птичка начирикала, когда сменялась, сэр. Предупредила, что вы об этом спросите, сэр.

— А, так мои парни сговорились против доброго старого сержанта?

— Нет, сэр. Мы делимся друг с другом сведениями, крайне необходимыми для выживания, сэр.

— У тебя хорошо подвешен язык, Перкс, вот что.

— Спасибо, сержант.

— Тогда почему ты, черт возьми, стоишь против света, почему твой силуэт, черт возьми, прекрасно виден, почему ты, черт возьми, даже не

думаешь укрыться в сумерках и почему твоя, черт возьми, сабля сияет, как бриллиант в ухе у трубочиста? Объясни!

— Из-за одного «цэ», сержант, — ответила Полли, по-прежнему глядя прямо перед собой.

— И что это значит?

— Цвет, сержант. На мне, черт возьми, красно-белый мундир, который, черт возьми, хорошо видно в сером лесу, сэра.

Она искоса взглянула на Джекрама. Поросычьи глазки сержанта сверкнули. Так бывало всегда, когда ему что-то нравилось.

— Ты стыдишься своего чертовски прекрасного мундира, Перкс? — поинтересовался он.

— Не хочу, чтоб меня в нем убили, сержант.

— Х-ха. Ты прав, Перкс.

Полли улыбнулась, продолжая смотреть в никуда.

Потом она сменилась и получила миску тушеной дичи. В это время Джекрам учил Тьют и Холтер основам фехтования, вооружив их ореховыми палками вместо мечей. Когда Полли доела, сержант уже принялся учить Гум профессиональной стрельбе из новенького арбалета — в частности, внушал, что не следует оборачиваться со стрелой на тетиве и спрашивать: «А в-в-вот этот крючок зачем, сержант?» Гум держала оружие, как домохозяйка дохлую мышь — на расстоянии вытянутой руки и стараясь не смотреть. Но у нее все-таки получалось лучше, чем у Игоря, которого явно выводила из равновесия сама идея столь хаотически применяемой хирургии.

Яшма дремала. Маладикт висел вниз головой в сарае, держась коленями за балку и скрестив руки на груди. Он не кривил душой, когда намекал, что от некоторых вампирских привычек трудно отказаться.

Игорь и Маладикт...

Полли по-прежнему сомневалась насчет Маладикта, но Игорь уж точно был мужчиной. Швы на лбу и внешность из разряда «сойдет для сельской местности».^[4] Он был тихим и опрятным, но, может быть, так ведут себя все Игори.

Полли проснулась от того, что Маникль встряхнула ее.

— Мы снимаемся. Сходи к руперту.

— Что? А? Ах, да.

Вокруг кипела бурная деятельность. Полли кое-как поднялась и заспешила в сарай. Лейтенант Блуз стоял перед своей злополучной лошастью и растерянно крутил в руках уздечку.

— А, Перкс, — сказал он. — Я не уверен, что...

— Так точно, сэр. Вот эта штуковина у вас перекрутилась, а вон та фиговина перевернута вниз головой, — сказала Полли, которая часто помогала возчикам во дворе «Герцогини».

— Наверное, вот почему вчера он так упрявился, — заметил Блуз. — Конечно, лейтенант обязан знать такие вещи, но дома у нас был слуга...

— Давайте я, сэр, — попросила Полли. Несколькими аккуратными движениями она придала уздечке нужный вид. — Как звать вашего коня, сэр?

— Талацефал, — смущенно ответил Блуз. — В честь легендарного жеребца генерала Тактикуса.

— Я и не знал, сэр, — Полли наклонилась и глянула между задними ногами лошади. Ого. Нужно быть очень близоруким, чтобы...

Кобыла посмотрела на Полли не столько глазами, маленькими и злобными, сколько желтыми зубами, которых у нее было невероятное количество. Казалось, она вот-вот захихикает.

— Я подержу его, а вы сядете, сэр.

— Спасибо. Он всегда немного пританцовывает, когда я сажусь.

— Неудивительно, сэр, — ответила Полли. Она повидала упрямых лошадей, а у этой были налицо все признаки настоящей чертовки — из тех, что отказываются признавать очевидное превосходство человеческой расы.

Блуз полез в седло. Кобыла обратила на Полли глаза (и зубы), но та предусмотрительно встала подальше от шестов, поддерживавших крышу. Талацефал была не из тех, кто бьет задом и лягается. Полли не сомневалась, что кобыла предпочитает штучки поподлее — например, наступить на ногу...

Она убрала ногу за секунду до того, как на нее опустилось тяжелое копыто. Но Талацефал, разозлившись, что ее перехитрили, извернулась, нагнула голову и что есть сил укусила Полли за свернутые носки.

— Плохой конь! — строго сказал Блуз. — Прости, Перкс. По-моему, ему не терпится в бой. Ох, силы небесные, — добавил он, опуская взгляд. — Ты в порядке, Перкс?

— Он меня тянет, сэр, — пожаловалась Полли. Талацефал мотала ее туда-сюда.

Блуз побелел.

— Но он укусил... он держит тебя... прямо за...

До Полли дошло. Она живо вспомнила все то, что слышала в трактире в ходе многочисленных боев без правил.

— О... ай-ай-ай! Черт подери! Прямо в яблочко! Ааргх! — запричитала она, а потом, решив, что уже пора, с силой стукнула кобылу

обеими кулаками по храпу.

Лейтенант упал в обморок.

Понадобилось некоторое время, чтобы привести Блуза в чувство, но Полли по крайней мере успела собраться с мыслями.

Он открыл глаза и мутно взглянул на нее.

— Э... вы упали с лошади, сэр, — сказала Полли.

— Перкс, ты цел? Бедняга, он укусил тебя за...

— Несколько стежков — и все будет в порядке, сэр, — бодро ответила Полли.

— Тебя придется оперировать?!

— Нет, всего лишь зашить штаны, — сказала Полли. — Они слегка великоваты, сэр.

— Великоваты, да?.. Обошлось, да?.. Еще полдюйма, да?.. Однако нельзя же лежать тут целый день...

Отряд помог лейтенанту взобраться на кобылу, которая по-прежнему гнусно хихикала. К слову о стежках, Полли решила привести в порядок мундир Блуза на следующем же привале. Сама она шила не слишком хорошо, но подумала, что если Игорь не сможет придать лейтенантскому мундиру пристойный вид — значит, он не тот, за кого себя выдает. Честно говоря, Полли и так сомневалась.

Джеккрам выстроил новобранцев в шеренгу. Теперь им это удавалось лучше. Аккуратнее, по крайней мере.

— Слушай сюда, Сырцееды! Сегодня мы...

Огромные желтые зубы стянули с него кивер.

— Прошу прощения, сержант, — сказал Блуз, пытаясь отъехать назад.

— Ничего страшного, сэр, бывает, — отозвался Джеккрам, яростно дергая кивер.

— Я бы хотел обратиться к солдатам, сержант.

— Да? Э... хорошо, сэр, — Джеккрам явно встревожился. — Конечно, сэр. «Тудой-сюдой»! Смиррррна!

Блуз кашлянул.

— Э... бойцы, — сказал он. — Как вы знаете, нам нужно незамедлительно следовать в долину Кнека, где нас ждут. Если мы будем передвигаться ночью, то избежим... вероятных затруднений. Э... я... — Он смотрел на новобранцев, и его лицо искажала мучительная внутренняя борьба. — Э... вынужден признать, что мы... все указывает на то, что... э... я сомневаюсь, что... э... я должен вам сказать... э...

— Разрешите обратиться, сэр, — сказала Полли. — Вы здоровы?

— Мы будем надеяться, что те, кто облечен высокими полномочиями, примут верное решение, — промямлил Блуз. — Но я верю в вас и не сомневаюсь, что вы также приложите все усилия. Боги, храните Герцогиню! Командуйте, сержант Джеккрам.

— Сырцееды, стройсь! Шагом марш!

И они двинулись в темноту — на войну.

Отряд шел прежним порядком, с Маладиктом во главе. Облака удерживали тепло и были достаточно тонкими, чтобы там и сям пропускать слабый лунный свет. Ночной лес не пугал Полли — и в любом случае это была не настоящая чаща. Впрочем, и они не то чтобы по-настоящему маршировали. Скорее быстро крались, по одному и по двое.

Полли достались два арбалета, которые она неловко засунула между ремнями ранца. Идеальные орудия убийства, снабженные шестеренками, нечто среднее между луком и будильником. Не более шести дюймов в длину — но если при зарядке навалиться всем весом, маленькая и очень острая металлическая стрела обретала такую силу удара, что насквозь пробивала дюймовую доску. Арбалеты отливали синевой. Блестящие жестокие игрушки. Но есть старое армейское реченье: лучше я выстрелю из этой штуки в тебя, чем ты в меня, сукин сын.

Полли заспешила вперед, пока не поравнялась с Игорем. Он кивнул ей в темноте и вновь сосредоточился на ходьбе. Игорь двигался с сугубой осторожностью, потому что ранец у него был вдвое больше, чем у остальных. Никто не испытывал желания спрашивать, что там внутри, но иногда было слышно, как в ранце что-то плещется.

Игори иногда наведывались в Мунц, хотя чисто теоретически считались Мерзостью пред Нугганом. Полли казалось: нет ничего дурного в том, чтобы при помощи частей тела какого-нибудь покойника сохранить жизнь трем-четырем людям, но, по словам отца Юпка, Нугган не хотел, чтобы люди просто жили, — он хотел, чтобы они жили праведно. Паства одобрительно мычала, но Полли знала наверняка, что среди прихожан были обладатели рук и ног, слегка не совпадающих по цвету или степени волосатости. Горы изобиловали лесопилками. Там бывали несчастные случаи. Быстрые и внезапные. А поскольку для однорукого лесоруба вряд ли найдется работа, пострадавшие находили Игоря, который делал то, что не могли сделать молитвы.

Девиз Игорей гласил: «Жизнь есть круговорот». Игори требовали уплаты не на месте, а, так сказать, в перспективе — и, честно говоря, это тревожило. Когда человек умирал, возле него загадочным образом

появлялся Игорь и просил разрешения забрать те части тела, которые срочно требовались другим пациентам «в шпишке». Игори никогда не отказывались подождать, пока священник не закончит, и, по слухам, работали очень аккуратно. Тем не менее нередко бывало, что при появлении Игоря потенциальный донор пугался и делался ревностным адептом Нуггана, который предпочитал видеть свою паству *целиком*. В таком случае Игорь тихо и вежливо уходил — и не возвращался. Он больше не показывался в этой деревне или на этой лесопилке. Как и остальные Игори. Все в мире движется — или останавливается.

Насколько понимала Полли, Игори считали, что тело — всего-навсего одежда, только более сложного покроя. Как ни странно, так же думали и нугганиты.

— Ты рад, что вступил в армию, Игорь? — спросила Полли, шагая рядом.

— Да, Оззи.

— На следующем привале, пожалуйста, посмотри руку руперта. Он сильно поранился.

— Да, Оззи.

— Можно тебя кое о чем спросить, Игорь?

— Да, Оззи.

— Как зовут ваших девушек?

Игорь запнулся, но тут же пошел дальше. С минуту он молчал, а потом спросил:

— Что я сделала не так?

— Иногда ты забываешь шепелявить, — сказала Полли. — Но в основном... просто ощущение. Может быть, дело в том, как ты двигаешься.

— Нас зовут Игоринами, — ответила Игорина. — И шепелявим мы меньше, чем парни.

Они некоторое время шли молча, пока Полли не спросила:

— Я-то думала, что срезать волосы — и то нелегко...

— Ты про швы? — сказала Игорина. — Я могу их убрать за пять минут. Они просто для вида.

Полли помедлила. Но, в конце концов, Игорям можно доверять, не так ли?

— Ты не срезала волосы?..

— Просто удалила, — ответила Игорина.

— Я положила свои в ранец, — продолжала Полли, стараясь не смотреть на швы на лбу Игорины.

— Я тоже. В банке. Они продолжают рашти.

Полли сглотнула. Чтобы обсуждать с Игорями личные вопросы, нужно полное отсутствие зрительного воображения.

— Мои волосы украли в казарме. Я уверена, что это сделал Страппи, — сказала она.

— Ох, черт.

— Меня жуть берет, как подумаю, что они у него!

— Зачем ты вообще взяла их с собой?

Вот в чем вопрос. Полли готовилась заранее, притом неплохо. Она одурачила остальных. Она действовала разумно и спокойно, и ее почти не мучила совесть, когда она отрезала волосы...

...и все-таки она взяла их с собой. Зачем? Почему не выбросила? В волосах нет никакого волшебства, это просто... волосы. Ничего не стоило выкинуть их, и все. Запросто. Но... но... а вдруг бы на них наткнулись служанки? Ну, конечно. Нужно было вынести срезанные волосы из дому побыстрее. Да. А потом закопать где-нибудь подальше. Да.

Но она этого не сделала.

Потому что было некогда.

Да, отозвался предательский внутренний голос. Было некогда, потому что она старательно обманывала всех, но обмануть саму себя не удалось, не так ли?

— Зачем твои волосы Страппи? — спросила Игорина. — Джеккрам его убьет, как только увидит. Страппи — дезертир и вор!

— Да, но он может кому-нибудь проболтаться.

— Тогда скажи, что это память о любимой девушке, которая осталась дома. Многие солдаты хранят медальоны с прядями. Ну, знаешь, как в песне поется: «Ах, эти кошы золотые...»

— Прядь?! Это были все мои волосы! Они бы не поместились в кивере!

— Скажи, что ты *очень* любил ту девушку.

Почти против воли Полли рассмеялась и никак не могла остановиться. Прикусив рукав, она зашагала дальше, хотя плечи у нее тряслись.

Нечто похожее на древесный сук потыкало ее в спину.

— Вы двое, ета, потише, — проговорила Яшма.

— Прости. Прости, — шепнула Полли.

Игорина начала тихонько напевать. Полли знала эту песню.

Когда поднялся я на холм
И зашагал долиной...

Она подумала: о нет. Одной песни вполне достаточно. Хотела бы я оставить девушку дома, но, похоже, она здесь, со мной... И тут они вышли из-за деревьев и увидели алое зарево.

Остальные уже стояли на прогалине и смотрели. Зарево охватывало почти весь горизонт, оно то разгоралось ярче, то тускнело.

— Это ад? — спросила Гум.

— Нет. Боюсь, тут постарались люди, — сказал лейтенант. — Это долина Кнека.

— Там пожар, сэр? — спросила Полли.

— Да брось, это всего лишь огонь походных кухонь, который отражается от облаков, — заявил сержант Джеккрам. — Поле боя ночью всегда выглядит жутко. Но бояться нечего, парни!

— Они там что, слонов жарят? — поинтересовался Маладикт.

— А это что? — спросила Полли, указывая на ближайший холм, который темнел на фоне ночного неба. На нем быстро мигал маленький огонек.

Послышался легкий скрежет, а потом металлический стук: Блуз вытащил небольшой телескоп.

— Это световой передатчик, черт возьми, — ответил он.

— А вон, ета, еще один, — прогрохотала Яшма, указывая на холм поодаль. — Ишь, мигает.

Полли перевела взгляд с алого неба на холодный маленький огонек, который то появлялся, то исчезал. Такой безвредный на фоне пылающих небес...

— Они передают шифрованное сообщение, — объяснил Блуз. — Готов поклясться, здесь засели шпионы.

— Световой передатчик? — спросила Холтер. — Что за штука?

— Мерзость пред Нугганом, — ответил лейтенант. — И это очень жаль. Если б мы могли ими пользоваться, они бы намгодились. Так, сержант?

— Да, сэр, — машинально отозвался Джеккрам.

— В воздух должны возноситься только молитвы верующих. Молитесь Нуггану, восхваляйте Герцогиню, и так далее, и тому подобное, — Блуз вздохнул. — Жаль, очень жаль. Как по-вашему, далеко до этого холма, сержант?

— Две мили, сэр. Думаете, стоит туда подползти?

— Они, конечно, понимают, что кто-нибудь наверняка их заметит и пойдет посмотреть, а потому вряд ли собираются торчать тут долго, — размышлял Блуз. — И потом, их свет направлен в строго определенную

сторону. Мы потеряем его из виду, как только спустимся в долину...

— Разрешите обратиться, сэр? — сказала Полли.

— Конечно, рядовой.

— Почему свет такой яркий, сэр? Совсем белый.

— Что-то вроде фейерверка, наверное. А что?

— Они передают сообщения с помощью света?

— Да, Перкс. А что...

— Люди, которые получают сообщение, точно таким же образом отправляют ответ? — продолжала Полли.

— Да, Перкс, в том-то и дело.

— Тогда... может быть, нам вообще не нужно туда идти, сэр? Ведь свет направлен сюда, сэр.

Все обернулись. Холм, который они обогнули, нависал прямо у них над головами.

— Молодчина, Перкс, — шепнул Блуз. — Вперед, сержант.

Он соскочил с кобылы, которая машинально сделала шаг вбок, чтобы он гарантированно упал.

— Так точно, сэр, — ответил Джекрам, помогая лейтенанту подняться. — Маладикт, возьми Гума и Холтера. Обойдите холм слева. Остальные пойдут справа. Только не ты, Карборунд, извини, здесь нужно действовать тихо. Ты останешься тут. Перкс, за мной.

— И я, сержант, — сказал Блуз. Одна лишь Полли увидела, что Джекрам поморщился.

— Прекрасно, сэр, — ответил он. — Вы пойдете... то есть мы с Перксом пойдём с вами. Всем ясно? Тихонько ползите вверх — и чтоб никто, *никто* не двигался, пока не услышит мой сигнал...

— Мой сигнал, — решительно поправил Блуз.

— Я так и хотел сказать, сэр. Вперед, тихо и быстро. Бейте их не жалея, но оставьте в живых хотя бы одного. Пошли!

Отряд разделился, и обе группы исчезли. Сержант выждал пару минут и двинулся вперед с удивительной для его толщины скоростью, так что Полли и лейтенант на секунду оказались в одиночестве. Отвергнутая Яшма наблюдала за их уходом.

Деревья на склоне росли реже, но кустов все-таки было недостаточно, чтобы ухватиться. Полли поняла, что легче ползти вверх на четвереньках, цепляясь за корни и молоденькие деревца. Через некоторое время она почувствовала острый химический запах дыма. Она уже не сомневалась, что слышит и тихое щелканье.

Дерево вытянуло руку и втащило Полли в тень.

— Ни слова, — прошипел Джеккрам. — Где руперт?

— Не знаю, сержант.

— Ч-черт. Нельзя вот так бросать руперта. Понятия не имею, что взбредет ему в голову, особенно теперь, когда он решил, что он тут главный! Ты за ним присматриваешь — ну так иди и найди его.

Полли спустилась по склону и увидела Блуза, который цеплялся за дерево и тяжело дышал.

— А, Перкс... — пропыхтел он. — У меня... кажется... приступ астмы...

— Я помогу, сэр, — сказала Полли, хватая лейтенанта за руку и волоча вперед. — Вы не могли бы хрипеть чуть потише, сэр?

Мало-помалу, толкая и подтаскивая, она доставила Блуза туда, где ждал сержант.

— Рад, что вы к нам присоединились, сэр, — прошептал сержант, придавая лицу выражение идиотской почтительности. — Если вы будете так любезны и подождете здесь, мы с Перксом пойдем наверх и...

— Я иду с вами, сержант, — перебил Блуз.

Джеккрам помедлил.

— Да, сэр, — наконец ответил он. — Но при всем к вам уважении, сэр, я-то привык к стычкам...

— Идемте, сержант, — сказал Блуз, распластываясь на склоне и хватаясь за кусты.

— Да, сэр, — мрачно буркнул Джеккрам.

Полли тоже двинулась вперед. Трава здесь была короткой, исципанной кроликами, там и сям торчали низенькие кусты. Из всех сил стараясь не шуметь, она ползла туда, где слышалось щелканье. Висевший в воздухе химический запах стал сильнее. Подобравшись ближе, Полли увидела вспышки света и подняла голову.

В нескольких шагах от нее стояли трое, отчетливо выделяясь на фоне ночного неба. Один держал какую-то трубу, примерно пяти футов длиной, взвалив один конец на плечо, а второй установив на треножник. Труба была нацелена на дальний холм. За спиной у человека с трубой стоял большой квадратный ящик. Сквозь щели пробивался свет, из маленького отверстия на крышке валил густой дым.

— Перкс, на счет три, — сказал Джеккрам, справа от Полли. — Раз...

— Отставить, сержант, — тихо произнес Блуз слева от Полли.

Она увидела, как на круглой румяной физиономии Джеккрама появилось удивление.

— Сэр?..

— Всем оставаться на местах, — сказал Блуз. Ящик продолжал щелкать.

Военная тайна, подумала Полли. Шпионы. Враги. А мы лежим и наблюдаем. Все равно что смотреть, как из артерии вытекает кровь.

— Сэр! — прошипел Джекрам, буквально дымясь от негодования.

— Не двигаться, сержант. Я приказываю, — спокойно сказал Блуз.

Джекрам подчинился, но это было обманчивое спокойствие вулкана, готового извергнуть лаву. Неумолимое щелканье продолжалось. Оно длилось целую вечность. Джекрам, лежа рядом с Полли, кипел от гнева и ворчал, как цепной пес.

Воцарилась тишина. Полли услышала негромкие голоса.

— Сержант Джекрам, — шепнул Блуз, — а теперь как можно скорее берем их.

Джекрам вылетел из травы, как перепелка.

— Вперед, парни! Хватай их!

Когда Полли вскочила и побежала, ей вдруг показалось, что расстояние увеличилось само собой.

Все трое обернулись, услышав крик Джекрама. Тот, что держал трубу, бросил ее и схватился за меч, но сержант обрушился на него, как лавина. Шпион совершил ошибку, отказавшись спастись бегством. Несколько раз лягнули мечи, потом началась рукопашная — а в рукопашной Джекрам сам по себе был смертоносным орудием.

Второй шпион пробежал совсем рядом с Полли, но она бросилась к третьему. Он попятился, зажимая рот рукой, развернулся и оказался лицом к лицу с Маладиктом.

— Не дай ему проглотить! — заорала Полли.

Маладикт выбросил руку вперед и поднял извивающегося человека над землей, держа за горло.

Операция прошла бы безупречно, если бы не подоспели остальные. Они вложили все силы в разбег, ничего не оставив для того, чтобы затормозить. Начались столкновения.

Пленник ударил Маладикта ногой в грудь, и тот упал. Шпион попытался отползти, но врезался в Холтер. Полли перескочила через Игорину, чуть не споткнулась об упавшую Гум и торопливо поползла следом, уже на карачках. Шпион выхватил кинжал и принялся отчаянно размахивать им у нее перед носом, кашляя и хватаясь за горло свободной рукой. Полли выбила нож, забежала сзади и изо всех силхватила мужчину по спине. Он упал. Прежде чем Полли успела в него вцепиться, чья-то рука подхватила шпиона, и голос Джекрама проревел:

— Нельзя, чтоб бедняга задохнулся, Перкс!

Левой рукой он двинул пленника в живот. Послышался такой звук, какой бывает, когда мясник бросает тушу на колоду. У шпиона глаза полезли на лоб, что-то большое и белое вылетело изо рта и упало за спиной у Джеккрама.

Сержант бросил свою добычу и повернулся к лейтенанту.

— Я протестую, сэр! — заявил он, трепеща от ярости. — Мы лежали здесь и смотрели, как эти черти посылают свои проклятые сообщения, сэр. Они шпионы, сэр! Мы могли их взять сразу же, сэр!

— А потом, сержант? — сказал Блуз.

— Что потом?

— Вам не кажется, что люди, которым они посылали сообщения, встревожились бы, если бы связь вдруг оборвалась? — спросил лейтенант.

— Даже если так, сэр...

— Теперь у нас в руках сигнальный аппарат, сержант, а их начальство об этом не знает.

— Допустим, но вы сами сказали, что они шифруются, сэр...

— Кажется, шифровальная книга тоже у нас, сержант, — сказал Маладикт, держа в руках нечто белое. — Этот человек пытался ее съесть. Она напечатана на рисовой бумаге. То еще лакомство, надо сказать.

— А вы извлекли книгу, сержант, и, с вероятностью, спасли ему жизнь. Отличная работа! — воскликнул Блуз.

— Но один все-таки ушел, сэр, — сказал Джеккрам. — Скоро он доберется до...

— Сержант?..

Из зарослей появилась Яшма. Когда она подошла ближе, все увидели, что троллиха тащит за ногу человека. Несомненно, мертвого. У живых бывает голова.

— Я сию, вдруг слышу крик, и тут он, ета, выскакивает прямо на меня. Я встаю, и он раз в меня головой, — пожаловалась Яшма. — Я его даже стукнуть не успел...

— Что ж, рядовой, по крайней мере, мы можем с уверенностью сказать, что ты его остановил, — заметил Блуз.

— Шэр, он умирает, — сказала Игорина, стоя на коленях над шпионом, которого сержант столь успешно спас от удушья. — Он отравлен.

— Что? Кем? — крикнул Блуз. — Ты уверен?

— На эту мышль наводит шеленая пена, шэр, которая идет у него ишо рта.

— Что тут смешного, рядовой Маладикт? — поинтересовался Блуз.
Вампир хихикнул.

— Простите, сэр. Если не ошибаюсь, шпионам говорят: «Если попадетесь — съешьте документы». Яд — хороший способ сделать так, чтобы пленные наверняка не выдали секретов...

— Но ты держишь эту... жеваную книжку в руках, капрал!

— Вампира так легко не отравишь, сэр, — спокойно возразил Маладикт.

— Возможно, яд смертелен только при попадании в рот, шэр, — сказала Игорина. — Опасная штука. Э... опасная. Он умер, шэр. Я ничего не могу сделать.

— Бедняга. Ну что ж, по крайней мере, у нас есть шифр, — произнес Блуз. — Вы не зря старались, солдаты.

— И пленник, сэр, пленник, — напомнил Джекрам.

Единственный выживший шпион — тот, что держал трубу, — застонал и шевельнулся.

— Слегка помят, — констатировал Джекрам с явным удовлетворением. — Когда я на кого-нибудь падаю, сэр, он обычно остается лежать.

— Вы двое, тащите его, — приказал Блуз. — Сержант, до рассвета еще несколько часов, и я хочу убраться подальше. Остальных двоих нужно похоронить где-нибудь в лесу и...

— Просто скажите «командуй, сержант», — попросил Джекрам почти жалобно. — Вы, сэр, говорите, что делать, а я отдаю приказ рядовым.

— Времена меняются, сержант, — ответил Блуз.

Послания, летящие в небе. Мерзость пред Нугганом.

Эта логика казалась Полли непогрешимой, когда они вместе с Уолти Гум копали две могилы. Молитвы верующих летят к Нуггану — то есть поднимаются в небо. Множество незримых вещей — святость, милость и список новейших Мерзостей — спускаются сверху, от Нуггана к верующим. Передавать по воздуху сообщения от одного человека к другому воспрещается, потому что они сталкиваются на лету с молитвами. Конечно, если ты веришь в Нуггана. И в силу молитвы.

За рытьем Уолти Гум сказала, что на самом деле ее зовут Алисой. Это имя совершенно не подходило маленькому, худенькому, скверно стриженному существу, которое плохо умело обращаться с лопатой. У Гум была привычка стоять вплотную к собеседнику и смотреть чуть влево от его лица. Она верила в силу молитвы. Верила во все. Поэтому

разговаривать с ней было немного... затруднительно, особенно если собеседник отличался неверием. Но Полли все-таки решила попытаться.

— Сколько тебе лет, Гум? — спросила она, ковыряя лопатой глину.

— Д-д-девятнадцать, Полли.

— Почему ты пошла в армию?

— Мне велела Герцогиня.

Вот почему с Гум мало кто общался.

— Гум, ты ведь знаешь, что надевать мужскую одежду — Мерзость?

— Спасибо, что напомнила, Полли, — ответила та без тени иронии. —

Но Герцогиня сказала: что бы мне ни пришлось сделать, пока я буду выполнять свою миссию, это не сочтут Мерзостью.

— Миссию, — повторила Полли, стараясь говорить добродушно. — И что это миссия?

— Я должна возглавить армию, — ответила Гум.

У Полли волосы встали дыбом.

— Что? — переспросила она.

— Герцогиня сошла с портрета, когда я спала, и велела немедленно отправляться в Кнек, — сказала Гум. — Матушка обратилась ко мне, Оззи. Она руководила мной. Направляла мои шаги. Она вывела меня из постыдного рабства. Разве это может быть Мерзостью?

У нее меч, подумала Полли. И лопата. Нужно быть осторожнее.

— Как интересно... — выговорила она.

— Э... должна тебе сказать... я... никогда не знала такой любви и духа товарищества, — искренне продолжала Гум. — Это самые счастливые дни моей жизни. Вы все так тепло, так заботливо ко мне относитесь... Матушка ведет меня. Она ведет нас всех, Оззи. Ты тоже в это веришь, правда?

В лунном свете виднелись дорожки слез на грязных щеках Гум.

— Э... — сказала Полли, изо всех сил пытаясь избежать лжи. Наконец она нашла способ увильнуть. — Ты ведь знаешь, что я ищу брата?

— Да, и Герцогиня считает, что это делает тебе честь, — немедленно ответила Гум.

— Ладно, ладно, я пошла на войну в том числе и ради «Герцогини», — сказала Полли, чувствуя отвращение к себе. — Я все время о ней думаю.

Что было правдой — если не уточнять.

— Я так рада это слышать, Оззи! Ведь я думала, что ты утратила веру! — воскликнула Гум. — Но ты говоришь так твердо. Давай преклоним колени и...

— Гум, ты стоишь в чужой могиле, — напомнила Полли. — Всему свое время и место. Лучше пойдем к остальным.

Самые счастливые дни в своей жизни эта девочка провела, пробираясь по лесу, копая могилы и стараясь не попадаться на глаза солдатам с обеих сторон? Полли, к сожалению, задавала вопросы, даже когда совершенно не желала слышать ответы.

— И... Герцогиня до сих пор с тобой говорит? — уточнила она, пока они шли в потемках.

— Да. Она явилась мне, когда мы ночевали в казарме в Плотце, — ответила Гум. — Она сказала, что все идет по плану.

Не спрашивай, не спрашивай, твердил внутренний голос, но Полли, следуя нездоровому любопытству, заставила его замолчать. Гум была славной девушкой... по-своему славной, хоть и жутковатой... но говорить с ней было все равно что сдирать корочку с ранки. Прекрасно знаешь, что там под ней, но все равно ковыряешь.

— А... что ты делала раньше? — спросила Полли.

Гум загнувшись улыбнулась.

— Точнее, что делали со мной. В основном били.

В лощинке неподалеку от дороги кипел чай. Половина отряда стояла в дозоре. Всех пугала мысль о людях в черном, шныряющих вокруг лагеря.

— Хочешь поила? — спросила Маникль, протягивая кружку. Несколько дней назад она бы сказала «сладкий чай с молоком». Пускай они не сумели сыграть свою роль безупречно, но тем не менее были полны решимости говорить «по-свойски».

— Как дела? — спросила Полли.

— Понятия не имею. Сержант и руперт пошли вон туда с пленным, а нам не оставили никаких распоряжений.

— Вообще ни звука, — сказала Гум, беря кружку.

— Я им все-таки налила по кружке. Посмотри, как там дела, ладно?

Полли торопливо допила чай, взяла кружки и поспешила в заросли.

На краю лощины, прислонившись к дереву, маячил Маладикт. У вампиров есть характерная черточка: они никогда не бывают неухожены, они бывают... как это называется... в дезабилье. То есть выглядят неаккуратно, но чертовски стильно. Маладикт стоял в расстегнутом мундире, заткнув за ленту кивера пачку сигарет. Он отсалютовал Полли арбалетом, когда она прошла мимо.

— Оззи, — окликнул он.

— Что, капрал?

— У кого-нибудь из них нашелся кофе?

— Прости, капрал, только чай.

— Чтоб его... — Маладикт пнул дерево. — Слушай, ты погналась именно за тем парнем, который проглотил шифровальную книгу. Именно за ним. Почему?

— Просто повезло, — ответила Полли.

— Ну да, конечно. Скажи кому другому. У меня хорошее ночное зрение.

— Ну хорошо. Тип слева кинулся наутек, тот, что стоял в середине, бросил трубу и схватился за меч, а тот, что справа, решил, что сунуть в рот какую-то штуквину важнее, чем драться или удирать. Доволен?

— Ты все это сообразила за две секунды? Неплохо.

— Да, да. И, пожалуйста, забудь об этом, договорились? Не хочу, чтоб меня разоблачили. Я вообще не особо хочу здесь находиться. Я всего лишь ищу брата. Ясно?

— Ладно. Я просто подумал — надо сказать, что кто-то тебя видел. Ладно, отнеси им чай, пока они друг друга не угробили.

По крайней мере, я следила за врагом, гневно подумала Полли, отходя. За врагом, а не за товарищем по оружию. Кем возомнил себя этот вампир? Или... возомнила?

Пробираясь через заросли, Полли услышала громкие голоса.

— Нельзя пытаться безоружного! — воскликнул Блуз.

— Я не стану ждать, пока он вооружится, сэр! Он кое-что знает! Он шпион!

— Даже не вздумайте еще раз ударить его под ребра! Это приказ, сержант!

— Он не заговорит, если попросить вежливо! «Ах, сю-сю, пожалуйста» — это не то чтобы признанный метод допроса! Вам тут вообще нечего делать, сэр! Вы должны сказать: «Сержант, вытяни у пленного все, что можно», а потом куда-нибудь отойти и подождать, пока я не доложу, сэр!

— Вы снова это сделали!

— Что? Что?

— Ударили его!

— А вот и нет.

— Сержант, я ведь приказал!

— И что?..

— Чай готов, — бодро сказала Полли.

Блуз и Джекрам обернулись. Выражение лиц у них изменилось. Будь они псами, у обоих опустилась бы шерсть на загривке.

— А, Перкс, — сказал Блуз. — Молодец.

— Э... спасибо, парень, — произнес сержант.

Присутствие Полли, казалось, понизило температуру. Блуз и Джекрам выпили чай и подозрительно взглянули друг на друга.

— Вы, наверное, заметили, сержант, что шпионы одеты в темно-зеленую форму Первого батальона Пятьдесят девятой роты злобенских лучников. То есть это стрелковый батальон, — произнес Блуз с холодной вежливостью. — Разведка одевается по-другому, сержант.

— Да? А чего они так запачкались, сэр? Позабыли начистить пуговицы и все такое, сэр.

— Патрулирование в тылу врага — не шпионаж, сержант. Вы сами наверняка занимались этим в свое время.

— Столько раз, что можно сбиться со счета, сэр, — ответил Джекрам. — И я прекрасно знал, что если меня сцапают, то хорошенько надают по шарам. Но стрелки — это штука похуже, сэр. Ты думаешь, что никто тебя не достанет, а в следующую секунду какой-то сукин сын, который засел в кустах на холме, делает поправку на ветер и расстояние и всаживает стрелу в череп твоему приятелю. — Сержант поднял с земли странного вида лук. — Видели, какие у них штуковины? «Коренной-и-Рукисила, номер пять, с обратным изгибом», сделано в треклятом Анк-Морпорке. Настоящее орудие убийства. Мы дадим этому парню шанс, сэр. Он расскажет все, что знает, и отделается легко. Или будет молчать и получит по полной программе.

— Нет, сержант. Это — вражеский офицер, взятый в плен в бою. Он имеет право на гуманное обращение.

— Вот и нет, сэр. Он сержант, а сержанты не заслуживают уважения, сэр. Уж я-то знаю. Они хитрые ловкачи. Я бы не возражал, будь он офицером, сэр. Но сержанты — народ умный.

Связанный пленник хрюкнул.

— Вытащи кляп, Перкс, — приказал Блуз. Инстинктивно, хотя инстинкту было всего два дня от роду, Полли посмотрела на Джекрама. Тот пожал плечами, и она вытащила кляп.

— Я буду говорить, — сказал пленник, выплевывая нитки. — Но только не с этим жиртрестом! Держите его подальше от меня! Я буду говорить с офицером.

— Ты не в том положении, чтоб ставить условия, парень, — рыкнул Джекрам.

— Сержант, — заметил Блуз, — я не сомневаюсь, что у вас есть какие-нибудь дела. Пожалуйста, займитесь ими. И пришлите сюда двух человек. Пленный не справится с четверыми.

— Но...

— И это тоже был приказ, сержант, — сказал Блуз. Джекрам затопал прочь, а лейтенант повернулся к пленному: — Как вас зовут?

— Сержант Тауэринг, лейтенант. И если вы разумный человек, то освободите меня и сдадитесь.

— Сдаться? — переспросил Блуз. В эту минуту на поляну выскочили Игорина и Гум, вооруженные и озадаченные.

— Да. Я замолвлю за вас словечко, когда вы попадетесь. Честное слово, лучше вам не знать, сколько народу за вами гоняется. Можно мне попить?

— Что? Ах, да. Конечно, — сказал Блуз, как будто его уличили в нехватке хороших манер. — Перкс, принеси чаю для сержанта. Скажите, пожалуйста, а почему нас разыскивают?

Тауэринг криво ухмыльнулся.

— А вы не знаете?

— Нет, — холодно ответил Блуз.

— Правда не знаете? — Тауэринг захохотал. Он что-то слишком расслабился для пленника, а Блуз вел себя как очень вежливый, но встревоженный человек, который пытается казаться твердым и решительным. Смотреть на него было все равно что наблюдать, как ребенок блефует в покер против игрока по прозвищу Док.

— Я не настроен гадать, друг мой. Отвечайте, — сказал Блуз.

— Все про вас знают, лейтенант. Вы ведь — Чудовищный взвод. Не обижайтесь. Говорят, с вами тролль, вампир, Игорь и вервольф. Говорят, вы... — он хихикнул, — ...вы победили князя Генриха и его охрану, сняли с них сапоги и заставили пробежаться по лесу в чем мать родила!

В кустах неподалеку запел соловей. И некоторое время никто ему не мешал. Потом Блуз сказал:

— Э... вы ошибаетесь. Этого человека звали капитан Горенц...

— Ну да, конечно, он не собирался говорить, кто он на самом деле такой, пока вы стояли, направив на него мечи, — заметил Тауэринг. — Я слышал от одного приятеля, что ваш солдат пнул его по интересному месту. Но рисунка я пока не видел.

— Кто-то нарисовал, как его пнули? — пискнула Полли, внезапно ощутив ужас.

— Нет-нет. Но повсюду уже разослали изображение князя в цепях. Говорят, через клик-башни рисунок отправили даже в Анк-Морпорк.

— Князь... сердится? — робко спросила Полли, проклиная Отто Шрика и его рисунки.

— Как бы выразиться... — саркастически ответил Тауэринг. — Сердится? Нет, я бы не сказал, что он сердится. Он в ярости. Ну, или в бешенстве. О да, «в бешенстве» — это подходящее описание. Вас теперь многие ищут, парни. Вы отлично постарались.

Даже Блуз заметил, что Полли не по себе.

— Э... Перкс, — сказал он. — Это ведь не ты...

Одна-единственная мысль — «обогияпнулакнзяпоинтересномуместу» — кругами носилась в голове Полли, как хомяк в беговом колесе. А потом вдруг все остановилось.

— Да, сэр, — быстро ответила она. — Он пытался изнасиловать молодую женщину, сэр. Если помните.

Блуз перестал хмуриться и по-детски улыбнулся.

— Ах, да. Действительно. Он некоторым образом настаивал, если не ошибаюсь?

— И отнюдь не наливку на ягодках, сэр, — немедленно отозвалась Полли.

Тауэринг взглянул на Гум, мрачно сжимавшую арбалет, который пугал ее саму, и на Игорину, которая явно предпочла бы держать хирургический нож вместо сабли. Судя по виду, ей было дурно. Полли заметила, что сержант улыбнулся...

— Вот так, Тауэринг, — сказал лейтенант, поворачиваясь к пленнику. — Конечно, всякий знает, что на войне случаются жестокости, но отнюдь не такого поведения мы ожидаем от особы королевской крови.^[5] Если нас преследуют из-за того, что храбрый молодой солдат не позволил событиям принять еще более отталкивающий оборот, значит, так тому и быть.

— Честное слово, я впечатлен, — сказал Тауэринг. — Да он настоящий странствующий рыцарь. Это делает вам честь, лейтенант. Можно мне, наконец, чаю?

Впалая грудь Блуза зримо выпятилась, когда он услышал комплимент.

— Да, Перкс, принеси чаю, если тебе не трудно. Оставить вас троих наедине с этим типом, который, несомненно, намерен смыться?..

— Пусть лучше Гум пойдет и... — начала она.

— На пару слов, рядовой, — огрызнулся Блуз и притянул ее к себе. Полли не сводила глаз с сержанта Тауэринга. Он, конечно, был связан по рукам и ногам, но она не рискнула бы доверять человеку, который так скалится, даже будь он прибит к потолку.

— Перкс, ты оказал нам огромную услугу, но я не потерплю, чтобы мои приказы постоянно оспаривались, — сказал Блуз. — Ты, в конце

концов, мой денщик. Нас, конечно, вывезла кривая, но я требую повинования. Пожалуйста.

Чувство было такое, словно на тебя напала бешеная золотая рыбка, но Полли вынужденно признала, что лейтенант прав.

— Простите, сэр, — сказала она, пятясь как можно дальше, чтобы, по возможности, не пропустить развязку. А потом развернулась и побежала.

Джеккрам сидел у огня, положив на огромные колени лук Тауэринга, и резал большим складным ножом нечто похожее на кровяную колбасу. Он что-то жевал.

— Где остальные, сэр? — спросила Полли, хватая кружку.

— Я их отправил в разведку вокруг лагеря, Перкс. Осторожность не бывает лишней. Особенно если у этого парня поблизости дружки.

...очень разумно. Иными словами, половина отряда отослана подальше...

— Сержант, помните того капитана в Плотце? Это был...

— У меня хороший слух, Перкс. Ты его пнул прямо по «королевским привилегиям», если не ошибаюсь. Ха! Тем интереснее, правда?

— Будет хуже, сержант, я просто чую, — сказала Полли, снимая с огня котелок. Она долила чайник, расплескав половину.

— Ты жуешь, Перкс? — спросил Джеккрам.

— Что? — рассеянно переспросила Полли.

Сержант показал ей кусочек чего-то черного и липкого.

— Табак. Ты жуешь табак? По-моему, «Черное сердце» лучше «Веселого моряка», потому как он со вкусом рома, хотя говорят...

— Сержант, Тауэринг хочет удрать! Сержант! Я точно знаю. Лейтенант там не главный. Этот тип им вертит как хочет. Он очень дружелюбный и все такое, но я по глазам вижу, сержант!

— Не сомневаюсь, лейтенант Блуз знает, что делает, Перкс, — сдержанно ответил Джеккрам. — Ты ведь не хочешь сказать, что связанный пленник способен справиться с вами четверыми?

— Елочки! — сказала Полли.

— По-моему, сосны, — заметил Джеккрам, оглядываясь. Полли насыпала сахару в самый скверный чай, когда-либо приготовленный денщиком, и побежала обратно на поляну.

Как ни странно, пленный все еще сидел у дерева, по-прежнему связанный по рукам и ногам. Сырцееды удрученно наблюдали за ним. Полли расслабилась — но не слишком.

— ...а теперь вы послушайте, лейтенант, — говорил Тауэринг. — Не вижу ничего позорного в том, чтобы поставить точку. Князь скоро вас

выследит, потому что теперь это дело чести. Но если вы пойдете со мной, я прослежу, чтобы с вами обошлись помягче. Поверьте, ничего хорошего не будет, если вас поймают драгуны. Им недостает чувства юмора...

— Чай готов, — сказала Полли.

— Спасибо, Перкс, — сказал Блуз. — Думаю, мы можем, по крайней мере, развязать сержанту Тауэрингу руки.

— Да, сэр, — ответила Полли. Это значило «нет, сэр».

Пленный подставил связанные запястья, и Полли неловко потянулась к ним ножом, держа кружку перед собой, как оружие.

— Толковый у вас парень, лейтенант, — заметил Тауэринг. — Он думает, я сейчас выхвачу у него нож. Славный мальчик.

Полли разрежала веревку, быстро отдернула руку с ножом и осторожно протянула кружку.

— А чай он принес чуть теплый, чтобы не обжечься, когда я плесну из кружки ему в лицо, — продолжал Тауэринг. Он устремил на Полли пристальный и честный взгляд прирожденного мерзавца.

Полли достойно выдержала его.

— Ах, да. У тех ребят из Анк-Морпорка в повозке есть маленький печатный станок. Они сейчас на той стороне реки, — сказал Тауэринг, продолжая смотреть на Полли. — Газетопечатание, мол, повышает боевой дух. Они послали картинку в город через клик-башню. Не спрашивайте как. Отличная картинка. «Отважные „мальцы“ всыпали злобенским „старикам“» — вот что они написали. Забавно: похоже, они не поняли, что имели дело с князем. Но мы-то знаем!

Его голос зазвучал еще дружелюбнее.

— Слушайте, парни. Я такой же пехотинец, как и вы. Я тоже не прочь посмеяться, когда кто-нибудь выставляет драгуна дураком. Поэтому идемте со мной, и я уж позабочусь, чтобы завтра, по крайней мере, вам не пришлось спать в кандалах. Это лучшее, что я могу предложить, — он отхлебнул чаю и продолжал: — Во всяком случае, поверьте, остальному Десятому полку повезло гораздо меньше. Говорят, его просто стерли с лица земли.

Выражение лица у Полли не изменилось, но в глубине души она сжалась в комочек. Гляди в глаза, гляди в глаза.

Врешь. Врешь.

— Стерли с лица земли? — переспросил Блуз.

Тауэринг отшвырнул кружку.левой рукой он выбил арбалет у Гум, правой вырвал у Игоринины саблю и с размаху полоснул изогнутым лезвием по веревке, стягивавшей ноги. Все произошло быстро; прежде чем кто-

нибудь успел сообразить, что случилось, Тауэринг вскочил, ударил Блуза по лицу и обхватил за шею.

— Ты был прав, малыш, — сказал он Полли через плечо лейтенанта. — Как жаль, что ты не офицер, правда?

Остатки разлитого чая впитывались в землю. Полли медленно потянулась за арбалетом.

— Стоять! Один шаг, одно движение — и я перережу ему глотку, — предупредил Тауэринг. — Поверьте, это будет не первый офицер, которого я убью...

— *Но мне в отличие от мальчишек наплевать.*

Пять голов повернулись.

Среди зарослей стоял Джеккрам, озаренный пламенем далекого костра. Он держал в руках лук Тауэринга, натянув тетиву до предела, и целился прямо в злобенца, как будто не замечая, что на пути находится голова Блуза. Лейтенант закрыл глаза.

— Ты выстрелишь в собственного командира? — уточнил Тауэринг.

— О да. Поверь, это тоже будет не первый офицер, которого я убью, — сказал Джеккрам. — Ты никуда не пойдешь, дружок. Не пойдешь, а сядешь. Своей волей или нет — мне все равно.

Лук скрипнул.

— Ты блефуешь.

— Клянусь, я не из тех, кто грозит попусту! Кажется, нас забыли представить? Меня зовут Джеккрам.

У Тауэринга изменилось выражение не только лица, но и тела. Он уменьшился ростом, как будто каждая клеточка тихонько сказала своей соседке: «О черт...» Сержант слегка обмяк и чуть-чуть ослабил хватку...

— А можно...

— Поздно, — сказал Джеккрам.

Полли не суждено было забыть звук, с которым стрела попала в цель.

Наступила тишина. Потом послышался глухой удар: тело Тауэринга наконец потеряло равновесие и рухнуло наземь.

Джеккрам осторожно отложил лук.

— По крайней мере, он успел узнать, кого пытался провести, — сказал он, как будто ничего не произошло. — Жаль, черт возьми. А казался приличным человеком. Осталось еще пойло, Перкс?

Лейтенант Блуз очень медленно поднес руку к уху, которое пробила стрела по пути к мишени, и отстраненно взглянул на кровь.

— Простите, сэр, — весело сказал Джеккрам. — Шанс был всего один, ну, я и подумал — в мякоть, быстро заживет. Проденете золотую сережку,

сэр, и будет писк моды. Ну... большую золотую сережку. Не верьте всей этой брехне про «Тудой-судой», — продолжал он. — Лично я люблю, когда становится жарко. Теперь мы... кто-нибудь скажет, что нам теперь делать?

— Э... похоронить убитого? — предположила Игорина.

— Да, но сначала стяни с него сапоги. Ноги у него маленькие, а злобенские сапоги намного лучше наших.

— Красть сапоги у мертвеца, сержант? — уточнила Гум, все еще не оправившаяся от ужаса.

— Все проще, чем стаскивать их с живого! — Джеккрам слегка смягчился, взглянув на их лица. — Парни, это война. Он был солдат, они солдаты, вы солдаты... более или менее. Ни один солдат, если он увидит жратву или хорошие сапоги, не станет хлопать ушами. Заройте покойников как следует, прочитайте молитвы, какие помните, и будем надеяться, что они отправятся туда, где нет войны.

Он повысил голос до привычного рыка.

— Перкс, кругом! Шагом марш к остальным! Игорь, туши костер. И приведи все в такой вид, как будто нас тут не было. Выступаем ровно через десять минут! До рассвета мы еще пройдем несколько миль. Так, лейтенант?

Блуз все еще смотрел в никуда как зачарованный. Наконец он очнулся.

— Что? А. Да. Совершенно правильно. Командуйте, сержант.

Торжествующее лицо Джеккрама засияло. Маленькие темные глазки на алом фоне напоминали черные дыры в космосе, ухмыляющийся рот смахивал на врата в ад, а огромная туша была под стать чудовищу из бездны.

«Он позволил беде случиться, — подумала Полли. — Джеккрам подчинялся приказам, он вроде бы сделал все правильно. Но он мог отправить к нам в помощь Маладикта и Яшму вместо Уолти и Игорины, которые не умеют владеть оружием. Сержант отослал остальных прочь. Он держал лук наготове. Он двигал нас как пешки — и выиграл...»

«Старик солдат, — пел с друзьями ее отец, когда оконные рамы покрывались инеем, — старик солдат, я столько раз в крови по брюхо плавал, когда я снова в бой пойду, командуй мною, дьявол...»

В свете костра улыбка сержанта Джеккрама казалась кровавой, а мундир обрел цвет неба над полем битвы.

— Вы мои ребятки, — пророкотал он, — и я за вами пригляжу.

Они прошагали больше пяти миль, прежде чем Джеккрам скомандовал

привал. Ландшафт успел измениться — стало больше камней и меньше деревьев. Долина Кнека была богатой и плодородной, но все богатство отсюда вымывало водой. Сплошные ущелья и густой кустарник. Жители немногочисленных деревушек с трудом добывали пропитание, ковыряя обедневшую почву. И кто-то недавно здесь прятался. Отряд остановился в балке, прорезанной потоком, — впрочем, в конце лета поток превратился в ручеек между камнями. Джекрам, должно быть, нашел укрытие по запаху: его невозможно было высмотреть с дороги.

Пепел костра еще не успел остыть. Сержант пощупал угли и неуклюже поднялся.

— Ночью тут побывал кто-то вроде наших вчерашних приятелей, — сказал он.

— Может быть, просто охотник, сержант? — предположил Маладикт.

— Мог быть и охотник, капрал, но все-таки это был не он. Я привел вас сюда, потому что балка не просматривается и потому что здесь есть вода и удобные места для наблюдения — там и вон там, — он ткнул пальцем. — А еще — свес скалы, чтобы укрыться от непогоды. И никто не сумеет подкрасться незамеченным. Военная хитрость, проще говоря. Вчера вечером кто-то подумал точно так же. Пока нас ищут, мы спрячемся и переждем там, где они уже поискали. Двое, ступайте в дозор.

Полли выпало караулить первой — на верху небольшого утеса, на краю балки. Место и впрямь было хорошее. В балке мог спрятаться целый полк. Никому не удалось бы застать их врасплох. Полли выполняла свои обязанности наравне с остальными в отряде. «Если повезет, — подумала она, — Блуз найдет для бритвы кого-нибудь другого, прежде чем я успею смениться с поста». Через просвет в верхушках деревьев Полли видела нечто вроде дороги, бегущей сквозь заросли. Она не сводила с нее глаз.

Потом ее сменила Холтер с миской супа. В дальнем конце балки вместо Гум показалась Тьют.

— Откуда ты, Оззи? — спросила Холтер, пока Полли с наслаждением ела суп.

Что страшного, если она ответит?

— Из Мунца, — сказала Полли.

— Правда? Говорят, ты работала в трактире. В каком?

А вот здесь что-то крылось. Но теперь Полли вряд ли смогла бы солгать.

— В «Герцогине».

— Такой большой и шикарный? С тобой там хорошо обращались?

— Что? Э... да. Неплохо.

— Не били?

— Что?! Нет. Никогда, — ответила Полли, с тревогой гадая, к чему клонится разговор.

— Работы было много?

Полли задумалась. Честно говоря, она работала больше обеих служанок вместе взятых. И им, по крайней мере, раз в неделю полагался свободный вечер.

— Обычно я первой вставала и последней ложилась, если ты об этом, — сказала она и, чтобы поскорее сменить тему, спросила: — А ты бывала в Мунце?

— Мы обе там жили. Я и Тильда... то есть Тьют, — ответила Холтер.

— Правда? Где?

— В Работной школе для девочек, — сказала Холтер и отвела взгляд. Вот в какую ловушку может завести обмен любезностями.

— Неприятное место, насколько я знаю, — произнесла Полли и смутилась.

— Да уж, неприятное. Просто отвратительное, — сказала Холтер. — Кажется, Уолти тоже там была. То есть мы думаем, что это была она. Ее всегда посылали куда-нибудь батрачить...

Полли кивнула. Некогда в «Герцогине» работала девочка из Работной школы. Ее приводили каждое утро, в чистом фартучке, отмытую и оттертую дочиста, в шеренге совершенно одинаковых девочек, во главе которых шагал учитель, а по бокам — два верзилы с длинными палками. Девочка была худенькая, вела себя вежливо, по-заученному, работала что есть сил и никогда ни с кем не разговаривала. Через три месяца ее забрали насовсем — Полли так и не узнала почему.

Холтер пристально посмотрела ей в глаза и, едва ли не издеваясь над ее неведением, сказала:

— В школе Уолти частенько запирали в специальной комнате. При такой жизни ты или огрубеешь, или тронешься умом.

— Наверное, ты рада, что ушла оттуда, — больше Полли ничего не сумела придумать.

— Подвальное окно оказалось не заперто. Но я пообещала Тильде, что мы непременно вернемся летом.

— Значит, там все-таки было не так плохо? — с некоторым облегчением спросила Полли.

— Летом будет лучше гореть, — ответила Холтер. — Ты никогда не встречала человека по имени отец Юпк?

— Встречала, — сказала Полли и, почувствовав, что от нее ждут

продолжения, добавила: — Он часто приходил на ужин, когда мама... короче, он приходил на ужин. Он был такой важный, хотя, кажется, совсем неплохой.

— О да, — отозвалась Холтер. — Казаться он умел.

И снова в разговоре зазияла черная бездна, через которую даже тролль не смог бы навести мост, и оставалось лишь отойти от края.

— Я лучше пойду и посмотрю, как там лейте... руперт, — Полли встала. — Спасибо за суп.

Она пробиралась по осыпи, через березняк, пока не вышла к ручейку, бежавшему по балке. На берегу, похожий на страшное речное божество, сидел сержант Джекрам.

Красный мундир, который мог бы послужить палаткой человеку меньших размеров, был осторожно наброшен на куст. Джекрам сидел на валуне, без рубахи, спустив длиннющие подтяжки, и мир был избавлен от созерцания его обнаженного торса лишь благодаря пожелтевшему шерстяному жилету. Почему-то, впрочем, Джекрам не снял с головы кивер. На соседнем камне лежали бритвенные принадлежности — бритва размером с небольшой мачете и кисточка, которой можно было белить стены.

Джекрам сидел, опустив ноги в ручей. Он поднял глаза, когда Полли подошла, и дружелюбно кивнул.

— Утро, Перкс, — сказал он. — Не спеши. Нечего суетиться ради руперта. Присядь на минутку и разуйся, пусть ноги подышат. В походе заботься о ногах — а они уж позаботятся о тебе. — Он вытащил большой складной нож и пачку жевательного табака. — Точно не хочешь?

— Нет, спасибо, сержант, — Полли устроилась на камне на другом берегу ручья, который достигал всего нескольких футов в ширину, и принялась стягивать сапоги. Она почти не сомневалась, что получила приказ, но ей и самой очень хотелось остудить ноги в чистой, обжигающе холодной воде.

— Вот и умница. Жевать — дурная привычка. Еще хуже, чем курить, — сказал Джекрам, отрезая кусок табака. — Я пристрастился, когда был совсем юнцом. Тому, кто жует, не надо чиркать спичкой ночью, понял? Зачем себя выдавать? Конечно, надо то и дело сплевывать, но когда плюешь в темноте, тебя не видно.

Полли поболтала ногами. Ледяная вода действительно освежала и оживляла. На деревьях пели птицы.

— Валяй, говори, Перкс, — помолчав, сказал Джекрам.

— Что говорить, сержант?

— Черт возьми, Перкс, день такой славный, не надо пудрить мне мозги. Я же вижу, как ты на меня смотришь.

— Ну ладно, сержант. Вы вчера намеренно убили Тауэринга.

— Правда? Докажи, — спокойно ответил Джеккрам.

— Не могу. Но вы все подстроили. Вы специально послали Игоря и Гума охранять его. Они плохо дерутся.

— Ну и что? Вас было четверо против одного связанного пленника! — заметил Джеккрам. — Ну, нет. Тауэринг умер в ту самую минуту, когда его сцапали, и он это знал. Только, черт возьми, гений вроде вашего руперта мог внушить Тауэрингу, что у него есть шанс. Мы в лесу, парень. Что Блуз собирался делать с пленным? Кому его передать? Что нам оставалось? Таскать Тауэринга с собой? Или привязать к дереву, и пусть отгоняет волков, пока не устанет? Нет уж, настоящий *джентльмен* угостил бы его сигареткой и быстренько прихлопнул. Этого Тауэринг ожидал — и именно это я ему устроил.

Джеккрам сунул кусок табака в рот.

— Знаешь, зачем солдат обучают, Перкс? — продолжал он. — И с какой стати на тебя должны орать всякие мелкие сукины дети вроде Страппи? Чтобы сделать из тебя человека, готового по приказу пырнуть мечом какого-нибудь бедолагу, который, так уж получилось, одет во вражескую форму. Он такой же, как ты, а ты такой же, как он. Он не особо хочет убивать тебя, а ты не особо хочешь убивать его. Но если ты не убьешь его первым, он уложит тебя. В этом начало и конец военной науки. Без подготовки легко не дается. А рупертов никто этому не учит, потому что они — *джентльмены*. Клянусь, я не джентльмен. Я буду убивать, если придется. Я сказал, что пригляжу за вами, и никакой, черт побери, руперт мне не помеха. Он вручил мне почетную отставку! — Джеккрам светился негодованием. — Мне! Он думал, я его поблагодарю! У других рупертов хватало ума написать «Адресат выбыл» или «Находится в дальней разведке» и сунуть конверт обратно в сумку... но только не у Блуза!

— Что такое вы сказали капралу Страппи, отчего он удрал? — поинтересовалась Полли, прежде чем успела прикусить язык.

Джеккрам некоторое время смотрел на нее без всякого выражения на лице. А потом странно хихикнул.

— А с чего это ты, паренек, задаешь всякие занятные вопросы? — спросил он.

— Потому что он взял и исчез, и вдруг сразу всплыло какое-то старое правило, которое позволило вам вернуться в строй, сержант, — сказала Полли. — Вот почему я задаю занятные вопросы.

— Ха! Нет никакого правила. Во всяком случае, такого точно нет, — ответил Джеккрам, болтая ногами в воде. — Но руперты никогда не читают устав, если только не ищут повода тебя вздернуть. Поэтому ничто мне не грозило. А Страппи напугался до чертиков, ты же видел.

— Да, но он мог бы удрать и попозже, — сказала Полли. — Страппи не дурак. Сбежать посреди ночи? Наверное, ему было чего бояться.

— А у тебя мозги что надо, Перкс, — весело заметил Джеккрам. У Полли снова возникло отчетливое ощущение, что сержант забавляется. Она вспомнила, каким довольным он казался, когда они заспорили насчет мундира. Джеккрам никого не изводил, как Страппи, и был почти по-отечески заботлив с Игоринной и Гум, но, общаясь с Полли, Маладиктом и Холтер, постоянно «давил», как будто ожидая сдачи.

— Да, они работают, — согласилась Полли.

— У меня с ним был небольшой *тут-а-тет*. Очень тихо. Я объяснил капралу, что бывают разные неприятности, когда сталкиваешься с тяготами войны, так сказать, *вызави*.

— Например, можно проснуться с перерезанным горлом?

— Бывало и такое, — невинно ответил Джеккрам. — Знаешь, парень, однажды из тебя получится чертовски славный сержант. Смотреть и слышать умеет каждый дурак, но ты еще и работаешь головой, чтобы во всем разобраться.

— Я не хочу быть сержантом! Я всего лишь хочу сделать дело и вернуться домой! — яростно возразила Полли.

— Да-да, когда-то я тоже так говорил, — Джеккрам ухмыльнулся. — Перкс, мне не нужны никакие клик-клак-башни. Не нужны разные там газеты. Сержант Джеккрам и так знает, что творится. Он разговаривает с теми, кто приходит с войны. С теми, кто не станет говорить больше ни с кем. Я знаю побольше руперта, хоть ему и приходят письма из штаба, которые так его тревожат. Никто не откажется побалакать с сержантом Джеккрамом. И он в своем здоровом котелке все это переваривает. Да, сержант Джеккрам знает, что творится.

— И что же, сержант? — лукаво спросила Полли.

Джеккрам ответил не сразу. Он с ворчанием наклонился и почесал ступню. Ржавый шиллинг на шнурке, до сих пор висевший поверх жилета, качнулся вперед. Но Полли увидела и кое-что еще. На мгновение из-за ворота выскользнуло нечто золотое, овальное, на цепочке, и блеснуло в солнечном свете. Джеккрам выпрямился, и мимолетное видение исчезло.

— Это чертовски странная война, парень, — сказал он. — Правду говорят, что с нами дерутся не только злобенцы. Говорят, в округе

появились такие мундиры, каких раньше и не видели. Мы за эти годы напинали немало чужих задниц. Наверное, соседи наконец сплотились, и настала наша очередь. Но сейчас, как я понимаю, они завязли. Они взяли цитадель. Ну, допустим. Теперь им придется ее удерживать. Меж тем приближается зима. Вся эта публика из Анк-Морпорка и еще черт-те откуда застряла далеко от дома. У нас еще есть шанс. Особенно сейчас, когда князь твердо вознамерился найти парнишку, который вдарил ему по фамильным ценностям. Он зол. Значит, он будет делать ошибки.

— Сержант, я думаю...

— Рад за тебя, рядовой Перкс, — сказал Джеккрам, вновь становясь сержантом. — А я думаю, что сначала ты обходишь руперта и вздремнешь, а потом мы с тобой поучим парней обращаться с оружием. Рано или поздно юному Гуму придется пустить в ход меч, который пока что болтается у него на поясе. Ступай.

Лейтенант Блуз сидел, прислонившись спиной к скале, и ел баланду. Игорина складывала инструменты. Ухо у Блуза было перевязано.

— Все в порядке, сэр? — спросила Полли. — Простите, что я...

— Я все понимаю, Перкс, ты должен стоять в дозоре, как и остальные «ребята», — сказал Блуз, и Полли отчетливо услышала кавычки. — Я поспал и набрался сил. Кровотечение остановилось... и, признаюсь, меня перестало трясти. Тем не менее мне все-таки нужно побриться.

— Вы хотите, чтоб я вас побрил? — уточнила Полли, и у нее сжалось сердце.

— Я должен подавать пример, Перкс. Вынужден отметить, вы, «ребята», стараетесь так, что мне просто стыдно. Лица у вас гладкие, как «детская попка».

— Да, сэр. — Полли вытащила бритвенные принадлежности и зашагала к костру, на котором кипел чайник. Почти все дремали — только Маладикт сидел, скрестив ноги, у огня и что-то делал со своим кивером.

— Я слышал, что случилось вчера с пленным, — сказал он, не глядя на Полли. — По-моему, наш ЛТ не продержится долго. А ты как думаешь?

— Кто-кто?

— Лейтенант. Боюсь, с Блузом произойдет какой-нибудь несчастный случай. Джеккрам считает, что он опасен.

— Блуз учится. Как и мы.

— Да, но ЛТ должен знать, что делать. Как по-твоему, он знает?

— Джеккрам тоже застрял, — заметила Полли, доливая чайник холодной водой. — Думаю, нам просто нужно продолжать в том же духе.

— Если еще осталось, к чему стремиться, — заметил Маладикт,

рассматривая кивер. — Что скажешь?

Сбоку, рядом с пачкой сигарет, мелком было написано: «Рожден, чтобы умереть».

— Очень... индивидуально, — сказала Полли. — А зачем ты куришь? Это... как-то не очень по-вампирски.

— А я и не должен быть очень вампиром, — напомнил Маладикт, дрожащей рукой зажигая спичку. — Мне нужно что-то втягивать. Я на грани. Без кофе меня трясет. И в лесу становится еще хуже.

— Но ты же вамп...

— Да, да, будь это склеп — никаких проблем. Но в лесу кажется, что я окружен сотнями заостренных колов. Мне больно. Это все равно что раз за разом превращаться в летучую мышь! Я слышу голоса и покрываюсь потом...

Маникль застонала во сне.

— Ш-ш, — сказала Полли. — Так не бывает, — продолжала она шепотом. — Ты же сказал, что держался два года.

— В смысле, не пил кр... кр... кровь? — спросил Маладикт. — А при чем тут кровь? Я говорю про кофе, черт возьми.

— У нас полно чая... — начала Полли.

— Ты не понимаешь! Дело в... желании. Нельзя перестать желать. Ты просто переключаешься на что-нибудь другое. На то, что не вызывает у людей охоту превратить тебя в кебаб. Мне необходим кофе!

«Почему я? — подумала Полли. — У меня что, на лбу написано „Поведайте мне свои печали?“»

— Я попробую что-нибудь придумать, — сказала она и поспешно наполнила кружку.

Полли заторопилась обратно, усадила Блуза на камень, взбила пену и принялась точить бритву, намереваясь тянуть время как можно дольше. Когда лейтенант нетерпеливо кашлянул, она заняла позицию, занесла бритву и помолилась...

...но не Нуггану. Она перестала молиться Нуггану, когда умерла мать...

А потом через поляну промчалась Тьют, выкрикивая шепотом:

— На дороге люди!

Блуз чуть не лишился второго уха.

Из ниоткуда появился Джеккрам, обутый, но все еще с болтающимися подтяжками. Он схватил Тьют за плечо и развернул к себе.

— Где? — спросил он.

— Внизу, на дороге! Солдаты! Повозки! Что делать, сержант?

— Для начала не шуметь, — буркнул Джеккрам. — Они идут сюда?

— Нет, просто проходят мимо, сержант.

Джеккрам обернулся и удовлетворенно посмотрел на остальных.

— Та-ак. Капрал, возьми Карборунда и Перкса и ступай посмотри. Остальные, берите оружие и постарайтесь не трусить. Э... лейтенант?

Блуз ошеломленно стер пену с лица.

— Что? А. Да. Займитесь этим, сержант.

Через двадцать секунд Полли уже бежала вниз по склону вслед за Маладиктом. Там и сям сквозь заросли было видно дно ущелья. Полли заметила, как на солнце блеснул металл. Земля под ногами была покрыта толстым слоем хвои, и вопреки распространенному мнению в большинстве случаев леса вовсе не завалены сучками, которые громко хрустят под ногами. Разведчики достигли края леса, где кусты боролись друг с другом за солнечный свет, и нашли место, откуда открывался хороший обзор.

На дороге было всего четверо солдат в незнакомой форме. Они попарно ехали позади и впереди повозки — маленькой, с брезентовым навесом.

— Что такое в этой повозке, если ее охраняют четверо? — спросил Маладикт. — Наверное, что-то ценное.

Полли указала на огромный флаг, свисающий с шеста.

— По-моему, это газетчик, — сказала она. — Та же повозка. И тот же флаг.

— Хорошо, что они проезжают мимо, — шепнул Маладикт. — Давай просто подождем, пока они не скроются, и ускользнем тихо, как мышки...

Солдаты ехали со скоростью повозки — но тут двое, ехавшие впереди, остановились и повернулись в седлах, поджидая задних. Потом один из них показал в ту сторону, где залегли наблюдатели, и что-то крикнул, но было слишком далеко, чтобы слышать. Задние солдаты подскакали к повозке и приблизились к своим товарищам. Все четверо задрали головы. После короткого спора двое зарысили обратно, вниз по дороге.

— О черт, — сказала Полли. — Что они там увидели?

Всадники проскакали мимо того места, где они прятались, и вскоре въехали в лес.

— Мож, побежим за ними и нападём? — спросила Яшма.

— Пусть этим занимается Джеккрам, — ответил Маладикт.

— Но если он их атакует и они не вернутся на дорогу...

— Когда он их атакует, — поправил Маладикт.

— ...тогда эти двое заподозрят неладное. Один, возможно, останется здесь, а другой поедет за помощью.

— Значит, мы подберемся поближе и подождем, — сказал вампир. — Гляди, они спешили. И повозка подъехала к ним. Если мы пойдем, что они боятся, мы их окружим...

— И что?

— Пригрозим пристрелить, — твердо ответил Маладикт.

— А если они не поверят?

— Значит, пригрозим погромче! — сказал Маладикт. — Довольна? И я, черт возьми, надеюсь, что у них есть кофе!

Есть три вещи, которые хочется сделать всякому солдату во время короткого привала. Закурить, развести костер... ну а третья вещь не предполагает огня, зато требуется дерево.^[6]

Двое солдат развели костер и поставили котелок. С повозки прыгнул молодой человек, потянулся, зевнул и не спеша зашагал в лес. Он нашел подходящее дерево и через мгновение принялся внимательно изучать кору на уровне глаз.

Стальной наконечник арбалетной стрелы прижался к его шее, и чей-то голос произнес:

— Подними руки и медленно обернись.

— Что, прямо сейчас?

— Э... нет. Сначала можешь закончить.

— Честно говоря, сомневаюсь... Погодите-ка... сейчас. Так, — молодой человек поднял руки. — Вы понимаете, что мне достаточно закричать?

— И что? — сказала Полли. — А мне достаточно нажать на крючок. Проверим, кто быстрее?

Мужчина обернулся.

— Я же говорила, — Полли отступила на шаг. — Это снова он. Де Словв. Газетчик.

— О! Так это вы, — сказал де Словв.

— Кто? — уточнила Яшма.

— О боги... — сказал Маладикт.

— Послушайте, я бы отдал что угодно, чтобы с вами поговорить! — воскликнул де Словв. — Ну пожалуйста...

— Ты на стороне врага! — прошипела Полли.

— Что? А, вон те парни? Нет. Это солдаты из отряда лорда Ржава. Из Анк-Морпорка. Их послали в целях безопасности.

— Они должны защищать вас здесь, в Борогравии? — уточнил Малекдикт. — И от кого же?

— Э... теоретически — от вас.

Яшма подалась вперед.

— Ета... Какие эффективные охранники.

— Я обязан поговорить с вами! — горячо повторил де Словв. — Невероятная история! Вас все ищут. Это вы убили старика углежога и его жену?

Пели птицы. Вдалеке послышался крик самки синеголового дятла.

— Патруль нашел свежие могилы, — сказал газетчик.

В вышине цапля, зимняя гостья со стороны Пупа, прилетевшая на озера, издала мерзкий звук.

— Я так понимаю, что это не вы, — сказал де Словв.

— Мы похоронили мертвых, — холодно отозвался Маладикт. — Мы не знаем, кто их убил.

— Мы взяли немного овощей, — добавила Полли и вспомнила, как они шутили на этот счет. А что им оставалось? Либо смеяться, либо плакать. Но все равно...

— Вы питаетесь подножным кормом?

Де Словв вытащил из кармана записную книжку и принялся что-то торопливо писать карандашом.

— Мы не обязаны с вами говорить, — заметил вампир.

— Нет-нет, не отказывайтесь! Вам столько нужно узнать! Вы ведь служите в этом... «Вверх-вниз»?

— «Тудой-судой», — поправила Полли.

— И вы... — начал де Словв.

— Хватит, — сказал Маладикт и вышел из-за дерева. Солдаты, сидевшие у огня, на мгновение замерли, потом один потянулся за мечом...

Маладикт перевел арбалет с одного на другого. Острые стрелы гипнотизировало их, словно качающийся маятник.

— У меня всего один выстрел, а вас тут двое, — сказал вампир. — Кого я убью? Вам решать. Слушайте внимательно: где кофе? У вас ведь есть кофе? Ну же! Кофе есть у всех. Кофе на бочку!

Солдаты уставились на арбалет и медленно покачали головами.

— А ты, газетчик? — рыкнул Маладикт. — Где ты прячешь кофе?

— У нас есть только какао, — ответил де Словв, быстро поднимая руки, как только вампир повернулся к нему. — Можете взять...

Маладикт уронил арбалет, который разрядился в воздух,^[7] и сел, закрыл лицо руками.

— Мы все умрем, — заключил он. Солдаты поерзали, явно собираясь встать, но Яшма занесла дубину.

— Эта, даже не думайте, — сказала она.
Полли повернулась к газетчику.
— Вы хотите, чтобы мы поговорили с вами, сэр? Тогда начните сами.
Дело в... в... князе Генрихе и его... носках?
Маладикт поднялся одним стремительным движением.
— Мы их поджарим и отправимся по домам, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Раз, два, три, за что мы сражаемся?!

— Носки? — переспросил газетчик, нервно поглядывая на вампира. — При чем тут носки?

— Я только что отдал тебе приказ, Полли! — сказал Маладикт.
— Чего, по-вашему, мы не знаем? — продолжала Полли, сердито глядя на де Словва.
— Во-первых, вы — это все, что осталось от «Тудой-сюдой»...
— Неправда!
— Есть, конечно, пленные и раненые. С какой стати мне врать? Кстати, почему он назвал тебя Полли?

— Это прозвище. По-нашему оно означает... «птичка». Я хорошо разбираюсь в птицах, — сказала Полли, мысленно выругавшись. — А откуда вы знаете, что случилось с нашим полком?

— Потому что знать — моя работа, — ответил газетчик. — Кстати, а что это за птица кружит над нами?

Полли подняла голову.
— У меня нет времени играть в дурацкие игры, — сказала она. — Это...

Она запнулась. Что-то и впрямь описывало над ними круги. В запретном синем небе.

— Ты не знаешь? — спросил де Словв.
— Знаю, конечно, — раздраженно ответила Полли. — Это белорудый канюк. Но я думал, они не залетают так далеко в горы. Я видел канюка только раз, в книжке...

Она снова вскинула арбалет и попыталась вернуть себе контроль над ситуацией.

— Я прав, мистер Всезнайка?
Де Словв снова поднял руки и слабо улыбнулся.
— Наверное... Я вырос в городе и могу разве что отличить воробья от скворца. Все остальные птицы для меня — утки.
Полли одарила его яростным взглядом.
— Пожалуйста, — сказал де Словв. — Послушайте. Вы должны узнать правду. Пока еще не поздно.

Полли опустила арбалет.

— Если хотите поговорить с нами, подождите здесь, — сказала она. — Капрал, пойдем. Карборунд, заberi пленных.

— Погоди, — возразил Маладикт. — Кто тут командует?

— Ты, — ответила Полли. — Но ты пускаешь слюни, шатаешься и странно смотришь на меня. Так что ты хотел сказать?

Маладикт задумался. В глубине души Полли усталость и испуг переплавились в гнев. Лицо у нее было такое, какое никому не хочется видеть по ту сторону арбалета. Стрелой вампира не убьешь. Но все-таки будет больно.

— Ладно, — сказал Маладикт. — Карборунд, забирай пленных. Мы уходим.

Когда они приблизились к укрытию, послышался птичий свист. Птичка, с точки зрения Полли, называлась «очень неумелый подражатель». Она решила на досуге поучить девочек свистеть по-птичьи, хотя бы в некотором приближении к реальности. Это гораздо труднее, чем думает большинство людей.

Новобранцы ждали в балке, вооруженные и по крайней мере на вид опасные. Они заметно расслабились, когда увидели Яшму, волокущую двух связанных солдат. Двое других горестно сидели, прислонясь к скале, со скрученными позади руками.

Маладикт бодро подошел к Блузу и отсалютовал.

— Двое пленных, шеф. Перкс думает, вам нужно кое с кем поговорить... — он подался вперед. — Газетчик, сэр.

— Тогда мы лучше будем держаться от него подальше, — сказал Блуз. — Э... сержант?..

— Правильно, сэр, — ответил Джекрам. — От него одни только неприятности.

Полли быстро отсалютовала.

— Пожалуйста, сэр, разрешите обратиться!

— Говори, Перкс.

Полли знала, что есть лишь один шанс. Всего один. Она должна была узнать судьбу Поля. Ее ум работал так же быстро, как и вчера на холме, когда она бросилась к человеку с шифровальной книгой.

— Сэр, я не знаю, стоит ли с ним говорить, но, может быть, сэр, его стоит послушать. Даже если вы думаете, что он совет. Потому что иногда, сэр, когда люди врут... если они врут много... то вроде как становится видна правда, хотя бы чуть-чуть. А нам не обязательно говорить ему

правду, сэр. Мы тоже можем соврать.

— Я по натуре правдивый человек, Перкс, — холодно отозвался Блуз.

— Рад это слышать, сэр. Мы побеждаем, сэр?

— Прекрати сию секунду, Перкс! — гаркнул Джеккрам.

— Я всего лишь спросил, — с упреком заметила Полли.

Новобранцы стояли вокруг и ждали, ловя каждый звук. Все знали ответ. Но каждому хотелось, чтобы его произнесли вслух.

— Перкс, такие разговоры сеют панику... — начал Блуз, но таким тоном, как будто и сам не верил и плевать хотел, что думают остальные.

— Нет, сэр. Нет. Это лучше, чем слушать вранье, — сказала Полли. Она заговорила так, как говорила с ней мать, когда сердилась. — Лгать — плохо. Никто не любит лжецов. Пожалуйста, скажите нам правду.

Что-то в ее голосе, должно быть, затронуло давние струнки в душе Блуза. Как только Джеккрам открыл рот, чтобы заорать, лейтенант вскинул руку.

— Мы не побеждаем, Перкс. Но еще не проиграли.

— Мы, наверное, все так и думали, сэр, но приятно слышать это от вас, — сказала Полли, одобрительно улыбаясь.

Кажется, это сработало.

— Полагаю, не будет никакого вреда, если мы по крайней мере проявим вежливость к этому подлому созданию, — сказал Блуз, словно размышляя вслух. — Если его ловко расспросить, он, может быть, выдаст какую-нибудь ценную информацию.

Полли взглянула на сержанта Джеккрама, который смотрел в небо, словно на молитве.

— Прошу разрешения допросить этого джентльмена, сэр, — сказал он.

— Просьба отклонена, сержант, — ответил Блуз. — Я хочу, чтоб он остался жив, и не намерен лишаться второго уха. Вы можете вместе с Перксом сходить к повозке и пригнать ее сюда.

Джеккрам безупречно отсалютовал. Полли уже научилась читать его жесты. Это значило, что у сержанта свои планы.

— Так точно, сэр, — сказал он. — Пошли, Перкс.

Джеккрам молчал, пока они шли к дороге по усыпанному хвоей склону. Потом он спросил:

— Знаешь, как солдаты нашли нашу захоронку, Перкс?

— Нет, сержант.

— Лейтенант приказал Маниклю немедленно потушить костер, хотя дыма от него, в общем, не было. Маникль пошел и вылил чайник на огонь.

Полли ненадолго задумалась.

— Пар?..

— Вот именно. Здоровенное, черт его дери, облако. Маникль не виноват. Солдаты, впрочем, — не самая большая наша проблема. Они достаточно умны, чтобы не лезть на полдесятка арбалетов. Для кавалериста и это достижение.

— Верно подмечено, сержант.

— Не говори со мной как с рупертом, парень, — отозвался Джеккрам.

— Простите, сержант.

— Я вижу, ты учишься вертеть офицерами. Делаешь так, чтобы они отдавали тебе нужные приказы. Из тебя получится отличный сержант, Перкс.

— Я к этому не стремлюсь.

— Ну да, конечно.

Эта реплика могла означать все, что угодно.

Пару минут понаблюдав за дорогой, они вышли и зашагали к повозке. Де Словв сидел на табурете и что-то писал в блокнот. Он поспешно встал, заметив солдат.

— Лучше бы нам сойти с дороги, — сказал он, как только они подошли. — Наверное, здесь полно патрулей.

— Злобенских, сэр? — уточнил Джеккрам.

— Да. Теоретически эта штука, — он указал на флаг, болтающийся на шесте, — гарантирует нам безопасность, но сейчас все слегка на нервах. Вы, если не ошибаюсь, сержант Джек Ром?

— Джеккрам, сэр. И я скажу вам спасибо, если вы не станете записывать мое имя в книжечку, сэр.

— Простите, сержант, но это моя работа, — бодро ответил де Словв. — Я должен все записывать.

— Ну а моя работа — служить в армии, — сказал Джеккрам, забираясь на повозку и потряхивая вожжами. — И заметьте, я вас пока даже не убил. Поехали, что ли.

Полли взобралась на задок повозки, и они тронулись. Повозка была битком набита ящиками и оборудованием, которое, возможно, некогда было аккуратно уложено, но теперь о каком бы то ни было порядке осталось лишь далекое воспоминание. Явный признак того, что повозка принадлежала мужчине. Рядом с Полли, на насесте в проволочной клетке, дремали полдесятка огромных голубей. Полли задумалась: это что, походная кладовая? Один голубь приоткрыл глаз и лениво спросил: «Бурбурбурбур?», что в переводе с голубинового означает: «Чё?»

Почти на всех коробках виднелись ярлычки, и Полли наклонилась,

чтобы рассмотреть поближе. «Патентованные походные бисквиты капитана Горация Инсинуатора» и «Сухое рагу». Она подумала, что Маникль, наверное, не отказалась бы от парочки таких коробок. В эту минуту одежда, свисавшая с потолка качающейся повозки, раздвинулась, и показалось лицо. Вниз головой.

— Доброе утро, — сказала оно.

Вильям де Словв оглянулся.

— Это всего лишь Отто, рядовой, — сказал он. — Не бойся.

— Да. Я не кусайт, — бодро сказал Отто и улыбнулся. Лицо вампира, перевернутое вверх тормашками, отнюдь не становится приятнее, и улыбка в подобных обстоятельствах его тем более не украшает. — Гарантирую.

Полли опустила арбалет. Джеккрам порадовался бы, увидев, как быстро она прицелилась. Полли и сама удивилась — и смутилась. Носки снова подумали вместо нее.

Отто элегантно спустился вниз.

— А куда мы ехают? — поинтересовался он, удерживая равновесие, когда повозка ухнула в выбоину.

— В одно местечко, — ответил Джеккрам. — Очень тихое и приятное.

— Корошо. Нужно давайте моцион бесам. Они становятся беспокоив, если долго тержайт их взаперти.

Отто отодвинул стопку бумаги, вытащил большой ящик, с помощью которого делал рисунки, и приоткрыл крышечку.

— Подъем, ребята, — сказал он. Изнутри слышались пронзительные голоса.

— Я хочу предупредить вас насчет Тигра, мистер де Словв, — заметил Джеккрам, пока повозка катилась по старой дороге, проложенной лесорубами.

— Тигр? Кто такой Тигр?

— О-о... — протянул Джеккрам. — Простите, сэр, мы так зовем нашего лейтенанта, потому что он жутко смелый. Я вам ничего не говорил, ясно?

— Смелый? — переспросил де Словв.

— И умный, сэр. Смотрите, чтоб он вас не обвел вокруг пальца, сэр. Один из величайших военных талантов своего поколения, сэр.

У Полли отвисла челюсть. Она, конечно, предполагала, что они наврут газетчику... но так?

— Правда? — спросил де Словв. — Тогда почему же он всего лишь лейтенант?

— А, вижу, вас не проведешь, сэр, — сказал Джеккрам, воплощенное всеведение. — Честно говоря, мы сами гадаем, сэр, почему он называет

себя лейтенантом. Наверное, у него есть на то причины, э? Генрих ведь тоже назвался капитаном, если не ошибаюсь... — он многозначительно постучал пальцем по переносице. — Я все вижу, сэр... и молчу.

— Я только смог выяснить, что он занимался какой-то бумажной работой в штабе, сержант, — сказал де Словв.

Полли увидела, как он медленно и осторожно вытаскивает записную книжку.

— Да, да, я не сомневаюсь, что именно это вы и выяснили, сэр, — ответил Джеккрам, заговорщицки подмигивая. — Теперь, когда дела обернулись к худшему, ему дали ход, сэр. Его, так сказать, бросили в бой. Но я что?.. Я ничего не знаю, сэр.

— И что теперь, он взорвется? — спросил де Словв.

— Ха-ха, отличная шутка, сэр. Нет, сэр. Наш лейтенант, сэр, оценивает ситуацию, сэр. Я сам не очень соображаю, сэр, меня мыслителем не назовешь, но чтоб поверить, что перед тобой пудинг, надо его съесть, не правда ли, сэр? Вчера вечером на нас внезапно напали восемь... двадцать злобенских солдат, сэр, но лейтенант живо оценил ситуацию и нанизал на меч сразу пятерых. Точь-в-точь кебаб, сэр. На вид он кроткий как ягненок, но если его разозлить, это прямо смертоносный ураган. Учтите, я вам ничего не говорил, сэр.

— И такой человек командует кучкой новобранцев? — уточнил де Словв. — Что-то не верится...

— Новобранцев, которые взяли в плен опытных драгун, — обиженно напомнил Джеккрам. — Вот что значит дельный командир. Всякому овощу свое время, сэр. Я простой старый солдат, сэр, много их пришло и ушло у меня на глазах. Вот вам честное слово, я врать не стану — но на лейтенанта Блуза я гляжу в искреннем изумлении.

— Лично мне показалось, что он какой-то растерянный, — сказал де Словв, но в его голосе послышалась нотка сомнения.

— Это последствия контузии, сэр. Его так хватили по макушке, что всякий другой бы тут же рухнул, но лейтенант даже не пошатнулся. Удивительное дело, сэр!

— Хм... — сказал де Словв, записывая.

Повозка с плеском миновала мелкую речушку и, качаясь, въехала в балку. Лейтенант Блуз сидел на камне. Он старался выглядеть пристойно, но мундир у него был в грязи, сапоги облеплены глиной, рука распухла, а ухо, несмотря на старания Игорины, воспалилось. На коленях у него лежал меч. Джеккрам осторожно остановил повозку в березняке. Все четверо вражеских солдат, связанные, сидели под скалой. Не считая их, лагерь

казался безлюдным.

— Где остальные, сержант? — шепнул де Словв, выбираясь из повозки.

— Повсюду, сэр, — ответил Джеккрам. — Наблюдают за вами. Пожалуй, не стоит делать резких движений, сэр.

Никого не было видно... и вдруг появился Маладикт.

Полли знала: люди никогда не всматриваются в то, что вокруг. Они лишь скользят взглядом. То, что до сих пор казалось кустарником, стало капралом Маладиктом. Полли уставилась на него. Вампир прорезал дырку в старом одеяле; пятна грязи и травы на серо-зеленоватом фоне делали его совершенно неразличимым среди зарослей, пока он не отсалютовал. В кивер он вдобавок наткал веточек.

Сержант Джеккрам вытаращил глаза. Полли никогда прежде не видела, чтобы человек так таращился, — Джеккрам поистине был достоин чемпионского титула. Она почувствовала, как он набирает воздух, одновременно подыскивая подходящие слова, чтобы разразиться первоклассной бранью... а потом Джеккрам вспомнил, что играет роль толстого добряка-сержанта и сейчас неподходящее время, чтобы доходить до белого каления.

— Ну и парни, — хихикнул он, обернувшись к де Словву. — Что они в следующий раз придумают?

Тот нервно кивнул, вытащил из-под сиденья пачку газет и приблизился к лейтенанту.

— Мистер де Словв, если не ошибаюсь? — спросил Блуз, вставая. — Перкс, нельзя ли чашечку... э... «пойла» для мистера де Словва? Большое спасибо. Садитесь, сэр. Вот удобный камушек.

— Очень рад увидеться с вами, сэр, — сказал де Словв. — Похоже, война вам не в новинку.

— Ну... как сказать, — озадаченно ответил Блуз.

— Я имел в виду, что вы, кажется, ранены, сэр.

— Ах, это. Ничего страшного, сэр. Признаюсь, эту рану я нанес себе сам. Э... когда упражнялся.

— Значит, вы левша, сэр?

— Нет.

Полли, споласкивая кружку, услышала, как Джеккрам шепнул:

— Вы бы видели его противников, сэр!

— Вы знаете, как дела на фронте, лейтенант? — спросил де Словв.

— Слушаю вас, сэр, — сказал Блуз.

— Вся ваша армия сидит, как в мешке, в долине Кнека. Главным

образом в окопах, вне досягаемости замковых орудий. Остальные ваши укрепления вдоль границы взяты. Гарнизоны в Дрерпе, Глитце и Арблатте разбиты. Насколько я знаю, лейтенант, ваш взвод — это все, что осталось от борогравской армии. По крайней мере, вы единственные, кто продолжает сражаться.

— А мой полк? — тихо спросил Блуз.

— Несколько дней назад остатки Десятого полка предприняли отважную, но, честно говоря, самоубийственную попытку отбить Кнекскую крепость, сэр. Выжившие попали в плен. Должен сказать, что почти все ваше верховное командование в плену. Генштаб находился в крепости, когда она была взята. Там большие темницы, сэр, и сейчас они доверху полны.

— С какой стати я должен вам верить?

А я верю, подумала Полли. Значит, Поль убит, ранен или взят в плен. И ей ничуть не стало легче при мысли о том, что у нее есть два шанса из трех.

Де Словв бросил газеты к ногам лейтенанта.

— Здесь все сказано, сэр. Я ничего не выдумал. Это правда. И останется правдой, верите вы тому или нет. Против вас объединились шесть стран, в том числе Орлея, Моглдавия и Анк-Морпорк. На вашей стороне нет никого. Вы в одиночестве. Вас еще не победили только потому, что вы никак это не признаете. Я видел ваших генералов, сэр. Отличные командиры. Ваши солдаты дерутся как черти, но они не сдаются!

— Борогравия не знает, что такое «сдаться», мистер де Словв, — сказал лейтенант.

— Одолжить вам словарь, сэр? — огрызнулся де Словв, багровея. — Это приблизительно значит «заклЮчить некоторое подобие мира, пока еще есть шанс», сэр! «СпастиСь, пока вам не снесли голову с плеч», сэр! Честное слово, неужели вы не понимаете? Ваша армия сидит в Кнекской долине по одной причине: союзники покуда не решили, что с ней сделать! Им надоела эта бойня!

— А! Так, значит, мы продолжаем сопротивляться, — сказал Блуз.

Де Словв вздохнул.

— Вы не понимаете, сэр. Союзникам надоело убивать *вас*. Цитадель у них в руках. Там полно боевых машин. Честное слово, сэр, некоторые предпочли бы стереть с лица земли остатки вашей армии. Это не сложнее, чем перестрелять крыс в бочонке. Вы зависите от их милости — и все-таки продолжаете атаковать. Вы штурмуете крепость, хотя она стоит на голой скале и у нее стены в сотню футов высотой. Вы делаете вылазки через реку. Вы в мешке, вам некуда деваться, союзники могут перебить вас в любую

минуту — а вы ведете себя так, как будто это лишь временная неудача. Вот какова правда, сержант. Ваш отряд — всего-навсего последняя маленькая помеха.

— Выбирайте выражения, пожалуйста, — предупредил Блуз.

— Простите, сэр, но хорошо ли вы учили новейшую историю? В последние тридцать лет Борогравия как минимум по разу объявляла войну каждому из своих соседей. Все страны воюют, но Борогравия скандалит! А год назад вы снова вторглись в Злобению!

— Это они вторглись к нам, мистер де Словв.

— Вас ввели в заблуждение, лейтенант. Вы захватили Кнекскую провинцию.

— Более ста лет назад она была признана борогравской территорией по условиям Линтского договора!

— Этот договор был подписан на острие меча, сэр. И теперь в любом случае никому нет до него дела. Речь уже не только о дурацких распрях мелких властителей. Борогравцы снесли клик-башни. И перерыли тракт, по которому ездят почтовые кареты. Анк-Морпорк счел это разбойными действиями.

— Выбирайте выражения, я сказал! — воскликнул Блуз. — Я вижу, что на вашей повозке с несомненной гордостью вывешен анк-морпоркский флаг.

— *Civis Morporckias sum*, сэр. Я — гражданин Анк-Морпорка. Анк-Морпорк, так сказать, осеняет меня своим огромным и довольно-таки грязным крылом, хотя, пожалуй, метафора нуждается в доработке.

— Впрочем, анк-морпоркские солдаты не сумеют вас защитить.

— Вы правы, сэр. Вы можете убить меня сию секунду, — запросто ответил де Словв. — Вы это знаете, и я знаю. Но вы меня не убьете по трем причинам. Во-первых, борогравские офицеры придерживаются кодекса чести. Это общеизвестно. Поэтому они и не сдаются. Во-вторых, если прольется моя кровь, у вас будут неприятности. И, наконец, вам это не нужно, потому что всех интересует ваша судьба. Все изменилось, сэр.

— Все заинтересовались *нами*?

— Некоторым образом, сэр, вы нам очень помогли. В Анк-Морпорке очень удивились, когда... вы слышали о так называемой «широкой публике»?

— Нет.

Де Словв попытался объяснить. Блуз слушал с открытым ртом, а потом спросил:

— Я правильно понял? Столько людей было убито и ранено в этой

проклятой войне, но до сих пор она не представляла интереса для ваших читателей? А теперь все обратили внимание на Борогравию, и только из-за нас? Из-за маленькой стычки в городке, о котором они никогда не слышали? Мы вдруг стали «маленькой отважной страной», и ваши читатели говорят, что великий Анк-Морпорк теперь должен перейти на нашу сторону?

— Да, лейтенант. Вчера вечером мы напечатали еще один выпуск. Когда я выяснил, что капитан Горенц на самом деле князь Генрих. Вы это знали, сэр?

— Конечно, нет! — огрызнулся Блуз.

— А ты, рядовой Перкс, если бы знал... ты бы пнул его... ну, сам знаешь куда?

Полли испуганно уронила кружку и взглянула на Блуза.

— Конечно, отвечай, Перкс, — подбодрил лейтенант.

— Э... да, сэр. Я бы все равно его пнул. Наверное, даже сильнее. Я защищался, сэр, — сказала Полли, тщательно избегая подробностей. Никогда не знаешь, как обойдется с ними человек вроде де Словва.

— Ну ладно, — сказал газетчик. — Тогда, думаю, тебе понравится. Наш художник Физз нарисовал это для специального выпуска. Рисунок поместили на первой странице, и мы распродали рекордное количество экземпляров.

Он протянул Полли тонкий лист бумаги, который, судя по количеству складок, прежде свернули во много раз.

Полли увидела черно-белый тщательно затушеванный рисунок. На нем была изображена гигантская фигура с огромным мечом, чудовищным моноклем и усами, похожими на вешалку. Великан грозил маленькому человечку, вооруженному сельскохозяйственным орудием, которым копают свеклу (и на острие действительно была надета свекла). По крайней мере, таково было положение действующих лиц до той минуты, пока маленький человечек, почти в точной копии кивера «Тудой-сюдой» и слегка похожий лицом на Полли, не пнул великана прямо в пах. Из рта Полли вылетало нечто вроде воздушного шарика, на котором было написано: «Вот тебе королевские привилегии, мерзавец!» Из рта великана — разумеется, князя Генриха — тоже вылетал шарик со словами: «О, мои наследники! Такой мелкий, а как больно!» На заднем плане какая-то толстуха в мятом бальном платье и огромном старинном шлеме прижимала обе руки к гигантской груди и устремляла на противников взгляд, полный тревоги и восхищения. Надпись на шарике гласила: «О мой кавалер! Боюсь, наша связь расторгнута!»

Поскольку все молча разглядывали картинку, де Словв встревоженно объяснил:

— Физз, э... несколько прямолинеен, но страшно популярен. Хм... Самое интересное — хотя Анк-Морпорк самый большой задира, мы тем не менее всегда питаем некоторую слабость к тем, кто дает отпор забиякам. Особенно забиякам королевской крови. Мы склонны поддерживать смельчаков, если только нам это не слишком дорого обходится.

Блуз кашлянул.

— Ты получился довольно похоже, Перкс, — хрипло сказал он.

— Я бил коленом! — возразила Полли. — И никакой толстухи там не было!

— Это Морпоркия, — сказал де Словв. — Она вроде как символизирует наш город. Правда, она не покрыта грязью и сажей.

— А я, со своей стороны, должен добавить, — сказал Блуз самым официальным голосом, — что Борогравия на самом деле больше Злобении, хотя три четверти территории и занимают бесплодные горы...

— В общем, это неважно, — ответил де Словв.

— Правда?

— Да, сэр. Здесь изображен факт. Никаких политических пристрастий. В политике, сэр, такие картинки играют большую роль. Лейтенант, о вас говорят даже командиры союзных войск, а злобенцы злы и озадачены. Если вы, герои дня, обратитесь с призывом проявить немного здравого смысла...

Лейтенант сделал глубокий вдох.

— Это нелепая война, мистер де Словв. Но я солдат. Я, как у нас говорится, «поцеловал Герцогиню». Я принес клятву верности. И не предлагайте мне ее нарушить. Я должен драться за свою страну. Мы прогоним всех захватчиков. Если в округе есть дезертиры, мы их найдем и возглавим. Мы знаем местность. Пока мы свободны, свободна и Борогравия. Вы высказались, мистер де Словв. Спасибо. Где чай, Перкс?

— Что? А. Почти готов, сэр, — Полли повернулась к костру.

Внезапная странная фантазия, глупый план. Здесь и сейчас Полли хорошо сознавала его недостатки. Как вернуть Поля домой? А вдруг он не захочет? Справится ли она? Даже если брат еще жив, как выволить его из тюрьмы?

— Значит, вы собираетесь вести партизанскую войну? — спросил де Словв у нее за спиной. — Да вы с ума сошли.

— Нет, — ответил Блуз. — Мы поцеловали Герцогиню. Мы — солдаты.

— Ну да, — сказал де Словв. — По крайней мере, я восхищаюсь

вашим боевым духом. А, Отто...

Вампир с иконографом неторопливо подошел и смущенно улыбнулся.

— Не бойтесь. У меня Черная ленточка, как у вашего капрала, — сказал он. — Теперь я предпочитает свет.

— Правда? Э... прекрасно, — ответил Блуз.

— Сделай картинку, Отто, — приказал де Словв. — Джентльменам некогда, их ждет война.

— Исключительно ради интереса, мистер де Словв, — перебил лейтенант, — но как вы отправляете картинки в город так быстро? Магия?

— Что? — де Словв, казалось, на мгновение утратил почву под ногами. — Нет-нет, сэр. Услуги волшебников слишком дороги, и потом, командор Ваймс сказал, что в этой войне *никто* первым не пустит в ход магию. Мы посылаем сообщения с почтовыми голубями в нашу контору в Кнекской крепости, а оттуда их с ближайшей клик-башни отправляют в город.

— Неужели? — переспросил Блуз, выказывая гораздо больше энтузиазма, чем до сих пор. — Вы, я так понимаю, используете цифры, чтобы обозначить нужный оттенок серого?

— Майн готтс! — воскликнул Отто.

— Да... честно говоря, именно так и есть, — сказал де Словв. — Признаться, я удивлен, что вы...

— Я видел клик-башни на дальнем берегу Кнека, — объяснил Блуз, и глаза у него вспыхнули. — Отличная идея — использовать большие ящики с заслонками вместо старомодного семафора. Не ошибусь ли я, если предположу, что верхний ящик, заслонки в котором открываются раз в секунду, — это своего рода часы, которые задают темп всем остальным башням? Надо же. Я так и думал. Раз в секунду — видимо, предел скорости, поэтому, несомненно, ваши усилия теперь направлены на то, чтобы максимизировать количество информации в одном «клике»? Да, должно быть, так оно и есть. А что касается передачи изображений, то все вокруг — это так или иначе цифры, правда? Конечно, вы могли бы использовать два набора из четырех ящиков, чтобы обозначать оттенок серого, но это очень медленно. Вы не задумывались над созданием алгоритма сжатия?

Де Словв и Шрик переглянулись.

— Вы точно ни с кем об этом не говорили, сэр? — спросил газетчик.

— Но это же элементарно, — с радостной улыбкой сказал Блуз. — Я задумался над этой проблемой в связи с военными картами, которые в основном представляют собой белое пространство. Я подумал: нельзя ли

обозначить требуемый оттенок в одной колонке, а в другой указать, как далеко он тянется. Что самое приятное — если карта целиком черно-белая, то вы...

— Вы никогда не были внутри клик-башни? — уточнил де Словв.

— К сожалению, нет. Я просто «рассуждаю вслух», основываясь на существовании вашей картинки де-факто. Я вижу и множество других математических... эгм... приемов, чтобы еще ускорить передачу информации, но, несомненно, вы и так уже до них додумались. Конечно, незначительная модификация могла бы, теоретически, немедленно удвоить количество информации, передаваемой с помощью кликов. И это не говоря об использовании цветных фильтров в ночное время — я уверен, что, даже если учесть дополнительную нагрузку на механизм, они серьезно увеличат пропускную способность... простите, я сказал что-то не то?

Де Словв и Отто смотрели на него остановившимся взглядом. Наконец газетчик пришел в себя.

— Э... нет-нет. Все в порядке, — сказал он. — Вы, как я вижу, быстро... улавливаете суть.

— О, все стало ясно как день, едва я задумался, — ответил Блуз. — То же самое было, когда мне пришлось реформировать делопроизводство в нашем департаменте. Люди что-нибудь придумывают, потом обстоятельства меняются, и нужно постоянно латать систему, чтобы она продолжала работать. Никто как будто не понимает, что проще создать нечто новое с нуля, чтобы примениться к обстоятельствам. Но для стороннего наблюдателя это очевидно.

— Политика тоже похожа на систему делопроизводства и клик-башни, вы так не считаете? — спросил де Словв.

Блуз нахмурился.

— Простите, я, кажется, не понимаю...

— Иногда система управления страной настолько устаревает, что только сторонний наблюдатель способен осознать необходимость коренных перемен. Согласны? — спросил де Словв и улыбнулся. А лейтенант — нет.

— Просто пища для размышлений, — сказал де Словв. — Раз уж вы намерены заявить миру о своем упорстве, вы не против, если мой коллега сделает рисунок?

Блуз пожал плечами.

— Если вам это доставит удовольствие... Конечно, рисунки — Мерзость пред Нугганом, но в наши дни трудно найти то, что не было бы Мерзостью. Скажите миру, мистер де Словв, что Борогравия не сдается. Мы не склоним голову. Мы будем драться. Так и запишите, пожалуйста, в

свой блокнот. Мы будем отбиваться, покуда стоим на ногах!

— Да, но, опять-таки, могу ли я попросить...

— Мистер де Словв, вы, несомненно, слышали, что перо сильнее меча?

Де Словв выпятил грудь.

— Конечно. И я...

— Хотите проверить? Рисуйте картинку, сэр, и мои люди проводят вас обратно на дорогу.

Отто Шрик встал, поклонился Блузу и установил свой аппарат.

— Одна минутка, сэр, — сказал он.

Разумеется, не одна. Полли со страхом и волнением наблюдала, как Отто делал изображения лейтенанта в разных позах, которые Блуз считал героическими. Неприятно смотреть, как человек пытается выпатить подбородок, которого у него, по сути, нет.

— Очень впечатляюще, — сказал де Словв. — Надеюсь, вы уцелеете и увидите рисунок в газете, сэр.

— Буду ждать с крайним нетерпением, — ответил Блуз. — А теперь, Перкс, пожалуйста, отправляйся вместе с сержантом и выведи этих джентльменов на дорогу.

Отто бочком подошел к Полли, пока они шагали к повозке.

— Я должен скажйт кое-что насчет фашего фампира.

— Да?

— Ты его друг? — спросил Отто.

— Да, — ответила Полли. — А в чем дело?

— Есть один проблем...

— Он нервничает, потому что у него закончился кофе?

— Увы, если бы только поэтому... — Отто явно тревожился. — Пойми, когда фампир воздерживайт себя от кр... ну, этого самого... происходит процесс, который мы называйт «переносом». Мы заставляйт себя желать чего-нибудь другого. У меня это было не так болезненно. Я развил в себе любовь к свету и тени. Картинки — моя жизнь! Но ваш друг предпочитайт... кофе. И теперь...

— Я понимаю.

— Сомневаюсь. Наверное, он решил, что это благоразумно... и очень по-челофически. Никто не испугается, если сказать: «Я до смерти хочу кофе» или «Я убью за чашку кофе». Но без кофе он, я боюсь... вернется к прежнему. Вы понимаете, мне трудно об этом гофорить... — Отто замолчал.

— Что вы имеете в виду — «он вернется к прежнему»?

— Сначала начнутся легкий галлюцинации. Психическая восприимчивость к самым разным воздействиям непонятно откуда. Фампиры галлюцинируют так сильно, что это бывает заразно. Я так понимаю, именно это уже и происходит. Он может стать... эксцентричным. И так продолжайт... несколько дней. Потом барьер рухнет, и он снова станет настоящим фампиром. Вместо безфредного любителя кофе.

— Что-нибудь можно сделать?

Отто осторожно уложил ящик в заднюю часть повозки и повернулся к Полли.

— Добудь кофе... или держи под рукой дерефянный кол и большой нож. Поферь, ты окажешь ему большой услугу.

— Я не могу!

Отто пожал плечами.

— Найди того, кто сможет.

— Это потрясающе! — воскликнул де Словв, когда повозка вновь, качаясь, покатила между деревьями. — Я знаю, что клик-башни запрещены вашей религией, но лейтенанту, кажется, известно о них все.

— Я же вам сказал, сэр, он оценивает ситуацию, — сияя, заметил Джекрам. — Ум как бритва, сэр.

— Он рассуждал об алгоритмах, которые только-только начали разрабатывать наши компании, — продолжал де Словв. — Кстати, департамент, о котором он упомянул...

— Я вижу, от вас ничего не ускользнет, сэр, — сказал Джекрам. — Но тс-с. Не имею права говорить.

— Честно говоря, сержант, я всегда предполагал, что Борогравия... э... отсталая страна.

Сержант лучезарно улыбнулся.

— Пускай кажется, что мы тащимся далеко позади, сэр. Это чтобы получше разогнаться.

— Знаете, сержант, очень жаль, что такой ум пропадает даром, — продолжал де Словв, когда повозка накренилась, попав в выбоину. — Время героев, легендарных последних боев и неувядаемой славы прошло. Окажите лейтенанту услугу и попытайтесь объяснить это, хорошо?

— Даже не посмею и мечтать, сэр, — ответил Джекрам. — Вот дорога, сэр. Куда вы теперь?

— В долину Кнека, сержант. Я собрал материал для хорошей статьи. Спасибо. Разрешите пожать вам руку.

— Приятно слышать, сэр, — Джекрам протянул руку. До Полли

донеслось слабое позвякивание монет, перешедших из ладони в ладонь. Де Словв взял вожжи.

— Должен предупредить, сержант, что мы скорее всего пошлем материалы голубем, где-то через час, — сказал он. — Нам придется сообщить, что у вас пленные.

— Не беспокойтесь, сэр, — ответил Джеккрам. — Когда их дружки явятся на помощь, мы уже будем на полпути в горы. Наши горы.

Они расстались. Джеккрам смотрел вслед, пока повозка не скрылась из виду, а потом повернулся к Полли.

— Ох уж эти хорошие манеры, — сказал он. — Ты видел? Он меня оскорбил — дал мне на чай! — сержант взглянул на монеты. — Хм... пять морпоркских долларов? По крайней мере, этот хмырь умеет оскорблять красиво, — добавил он, и деньги с необыкновенной скоростью исчезли в недрах мундира.

— По-моему, он хотел помочь нам, сержант, — заметила Полли.

Джеккрам промолчал.

— Ненавижу проклятый Анк-Морпорк, — сказал он. — Кто они такие, чтобы нас учить? Какая нам разница, что они думают?

— Вы думаете, мы действительно сможем объединить дезертиров, сержант?

— Нет. Если они сбежали один раз, кто помешает им повторить? Они наплевали на Герцогиню, когда удрали. Вторым поцелуем здесь дела не поправишь. Поцеловать Герцогиню можно только раз.

— Но лейтенант Блуз...

— Пускай занимается своими циферками. Он считает себя солдатом, хотя в жизни не бывал на поле боя. Вся эта чушь, которую он наговорил твоему газетчику про славу или смерть... вот что я скажу, Перкс. Смерть я видел столько раз, что сбился со счета, а Слава мне на глаза еще не попадалась. Так что пускай эти олухи поищут там, где нас нет.

— Он никакой не «мой газетчик», — ответила Полли.

— Ну да, ну да, но ты-то ловко пишешь и читаешь, — проворчал Джеккрам. — Нельзя доверять людям, которые все записывают. Газетчики творят черт-те что: пишут обо всем, что творится в мире, и вдруг оказывается, что ты на самом деле ничего не знаешь.

Они вернулись в балку. Новобранцы выбрались из разнообразных укрытий. Большинство сгрудились вокруг газеты. Полли впервые увидела Рисунок.

Они действительно получились неплохо, особенно Маникль и Уолти. Сама Полли оказалась почти полностью скрыта массивной тушей

Джеккрама. Но на заднем плане виднелись мрачные кавалеристы, и их лица были очень красноречивы.

— Холтер нарисовали красиво, — сказала Игорина, которая почти не шепелявила, когда поблизости не было начальства.

— Как вы думаете, если я сохраню картинку, это будет Мерзость пред Нугганом? — нервно спросила Маникль.

— Может быть... — рассеянно ответила Полли. — Почти все на свете — Мерзость.

Она увидела под рисунком текст. Он пестрел выражениями вроде «отважные крестьянские парни», «унизительное поражение лучших злобенских бойцов» и «заноза в».

Неудивительно, что поднялся такой шум.

Полли полистала газету, обнаружив странные истории о местах, о которых она никогда не слышала, и изображения людей, которых она не знала. Но одну страницу полностью занимал серый текст с заголовком крупными буквами, который гласил:

ПОЧЕМУ ЭТО БЕЗУМНОЕ ГОСУДАРСТВО НУЖНО ОСТАНОВИТЬ

В изумлении она мгновенно выхватила несколько фраз из моря букв. «Бесчестные вторжения в соседние страны», «обезумевшие поклонники сумасшедшего бога», «заносчивые забияки», «попрание законов», «плевок в лицо общественному мнению»...

— Парни, не читайте эту чушь, вы же не знаете, откуда она взялась, — бодро сказал Джеккрам, возникая за спиной. — Это наверняка сплошное вранье. Мы отправляемся... Капрал Маладикт!

Маладикт, появившийся из зарослей, лениво отсалютовал. На нем по-прежнему было одеяло.

— Во что ты превратил свою форму?!

— Она на мне по-прежнему, сержант. Мы ведь не хотим, чтобы нас увидели? А так мы станем частью джунглей.

— Это не джунгли, а лес, капрал! Если все снимут форму, то как же, черт возьми, отличить врагов от друзей?

Маладикт закурил, прежде чем ответить.

— Я так понимаю, сержант, — сказал он, — что враги — все, кроме нас.

— Минутку, сержант, — сказал Блуз, оторвавшись от газеты и с интересом глядя на необычное явление. — В древние времена

действительно были прецеденты. Генерал Сон-Цзе-Си-Яй совершил марш-бросок, замаскировав свою армию под поле подсолнухов, а генерал Тактикус однажды велел батальону переодеться елками.

— Подсолнухи? — переспросил Джекрам с нескрываемым презрением.

— И в обоих случаях они одержали победу, сержант.

— Ни мундиров, ни кокард, ни нашивок, сэр?

— Наверное, сержант, вы бы могли стать самым большим цветком, — ответил Блуз без тени улыбки на лице. — Не сомневаюсь, вам приходилось вести военные действия ночью, когда не видно знаков различия.

— Да, сэр, однако ночь есть ночь... а подсолнухи есть подсолнухи, сэр! Я ношу этот мундир почти пятьде... почти всю свою жизнь, сэр! Расхаживать без формы — прямое бесчестие, сэр! Это — удел *шпиона*, сэр! — Лицо Джекрама из красного сделалось багровым, и Полли с удивлением увидела слезы у него на глазах.

— Разве можно быть шпионами в собственной стране, сержант? — спокойно спросил Блуз.

— ЛТ прав, — заметил Маладикт.

Джекрам развернулся, как бык, увидевший красную тряпку, но, к удивлению Полли, тут же расслабился. Впрочем, удивление продлилось недолго. Она раскусила сержанта. Сама не понимая почему, Полли читала Джекрама как открытую книгу. Дело было в глазах. Джекрам мог врать с ангельски честными и спокойными глазами. А если казалось, что он уступает, то, несомненно, чтобы наверстать впоследствии.

— Ладно, ладно, — сказал Джекрам. — Ей-богу, я не из тех, кто оспаривает приказы.

И его глаза сверкнули.

— Вот и хорошо, сержант, — ответил Блуз.

Джекрам подобрался.

— Но я не хочу переодеваться подсолнухом!

— Слава богу, в этих краях растут только елки, сержант.

— Верно подмечено, сэр, — Джекрам повернулся к ошарашенным новобранцам. — Вы слышали офицера! Пора наряжать елку, дети мои!

Прошел час. Насколько понимала Полли, они сначала направились к горам, потом описали широкий полукруг и в конце концов вновь оказались лицом в ту сторону, куда шли, но несколькими милями дальше. Кто их вел? Блуз? Или он предоставил это Джекраму? Впрочем, никто не жаловался.

Лейтенант объявил привал в березняке, густота которого немедленно

увеличилась вдвое. Поскольку ярко-красный и белый отчетливо выделяются на серо-зеленом фоне, маскировка явно оказалась успешной. Все прочее язык бессилён описать.

Яшма соскребла с себя краску и оказалась серо-зеленой сама по себе. Игорина напоминала шагающую метелку. Уолти Гум дрожала как осиновый лист, и ее веточки непрерывно шелестели. Остальные замаскировались более или менее успешно. Полли гордилась собственным результатом. Что касается Джеккрама... с тем же успехом можно было маскировать огромный красный мяч. Полли подозревала, что он тайком начистил пуговицы. У каждого дерева на ветке или в руке была кружка с чаем. В конце концов, они остановились на пять минут.

— Солдаты, — сказал Блуз, как будто только что пришел к такому выводу. — Вы, должно быть, решили, что мы направляемся в горы, чтобы возглавить армию дезертиров. На самом деле я прибегаю к уловке, чтобы сбить с толку мистера де Словва. — Он помолчал, словно ожидая реакции. Все уставились на него, и лейтенант продолжал: — На самом деле мы продолжаем путь в долину Кнека. Меньше всего враг ожидает от нас этого.

Полли посмотрела на сержанта. Джеккрам ухмылялся.

— Хорошо известно, что небольшой легковооруженный отряд может проникнуть туда, куда не пробраться батальону, — сказал Блуз. — И мы будем именно таким отрядом! Я прав, сержант Джеккрам?

— Да, сэр!

— Мы обрушимся на малочисленные отряды противника, как молния!

— Да, сэр!

— А если увидим превосходящие силы, то тихонько растворимся в лесу...

— Да, сэр!

— Мы проскользнем мимо вражеских часовых...

— Так точно, сэр, — ответил Джеккрам.

— ...и выхватим Кнекскую крепость у них из-под носа!

Джеккрам расплескал чай по всей поляне.

— Враги чувствуют себя неуязвимыми только потому, что в их распоряжении укрепленный форт, который стоит на скалистом утесе и окружен стенами в сто футов высотой и двадцать толщиной, — продолжал Блуз, как будто не замечая, что с окрестных деревьев капает чай. — Но противника ждет сюрприз!

— Все в порядке, сержант? — шепнула Полли. Джеккрам издавал горлом какие-то странные звуки.

— У кого-нибудь есть вопросы? — спросил Блуз.

Игорина подняла ветку.

— А как же мы попадем внутрь, сэр?

— Хороший вопрос, — ответил лейтенант. — В должное время вы узнаете.

— Воздушная кавалерия, — произнес Маладикт.

— Прошу прощения, капрал?

— Летательные аппараты, сэр, — сказал Маладикт. — Враг не знает, откуда нас ждать. Сядем на удобной площадке, замочим их и смоемся.

Блуз слегка наморщил лоб.

— Летательные аппараты?.. — переспросил он.

— Я видел такую картинку в книге некоего Леонарда Щеботанского. Что-то вроде... летающей мельницы. Похоже на большой штопор в небе.

— Сомневаюсь, что они нам понадобятся. Хотя... спасибо за совет, — сказал Блуз.

— Сэр, нам самим того и гляди вставят штопор! — вмешался Джекрам. — Это просто кучка новобранцев! Про честь и свободу вы толкали для газетчика, ведь так, сэр? Отличная идея. Все правильно, пошли в Кнекскую долину. Прoberемся туда незаметно и присоединимся к остальным. Именно там наше место, сэр. Неужели вы всерьез надеетесь захватить крепость? Да я бы и с тысячей солдат не рискнул.

— Я рискну с полудюжиной, сержант.

У Джекрама глаза полезли на лоб.

— Правда, сэр? И что, например, сделает рядовой Гум? Подрожит на них? А юный Игорь зашьет? А рядовой Холтер напугает взглядом? Они, конечно, многообещающие ребята... но не мужчины!

— Генерал Тактикус сказал, что исход боя порой зависит от поступков одного-единственного человека в нужное время и в нужном месте, сержант, — спокойно ответил Блуз.

— Да, но еще хорошо бы, чтоб солдат у тебя было больше, чем у противника, — возразил Джекрам. — Сэр, мы должны присоединиться к остаткам нашей армии. Может быть, она в ловушке, а может быть, и нет. Враги якобы расхотели нас убивать? Чушь какая. Война идет до победы, сэр. Если враг перестал атаковать, так это потому, что он боится. Мы должны быть в Кнекской долине. Там самое место для молодых солдат. Там они кое-чему научатся. Враг их ищет, сэр!

— Если генерал Фракк среди пленных, его держат в крепости, — сказал Блуз. — Кажется, когда-то вы служили под его командованием, сержант?

Джекрам помедлил.

— Да, сэр, — наконец ответил он. — И это был самый тупой лейтенант на моей памяти за одним только исключением.

— Я уверен, что в крепости есть потайной ход, сержант.

Полли вздрогнула. Если Поль жив, он в крепости. Она поймала взгляд Маникль. Та кивнула. Она думала о том же самом. Маникль не распространялась о своем... женихе, и Полли гадала, насколько официальной была помолвка.

— Разрешите обратиться, сержант? — сказала она.

— Слушаю, Перкс.

— Я бы попробовал пробраться в крепость, сержант.

— Перкс, ты добровольно вызываешься штурмовать самую большую и укрепленную цитадель в пределах пятисот миль? В одиночку?

— Я тоже пойду, — сказала Маникль.

— Ах, уже двое? Да, теперь победа обеспечена.

— И я, — сказала Уолти Гум. — Так велела Герцогиня.

Джекрам окинул взглядом худенькое личико Уолти и ее бесцветные глаза, вздохнул и повернулся к Блузу.

— Давайте двигать отсюда, сэр. Обсудим потом. По крайней мере, мы так или иначе идем в долину, это первая остановка на пути в ад. Перкс и Игорь, вперед. Маладикт?

— Йо!

— Э... разведай, что там дальше.

— Усёк!

— Вот и хорошо.

Вампир прошел мимо Полли, и мир на секунду изменился. Лес стал зеленее, небо серее, над головой послышался шум, нечто вроде «хоп-хоп-хоп-хоп-хоп»... а потом все пропало.

Вампиры галлюцинации бывают заразными, вспомнила Полли. Что творилось в голове Маладикта? Полли поспешила вперед, к Игорине, и они снова зашагали через лес.

Пели птицы. Человеку, который не разобрался в птичьем пении, оно могло показаться совершенно мирным, но Полли различала вблизи сигналы тревоги, вдали — посягательства на чужую территорию и повсюду — признаки любовного помешательства. Все это в значительной мере портило удовольствие.^[8]

— Полли... — позвала Игорина.

— Да?

— Ты могла бы убить человека, если бы пришлось?

Полли очнулась.

— Да что это за вопрос?..

— Именно тот, который задают шолдату, — ответила Игорина.

— Не знаю... Наверное, да, если бы на меня напали. Во всяком случае, я бы постаралась ударить посильнее, чтобы противник не встал. А ты?

— Мы высоко ценим чужую жизнь, Полли, — торжественно сказала Игорина. — Так легко кого-нибудь убить — и почти невозможно оживить.

— Почти?

— Ну, если у тебя нет хорошего молниеотвода. А если есть, то все равно человек не будет прежним. К нему начинают прилипать столовые приборы.

— Игорина, что ты вообще здесь делаешь?

— Наш клан... не одобряет, если девушки чересчур интересуются Великим Деланием, — Игорина опустила глаза. — Как говорит моя мама, «сиди и шей». Конечно, иголки — это замечательно, но я-то знаю, что хорошо умею резать! Особенно если нужна деликатность. И, по-моему, женщина на операционном столе почувствует себя намного спокойнее, если будет знать, что, пересадку... э... запчастей проводит женская рука. Вот я и решила, что работа в полевых условиях окончательно убедит моего отца. Солдаты не очень-то привередливы, когда дело касается спасения жизни.

— По-моему, все мужчины на свете одинаковы, — сказала Полли.

— Изнутри — несомненно.

— Э... и ты действительно можешь прирастить волосы обратно?

Полли видела их в склянке, на привале. Они курчавились, лежа в какой-то зеленой жидкости, и походили на диковинные водоросли.

— Конечно. Пересадка скальпа — несложная штука. Пару минут пощиплет, и все.

Среди деревьев что-то мелькнуло и превратилось в Маладикта. Подойдя ближе, он поднес палец к губам и с серьезным видом шепнул:

— Узкоглазые идут за нами!

Полли и Игорина переглянулись.

— Какие еще узкоглазые?

Маладикт уставился на них и рассеянно потер лоб.

— Э... простите. Я... ребята, за нами следят. Я это знаю.

Солнце садилось. Полли выглянула из-за выступа и посмотрела в ту сторону, откуда они пришли. Она увидела дорогу, золотисто-алую в вечернем свете, на которой не было ни души. Отряд выбрался на каменистую площадку близ вершины очередного круглого холма: на одном из его склонов оказалось потайное местечко, со всех сторон окруженное

зарослями. Удобный наблюдательный пункт для того, кто хочет смотреть по сторонам, оставаясь незамеченным. Судя по старому кострищу, совсем недавно кто-то именно так и подумал.

Маладикт сидел, обхватив голову руками, а по бокам — Джеккрам и Блуз. Они пытались понять, но безуспешно.

— Значит, ты ничего не слышал? — спросил Блуз.

— Нет.

— И не видел, и не чуял? — подхватил Джеккрам.

— Нет! Я же сказал! Но кто-то за нами идет! И наблюдает!

— Но если ты не... — начал лейтенант.

— Я вампир! — огрызнулся Маладикт. — Вам придется поверить!

— Я верю, шержант, — сказала Игорина, стоя за спиной у Джеккрама. — Мы, Игоря, часто пришлуживаем вампирам. В штрешшовой ситуации их личное пространство шпошобно рашширяться на десять миль!

Как всегда, наступило молчание. Чтобы понять речь Игоря, нужно задуматься.

— Штрешшовой?.. — переспросил Блуз.

— Знаете, какое ощущение, когда на тебя кто-нибудь смотрит? — с трудом выговорил Маладикт. — Так вот, сейчас то же самое, только в тысячу раз сильнее. И это не просто ощущение. Я точно знаю!

— Нас многие ищут, капрал, — сказал Блуз, ласково похлопывая его по плечу. — Но вовсе не факт, что найдут.

Полли, глядя на залитую золотым светом долину, открыла рот, чтобы заговорить. Но он пересох, и она не смогла произнести ни слова.

Маладикт стряхнул руку Блуза.

— Это... существо нас не ищет! Оно точно знает, где мы!

Полли набрала слюны, и наконец ей удалось крикнуть:

— Я что-то вижу!

Оно мелькнуло и исчезло. Полли могла поклясться, что существо сливалось с вечерним сумерками и оказалось заметно лишь благодаря легким, едва уловимым колебаниям света и тени.

— Э... или нет, — проямлила она.

— Мы все не выспались и слегка «умотались», — сказал Блуз. — Давайте немного расслабимся.

— Мне нужен кофе! — застонал Маладикт, качаясь туда-сюда.

Полли, прищурившись, посмотрела вдаль. Ветерок качал деревья, с веток невесомо слетали красно-золотые листья. Пусть на мгновение, но ей показалось... Полли встала. Если слишком долго рассматривать тени и

колыхание веток, увидишь что угодно. Это все равно как глядеть на картинки в пламени.

— Так, — сказала Маникль, хлопоча над костром. — Думаю, сойдет. Во всяком случае, пахнет как кофе. Ну... почти. Почти как кофе, если бы его делали из желудей.

Она поджарила желуди. В лесу в это время года их было полно, и все знали, что поджаренные молотые желуди могут заменить кофе. Полли согласилась, что попытка не пытка, но на ее памяти никто еще, будь у него выбор, не говорил: «Нет, я больше в жизни не притронусь к этому ужасному кофе, дайте мне, пожалуйста, заменитель из жареных желудей с плавающими хрустящими кусочками!»

Она взяла кружку у Маникль и отнесла вампиру. Как только она наклонилась над Маладиктом, мир изменился...

...хоп-хоп-хоп-хоп...

Небо затянуло пыльной пеленой, и солнце превратилось в кроваво-красный диск. На секунду Полли увидела их — огромные летающие штопоры, которые парили в воздухе и медленно спускались прямо к ней...

— Он видит чужими глазами, — прошептала Игорина.

— Что?

— Ну... это чьи-то воспоминания. Мы про них ничего не знаем, они могут взяться откуда угодно. Вампиры в таком состоянии подвержены самым разным воздействиям. Дай ему кофе, пожалуйста!

Маладикт схватил кружку и проглотил содержимое так быстро, что оно потекло по подбородку. Полли и Игорина смотрели, как он пьет.

— На вкус как грязь, — сказал он, отставляя кружку.

— Да... но тебе лучше?

Маладикт поднял глаза и моргнул.

— Ох боги, какое жуткое варево.

— Мы в лесу или в джунглях? Ты видишь летающие штопоры? — спросила Игорина. — Сколько пальцев я показываю?

— Игорь не должен задавать такой вопрос, — поморщившись, заметил Маладикт. — Но... ощущения уже не такие сильные. Я втянусь. Меня уже не плющит.

Полли посмотрела на Игорину. Та пожала плечами и сказала: «Вот и хорошо», — а потом жестом отозвала Полли в сторонку.

— Он... или она... уже на пределе, — шепнула Игорина.

— Как и все мы, — ответила Полли. — Мы почти не спим.

— Ты ведь понимаешь, что я имею в виду. Э... я взяла на себя смелость и... приготовилась.

Игорина распахнула мундир лишь на долю секунды, но Полли увидела нож, деревянный кол и молоток — в аккуратно пришитых кармашках.

— Но ведь до этого не дойдет, правда?

— Надеюсь, — сказала Игорина. — Но если дойдет... я — единственная, кто наверняка попадет в сердце. Люди думают, что оно гораздо левее...

— До этого не дойдет, — твердо заявила Полли.

Небо алело. Война была в дне пути.

Полли прокралась вдоль гребня с заварочным чайником. Именно чай помогал им держаться на ногах и не терять голову. Ну... до некоторой степени. Взять, к примеру, Холтер и Тьют. Неважно, кто из них стоял в дозоре — вторая всегда была рядом. И теперь они сидели бок о бок на упавшем дереве и смотрели вниз с холма, держась за руки. Холтер и Тьют всегда держались за руки, когда думали, что никто их не видит. Но Полли казалось, что они держатся за руки не как друзья. Так человек, упавший в пропасть, цепляется за своего спасителя, потому что отпустить — значит свалиться.

— Чай готов, — дрожащим голосом произнесла она.

Девушки обернулись, и Полли зачерпнула кружкой дымящийся чай.

— Знаете, — тихонько сказала она, — никто вас не возненавидит, если вы сегодня сбежите.

— Что ты имеешь в виду, Оззи? — спросила Тьют.

— Ну... зачем вам в Кнекскую долину? Вы же вырвались из школы и теперь вольны идти куда угодно. Ей-богу, вы можете тихонько ускользнуть...

— Мы остаемся, — мрачно сказала Холтер. — Мы уже решили. Куда нам идти? Особенно теперь, когда за нами кто-то следит.

— Может, это зверь какой, — предположила Полли и сама себе не поверила.

— Звери так себя не ведут, — возразила Холтер. — И Маладикт бы не стал волноваться. Наверное, опять шпионы. Ну, так мы их встретим.

— Никто не вернет нас обратно в школу, — добавила Тьют.

— Э... ну ладно, — сказала Полли, отходя. — Тогда я пойду. Никто не захочет пить холодный чай.

Она заспешила по холму. Когда Тьют и Холтер сидели вдвоем, Полли чувствовала себя нарушителем границы.

Уолти караулила в маленькой лощинке и с привычным, странно напряженным выражением лица рассматривала заросли. Полли подошла, и Гум обернулась.

— А, Полли. У меня хорошие новости.

— Здорово, — устало отозвалась та. — Я люблю хорошие новости.

— Герцогиня разрешает нам не носить канифасовые платки.

— Что? Ах, да. Очень хорошо.

— Но только потому, что мы служим Высшей Цели, — продолжала Уолти. Блуз умел говорить с кавычками, а она умела говорить заглавными буквами.

— Хорошо, — повторила Полли.

— Знаешь, Полли, — сказала Уолти, — я думаю, мир стал бы намного лучше, если бы им правили женщины. Тогда не было бы войн. Конечно, Завет скажет, что это — Неимоверная Мерзость пред Нугганом. Но, наверное, он ошибается. Я спрошу у Герцогини. Благослови кружку, из которой я буду пить, — добавила она.

— Э... да.

Полли задумалась, чего нужно бояться больше — Маладикта, который вот-вот превратится в голодное чудовище, или Уолти, чей незримый путь близится к концу. Судомойка подвергала Книгу Нуггана критическому анализу и разговаривала с иконой. От такого бывают некоторые... трения. Люди, ищущие истину, гораздо приятнее тех, кто считает, что уже нашел ее.

И потом, подумала Полли, глядя на Уолти, — только тот, кто плохо знает женщин, способен сказать, что мир станет лучше, если женщины будут им править. По крайней мере, тот, кто плохо знает женщин определенного возраста. Взять хоть канифасовые платки. Женщины обязаны покрывать голову по пятницам, хотя об этом ничего не говорится в Книге, такой неверо... нет, прямо-таки чертовски суровой по многим другим вопросам. Просто таков обычай. Так делают, потому что так делали всегда. А если девушка забывает или не желает повязывать платок, старухи принимают за нее. Глаза у них ястребиные, они буквально видят сквозь стены. И мужчины слушаются старых ведьм, потому что не хотят их злить, ведь тогда старухи примутся следить за ними. Значит, придется побить виновную, хоть и неохотно. Всякий раз, когда идет публичное наказание, особенно порка, в первом ряду непременно стоят старухи, посасывая мятные леденцы.

Полли оставила платок дома. В «Герцогине» она послушно носила его по пятницам, но лишь потому, что следовать обычаю было проще, чем отказаться. Она поклялась, что никогда больше не станет этого делать, если вернется.

— Э... Уолти, — сказала она.

— Да, Полли?

— Ты вроде как на прямой связи с Герцогиней?

— Мы разговариваем, да, — задумчиво ответила Уолти.

— А ты бы не могла попросить у нее кофе? — жалобно сказала Полли.

— Герцогиня двигает только маленькие, очень маленькие предметы.

— Хотя бы несколько зерен! Уолти, нам очень нужен кофе.

Сомневаюсь, что желуди его заменят.

— Я помолюсь, — пообещала Уолти.

— Спасибо. Помолись, — сказала Полли и, как ни странно, ощутила проблеск надежды. Маладикт страдал от галлюцинаций, а Уолти обладала уверенностью, способной гнуть железо. А это прямо противоположно галлюцинациям. Уолти словно видела то, что было скрыто от всех остальных.

— Полли, — окликнула Уолти.

— Что?

— Ты не веришь в Герцогиню? В настоящую Герцогиню, а не в ваш трактир.

Полли взглянула в худенькое, острое, напряженное личико.

— Ну... говорят, что она умерла... и я молилась ей, когда была маленькая, но, раз уж ты спросила... э... я не очень верю, что...

— Она стоит прямо у тебя за спиной. За правым плечом.

Воцарилась тишина. Полли обернулась.

— Никого не вижу, — сказала она.

— Я рада за тебя, — Уолти протянула ей пустую кружку.

— Но я никого не увидела!

— И все-таки ты обернулась.

Полли никогда не расспрашивала о Работной школе. По определению, она была Хорошей Девочкой. Ее отец пользовался влиянием в городке, а она прилежно работала, почти не зналась с парнями, а главное, отличалась умом. В достаточной мере, чтобы каждый день делать все то, что и остальные люди, выросшие в атмосфере монотонного, нерассуждающего безумия, то есть в Мунце. Полли знала, что замечать, а чего не замечать, когда повиноваться, а когда притворяться, когда говорить, а когда держать язык за зубами. Она постигла науку выживания. Как большинство девушек. Но если девушка бунтовала, или отличалась опасной честностью, или болела чем-то необычным, или была нежеланным ребенком, или обращала на молодых людей больше внимания, чем считали допустимым старухи, или, самое страшное, плохо умела считать... тогда она отправлялась в Школу.

Полли не знала, что там творилось, но воображение услужливо

заполняло брешь. Она задумалась, как меняет человека эта проклятая мясорубка. Крепких, как Холтер, Школа закаляла и снабжала прочной броней. Что касается Тьют... трудно сказать. Она была тихой и застенчивой, пока в ее глазах не отражался свет пламени, а иногда он вспыхивал, даже если поблизости не было никакого огня. Но такие, как Уолти... Когда с тобой плохо обращаются, сажают под замок, морят голодом, бьют и унижают Нугган знает как (да, подумала Полли, Нугган скорее всего знает как), когда вынуждают глубже и глубже уходить в себя... что ты там найдешь?

И тогда ты согласишься из этой глубины на единственную улыбку, которую видела в жизни.

Последним в дозоре стоял Джекрам, потому что Маникль готовила. Он сидел на обомшелом валуне, с арбалетом на коленях, и что-то рассматривал. Он резко обернулся, когда Полли подошла, и она успела заметить золотой блеск, прежде чем непонятный предмет скользнул за ворот.

Сержант опустил арбалет.

— Топаешь как слон, Перкс, — сказал он.

— Простите, сержант, — ответила Полли, хотя и знала, что шла тихо. Джекрам взял кружку и указал на склон холма.

— Видишь вон тот куст, Перкс? Справа от бревна.

Полли прищурилась.

— Вижу, сержант.

— Ничего не замечаешь?

Полли вновь напрягла зрение. Что-то явно было не так, иначе Джекрам не стал бы спрашивать. Она сосредоточилась.

— У куста странная тень, — наконец сказала она.

— Молодчина. Потому что за ним сидит наш незваный гость. Он наблюдает за мной, а я за ним. И больше ничего. Он удерет, как только кто-нибудь двинется. И он слишком далеко, чтобы всадить в него стрелу.

— Это враг?

— Вряд ли.

— Друг?

— В любом случае нахальный стервец. Ему плевать, что я его засек. Ступай в лагерь, парень, и принеси-ка тот большой лук... Вон он!

Тень исчезла. Полли вглядывалась в лес, но вечерний свет уже слабел, и между деревьев ползли сумерки.

— Это волк, — сказал Джекрам.

— Вервольф? — уточнила Полли.

— С чего ты взял?

— Сержант Тауэринг сказал, что в отряде вервольф. А я уверен, что нет. Мы бы это уже выяснили. Наверное, вервольфа видел Тауэринг и его люди.

— В любом случае тут ничего не поделаешь, — сказал Джеккрам. — Серебряная стрела не помешала бы, но где ж ее возьмешь.

— А ваш шиллинг, сержант?

— Думаешь, можно убить оборотня кусочком олова?

— У вас есть настоящий шиллинг, сержант. Вы его носите на шее вместе с золотым медальоном.

Если уверенность Уолти гнула железо, то взгляд Джеккрама его плавил.

— Не твое дело, Перкс, что я ношу на шее. И если кто-нибудь попытается забрать у меня шиллинг, я буду страшнее вервольфа. Понял?

Он смягчился, увидев испуганное лицо Полли.

— Когда поедим, пойдем дальше и найдем для отдыха местечко получше. Там, где проще обороняться.

— Все устали, сержант.

— Поэтому я и хочу, чтобы вы были на ногах и при оружии, если наш гость вернется с друзьями, — сказал Джеккрам.

Он проследил взгляд Полли. Золотой медальон вновь выскользнул из-за ворота и виновато покачивался на цепочке. Сержант поспешно сунул его обратно.

— На память... об одной девушке, — сказал он. — Не спрашивай. Это было очень давно.

— Я ни о чем и не спрашивал, сержант, — отступив на шаг, произнесла Полли.

Джеккрам опустил плечи.

— Верно, парень. Не спрашивал. И я тоже тебя ни о чем не спрашиваю. Хорошо бы нам раздобыть для капрала кофе.

— Согласен, сержант.

— А наш руперт мечтает о лавровом венке, Перкс. Такой-разэтакий герой, навязался на нашу голову. Ничего не соображает, драться не умеет... никакого прока, черт возьми. Он только и думает о героической последней схватке и о медали, какую пошлют его старушке матери. Я пережил несколько героических последних схваток, парень, и вот что тебе скажу: это просто бойня. Блуз ведет вас на смерть, помани мое слово. Что вы тогда будете делать? Да, нам пришлось разок-другой подраться, но это еще не война. Думаете, у вас хватит силенок выстоять, когда встретятся сталь и

плоть?

— Вы ведь выстояли, сержант, — ответила Полли. — Вы сказали, что пережили несколько героических последних схваток.

— Да, парень, но сталь была в руках у меня.

Полли шагала обратно по склону. А мы ведь еще даже не добрались до Кнека, думала она. Сержант вспоминает девушку, которую когда-то оставил... ну, это нормально. Холтер и Тьют думают только друг о друге... ничего удивительного, после Работной-то школы... а что касается Уолти...

Полли задумалась, выжила бы в Школе она сама. Огрубела бы, как Холтер, или наглухо замкнулась изнутри, как те безымянные служанки, которые приходили, уходили и работали что есть сил? Или, может быть, она превратилась бы в подобие Уолти и нашла потайную дверь в собственной голове? «Пускай я ничтожна, но я говорю с богами».

...Уолти сказала, что не имеет в виду трактор. А разве Полли говорила ей про «Герцогиню»? Нет. Впрочем, она рассказала Холтер. Вот и объяснение. Все понятно. Холтер, должно быть, обмолвилась при Уолти. Ничего странного... не считая того, что с Уолти почти никто не разговаривал, потому что это было очень трудно. Она держалась слишком напряженно и скованно. Но это — единственное объяснение. Ну да. Иных просто не должно быть.

Полли вздрогнула и вдруг поняла, что кто-то идет рядом. Она подняла глаза и застонала.

— Ты ведь моя галлюцинация?

— ДА. ВЫ ВСЕ В СОСТОЯНИИ ОБОСТРЕННОЙ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ, ВЫЗВАННОЙ ОБЩИМ ПСИХИЧЕСКИМ СОСТОЯНИЕМ И НЕДОСТАТКОМ СНА.

— Если ты — галлюцинация, откуда ты это знаешь?

— Я ЗНАЮ, ПОТОМУ ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ. Я ПРОСТО МОГУ ЛУЧШЕ СФОРМУЛИРОВАТЬ.

— Я ведь не умру, правда? В смысле, не прямо сейчас?

— НЕТ. НО ТЕБЯ ВЕДЬ ПРЕДУПРЕДИЛИ, ЧТО ТЫ КАЖДЫЙ ДЕНЬ БУДЕШЬ ИДТИ БОК О БОК СО СМЕРТЬЮ.

— Э... да. Так сказал капрал Шкаллот.

— МЫ С НИМ СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ. ОН, ТАК СКАЗАТЬ, ПОСТУПАЕТ КО МНЕ В РАССРОЧКУ.

— А ты не мог бы стать... менее видимым?

— КОНЕЧНО. ВОТ ТАК ЛУЧШЕ?

— И чуть тише, если можно.

Воцарилось молчание. Видимо, оно и было ответом.

— И почистись, — сказала Полли в пустоту. — А мантию не помешало бы выстирать.

Никто не ответил, но ей стало немного легче.

Маникль приготовила говяжье рагу с клецками и травами. Невероятно вкусное. И вдобавок загадочное.

— Не припомню, чтобы нам встречалась корова, рядовой, — сказал Блуз, протягивая тарелку за второй порцией.

— Э... так точно, сэр.

— Тем не менее ты раздобыл говядину?

— Э... да, сэр. Когда приехал тот газетчик... ну, пока вы разговаривали... я подобрался к его тележке и заглянул...

— У человека, который занимается такими вещами, есть название, рядовой, — строго заметил Блуз.

— Да, он называется «интендант», Маникль, — сказал Джекрам. — А если газетчик проголодается, пусть закусит своим блокнотом, правда, лейтенант?

— Э... да, — осторожно ответил Блуз. — Да, конечно. Хвалю за инициативу, рядовой.

— Я это не сам придумал, сэр, — бодро откликнулся Маникль. — Мне сержант сказал.

Полли застыла, не донеся ложку до рта, и перевела взгляд с Джекрама на Блуза.

— Вы учите солдат мародерству, сержант? — уточнил Блуз.

Отряд дружно ахнул. Будь это трактир, завсегдатаи уже спешили бы к выходу, а Полли помогала бы отцу снимать бутылки с полки.

— Не мародерству, сэр. О нет, — ответил Джекрам, спокойно облизывая ложку. — Согласно Уставу Герцогини, статья 661, раздел 1-с параграф I, сэр, это называется «военная добыча», поскольку помянутая тележка является собственностью Анк-Морпорка, каковой поддерживает и подстрекает врага. Захватывать военную добычу разрешено, сэр.

На мгновение они сомкнулись взглядами, и Блуз полез в ранец. Полли увидела, как он вытащил небольшую толстую книжку.

— Статья 661, — пробормотал он, взглянув на сержанта, и принялся листать плотные блестящие страницы. — 661. Грабеж, мародерство и военная добыча. Так-так... Вы правы. Кстати говоря... вы остались в строю, сержант Джекрам, сославшись на статью 796, если не ошибаюсь...

Стояла тишина, нарушаемая только шелестом страниц. Полли

вспомнила, что никакой статьи 796 не существует. Неужели из-за этого они погрызутся?

— 796, 796... — негромко произнес Блуз. — А.

Он уставился на страницу, а Джекрам на него.

Лейтенант закрыл книгу с мягким хлопком.

— Совершенно верно, сержант, — бодро сказал он. — Я потрясен вашими энциклопедическими познаниями по части устава.

Джекрам стоял как громом пораженный.

— Что?..

— Вы процитировали почти слово в слово, сержант, — сказал Блуз, и глаза у него сверкнули. Полли вспомнила, как он смотрел на пленного капитана Горенца. Теперь у лейтенанта был точно такой же взгляд, и он гласил: «Последнее слово осталось за мной».

Подбородки Джекрама задрожали.

— Вы что-то хотите добавить, сержант? — спросил Блуз.

— Э... нет, сэр, — ответил Джекрам, хотя на лице у него было недвусмысленно написано объявление войны.

— Мы снимемся, когда выйдет луна, — сказал Блуз. — До тех пор нужно немного отдохнуть. А потом... надеюсь, нас ждет победа.

Он кивнул отряду и пошел туда, где Полли расстелила ему одеяло под защитой кустов. Через несколько секунд послышался легкий храп, которому она отказывалась верить. Джекрам уж точно не поверил. Он встал и вышел из круга света. Полли быстро последовала за ним.

— Ты слышал? — прорычал сержант, глядя на темные холмы. — Маленький стервец! Да какое у него право рыться в книжке?

— Но вы ведь назвали главу и стих, сержант, — напомнила Полли.

— Ну и?.. Офицеры должны верить тому, что им говорят. Он еще и улыбнулся, ты видел? Поймал меня и улыбнулся! Он думает, раз он меня поймал, так, значит, победил!

— Но все-таки вы соврали, сержант.

— А вот и нет, Перкс! Когда ты врешь офицеру... это не вранье. Ты показываешь им вещи такими, какими они должны быть, по их мнению. Нельзя, чтобы они сами начали до всего докапываться! А то у них... заводятся идеи! Я ведь предупреждал, что он нас погубит. Захватить проклятую крепость? Да он не в своем уме!

— Сержант, — сказала Полли.

— Чего?

— Нам подадут сигнал.

На далеком холме мерцал белый свет, похожий на вечернюю звезду.

Блуз опустил телескоп.

— Они повторяют буквы «Щ-М-В-С», — сказал он. — А долгие паузы, наверное, из-за того, что трубу направляют в разные стороны. Они ищут своих шпионов. «ЩМВС». «Ищем вас». Рядовой Игорь?

— Да, шэр?

— Ты ведь знаешь, как работает эта штука?

— Да, шэр. Зажигаешь свет в коробке, а потом прошто наводишь трубу и щелкаешь.

— Вы ведь не собираетесь отвечать на сигнал, сэр? — в ужасе спросил Джекрам.

— Именно что собираюсь, — немедленно ответил лейтенант. — Рядовой Карборунд, пожалуйста, собери трубу. Маникль, пожалуйста, поддержи фонарь. Я буду читать по шифровальной книге.

— Но мы выдадим свое местоположение! — заявил Джекрам.

— Нет, сержант, потому что мы прибежем к так называемой «лжи», хотя, судя по всему, вам это понятие незнакомо, — сказал Блуз. — Игорь, у тебя наверняка есть ножницы.

— Ешть, шэр, — ответила Игорина.

— Отлично, — Блуз огляделся. — Уже почти совсем стемнело. Идеальные условия. Возьми мое одеяло и вырежи кружок диаметром примерно в три дюйма, а потом набрось одеяло на передний конец трубы.

— Луч света будет гораждо ўже, шэр!

— Вот именно. На этом и основан мой план, — с гордостью отозвался Блуз.

— Сэр, но они увидят свет и поймут, что мы тут, — сказал Джекрам, как будто втолковывая ребенку.

— Я же объяснил, сержант. Я солгу.

— Как можно солгать, если...

— Спасибо за подсказку, сержант, пока достаточно, — перебил Блуз. — Мы готовы, Игорь?

— Почти, шэр, — ответила Игорина, привязывая одеяло к концу трубы. — Готово, шэр. Я зажгу свет, когда скажете.

Блуз открыл книжку.

— Готов, рядовой? — спросил он.

— Да, — сказала Яшма.

— Когда я скажу «долгий», досчитай до двух, а потом отпусти задвижку. Когда я скажу «короткий», досчитай до одного, а потом отпусти. Понятно?

— Да, сэр. Эта, если хотите, могу досчитать до «много», — сказала Яшма. — Раз, два, много, очень много. Я хорошо умею считать. До сколько хотите, сэр. Только прикажите.

— До двух вполне достаточно, — ответил Блуз. — А ты, рядовой Гум, возьми мой телескоп и будешь следить за длинными и короткими вспышками на том холме, ясно?

Полли увидела лицо Уолти и поспешно сказала:

— Давайте я, сэр.

Маленькая бледная ручка коснулась ее плеча. В тусклом свете фонаря глаза Уолти горели нешуточной решимостью.

— Герцогиня направляет наши шаги, — сказала она и взяла у лейтенанта телескоп. — Она помогает нам, сэр.

— Да? Э... ну да, — ответил Блуз.

— Она благословит этот инструмент для дальнего видения, чтобы я могла им воспользоваться, — продолжала Уолти.

— Правда? — нервно переспросил Блуз. — Ну хорошо. Теперь все готовы? Внимание, начали. Долгий... долгий... короткий...

Задвижка щелкала и полязгивала, пока сообщение летело по ночному небу. Потом Яшма опустила трубу, и на полминуты воцарился мрак.

— Короткий... долгий... — заговорила Уолти.

Блуз поднес шифровальную книгу к лицу. Шевеля губами, он читал при вспышках света, вырывавшегося из недр ящика.

— Г... Д... В... Н... В... Д... М...

— Это никакое не сообщение, — сказал Джеккрам.

— Наоборот. Они хотят знать, где мы, потому что плохо видят наш свет, — ответил Блуз. — Внимание, мы отвечаем. Короткий...

— Я протестую, сэр!

Блуз опустил книгу.

— Сержант, я собираюсь сказать врагу, что мы в семи милях отсюда. Понятно? И я не сомневаюсь, что они поверят, потому что я искусственно сократил поток света, исходящий от нашего ящика. Понятно? Я скажу им, что их разведка встретила большой отряд новобранцев и дезертиров, который двигался в сторону гор, и пустилась в погоню. Понятно? Я сделаю нас невидимыми. Понятно? *Вам все понятно*, сержант Джеккрам?

Отряд затаил дыхание.

Джеккрам неохотно вытянулся по стойке «смирно».

— Понятно, сэр! — сказал он.

— Вот и хорошо.

Пока лейтенант отправлял сообщение, Джеккрам продолжал стоять

навытяжку, как непослушный школьник, которого в наказание поставили к учительскому столу.

Сообщения летели по ночному небу с холма на холм. Свет мерцал, задвижки щелкали. Уолти выкликала длинные и короткие, Блуз записывал.

— «С... Т... В... М... С...», — сказал он вслух. — Ха. Нам приказывают оставаться на месте.

— Снова мерцает, сэр, — сказала Уолти.

— «Г... Т... В... К... З... П... М... „Готовьтесь оказать помощь“, — прочел Блуз, продолжая записывать. — „В... Т... О... Р... Ж... Это...“»

— Это уже не шифр, сэр, — сказала Полли.

— Рядовой, передавай, — хрипло произнес Блуз. — Долгий... долгий...

Сообщение улетело.

Они стояли на холме. Тем временем выпала роса, звезды над головами померкли, и никто уже не пытался читать по мерцающим огонькам.

Щелканье затихло.

— А теперь уходим как можно скорее, — сказал Блуз и кашлянул. — Если не ошибаюсь, в таких случаях говорят «Давайте уносить ноги».

— Примерно так, сэр, — ответила Полли. — Именно так.

Это была старая, очень старая борогравская песня, с таким количеством «з» и «ж», которое не под силу жителям долин. Она называлась «Плогвиеже!», что значило «Солнце встало, пора воевать!» Лишь народ с особой историей способен выразить все это одним словом.

Сэм Ваймс вздохнул. Маленькие государства сражались из-за реки, из-за дурацких договоров, из-за королевских распрей, но по большей части просто потому, что так было всегда. Строго говоря, они воевали, потому что взошло солнце.

Война завязалась в узел.

По течению реки долина сужалась, превращаясь в ущелье, а через четверть мили Кнек вырывался из теснины водопадом. Всякий, кто попытался бы пробраться среди утесов и скал, оказался в путанице ущелий, горных хребтов, похожих на лезвие ножа, неизбежных снегов и столь же неизбежной смерти. Всякий, кто теперь попытался бы перейти Кнек и попасть на злобенскую территорию, был бы убит на берегу. Единственным способом выбраться из долины было пройти вдоль Кнека — то есть оказаться в пределах досягаемости со стен крепости. Ничего страшного, если бы крепость находилась в руках борогравцев. Но ее захватили злобенцы, и борогравская армия рисковала попасть под обстрел

собственных орудий.

...И каких орудий! Ваймс видел катапульты, способные швырнуть каменное ядро на три мили; упав, оно разлеталось на острые, как иглы, осколки. Видел он и машину, которая посылала в воздух шестифутовые стальные диски. Они отскакивали от земли чертовски непредсказуемо, что вселяло еще больший ужас. Ваймсу сказали, что диск с заостренными краями способен пролететь несколько сотен метров, и неважно, сколько людей или лошадей ему попадет по пути. И это лишь новейшие изобретения. Кроме них, в крепости имелось множество повседневного оружия — если так можно назвать гигантские арбалеты, катапульты и баллисты, стрелявшие эфебским огнем, который горел, приликая к телу.

Отсюда, с высокой башни, Ваймс видел костры окопавшейся армии на равнине. Борогравцы не отступали, а союзники (если можно так назвать эту вздорную компанию) не смели двинуться на равнину и далее, в сердце страны, оставив вражескую армию у себя за спиной. У них не хватало людей, чтобы одновременно удерживать крепость и окружить противника.

Через две-три недели пойдет снег. Горные проходы будут перекрыты, в долину не проскользнет и мышь. Каждый день тысячам людей и лошадей нужна еда. Разумеется, солдаты могут съесть лошадей, тем самым убив двух зайцев. А потом начнется старый добрый круговорот конечностей в природе. По словам одного дружелюбного злобенца, здесь это было традицией, если война затягивалась на зиму. Поскольку злобенца звали капитан «Прыгпрыг» Шплатцер, Ваймс ему поверил.

А потом пойдут дожди. Когда снег растает, проклятая река превратится в бурный поток. Но до тех пор союзники окончательно переругаются и разойдутся по домам. Борогравцам всего только и нужно, что оставаться на месте.

Ваймс вполголоса выругался. Князь Генрих унаследовал трон в стране, которая производит на экспорт разве что раскрашенные вручную деревянные башмаки. При этом он поклялся, что через десять лет его столица Ригор станет «горным Анк-Морпорком». Почему-то князь решил, что Анк-Морпорк будет этому рад.

Князь сказал, что намерен научиться жить по-анк-морпоркски. Знакомые невинные амбиции, которые способны привести честолюбивого правителя... ну да, к осознанию анк-морпоркского образа жизни. В местных краях Генрих славился своей хитростью, но Анк-Морпорк отказался от хитрости тысячу лет назад, спешно миновал этап «пронырливости», оставил позади «коварство» и наконец замкнул круг, прибыв на станцию «Прямота».

Ваймс просмотрел бумаги на столе и поднял голову, услышав резкий, пронзительный крик. Канюк, описав длинную дугу, скользнул в открытое окно и приземлился на самодельный насест в дальнем конце комнаты. Ваймс поспешно подошел. Маленькая фигурка, сидевшая на спине птицы, сняла защитные очки.

— Как дела, Сварли? — спросил Ваймс.

— Они начинают подозревать, мистер Ваймс. Сержант Ангва говорит, что теперь, когда они так близко, следить рискованно.

— Тогда вели ей возвращаться.

— Ладно, сэр. Но им по-прежнему нужен кофе.

— Черт! Они его нигде не нашли?

— Нет, сэр, и у вампира начинаются проблемы.

— Если они уже сейчас что-то подозревают, будет еще хуже, если подкинуть им фляжку!

— Сержант Ангва говорит, что в данном случае им скорее всего будет все равно. Она не объяснила почему... — Лепреккон выжидающе взглянул на Ваймса. Канюк тоже. — Они проделали долгий путь, сэр. Неплохо для кучки девчонок. Ну... в основном девчонок.

Ваймс рассеянно потянулся погладить птицу.

— Не трожьте, сэр, она вам палец откусит! — крикнул Сварли.

В дверь постучали, и вошел Редж с миской сырого мяса.

— Я увидел Сварли в небе и поскорее пошел на кухню, сэр.

— Молодец, Редж. На кухне не спрашивают, зачем тебе нужно сырое мясо?

— Спрашивают, сэр. Я сказал, что вы его едите.

Ваймс помедлил, прежде чем ответить. В конце концов, Редж не желал зла.

— Вряд ли это повредит моей репутации, — наконец сказал он. — Кстати, как там дела в склепе?

— Я бы не назвал их настоящими зомби, сэр, — сказал Редж, отделяя кусок мяса и болтая им перед клювом Мораг. — Скорее ходячие мертвецы.

— Э?..

— Они ни о чем не думают, — продолжал зомби, беря очередной кусок сырой крольчатины. — Отказываются от возможностей, которые предоставляет жизнь после смерти, сэр. Они просто... бродячие воспоминания. Вот из-за таких, мистер Ваймс, у зомби плохая слава. Меня это бесит!

Мораг попыталась выхватить кусок окровавленного кроличьего меха у Реджа, который, на минуту забывшись, задумчиво им покачивал.

— Э... Редж, — сказал Ваймс.

— Неужели так трудно, сэр, двигаться в ногу со временем? Взять хоть меня, к примеру. Однажды я проснулся мертвым. Разве я...

— Редж! — предупредил Ваймс, заметив, что Мораг прицеливается.

— ...на этом успокоился? Нет! И я не...

— Редж, осторожнее! Она только что отхватила тебе два пальца!

— Что? А.

Редж поднял изувеченную руку и уставился на нее.

— Ну надо же, — он посмотрел на пол, но надежда быстро улетучилась. — Черт возьми. Можно сделать так, чтобы ее стошнило?

— Только если сунуть ей остальные пальцы в глотку, Редж. Прости. Сварли, займись, пожалуйста. А ты, Редж, пока ступай вниз и узнай, нет ли у них кофе.

— Ох боги... — прошептала Маникль.

— Какая большая, — сказала Холтер.

Блуз промолчал.

— Первый раз видите, сэр? — бодро спросил Джекрам.

Они разглядывали крепость, лежа в кустах в полумиле от нее.

Если мерить замки по сказочной шкале, на самом верху которой — белые дворцы со шпилями и синими остроконечными крышами, то Кнекская цитадель располагалась где-то в самом низу: черные стены лепились к скале, как грозное облако. Крепость окружала река; широкая дорога, ведущая к крепости и лишенная всякого прикрытия, представляла идеальный маршрут для человека, которому надоело жить. Блуз задумался.

— Да, сержант, — сказал он. — Конечно, я видел рисунки, но... они далеки от истины.

— В ваших книжках сказано, что делать, сэр? — спросил Джекрам.

Они лежали в кустах в полумиле от крепости.

— Возможно, сержант. В «Искусстве воевать» Сон-Цзе-Си-Яй говорит: «Величайшая победа — это победа без боя». Враг ожидает, что мы атакуем там, где он сильнее всего. Следовательно, мы должны его разочаровать. Случай обязательно представится, сержант.

— Лично мне он до сих пор не представлялся, хотя я тут бывал сто раз, — сказал Джекрам, все еще ухмыляясь. — Даже крысе придется переодеться прачкой, чтобы попасть в крепость! Если вас не прикончат на дороге, дальше будут узкие входы, дыры в потолке, через которые льется кипящее масло, ворота, которые не снесет даже тролль, лабиринты и уйма возможностей вас подстрелить. Идеальное место для атаки, сэр.

— Интересно, как союзники попали внутрь? — спросил Блуз.

— Должно быть, измена, сэр. Мир полон предателей. Или они нашли тайный ход, сэр. Тот самый, сэр, который, по-вашему, должен тут быть. Или вы уже забыли? Такие вещи, наверное, сами вылетают из головы, сэр, если человек слишком занят.

— Мы проведем разведку, сержант, — холодно ответил Блуз, выползая из кустов и смахивая листики с мундира. Талацефал — или, как ее называл лейтенант, «мой верный скакун» — обрела свободу несколькими милями раньше. Верхом нельзя красться. И потом, заметил Джеккрам, эта тварь слишком тощая, чтобы съесть, и слишком подлая, чтобы сесть.

— Да, сэр, конечно, сэр, мы охотно ее проведем, — сказал Джеккрам — воплощенная готовность взяться за дело. — Где прикажете разведывать, сэр?

— Тайный ход должен быть, сержант. У таких крепостей не бывает лишь одна дверь. Согласны?

— Да, сэр. Только, я так думаю, тайный ход держат в тайне, сэр. Ничего личного, сэр.

Они обернулись, услышав молитвенный шепот. Уолти стояла на коленях, стиснув руки. Остальные тихонько отошли подальше. Удивительное дело набожность.

— Что он делает, сержант? — спросил Блуз.

— Молится, сэр.

— Я уже заметил, что он часто молится. Это не запрещено уставом? — шепотом поинтересовался лейтенант.

— Трудный вопрос, сэр, — ответил Джеккрам. — Я и сам частенько молился на поле боя, сэр. Я не раз читал солдатскую молитву и другим не запрещу.

— Э... что-то я не припоминаю... — начал Блуз.

— Слова, сэр, сами приходят на ум, как только враг на тебя поперет. Обычный текст гласит: «Господи, помоги мне убить этого сукина сына, пока он не убил меня», — Джеккрам ухмыльнулся, увидев лицо Блуза. — Официальная версия, сэр.

— Да, сержант, но где бы мы были, если бы все время молились? — спросил лейтенант.

— В раю, сэр, одесную Нуггана, — немедленно ответил Джеккрам. — Мне так говорили в детстве, сэр. Конечно, народу там собралось бы много. Так что, наверное, ничего страшного, если мы туда не попадем.

Уолти перестала молиться и встала, отряхивая коленки. Она одарила отряд своей яркой, слегка пугающей улыбкой.

— Герцогиня направит наши стопы, — сказала она.
— Прекрасно, — слабо отозвался Блуз.
— Она укажет нам путь.
— Чудесно. Э... а не могла бы она показать на карте?..
— Она даст нам глаза, чтобы мы видели.
— Что? А. Хорошо. Просто замечательно, — сказал лейтенант. —
Теперь, когда я это знаю, мне намного легче. А вам, сержант?
— Да, сэр, — сказал Джекрам. — И как мы раньше без этого жили.

Они разведывали дорогу по трое, пока остальные лежали в низине среди зарослей. Вокруг ходили вражеские патрули, но не так уж трудно избежать встречи с десятком солдат, которые придерживаются дороги и не стараются двигаться тихо. Солдаты были злобенские — и держались так, как будто все вокруг принадлежало им.

Полли оказалась в дозоре с Маладиктом и Уолти — точнее сказать, с вампиром на грани срыва и девушкой, для которой, судя по всему, уже давно не осталось никаких границ. С каждым днем Уолти менялась, в этом не приходилось сомневаться. Когда они все только вступили в армию — как будто целую жизнь назад, — она была дрожащей маленькой бродяжкой и пугалась теней. А теперь Уолти казалась выше, ее переполняла нездешняя уверенность, и тени разбегались перед ней. Ну, образно выражаясь. В любом случае Уолти вела себя так, как будто они должны были разбежаться.

А потом случилось Чудо с Индейкой. И как его объяснить?

Они втроем двигались вдоль скал и по пути миновали несколько караульных злобенских постов, вовремя учуяв запах походной кухни... но, к сожалению, кофе нигде не пахло. Маладикт, в общем, вполне владел собой, не считая склонности бормотать под нос какие-то буквы и цифры. Он замолк, когда Полли пригрозила стукнуть его палкой.

Они дошли до скалистого выступа, с которого было видно крепость. Полли снова взяла телескоп и осмотрела неприступные стены и беспорядочные нагромождения камней, ища потайной ход.

— Посмотри на реку, — сказала Уолти. Картинка расплылась, когда Полли переместила телескоп пониже. Присмотревшись, она увидела сплошную белизну. Пришлось опустить телескоп, чтобы понять, что это такое.

— О боги, — сказала она.

— Все понятно, — заметил Маладикт. — Вон тропинка вдоль реки, видишь? И на ней тоже женщины.

— Крошечная калитка, — сказала Полли. — Где очень просто

обыскивать входящих.

— Значит, солдаты внутрь не пройдут, — заключил вампир.

— А мы могли бы, — сказала Полли. — Хотя мы и солдаты. Разве нет?

Наступила тишина. Потом Маладикт сказал:

— Солдатам нужно оружие. Но стража заметит мечи и арбалеты.

— Оружие есть внутри, — произнесла Уолти. — Так сказала Герцогиня. Крепость полна оружия.

— А она не сказала, как сделать так, чтобы враг перестал за него хвататься?

— Ладно, ладно, — поспешно вмешалась Полли. — Надо как можно скорее сообщить руперту. Пошли обратно.

— погоди. Я тут капрал, — сказал Маладикт.

— Да. И?

— Э... пошли обратно?

— Отличная мысль.

Впоследствии Полли упрекала себя, что не прислушалась к птичьему пению. Пронзительные трели вдалеке сказали бы ей многое, если бы только она успокоилась и послушала...

Она не прошла и тридцати шагов, когда увидела солдата.

Кто-то в злобенской армии отличался редким умом и сообразил, что лучший способ обнаружить чужака — это не шагать по проторенной тропе, а тихонько красться между деревьев.

У солдата был арбалет. Им повезло... наверное, просто повезло... что он смотрел в другую сторону, когда Полли вышла из-за куста остролиста. Она метнулась за дерево и бешено зажестикуюлировала Маладикту, который шагал по тропе следом. У вампира хватило здравого смысла спрятаться.

Полли вытащила меч и подняла его на уровень груди, крепко держа обеими руками. Она слышала шаги. Солдат еще не подошел вплотную, но он приближался. Может быть, удобный выступ, на который они выбрались, входил в излюбленный маршрут патрульных. В конце концов, с горечью подумала Полли, именно это и должно было случиться с необученными идиотами. Противник вообще мог застать их врасплох...

Полли закрыла глаза и попыталась дышать ровно. Вот оно, вот оно, *вот оно*. И тут до нее дошло...

...Помни, помни, *помни*... когда встретятся сталь и плоть... будь тем, кто держит сталь.

Она ощутила стальной привкус во рту.

Солдат пройдет мимо нее. Он, конечно, настороже — но не настолько. Лучше не пырять, а полоснуть. Размашистого удара на уровне головы будет

достаточно, чтобы убить...

...чьего-то сына, брата... парня, который завербовался в армию за шиллинг и первую в жизни новую одежду. Если бы Полли успели обучить, если бы она провела несколько недель, тыкая мечом в соломенные чучела, и поверила, что все люди сделаны из соломы...

Она застыла. За поворотом тропинки, по-прежнему обвязанная веточками, склонив голову, стояла Уолти. Дозорный увидит ее, миновав дерево, за которым пряталась Полли...

Полли поняла, что должна решиться немедленно. Может быть, именно поэтому солдаты убивают. Не для того, чтобы спасти Герцогиню. Или страну.

Ты убиваешь врага, чтобы он не убил твоих друзей, которые, в свою очередь, однажды спасут тебя... Полли услышала осторожные шаги рядом с деревом. Она подняла саблю и увидела отблеск света на лезвии...

Из зарослей на противоположной стороне тропинки вылетела дикая индейка — вихрь перьев и масса шума. Полулетом-полубегом она бросилась в лес. Послышался глухой удар тетивы и последний писк.

— Отличный выстрел, Дятел, — сказал голос поблизости. — А здоровая!

— Ты видел? — спросил второй. — Еще шаг — и я бы на нее наступил!

Полли, стоя за деревом, выдохнула.

Третий голос позвал издалека:

— Пошли назад, капрал! Тигр уже небось пробежал милю!

— Ей-богу, мне жутко, — сказал первый голос. — Тигр за каждым деревом, и все такое.

— Ну и все, двинули обратно. Моя жена нам кое-что состряпает из этой птички...

Постепенно голоса затихли среди деревьев. Полли опустила меч. Маладикт высунулся из куста и посмотрел на нее. Полли поднесла палец к губам, и вампир кивнул. Она подождала, пока птицы не успокоились, и вышла из зарослей. Уолти как будто была погружена в собственные мысли, и Полли очень осторожно взяла ее за руку. Тихонько, от дерева к дереву, они вернулись в низину. Полли и Маладикт не сказали друг другу ни слова, но пару раз обменялись взглядами.

Конечно, индейка могла затаиться и выскочить, когда охотник чуть не наступил на нее. Конечно, она лежала там все время, и у бедняжки сдали нервы, когда солдат приблизился. Да, это была необыкновенно большая индейка, перед которой не устоит голодный солдат, но...

Предатель-мозг не перестает думать, как бы тебе того ни хотелось. И Полли подумала: Уолти сказала, что Герцогиня может управлять мелочами. Насколько мал разум индейки?

В ложбинке ждали только Яшма и Игорина. Остальные нашли удобное местечко милей дальше.

— Мы видели потайной ход, — тихо произнесла Полли, когда они зашагали прочь.

— Мы сможем туда попасть? — спросила Игорина.

— Это вход для прачек, — сказал Маладикт. — Он прямо у воды. К нему ведет тропинка.

— Прачки? — переспросила Игорина. — Но сейчас же война!

— Я так думаю, одежда все равно пачкается, — сказала Полли.

— И даже сильнее, — договорил Маладикт.

— Но... наши женщины? Обстирывают врага? — Игорина, казалось, была в ужасе.

— Или это — или голодать, — сказала Полли. — Я видела, как оттуда вышла женщина с корзиной хлеба. Говорят, в крепости полно зерна. И потом, ты сама заштопала вражеского офицера.

— Это другое дело, — возразила Игорина. — Долг обязывает нас спасти жизнь любого... существа. Но о нижнем белье речи не идет!

— Мы сможем попасть в крепость, — сказала Полли, — если переоденемся прачками.

Ответом ей было молчание.

— Переодеться? — уточнила Игорина.

— Ты меня слышала!

— Прачками?! Да у меня руки хирурга!

— Правда? И где ты их раздобыла? — спросил Маладикт.

Игорина показала ему язык.

— Я же не предлагаю на самом деле заняться стиркой, — сказала Полли.

— А что же ты предлагаешь? — спросила Игорина.

Полли помедлила.

— Я хочу вытащить брата из темницы, если он там. И если мы сумеем остановить нашествие... ну, тоже будет неплохо.

— В крепость, как говорится, без мыла не влезешь. В буквальном смысле, — заметил Маладикт. — Извини, не хочу портить тебе настроение, но идея и вправду никудышная. Руперт ни за что не согласится на такое безумие.

— Не согласится, — подтвердила Полли. — Он сам предложит.

— Хм... — сказал Блуз. — Прачки? Это действительно так, сержант Джеккрам?

— Да, сэр. Наверное, женщины из окрестных деревень. Они точно так же туда ходили, когда крепость была в наших руках.

— То есть они помогают врагу? Почему?

— Всё лучше, чем голодать, сэр. Это факт. И стиркой дело не всегда ограничивается.

— Сержант, нас слушают молодые люди, — прервал Блуз, краснея.

— Однажды им придется узнать, что такое глажка и штопка, сэр, — с улыбкой ответил Джеккрам.

Блуз открыл рот. Блуз закрыл рот.

— Чай готов, сэр, — сказала Полли. Удивительная штука — чай. Он дает повод вмешаться в разговор.

Они сидели в полуразваленном деревенском доме. Судя по всему, сюда не заходили даже патрули: здесь не было ни старых кострищ, ни признаков хотя бы временного пребывания. В доме пахло гнилью и недоставало половины крыши.

— Женщины просто приходят и уходят, Перкс? — спросил лейтенант.

— Да, сэр, — сказала Полли. — И тут мне кое-что пришло в голову, сэр. Разрешите обратиться, сэр?

Она увидела, как Джеккрам поднял бровь. Полли признала, что перегибает палку, но время не ждало.

— Пожалуйста, Перкс, — ответил Блуз. — Иначе, боюсь, ты лопнешь.

— Они могли бы пошпионить для нас, сэр! Или давайте уговорим их открыть ворота!

— Молодчина, рядовой, — сказал Блуз. — Мне нравится, когда солдаты умеют думать.

— Да, да, — проворчал Джеккрам. — Если он еще немножко подумает, у него, ей-богу, голова треснет. Сэр, это прачки, черт возьми. Пусть юный Перкс не обижается, он, конечно, толковый парень, но всякий стражник непременно заметит, если старая тетушка Райли примется отпирать ворота. И ворота в любом случае не одни. Их там шесть. А между ними — маленькие дворики, и стражнику достаточно только на тебя взглянуть, чтобы понять, кто ты такой. А еще — подъемные мосты и шипастые потолки, которые падают тебе на голову, если ты кому-то не понравишься. Попробуй-ка открыть все это мыльными руками!

— Боюсь, сержант прав, Перкс, — грустно сказал Блуз.

— Ну, если женщины вырубят двух-трех стражников, сэр, они смогут

впустить нас через эту маленькую дверку, — продолжала Полли. — Мы захватим в плен коменданта крепости, сэр! Наверняка внутри полно женщин. На кухне и так далее. Они... откроют для нас все двери!

— Перестань, Перкс... — начал Джекрам.

— Нет, сержант, подождите, — перебил Блуз. — Как ни удивительно, Перкс, в своем мальчишеском задоре ты, хотя и невольно, подсказал мне очень интересную идею...

— Правда, сэр? — спросила Полли, которая в своем мальчишеском задоре приложила все усилия, чтобы запечатлеть эту идею в голове Блуза. Такой умный человек, но какой же тупой!

— О да, Перкс, — сказал Блуз. — Строго говоря, достаточно лишь одной «прачки», чтобы впустить нас в крепость, не так ли?

Кавычки прозвучали многообещающе.

— Да, сэр, — ответила Полли.

— И если «расширить рамки», эта «прачка» не обязательно должна быть женщиной!

Блуз сиял. Полли изобразила искреннее недоумение.

— Да, сэр? — уточнила она. — Не понимаю, сэр. Я прямо-таки в замешательстве, сэр.

— «Она» может быть мужчиной, Перкс, — сказал Блуз, чуть не лопааясь от радости. — Один из нас, Перкс! Переодетый прачкой!

Полли облегченно выдохнула. Сержант Джекрам захохотал.

— О боги, сэр, прачками передеваются, чтобы выбраться из крепости! Это военное правило!

— Если один из нас проберется внутрь, он сможет обезвредить стражников у ворот, изучить ситуацию с военной точки зрения и впустить солдат! — сказал Блуз. — Если все это проделать ночью, к утру мы займем ключевые позиции! Мужчина, переодетый прачкой...

— Но наши новобранцы — не мужчины, сэр, — сказал Джекрам.

Полли обернулась. Сержант смотрел прямо на нее, сквозь нее. Мама дорогая, точнее, черт возьми, он все знает...

— Прошу прощения?

— Они... мои ребятки, — Джекрам подмигнул Полли. — Ребятки что надо, полные задора, но вряд ли годятся для того, чтобы перерезать глотки и протыкать сердца. Они завербовались, чтобы служить копейщиками, бок о бок с другими, в настоящей армии, сэр. «Вы мои ребятки, — сказал я им, когда они записывались, — и я за вами пригляжу». Я не стану стоять и смотреть, как вы ведете их на верную смерть!

— Право выбора остается за мной, сержант, — напомнил Блуз. —

Наступил «поворотный момент». Кто в трудную минуту не готов погибнуть за свою страну?

— В настоящей схватке, сэр, — пожалуйста. Но я не хочу, чтобы кто-нибудь со зла разбил им головы за то, что они шляются вокруг форта. Сами знаете, я никогда не любил шпионить и менять цвет, сэр. Никогда.

— Сержант, у нас нет выбора. Мы должны попытаться, пока «не схлынула волна».

— Не говорите мне о волнах, сэр. После них на песке обычно остаютсядохнуть мелкие рыбешки, — сержант стоял, стиснув кулаки.

— Ваша забота делает вам честь, сержант, но мы должны...

— Пойти в последний и решительный бой, сэр? — спросил Джекрам и ловко плюнул в огонь, горевший в полузаваленном очаге. — Ну его к черту, сэр. Это всего лишь способ красиво умереть.

— Сержант, вы нарушаете субординацию...

— Я пойду, — тихо сказала Полли.

Оба замолчали, обернулись и уставились на нее.

— Я пойду, — повторила она громче. — Кто-то ведь должен.

— Не глупи, Перкс! — рыкнул Джекрам. — Ты не знаешь, что там. Ты не знаешь, сколько стражников ждет за воротами. Ты не знаешь...

— Ну, так я выясню, сержант, — ответила Полли с отчаянной улыбкой. — Я постараюсь пробраться в такое место, откуда можно будет послать сигнал...

— По крайней мере, по этому поводу мы с сержантом согласны, Перкс, — перебил Блуз. — Боюсь, ничего не получится, рядовой. Ты, конечно, смелый юноша, но с чего ты взял, что у тебя есть шансы сойти за женщину?

— Потому что, сэр... что?!

— Твой энтузиазм не останется без награды, Перкс, — улыбаясь, сказал лейтенант. — Но, знаешь, всякий хороший офицер наблюдает за своими солдатами... я вынужден сказать, что заметил у тебя... у всех вас... некоторые привычки... совершенно нормальные, ничего странного... например, увлеченное исследование содержимого ноздрей, или привычка ухмыляться после отрыжки, или естественная юношеская склонность прилюдно чесать, э... некоторые части тела... ну и все такое. Все эти мелочи немедленно тебя выдадут. Любой поймет, что ты — мужчина в женской одежде. Уж поверь мне.

— Я уверен, что смогу избавиться от этих привычек, сэр, — слабо сказала Полли. Она чувствовала, что Джекрам не сводит с нее глаз.

Ты, елочки побери, все знаешь, ведь так? И давно ли?

Блуз покачал головой:

— Нет-нет, тебя сразу же разоблачат. Вы отличные парни, но здесь только одному человеку подобный фокус может сойти с рук. Маникль?

— Да, сэр? — коченея от страха, отозвалась та.

— Ты бы не мог раздобыть мне платье?

Маладикт первым нарушил молчание.

— Сэр, вы хотите сказать... что попытаетесь пробраться в крепость, переодевшись женщиной?

— Ну, я тут явно единственный, у которого была какая-то практика, — Bluз потер руки. — В школе мы частенько надевали платья... — Он огляделся и увидел непонимающие лица. — Театральные костюмы, — бодро пояснил он. — Потому что, разумеется, в нашей школе не было девочек. Но нас это не остановило. Мою леди Живли из «Комедии рогоносцев» вспоминают до сих пор, а мою Юм-Юм... Сержант Джекрам, с вами все в порядке?

Сержант сложился пополам, лицом к коленям, но из такого положения все-таки сумел выговорить:

— Старая рана, сэр. Внезапно прихватило...

— Пожалуйста, помощи ему, рядовой Игорь. На чем я... ах, да. Вижу, вы удивлены, но, поверьте, в этом нет ничего странного. Старая добрая традиция, когда юноши переодеваются девушками. В шестом классе мы постоянно так развлекались... — Bluз помедлил и задумчиво добавил: — Особенно Ригглсуорт, не знаю почему... — Он покачал головой, как будто избавляясь от какой-то мысли, и продолжал: — Иными словами, у меня есть некоторый опыт, сами видите.

— И что вы сделаете, если... то есть когда попадете внутрь, сэр? — спросила Полли. — Вам придется одурачить не только стражников. Там будут и другие женщины.

— Никаких проблем, Перкс. Я буду вести себя по-женски, а еще прибегну к одному сценическому приему... я умею говорить *тоненьким голоском, вот так...* — От его фальцета вполне могли полопаться стекла. — Видите? Нет уж, если вам нужна женщина... положитесь на меня.

— Потрясающе, сэр, — сказал Маладикт. — Я был готов поклясться, что в комнате женщина.

— И я, конечно, разведую, нет ли в крепости плохо охраняемых дверей, — продолжал Bluз. — Кто знает... может быть, я даже выманю ключ у стражника, прибегнув к женским хитростям. В любом случае, если все получится, я подам знак. Например, вывешу из окна полотенце. Иными

словами, сделаю что-нибудь совершенно неожиданное.

Воцарилась мертвая тишина. Некоторые уставились в потолок.

— Да-а, — сказала Полли. — Вижу, вы это хорошо продумали, сэр.

Блуз вздохнул.

— Если бы только Риггссуорт был здесь...

— Зачем, сэр?

— Он отлично соображал, когда дело касалось платьев, — ответил лейтенант.

Полли перехватила взгляд Маладикта. Вампир пожал плечами.

— Э... — начала Маникль.

— Что, рядовой?

— У меня есть с собой юбка, сэр.

— Господи, зачем она тебе?

Маникль покраснела. Ответ она придумать не успела.

— Бинты, шэр, — невозмутимо подсказала Игорина.

— Да! Да! Конечно! — выпалила Маникль. — Я... нашел ее в трактире, в Плюне...

— Я попросил ребят принести все подходящее белье, прошто на вшыкий шлучай, — сказала Игорина.

— Очень разумно, рядовой, — похвалил Bluз. — У кого-нибудь еще что-нибудь есть?

— Не удивлюшь, шэр, — Игорина обвела комнату взглядом.

Новобранцы переглянулись.

Они открыли ранцы. У всех, кроме Полли и Маладикта, что-нибудь нашлось — и каждый извлекал это, опустив глаза. Сорочка, юбка... а в большинстве случаев — канифасовый платок, взятый в поход по какой-то странной, необъяснимой причине.

— Вы, должно быть, решили, что нас ждут серьезные потери, — сказал Bluз.

— Ошторожность лишней не бывает, шэр, — заметила Игорина и улыбнулась Полли.

— Конечно, у меня сейчас довольно короткие волосы... — продолжал лейтенант.

Полли вспомнила свои украденные локоны, которые теперь, возможно, лапал Страппи. Отчаяние придало ей сил.

— В любом случае те прачки в основном немолоды, — быстро сказала она. — Они в платках и чепцах. Наверняка Игорин... наверняка Игорь сумеет что-нибудь придумать, сэр.

— Мы, Игорин, очень ижобретательны, — согласилась Игорина и

вытащила из кармана черный кожаный чехол. — Десять минут и иголка, шэр, больше мне ничего не нужно.

— О, я прекрасно сыграю старуху, — сказал Блуз.

С удивительной скоростью, так что Тьют подпрыгнула, он вдруг выбросил вперед обе руки, скрючив пальцы, придал лицу выражение крайней степени слабоумия и завизжал:

— Ох, мои ножки, мои бедные ножки! Охти мне, нынче не то, что давеча!

Сержант Джеккрам незаметно уронил голову на руки.

— Превосходно, сэр, — сказал Маладикт. — Я в жизни ничего подобного не видел.

— Может, ваша прачка будет хоть капельку помоложе? — предложила Полли. Честно говоря, Блуз напомнил ей тетушку Хетти, которая приговорила херес на две трети стакана.

— Ты думаешь? — усомнился Блуз. — Ну, если ты абсолютно уверен...

— И... э... если вы повстречаете стражника, сэр, то старуха не стала... не стала бы...

— Заигрывать, — шепнул Маладикт, который, судя по всему, рисовал себе те же ужасы.

— Заигрывать с ним, — закончила Полли, краснея, и почти немедленно добавила: — Если только она предварительно нехватила стакан хересу, сэр.

— А я бы пошеветовал вам побритша, шэр...

— Побритша? — переспросил Блуз.

— Побриться, сэр, — перевела Полли. — Сейчас принесу бритву и мыло.

— Ах, да. Конечно. У старух редко бывает борода, правда? Впрочем, не считая моей тетушки Партенопы. И... э... ни у кого не найдется двух воздушных шариков?

— Зачем, сэр? — спросила Холтер.

— Большая грудь всегда вызывает у зрителей смех, — ответил Блуз. Он снова обвел взглядом лица новобранцев. — Э... вы так не считаете? А в спектакле «Здравствуйте, я ваша шляпка» мне довелось сорвать аплодисменты в роли вдовы Буфер... Думаете, не пойдет?

— Наверняка Игорь сумеет сшить что-нибудь... э... более реалистичное, сэр, — сказала Полли.

— Да? Ну, если ты так думаешь... — уныло ответил Блуз. — Пожалуй, я пока войду в роль.

Он скрылся в единственной свободной комнате. Через несколько секунд отряд услышал, как он повторяет «Охти, мои бедные ножки!» в разных вариантах ухвертного визга.

Новобранцы сгрудились кучкой.

— О чем это он тут толковал? — спросила Холтер.

— О театре, — сказал Маладикт.

— Что это такое?

— Мерзость пред Нугганом, конечно, — ответил вампир. — Слишком долго объяснять, дитя мое. Одни люди притворяются другими и рассказывают какую-нибудь историю, и все это происходит в огромной комнате, где мир становится иным. А третьи люди сидят, смотрят и едят шоколад. Вопиющая Мерзость.

— А я бы хотела поесть шоколаду в комнате, где мир совсем другой, — печально пробормотала Тьют.

— Однажды в городе я видела Панча и Джуди, — сказала Маникль. — А потом кукольника куда-то уволокли и объявили балаган Мерзостью.

— Я помню, — подтвердила Полли. Разве можно показывать, как крокодилы пожирают представителей власти?! Впрочем, до появления кукольника никто в городе не знал, что такое крокодил. И сцену, где клоун бил свою жену, также сочли Мерзостью, потому что толщина палки у него превышала установленный законом дюйм.

— Лейтенант и минутки не продержится, — сказала она.

— Да, но он ведь не пошлушает, — заметила Игорина. — Я, конечно, как шледует поработаю ножницами и иголкой, чтобы щделать из него женщину, но...

— Игорина, когда ты говоришь о таких вещах, у меня в голове возникают странные образы, — предупредил Маладикт.

— Извини, — сказала Игорина.

— Ты помолишься за него, Уолти? — попросила Полли. — Боюсь, нам не обойтись без чуда.

Уолти послушно закрыла глаза и сложила руки, а потом застенчиво сказала:

— Герцогиня говорит, что это сложнее индейки.

— Уолти, — сказала Полли. — Ты действительно...

Она замолчала, когда оживленное маленькое личико обратилось к ней.

— Да, — ответила Уолти. — Я действительно разговариваю с Герцогиней.

— Помнится, я тоже с ней разговаривала, — огрызнулась Холтер. — Когда-то я ее просила. Но эта дурацкая рожа только пялилась в ответ.

Герцогиня ничего не сделала. Никому не помешала. Чушь, глупости... — Девушка замолчала — ее переполняли слова. — И вообще, почему она именно с тобой говорит?

— Потому что я слушаю, — тихо ответила Уолти.

— Ну и что же она говорит?

— Иногда просто плачет.

— Герцогиня плачет?

— Потому что люди так многого хотят, а она ничего не может сделать, — Уолти подарила им улыбку, которая озарила всю комнату. — Но все будет хорошо, как только я окажусь в нужном месте.

— Ну, тогда ладно... — начала Полли, ощутив глубочайшее смущение, которое ей всегда внушала Уолти.

— Как хочешь, — сказала Холтер. — Но я никому молиться не стану, слышишь? Больше никогда. Не нравится мне это, Уолти. Ты хороший человек, но мне не нравится, как ты улыбаешься... — Она вдруг замолчала. — Нет...

Полли взглянула на Уолти. Лицо у нее было тонкое и угловатое, а Герцогиня на рисунке больше всего напоминала перекормленного палтуса, но улыбка, вот эта улыбка...

— Я больше не стану терпеть! — крикнула Холтер. — Прекрати немедленно! Слышишь? Ты меня пугаешь. Оззи, скажи, чтобы она... он перестал так улыбаться!

— Успокойтесь, вы все... — начала Полли.

— Замолкните, черт возьми! — сказал Джекрам. — Из-за вашего шума не слышишь, что жуешь. Парни, вы все на нервах. Бывает. А Уолти просто решил помолиться перед боем. Опять-таки бывает. Приберегите силы для врага. Успокойтесь. И это так называемый приказ. Ясно?

— Перкс? — позвал Блуз.

— Поторопись, — сказал Маладикт. — Наверное, ему нужно зашнуровать корсет.

Блуз сидел на останках стула.

— Перкс, пожалуйста. Мне нужно побриться.

— Я думал, рука у вас уже зажила, сэр...

— Э... да, — Блуз явно смутился. — Дело в том, Перкс, что... честно говоря, я никогда не брился сам. В школе меня брил слуга, ну а в армии, конечно, у нас с Блитерскайтом был денщик. Э... когда я пытался побриться самостоятельно, обычно дело заканчивалось кровью. Я даже не задумывался об этом, пока не попал в Плотц, а потом... э... стало

затруднительно.

— Извините, сэр, — сказала Полли. Как странно устроен мир...

— Возможно, однажды ты меня подучишь, — продолжал Блуз. — Сам-то ты, надо сказать, всегда идеально выбрит. Генералу Фракку это бы понравилось. Говорят, он ярый противник усов.

— Как угодно, сэр, — сказала Полли. Она поняла, что вывернуться не получится, и принялась старательно точить бритву. Возможно, обойдется мелкими порезами...

— Как ты думаешь, не обзавестись ли мне красным носом? — спросил Блуз.

— Может быть, сэр...

Сержант знает про меня, это точно, подумала она. Конечно, знает. Но почему он молчит?

— Может быть, Перкс?

— Что? О. Нет... А зачем красный нос, сэр? — спросила Полли, энергично нанося пену.

— Наверное, так будет... пф-ф... смешнее...

— Сомневаюсь, что цель именно такова, сэр. Если вы немного откинетесь назад...

— Я должен вам кое-что сказать про юного Перкса, сэр.

Полли невольно вскрикнула. Джекрам, подкравшись так тихо, как умеют только сержанты, незаметно вошел в комнату.

— Пф-ф... сержант?

— Перкс сам не умеет бриться, сэр, — сказал Джекрам. — Дай-ка мне бритву, парень.

— Не умеет бриться? — повторил Блуз.

— Нет, сэр. Перкс нам соврал. Ведь так, Перкс?

— Ладно, сержант, не нужно вытягивать у меня правду, — Полли вздохнула. — Лейтенант, я...

— ...прибавил себе возраст, — закончил Джекрам. — Правда, Перкс? Тебе всего четырнадцать.

Он взглянул на Полли поверх головы лейтенанта и подмигнул.

— Э... да, сэр, я соврал, чтобы завербоваться, — сказала Полли.

— Сомневаюсь, что такого парнишку нужно тащить в крепость, сэр, каким бы отважным он ни был, — сказал Джекрам. — И я не думаю, что он в отряде один такой. Правда, Перкс?

Ах, вот в чем дело. Шантаж.

— Да, сержант, — устало ответила она.

— Нехорошо будет, если детишек перебьют, сэр, ведь так? — спросил

Джеккрам.

— Я вас... пф-ф... понимаю, сержант, — сказал лейтенант, когда Джеккрам осторожно провел лезвием по его щеке. — Дело непростое...

— Ну, так давайте поставим точку, — предложил тот.

— С другой стороны, сержант, я знаю, что... пф-ф... вы сами завербовались еще в детстве, — продолжал Блуз. Бритва остановилась.

— Ну, в те времена все было по-другому... — начал Джеккрам.

— Если не ошибаюсь, вам было пять лет, — перебил лейтенант. — Когда я узнал, что мне предстоит встреча с живой армейской легендой, то, разумеется, порылся в документах, чтобы, знаете ли, вернуть пару своевременных шуток, когда я буду вручать вам почетную отставку. Ну... несколько юмористических напоминаний о былых временах. И представьте, как я удивился, когда обнаружил, что вы, оказывается, служите... не скажу наверняка... но уж во всяком случае, не менее шестидесяти лет.

Полли как следует наточила бритву. И теперь она касалась щеки лейтенанта. Полли вспомнила убийство в лесу... ну ладно, ладно, то, как она лишила жизни пленника, попытавшегося сбежать. Это будет не первый офицер, которого я убью...

— Наверное, в документы вкралась ошибка, сэр, — спокойно отозвался Джеккрам. В мрачной замшелой комнате сержант казался великаном.

Сова, сидевшая на трубе, издала пронзительный крик, который эхом прокатился по комнате.

— Нет, сержант, — сказал Блуз, не обращая никакого внимания на бритву. — Ваши документы подвергались исправлениям. Причем не раз. Однажды это сделал сам генерал Фракк. Он вычел десять лет из вашего возраста и лично подписал «Исправленному верить». И он был не единственным. Честно говоря, сержант, я могу прийти лишь к одному выводу...

— А именно, сэр?

Бритва снова остановилась, прижавшись к шее Блуза. Молчание, неестественное и напряженное, длилось некоторое время.

— Что был еще один человек по фамилии Джеккрам, — медленно ответил Блуз, — и его данные... перемешались с вашими, так что... каждая попытка разобраться лишь вносила новую путаницу, особенно если люди, которые это делали, не ладили с математикой.

Бритва вновь задвигалась с необыкновенной гладкостью.

— Думаю, вы попали прямо в точку, сэр, — сказал Джеккрам.

— Я напишу объяснительную записку и приложу ее к документам, — продолжал Блуз. — По-моему, самым разумным будет спросить у вас напрямую, сколько вам лет. Сколько вам лет, сержант?

— Сорок три, сэр, — немедленно ответил Джеккрам. Полли подняла глаза к потолку, не сомневаясь, что ответом на эту чудовищную ложь должен стать подобающий раскат грома.

— Вы уверены? — уточнил Блуз.

— Э... сорок пять, сэр. Тяготы солдатской жизни налицо, сэр.

— Но даже если так...

— Ах да, припоминаю пару дней рожденья, которые как-то вылетели из памяти. Мне сорок семь, сэр.

И по-прежнему никаких признаков божественного неудовольствия.

— Э... хорошо. Очень хорошо. Знаете что, сержант? Я внесу поправки в документы.

— Спасибо, сэр.

— Так же, как это сделал генерал Фракк. И майор Галош. И полковник Леггинс.

— Да, сэр. Чиновничьи ошибки меня всю жизнь преследуют, сэр, я прямо замучился. — Джеккрам отошел. — Готово, сэр. Щеки у вас гладкие, как детская попка. Так и в жизни должно быть, сэр. Люблю, когда все гладко и чисто.

Отряд смотрел, как лейтенант Блуз идет между деревьев, направляясь к тропе. Они видели, как он присоединился к беспорядочной веренице женщин, идущих к калитке. Они прислушались в ожидании воплей... и ничего не услышали.

— Разве женщины д-д-должны так качаться на ходу? — спросила Уолти, вглядываясь сквозь кусты.

— Официально нет, наверное, — ответила Полли, рассматривая крепость в телескоп Блуза. — Ну что, теперь нужно ждать какого-нибудь сигнала, что у него все в порядке.

Над головами послышался крик канюка.

— Его раскроют, как только он войдет, держу пари, — сказал Маладикт.

Они оставили Яшму на страже. Без краски троллиха так хорошо вписывалась в скалистый пейзаж, что никто не заметил бы Яшму, пока не врезался прямо в нее — ну а тогда было бы уже слишком поздно.

Они возвращались через лес и уже почти добрались до развалин фермы, когда *это* случилось.

— Ты отлично держишься, Мал, — сказала Полли. — Может быть, желуди все-таки помогли. Ты даже ни разу не заговорил про кофе...

Маладикт остановился и медленно обернулся. К ужасу Полли, его лицо мгновенно заблестело от пота.

— Обязательно нужно было об этом вспоминать? — хрипло спросил он. — Пожалуйста, не надо! Я старался изо всех сил! У меня почти получилось!

Вампир повалился наземь, но тут же с трудом приподнялся на четвереньки. Он поднял голову, и его глаза блеснули алым.

— Давай... Игорина... — проговорил Маладикт, задыхаясь. — Я знаю, ты готова...

...хопхопхопхопхоп...

Уолти молилась. Маладикт вновь попытался встать, рухнул на колени и умоляюще воздел руки к небу.

— Унесите ноги, пока не поздно, — прохрипел он, и его клыки начали удлиняться прямо на глазах. — Я...

Мелькнула тень, и вампир повалился наземь, оглушенный двухфунтовым мешочком с кофе, который упал прямо с неба.

Полли появилась в укрытии, таща Маладикта на плече. Она устроила его поудобнее на старой соломе, и отряд принялся совещаться.

— Как вы думаете, может, все-таки вытащить этот мешочек у него из зубов? — нервно спросила Маникль.

— Я пыталась, но он сопротивляется, — ответила Полли.

— Но он же без сознания!

— Он не отпускает кофе. Он его сосет. Я была уверена, что он совсем отключился, но он схватил мешочек и вцепился в него зубами! Кофе свалился прямо с неба!

Холтер устала на Уолти.

— Герцогиня доставляет кофе на дом? — спросила она.

— Нет! Герцогиня говорит, что это не она!

— Бывает, идут дожди из рыбы, — сказала Игорина, склоняясь над Маладиктом. — Возможно, ураган пронесся над кофейной плантацией, а потом в верхних слоях атмосферы ударила молния...

— А потом ураган навел кофейную фабрику и ссыпал кофе в маленький мешочек? — поинтересовалась Холтер. — Мешочек, на котором нарисован человек в тюрбане и написано «Клатчский средне-прожаренный. Разбудит лучше топора»?

— Ну, если так рассуждать, это действительно может показаться

странным... — Игорина встала и добавила: — Думаю, он будет в порядке, когда очнется, разве что слишком разговорчив.

— Ладно, парни, давайте отдыхать, — сказал Джеккрам, входя. — Дадим руперту пару часов, чтобы заварить кашу, а потом пройдем с краю, тихонько проскользнем в долину и присоединимся к нашим. Вкусная баланда и настоящие одеяла, парни. По-моему, неплохо.

— Откуда нам знать, что у лейтенанта ничего не получится, сержант, — заметила Полли.

— Да, да, конечно, может быть, он уже вышел замуж за командира гарнизона. Случались штуки и похлеще, хоть я и не припомню когда. Перкс и Маникль, в дозор. Остальные на боковую.

Вдалеке прошел злобенский патруль. Полли проводила его взглядом. Наступал хороший день, теплый и немного ветреный. Приятная сухая погода. Отличный день для прачек. Может быть, у Блуза действительно получится. Может быть, все стражники разом ослепнут.

— Полли? — шепнула Маникль.

— Что? Слушай, как тебя зовут на самом деле?

— Бетти. Э... ведь там, в крепости, почти все солдаты из «Тудой-сюдой»?

— Видимо, так.

— Значит, там я скорее всего найду своего жениха?

Мы об этом уже говорили, подумала Полли.

— Наверное.

— Будет непросто, если там очень много пленных... — сказала Бетти. У нее явно что-то было на уме.

— Ну, если мы вдруг доберемся до темниц и начнем спрашивать, наверняка найдется кто-нибудь, кто его знает. Как зовут твоего жениха?

— Джонни, — шепотом ответила Бетти.

— Просто Джонни?

— Э... да...

Ага, подумала Полли. Понимаю.

— У него светлые волосы и синие глаза. И золотая серьга. И... как это называется... ну, что-то вроде фурункула... такой странной формы... на... на... ягодице.

— Так. Так.

— Э... наверное, все это не самые лучшие приметы, если хорошенько подумать...

Да уж, если только ситуация не будет располагать к очень странной

очной ставке, подумала Полли. И я даже не представляю, какой должна быть эта ситуация.

— Да нет, ничего себе, — ответила она.

— Он сказал, его в полку все знают, — продолжала Бетти.

— Да? Ну, это хорошо, — сказала Полли. — Значит, нам останется только спросить.

— И... мы хотели разломить пополам шестипенсовик... ну, знаешь, как в песне... если он пропадет на несколько лет... чтобы мы могли узнать друг друга, если половинки совпадут...

— Ну конечно, отличная идея.

— Но... но... я дала ему шестипенсовик, и он сказал, что разломит его в кузне, потому что там есть тиски... он пошел в кузню, и, наверное, его завербовали... — голос Бетти оборвался.

Примерно этого я и ожидала.

— Наверное, ты думаешь, что я глупая девчонка, — проямлила Бетти.

— Скорее, глупая женщина, — заметила Полли, внимательно рассматривая пейзаж.

— Знаешь, у нас был такой стремительный роман...

— Прямо ураган, — сказала Полли, и Бетти улыбнулась.

— Ага, вроде того.

Полли тоже улыбнулась.

— Знаешь, Бетти, в такое время нелепо обвинять человека в глупости, — сказала она. — Где нам искать мудрости? У бога, который запретил головоломки и синий цвет? У окаменелого правительства, во главе которого стоит портрет? У армии, которая считает, что упрямство и смелость — одно и то же? По сравнению со всеми ними ты ошиблась лишь в том, что неудачно выбрала время!

— Но я не хочу в Работную школу! — возразила Бетти. — Туда забрали девочку из нашей деревни. Она так кричала и отбивалась...

— Ну так дерись! — воскликнула Полли. — Теперь у тебя есть меч. Дерись с ними!

Она увидела ужас на лице Бетти и вспомнила, что перед ней не Холтер.

— Слушай, если мы выберемся из заварушки живыми, то поговорим с полковником. Он наверняка тебе поможет.

В конце концов, подумала Полли, твоего парня, возможно, действительно зовут Джонни. И, возможно, его действительно внезапно завербовали. Надежда — удивительная штука. Полли продолжала:

— Если мы выживем, больше не будет школы и побоев. Ни для тебя, ни для нас. Лишь бы мы не потеряли голову. Лишь бы не разучились думать.

Бетти была готова расплакаться, но все-таки улыбнулась:

— Уолти разговаривает с Герцогиней. Она все устроит.

Полли взглянула на неизменный, залитый солнцем пейзаж. Ни души, кроме канюка, который описывал широкие круги в запретной синеве.

— Не знаю... — сказала она. — Но кому-то там наверху мы явно нравимся...

В это время года сумерки коротки. От Блуза по-прежнему не было вестей.

— Я смотрел на крепость, пока было видно, — сказала Яшма, когда они уселись у костра, а Маникль принялась варить рагу. — Эта, отсюда выходили женщины. Те самые, которые с утра заходили.

— Ты уверен? — спросил Джеккрам.

— Мы, может, не самые вумные, — обиженно заметила Яшма, — зато у троллей, эта, отличная вы-зу-яль-на-я память. И вечером туда зашли другие женщины.

— Ночная смена, — сказала Холтер.

— Ну ладно, лейтенант честно попытался, — сказал Джеккрам. — Скорее всего он сейчас сидит в уютной теплой камере, причем в штанах. Собирайтесь, парни. Мы обойдем долину кругом и проберемся к нашим. В полночь вы уже будете спать как дети.

Полли вспомнила собственные слова, сказанные несколько часов назад, — насчет того, что нужно сопротивляться. Однажды приходит пора начать.

— Я тоже попробую пробраться в крепость, — сказала она.

— Да неужели, Перкс? — насмешливо переспросил Джеккрам.

— Там мой брат.

— Значит, он в безопасности.

— А вдруг он ранен? Я голосую за крепость.

— Голосуешь? — переспросил Джеккрам. — Вот это что-то новенькое. Голосование в армии? Кто хочет сдохнуть, поднимайте руки, парни. Ну хватит, Перкс.

— Я попытаюсь, сержант!

— Нет!

— Ну так останови меня!

Эти слова вылетели, прежде чем Полли успела прикусить язык. Вот

оно, подумала она. Крик разнесся по миру. Обратного пути нет. Я прыгнула в пропасть, и теперь дорога только вниз.

Несколько секунд лицо Джекрама оставалось бесстрастным. Потом он поинтересовался:

— Кто-нибудь еще голосует за то, чтобы лезть в крепость?

Полли взглянула на Маникль. Та покраснела.

— Мы, — сказала Холтер. Тьют, стоявшая рядом с ней, чиркнула спичкой и подняла огонек повыше. Это был достаточно выразительный ответ.

— Но почему?

— Мы не хотим сидеть в болоте, — сказала Холтер. — И нам не нравится, что нами командуют.

— До вербовки нужно было думать, парень!

— Я не парень, сержант.

— Ты парень, если я так сказал!

Я не этого ожидала, подумала Полли. Я столько раз проигрывала эту сцену в уме. И вот...

— Ладно, сержант, — сказала она. — Пора поговорить начистоту, здесь и сейчас.

— О-о-о, — драматически произнес Джекрам и выудил из кармана искромсанную пачку жевательного табака.

— Что?

Джекрам сел на развалины стены.

— Просто хочу внести немного оживления в разговор, — объяснил он. — Давай, Перкс. Слово за тобой. Я знал, что однажды этим закончится.

— Вы знали, что я девушка, сержант, — сказала Полли.

— Да. Я бы не доверил тебе брить даже головку сыра.

Отряд уставился на него. Джекрам открыл нож и принялся рассматривать табак, словно вокруг не было ничего интереснее.

— И... э... что вы намерены делать? — спросила Полли обескураженно.

— Да что я тут могу поделывать? Ты, в конце концов, такой родилась.

— Вы ничего не сказали Блузу!

— Не-а.

Полли захотелось вышибить проклятый табак у него из рук. Теперь, когда она преодолела изумление, Джекрамово равнодушие показалось ей оскорбительным. Представьте себе таран, перед которым кто-то открыл ворота за миг до удара, — он летит дальше и не знает, как остановиться.

— Мы все девушки, сержант, — сказала Холтер. — Как вам это?

Джеккрам принялся отрезать кусок табаку.

— И что? — спросил он, по-прежнему глядя только на нож.

— Что? — повторила Полли.

— Думаете, вы первые и единственные? Думаете, ваш старик сержант глух, слеп и глуп? Вы одурачили друг друга, ну а руперта одурачит кто угодно... но Джеккрама надуть нельзя. Я до сих пор не уверен насчет Маладикта, потому что кто их, вампиров, знает? И насчет тебя, Карборунд, потому что, честно говоря, какая разница? Не обижайся.

— Ниче... — буркнула Яшма. Она поймала взгляд Полли и пожалала плечами.

— Я плохо умею вас распознавать, я мало троллей видел, — объяснил сержант. — Но тебя, Оззи, я разгадал в первую же минуту. Наверное, из-за взгляда. Ты будто старалась понять, хорошо ли у тебя получается...

О боги, подумала Полли.

— Э... это вы дали мне носки?

— Да. И заметь, чисто выстиранные.

— Можете забрать их немедленно, — сказала Полли, хватаясь за ремень.

— Всеу свое время, Перкс, всеу свое время, не надо спешить, — Джеккрам вскинул руку. — И, пожалуйста, не забудь их выстирать.

— Но почему, сержант? — спросила Холтер. — Почему вы нас не выдали? Вы могли это сделать в любую минуту!

Джеккрам покатал кусок табака за щекой. Некоторое время он сидел и жевал, глядя в никуда.

— Вы не первые, — сказал он. — Я таких уже видел. Почти всегда они приходили в одиночку. И всегда — перепуганные. Их, как правило, быстро распознавали. Но некоторые и впрямь стали неплохими солдатами, очень неплохими. Я посмотрел на вас и подумал: черт возьми! Вот что я подумал: интересно, что будет, когда каждая из них поймет, что она не одинока? Знаете, есть такие животные — львы? — Они кивнули. — Так вот, львы — трусы. Если кто ищет неприятностей, пусть подразнит львицу. Львицы — убийцы. Они охотятся сообща. И так везде. Кому нужны большие неприятности — затроньте женщину. Даже у насекомых то же самое. Есть такие жукашки, у которых самка откусывает голову самцу, пока он, так сказать, исполняет супружеский долг. Ничего себе, да? Правда, говорят, самец и без головы продолжает как ни в чем не бывало, так что, может, я привел не самый удачный пример...

Джеккрам обвел взглядом пустые лица.

— Не дошло? — спросил он. — Ну, я и подумал: целый отряд

девушек... как странно. Может быть, это не просто так. — Он украдкой взглянул на Уолти. — В любом случае я не собирался вас позорить перед лицом этого мелкого хорька Страппи. Ну а потом случилась заварушка в Плотце, и понеслось, и уже некогда было разбираться. Вы отлично справились, ребята. Просто здорово. Природа вас наградила.

— Я пойду в крепость, — сказала Полли.

— Да не волнуйся ты за руперта, — ответил Джеккрам. — Скорее всего сейчас он лопаает вкусную баланду. Он учился в школе для юных джентльменов, так что темница напомнит ему старые добрые времена.

— Мы пойдем в крепость, сержант. Извините, — сказала Полли.

— Только не извиняйся, Перкс. До сих пор ты держался молодцом, — с горечью заметил Джеккрам.

Маникль встала.

— Я тоже пойду, — сказала она. — У меня там... жених.

— И я пойду, — сказала Уолти. — Герцогиня направляет меня.

— И я, — добавила Игорина. — Вдруг я понадобится.

— Эта, я вряд ли сойду за прачку, — сказала Яшма. — Поэтому я побуду тут и пригляжу за Мэлом. Если он, эта, все еще жаждет крови, то обломает зубы!

Они молча переглянулись — смущенные, но непокорные. И тут послышались размеренные аплодисменты.

— Отлично, — сказал Джеккрам. — Прямо как братья. Точнее, сестры. О боги, боги. Послушайте. Блуз был дураком. Наверное, это все книжки виноваты. Он начитался всякой ерунды про то, как это благородно — умереть за свою страну. Сам я не большой любитель книжек, но одно знаю хорошо: главное — сделать так, чтоб за свою страну умер не ты, а какой-нибудь другой бедолага.

Он снова покатавал во рту табачную жвачку.

— Я хотел, чтоб вы спаслись, ребятки. Я решил, что среди своих вы уцелеете, и неважно, сколько солдат князь послал за вами в погоню. Я смотрю на вас, парни, и думаю: бедные вы, бедные, ничего-то вы не знаете о войне. Что вы собираетесь делать? Холтер, ты отлично стреляешь, но кто прикроет тебя после первого выстрела, пока ты будешь перезаряжать? Перкс, ты знаешь пару-тройку уловов, но те, кто сидит в крепости, боюсь, знают пару десятков. Ты отличный повар, Маникль, но там, к сожалению, будет слишком жарко. Что, Уолти, Герцогиня заслонит вас от стрел?

— Да.

— Надеюсь, ты прав, парень, — сказал Джеккрам, окидывая Уолти долгим взглядом. — Но лично я считаю, что в бою от веры не больше

проку, чем от шоколадного шлема. Ей-богу, если князь Генрих вас сцапает, молитвой не обойдешься.

— И все-таки мы попробуем, сержант, — сказала Полли. — В окопах нам нечего делать.

— Вы пойдете с нами? — спросила Маникль.

— Нет, парень. Сомневаюсь, что сойду за прачку. Во-первых, у меня нет юбки. Э... кстати, ребята. А как вы собираетесь войти в крепость?

— Утром, вместе с остальными женщинами, — сказала Полли.

— Вы уже все спланировали, генерал? Так вы переоденетесь женщинами?

— Мы и есть женщины, сержант, — заметила Полли.

— Да, дружок. Теоретически. Но, если не ошибаюсь, свое барахлишко вы отдали руперту. И что вам теперь делать? Скажете стражникам, что впотьмах ошиблись полкой в шкафу?

Снова воцарилось смущенное молчание.

Джеккрам вздохнул.

— Так не воюют, — заметил он. — Но, черт возьми, я ведь сказал, что присмотрю за вами. Вы мои ребятки... — Его глаза сверкнули. — И присмотрю, хотя мир и перевернулся вверх ногами. Я надеюсь, мисс Перкс, вы успели кое-чему научиться от старого сержанта, хотя, конечно, вы и сами не промах. И я вас приведу в порядок...

— Может, мы прокрадемся в деревню, где живут эти женщины, и что-нибудь украдем? — предложила Холтер.

— У бедных крестьянок? — уточнила Полли, и сердце у нее сжалось. — И потом, там везде солдаты.

— На поле боя мы тем более не найдем платье, — сказала Тьют.

Джеккрам рассмеялся, встал, сунул пальцы за пояс и ухмыльнулся.

— Я же сказал, парни. Вы ни черта не знаете о войне.

...в том числе, что у нее есть граница.

Полли сама не знала, что ожидала увидеть. Наверное, людей и лошадей. А она-то думала, что идет бой не на жизнь, а на смерть. Но ведь нельзя драться круглые сутки — значит, должны быть палатки. Они тянулись, докуда хватало глаз. Полли даже и не представляла, что армия на марше — это огромный кочевой город. Работодатель в нем был лишь один, и на местных фабриках производили только трупы, но, как и все города, он привлекал... горожан. Откуда-то слышался детский плач, сбивавший Полли с толку. Вот уж чего она не ожидала. Как не ожидала грязи. И густых толп. Повсюду горели костры и пахло едой. В конце концов, армия сидела в

осаде, люди обустроивались как могли.

Спуститься на равнину в потемках было нетрудно. С сержантом пошли только Полли и Маникль. Джеккрам сказал, что большая компания будет слишком заметна. Вокруг, конечно, ходили патрули, но внимание у них изрядно притупилось из-за однообразия. И потом, союзники не ожидали, что кто-нибудь попытается проникнуть в долину — по крайней мере, маленькими группами. Вдобавок мужчины в потемках производят гораздо больше шума, чем женщины. Отряд обнаружил одного борогравского часового в темноте по звуку, который он издавал, пытаясь языком извлечь крошку из зубов. Зато другой обнаружил их самих, когда они подобрались к палаткам на вержение камня. Солдат был молод, а потому еще не утратил бдительности.

— Стой, кто идет? Друг или враг?

На арбалете сверкнул отблеск огня из походной кухни.

— Видите? — шепнул Джеккрам. — Сейчас мундир твой — друг твой. Небось рады, что сохранили его?

Он вразвалочку шагнул вперед и сплюнул табачную жвачку прямо под ноги часовому.

— Меня звать Джеккрам, — сказал он. — Сержант Джеккрам. Что касательно остального... решай сам.

— Сержант Джеккрам? — переспросил парень, и у него отвисла челюсть.

— Да, дружок.

— Тот самый, который убил шестнадцать вражеских солдат в Зопском сражении?

— Всего десять, парень, но все-таки приятно, что ты об этом знаешь.

— Тот самый Джеккрам, который пронес генерала Фракка четырнадцать миль по вражеской территории?

— Да.

Часовой ухмыльнулся, блеснув в темноте зубами.

— Мой папаша дрался с вами в Блундерберге!

— Да уж, битва была что надо, — подтвердил Джеккрам.

— Нет, он имел в виду кабак. Он опрокинул вашу кружку, а вы двинули ему в рожу, а он пнул вас по шарам, а вы дали ему под дых, а он подбил вам глаз, а вы врезали ему столом, а когда он очнулся, ребята весь вечер поили его за то, что он почти три раза по вам попал, сержант. Он каждый год об этом вспоминает в тот самый день, когда напье... когда воспоминания одолеют.

Джеккрам ненадолго задумался, а потом ткнул в парня пальцем.

— Джо Хубукурк?

Улыбка расширилась так, что Полли испугалась, не отвалится ли у молодого человека полголовы.

— Он прямо прыгать от радости будет, когда я скажу, что вы его помните, сержант! Папаша говорит — там, где вы нужду справите, трава не растет!

— Ну, что я могу на это сказать, — скромно заметил Джекрам.

Парень нахмурился.

— А папаша думал, вы померли, сержант, — сказал он.

— Спорю на шиллинг, что нет, — ответил Джекрам. — Как тебя звать, парень?

— Ларт, сержант. Ларт Хубукурк.

— Рад, что служишь?

— Да, сержант, — верноподданно ответил Ларт.

— Мы тут прогуляемся, парень. Передай папаше привет.

— Обязательно, сержант! — парень стоял по стойке «смирно», как в почетном карауле. — Это такая честь для меня, сержант!

— Вас правда все знают? — шепотом спросила Полли, когда они отошли.

— Многие. По крайней мере, на нашей стороне. Не сочтите за похвальбу, но большинство врагов, которые мне попадались, не знают уже ничего.

— А я и не думала, что здесь будет так, — произнесла Маникль.

— Как?

— Тут женщины и дети! Лавки! Я чую запах свежего хлеба! Похоже... на город.

— Да, но то, что нам нужно, стоит не на главной улице. За мной, парни.

Сержант Джекрам воровато нырнул в проход между двумя грудями ящичков и оказался рядом с кузней. Во мраке рдел горн.

Здесь стояли палатки с откинутыми пологам. При свете фонарей работали оружейники и седельщики, в темноте мелькали тени. Полли и Маникль уступили дорогу мульему каравану. Каждый мул был нагружен двумя бочонками — но все они посторонились, пропуская Джекрама. Наверное, они тоже знакомы, подумала Полли. Похоже, сержант действительно знает всех и каждого.

Джекрам шел как человек, которого ждут великие дела. Он приветствовал сержантов кивком, лениво отсалютовал нескольким попавшимся по пути офицерам, а всех остальных просто не замечал.

— Вы здесь уже были, сержант? — спросила Маникль.

— Нет.

— А откуда же вы знаете, куда идти?

— Вот именно, парень. Я тут не был, но я знаю, что такое военный лагерь, особенно когда успеешь окопаться... — Джеккрам принялся. — А, вот оно. Вы двое ждите тут.

Он исчез между двумя грудями досок. Послышался негромкий разговор, и через несколько секунд сержант вернулся с небольшой бутылкой.

Полли улыбнулась.

— Ром, сержант?

— Умница, мой маленький трактирщик. Ей-богу, вот было бы славно, будь это ром. Или виски, или джин, или бренди. Но эта штука называется иначе. Чистейшая бражка, вот что это такое. Натуральный «висельник».

— Висельник? — переспросила Маникль.

— Вышибает почву из-под ног — и ты труп, — объяснила Полли. Джеккрам улыбнулся, как учитель, услышавший ответ смышленного ученика.

— Точно, Маникль. То еще пошло. Стоит мужчинам собраться вместе, непременно кто-нибудь заквасит бражку в сапоге, очистит ее в старом чайнике и загонит остальным. Судя по запаху, эту штуку гнали из крыс. Вообще-то крысы неплохо бродят. Хотите глотнуть?

Маникль попятилась от протянутой бутылки. Сержант засмеялся.

— Умница, парень. Пей лучше пиво.

— А почему офицеры не запретят? — спросила Полли.

— Офицеры? Да что они знают, — сказал Джеккрам. — И вообще я это купил у сержанта. Никто на нас не смотрит?

Полли всмотрелась в темноту.

— Нет, сержант.

Джеккрам плеснул из бутылки на мясистую ладонь и вытер лицо.

— Ах-х ты... Жжет как огонь. А теперь прополощем горлышко. Чтоб все как положено, — он быстро хлебнул из бутылки, сплюнул и воткнул пробку. — Ну и дерьмо. Ладно, пошли.

— Куда мы идем, сержант? — спросила Маникль. — Теперь-то вы нам скажете?

— В одно тихое местечко, где есть все, что нужно, — ответил тот. — Оно где-то тут...

— От вас пахнет спиртным, сержант, — заметила Маникль. — Вас туда пустят, если почуют?

— Да, Маникль, мальчик мой, в том-то и дело, — сказал Джеккрам,

шагая вперед. — В карманах у меня звенит, а изо рта разит выпивкой. То есть я богат и пьян. Что может быть лучше? Ага... сюда, в переулок... вот и оно. Да, я не ошибся, именно сюда нам и надо. Подальше от глаз. Деликатненько. Что-нибудь сушится на веревке, парни?

Между коричнево-желтыми палатками, стоявшими в лощинке, тянулись несколько веревок для сушки белья. Лощина была просто углублением, вымытым зимними дождями. Если с вечера на веревках что-то и висело, то все уже сняли, чтобы не отсырело от росы.

— Жаль, — сказал Джеккрам. — Ну да ладно, значит, придется испробовать вариант потруднее. Главное, ведите себя естественно и слушайте, что я говорю.

— Меня т-трясет, сержант, — призналась Маникль.

— Отлично. Очень натурально, — сказал Джеккрам. — Нам сюда. Все тихо, никто за нами не следит, маленькая тропка ведет на верх оврага...

Он остановился возле огромной палатки и постучал палкой по доске, стоящей снаружи.

— «Крепкие галубушки», — прочитала Полли.

— Да, да, этим дамам платят не за правописание, — Джеккрам откинул полог палатки с дурной репутацией.

Внутри, в некотором подобии прихожей, отгороженной парусиной, было тесно и душно. Дама в черном бомбазиновом платье, похожая на толстую ворону, поднялась с кресла и окинула всю троицу на удивление оценивающим взглядом. Этот взгляд прикинул даже приблизительную стоимость сапог.

Сержант снял кивер и звучным жизнерадостным голосом — словно он мочился бренди и испражнялся сливовым пирогом — произнес:

— Вечер добрый, мадаррм! Имею честь пребывать сержантом Смитом! Нам тут немного подфартило, мы с моими смелыми парнями разжились военной добычей, ну вы ж понимаете... и все бы ничего, но мальчикам не терпится, прямо-таки нейметса навестить ближайший дом с хорошей репутацией и стать настоящими мужчинами!

Бисерные глазки вновь скользнули по Полли. Маникль, у которой уши пылали, как сигнальные огни, неотрывно смотрела в землю.

— Вижу, тут работы невпроворот, — коротко заметила дама.

— Святая правда, мадаррм, — Джеккрам так и засиял. — Я так думаю, понадобится не меньше чем по две ваши красавицы на каждого.

Послышалось звяканье. Джеккрам, слегка шатнувшись, положил несколько золотых монет на хлипкий столик. Как только появились деньги, лед немедленно растаял. Лицо дамы расплылось в улыбке — липкой, как

след слизняка.

— Развлекать «Тудой-судой» — большая честь для нас, сержант, — пропела она. — Ну, господа, не угодно ли пожаловать... в святая святых?

Полли услышала за спиной какой-то негромкий звук и обернулась. Она не сразу заметила человека, сидящего на табурете возле двери. Несомненно, человека, потому что тролли не бывают розовыми, но по сравнению с ним однобровый трактирщик из Плюна показался бы просто хиляком. Человек сидел, полузакрыв глаза, и кожаный костюм на нем скрипел от движений — вот что это был за звук.

Заметив взгляд Полли, вышибала подмигнул. Отнюдь не дружелюбно.

Иногда вдруг понимаешь, что план не сработает. Самое неприятное — обнаружить это в процессе.

— Сержант, — позвала Полли. Джекрам обернулся, увидел ее отчаянную гримасу и как будто впервые заметил вышибалу.

— Ну как же я так, совсем забыл хорошие манеры, — сказал он, откидываясь корпусом назад, и принялся рыться в кармане. Он вытащил золотую монетку и сунул удивленному вышибале, а потом развернулся и с идиотски многозначительным видом постучал пальцем по переносице.

— Один совет, парни. Всегда давайте охране на чай. Вышибала не пускает в дом всякую шушеру. Это очень, очень важный человек.

Он вперевалочку вернулся к даме в черном и оглушительно рыгнул.

— Ну что, мадаррм, когда же перед нами появятся прелестные видения, которых вы приютили у себя под крылышком?

Качество видений, подумала Полли через несколько секунд, зависит от того, когда, как, сколько и чего ты выпил. Конечно, она знала о таких домах. Работа в трактире существенно расширяет кругозор. В Мунце жили несколько женщин, которые, по словам матери, были «хороши, нечего сказать». В двенадцать лет Полли заработала пощечину, когда спросила, чем же они хороши. Эти женщины считались Мерзостью пред Нугганом. Но мужчины всегда найдут в религии лазейку, чтобы немного согрешить.

Четырех женщин, сидевших в задней комнате, в лучшем случае можно было назвать «усталыми». В худшем случае... на ум приходило множество других слов.

Они без особого интереса посмотрели на гостей.

— Это Вера, Грация, Талия и Фантазия, — сказала хозяйка. — Боюсь, ночная смена еще не пришла.

— Не сомневаюсь, ваши красавицы просветят моих нетерпеливых парней, — ответил сержант. — Э... да будет мне позволено спросить, как вас зовут, мадаррм?

— Мадам Дави, сержант.

— А имя?..

— Долорес, — ответила мадам Дави. — Но только для... близких друзей.

— Так, Долорес, — сказал Джекрам, и снова послышалось звяканье монет в кармане. — Я перейду сразу к делу и буду откровенен, потому как вижу, что вы дама светская. Эти нежные цветочки, конечно, по-своему очень хороши. Я знаю, что сейчас в моде женщины, на которых мяса меньше, чем на зубочистке. Но человек, который много где побывал и много чего повидал, учится ценить... э... зрелость. — Он вздохнул. — Хотя, конечно, Талия — это тоже приятно. Э... и Грудь. — Монеты опять зазвенели. — Так, может, мы с вами удалимся в какой-нибудь уютный будувар, мадаррм, и поболтаем за стаканчиком чего-нибудь покрепче?

Мадам Дави перевела взгляд на новобранцев, вновь взглянула в сторону прихожей, потом с тонкой оценивающей улыбкой на губах осмотрела Джекрема, склонив голову набок.

— Н-ну хорошо... — наконец произнесла она. — Да вы красавчик, сержант Смит. Давайте-ка облегчим ваши... карманы.

Она удалилась под ручку с сержантом, который лукаво подмигнул Полли и Маникль.

— Вот и договорились, парни, — усмехнулся он. — Главное, не слишком увлекайтесь. Когда пора будет уходить, я свистну, и вы поживей заканчивайте, поняли? Чтоб я вас не ждал. Долг зовет, и все такое. И помните про славные традиции «Тудой-сюдой!».

Хихикая и спотыкаясь, он вышел из комнаты вместе с хозяйкой.

Маникль поспешно подобралась поближе к Полли и шепнула:

— С ним все в порядке, Оззи?

— Наверное, просто немного перепил, — громко ответила та.

Все четыре женщины встали.

— Но он... — Маникль получила тычок под ребра, прежде чем успела продолжить. Одна из женщин аккуратно отложила вязанье, взяла Полли за руку, одарила тщательно заученной улыбкой и сказала:

— Какой хорошенький мальчик... как тебя зовут? Я — Грация.

— Оливер, — ответила Полли.

Интересно, а каковы славные традиции «Тудой-сюдой»?

— А ты видел когда-нибудь женщину без одежды, Оливер?

Остальные захихикали.

Полли наморщила лоб, как будто вопрос на мгновение застал ее врасплох.

— Да, — ответила она. — Конечно.

— О-о, девочки, похоже, у нас тут настоящий дон Жева-ан, — сказала Грация, чуть отступая. — Придется послать за подкреплением! Не хочешь уединиться со мной и с Талией в уютном уголке? А Вера и Фантазия составят компанию твоему приятелю. У Фантазии большой опыт с молодыми людьми. Правда?

Сержант Джекрам немного ошибся. Трех девушкам действительно недоставало как минимум нескольких плотных обедов, зато когда Фантазия покинула большое кресло, стало ясно, что оно, в общем, не такое уж и большое... по сравнению с ней. У нее было слишком маленькое для такого грузного тела личико с поросычьими глазками и сердитым взглядом, а на предплечье красовалась татуировка в виде черепа.

— Молоденький, — сказала Грация. — Переживет. Ну, пошли, дон Жева-ан...

Полли испытала странное облегчение. Ее не растрогали эти девушки. Да, такая профессия переломит кого угодно, но в Мунце она знала нескольких женщин легкого поведения, и в них ощущался внутренний стержень, которого и в помине не было здесь.

— Почему вы здесь работаете? — спросила она, когда они вошли в маленькую комнатку с парусиновыми стенами. Большую ее часть занимала шаткая кровать.

— По-моему, ты слишком молод, чтобы задавать такие вопросы, — заметила Грация.

— Какие?

— Не разыгрывай святошу, — сказала Грация. — «Что такая девушка, как ты, делает в этом месте?», ну и так далее. Тебе нас жалко, да? По крайней мере, если мы нарвемся на грубияна, снаружи сидит Гарри, а когда он закончит, мы пожалуемся полковнику, и нахал отправится на губу.

— Да, — подтвердила Талия. — Ей-богу, в пределах двадцати пяти миль наш бардак — самое безопасное место. Старуха Дави не такая уж злюка. Мы откладываем денежки, нас кормят и не бьют — в общем, наша хозяйка лучше, чем иной муж. Ну и потом, нельзя же в такое время быть одной.

Джекрам смирился с Блузом, потому что отряд не может без офицера, подумала Полли. Если солдаты теряют командира, на его место становится следующий. Женщине всегда недостает мужчины, тогда как мужчина сам себе господин. Штаны — вот в чем секрет. Штаны и пара носков. Я даже и не думала, что все будет именно так. Достаточно надеть штаны, чтобы мир изменился. В штанах мы по-другому ходим. По-другому ведем себя. Я

смотрю на этих девушек и думаю: «Дуры! Наденьте штаны!»

— Не могли бы вы раздеться... пожалуйста, — попросила Полли. — Нам некогда.

— О, узнаю «Тудой-судой», — сказала Грация, сбрасывая платье. — Следи за сырами, Талька!

— Э... а что тут такого, если мы из «Тудой-судой»? — поинтересовалась Полли. Она делала вид, что расстегивает мундир, и одновременно жалела, что ей некому помолиться, чтобы поскорей раздался свисток.

— Потому что вы, парни, всегда переходите прямо к делу, — сказала Грация.

Возможно, кто-то наверху все-таки слушал Полли. Послышался свист.

Полли схватила одежду в охапку и выбежала, не обращая внимания на крики за спиной. Она столкнулась с Маникль, перескочила через стонущего на полу Гарри, увидела сержанта Джеккрама, который распахнул для них полог, и вылетела в темноту.

— Сюда! — прошипел сержант, ухватил Полли на бегу за ворот и развернул кругом. — И ты, Маникль! Живей!

Он взлетел по склону оврага, точь-в-точь воздушный шарик, гонимый ветром. Полли и Маникль карабкались следом. У Джеккрама были полные руки одежды, которая извивалась и трепыхалась, как живая. Наверху рос кустарник высотой по колено — опасная штука в темноте. Спотыкаясь, они лезли через заросли, пока не достигли густого подлеска. Там сержант снова схватил обеих за воротники и толкнул в кусты. Отсюда крики и вопли в лагере звучали гораздо тише.

— Не шуметь, парни, — прошептал Джеккрам. — Здесь кругом патрули.

— Они нас найдут, — сказала Полли. Маникль тяжело дышала.

— А вот и нет, — ответил сержант. — Во-первых, они сразу побегут на крик, это же есте... ну вот, так и есть.

Полли услышала вдалеке вопли.

— Ну и дураки. Вместо того чтобы охранять границу лагеря, бегут на шум. И более того, на свет, так что к черту ночное зрение. Будь я их сержантом, ух и дерку бы я им устроил. Пошли.

Он встал и помог Маникль подняться.

— Ты в порядке?

— Какая гадость, сержант! Одна из них взяла меня за... за носки!

— Да уж конечно, тебе это внове, — заметил Джеккрам. — Однако вы отлично справились, парни. А теперь идем тихо и аккуратно, и никаких

разговоров, пока я не разрешу, поняли?

Они лезли через заросли еще минут десять, обходя лагерь по краю. Они слышали патрули и видели солдат на верхушках холмов, когда взошла луна, но тут до Полли дошло: каким бы громким ни был переполох, он составлял лишь часть невероятной разноголосицы военного лагеря. Стоявшие поодаль патрули скорее всего даже не слышали криков — или просто не искали неприятностей.

Полли услышала, как Джекрам в темноте глубоко вздохнул.

— Ладно, мы отошли достаточно. Отличная работа, ребята. Теперь вы настоящие Сырцееды.

— Гарри валялся там без сознания, — вспомнила Полли. — Вы его ударили?

— Я, положим, толстяк, — сказал Джекрам. — Все думают, что толстяки не умеют драться. Толстяки такие смешные ребята! Так вот, люди ошибаются. Я врезал Гарри по горлу.

— Сержант! — в ужасе воскликнула Маникль.

— Что? Что такого? Он бросился на меня с дубинкой!

— С какой стати, сержант? — спросила Полли.

— А ты быстро соображаешь. Ладно, ладно, признаю, я тихонько угомонил мадам, но ведь я-то знал, что она подсунула мне стакан с сонными каплями, черт возьми.

— Вы ударили женщину, сержант? — уточнила Полли.

— Да! Может быть, когда она проснется в одном корсете, то в следующий раз задумается, прежде чем тырить денежки у бедного пьяного толстяка, который заглянул на огонек, — прорычал Джекрам. — Если бы она сделала, чего хотела, я бы сейчас валялся в канаве без подштанников и с адской головной болью. А если бы вы сдуру пожаловались офицеру, она бы поклялась всеми святыми, что я приперся без гроша, пьяный и начал буянить. И полковнику было бы плевать: сержант должен быть идиотом, чтобы вот так попасться. Уж я-то знаю. Я за вами присматриваю, ребята... — В темноте что-то звякнуло. — Ну и несколько лишних долларов не помешают.

— Сержант, неужели вы ее обокрали? — спросила Полли.

— Ну да. А заодно прихватил полную охапку шмоток.

— И хорошо, — энергично заявила Маникль. — Это дурное место.

— В любом случае я в основном забрал свое же, — сказал Джекрам. — Сегодня, кажется, дела шли плоховато.

— Но это же плата за разврат! — сказала Полли и тут же почувствовала себя полной дурой.

— Нет, — возразил Джеккрам. — Раньше это была плата за разврат, а теперь — деньги, добытые обыкновенной кражей. Жизнь становится намного проще, если называть вещи своими именами.

Полли радовалась, что ни у кого нет зеркальца. Лучшее, что можно было сказать о добытой одежде, — так это что она прикрывала наготу. Но ведь шла война, и у людей редко появлялись обновки. И все-таки отряд чувствовал себя неловко, непонятно почему. Они посмотрели друг на друга при свете морозного утра и смущенно захихикали. Ничего себе, подумала Полли. Только посмотрите, мы нарядились женщинами!

Как странно, именно Игорина выглядела как положено. Забрав ранец, она скрылась среди развалин. В течение десяти минут отряд прислушивался к разнообразным «ой» и «ох», а потом Игорина вернулась — с густыми волосами длиной до плеч. Лицо у нее стало правильной формы, привычные шишки и бугры исчезли, а швы на лбу съезжились и исчезли прямо на глазах у изумленной Полли.

— Тебе не больно? — спросила она.

— Немножко жжет, — признала Игорина. — Но главное — сноровка. Ну и особое снадобье, конечно.

— А почему у тебя теперь на щеке шрам? — спросила Холтер. — И ты убрала не все швы...

Игорина скромно опустила глаза. Она даже перешла одно из платьев, присборив юбку, и походила на молодую служанку из пивного погребка. При взгляде на нее так и хотелось попросить свежий кренделек.

— Нужно что-нибудь оставить, — сказала Игорина. — Иначе ты вроде как предаешь свой клан. И потом, по-моему, швы — это даже красиво...

— Ладно, ладно, — перебила Холтер. — Но не забывай немного шепелявить. Конечно, я не права, но теперь ты выглядишь... ну, не знаю... ты выглядишь очень странно.

— Стройся! — приказал Джеккрам. Он отошел на шаг и осмотрел их с наигранным презрением.

— В жизни не видывал таких шала... то есть прачек, — сказал он. — Желаю удачи — она, черт возьми, вам понадобится. Со своей стороны могу обещать, что по эту сторону стен кое-кто будет ждать вашего возвращения. Рядовой Перкс, ты теперь капрал, хоть и без жалованья. Надеюсь, во время нашего... путешествия ты кое-чему научился. Наступить и отступить — вот что вы должны сделать. Пожалуйста, никаких героических последних стычек. Если не знаешь, что делать, — бей по шарам и удирай. Если вы напугаете их так же, как и меня, — вообще никаких проблем не будет.

— Вы уверены, что не хотите с нами, сержант? — спросила Холтер, с трудом удерживая смех.

— Нет, парень. Юбку ты на меня не напялишь. Каждому свое. Где-то нужно поставить точку, вот я ее и ставлю. Грехов у меня полно, но уж что-то, а свои цвета Джекрам не прячет. Я старый солдат. Я дерусь, как положено солдату, в строю, на поле боя. И потом, если я попрусь в крепость в юбке, то рискую не узнать, чем все закончится.

— Герцогиня говорит, что сержанта Д-д-джекрама ждет иная дорога, — сказала Уолти.

— Ты, ей-богу, пугаешь меня до чертиков, рядовой Гум, — заметил Джекрам, поправив пояс на экваторе, — но, пожалуй, ты прав. Пока вы будете внутри, я тихонько прокрадусь к нашим. И если не сумею устроить небольшую отвлекающую атаку, то я не сержант Джекрам. Но я таки сержант Джекрам, поэтому можете не беспокоиться. Х-ха, да в нашей армии полно парней, которые кое-чем мне обязаны... — он хмыкнул, — ... ну или просто не рискнут отказать. Полно лихих ребят, которые не прочь рассказать внукам, что дрались рядом с Джекрамом. Ну, так я им дам шанс побывать в настоящем бою.

— Сержант, штурмовать главные ворота — самоубийство, — напомнила Полли.

Джекрам похлопал себя по животу.

— Видишь? — спросил он. — Это вроде как моя личная броня. Как-то один тип всадил мне в пузо меч по самую рукоятку и страшно удивился, когда я ему врезал. И потом, вы, парни, наверняка так нашумите, что стражники отвлекутся. Положитесь на меня, а я на вас. Армейское правило. Вы подадите сигнал. Любой сигнал. Мне больше ничего не нужно.

— Герцогиня говорит, ваша дорога ведет дальше, — сказала Уолти.

— Правда? — весело сказал Джекрам. — И куда же? Надеюсь, в какой-нибудь славный кабак.

— Герцогиня говорит, она ведет в город Скритц, — продолжала Уолти. Она говорила тихо, а остальные смеялись — не столько словам Джекрама, сколько разрядки ради. Но Полли ее услышала.

Джекрам молодец, ох какой молодец, подумала она. Мимолетное выражение ужаса сошло с его лица за долю секунды.

— Скритц? Чего там хорошего? — спросил он. — Скучный город.

— Там меч, — сказала Уолти.

На сей раз Джекрам успел подготовиться. На его лице ничего не отразилось. Просто маска, надевать которую он был большой мастак. Странно, он должен был как-нибудь отреагировать. Хотя бы удивиться.

— Я за свою жизнь подержал немало мечей, — небрежно ответил Джеккрам. — Чего тебе, Холтер?

— Вы нам кое-что не объяснили, сержант, — сказала Холтер, опуская руку. — Почему наш полк называется «Тудой-сюдой»?

— Первыми наступаем, последними отходим, — машинально отозвался Джеккрам.

— Тогда почему нас дразнят Сырцеедами?

— Да, почему, сержант? — подхватила Маникль. — Судя по тому, что говорили те девушки... мы обязаны это знать.

Джеккрам пощелкал языком.

— Холтер, Холтер, почему бы, черт возьми, не подождать, пока на тебе снова будут штаны, прежде чем задавать такие вопросы? Я прямо-таки смущаюсь...

Полли подумала: забрасываешь наживку, да? Ты ведь сам не прочь рассказать. Лишь бы отвлечь наши мысли от Скритца...

— А, — сказала Холтер. — Это про секс, да?

— Не совсем, но...

— Ну так расскажите, — потребовала она. — Я хочу знать, прежде чем умереть. Если угодно, я буду толкать девочек локтями и понимающе хмыкать.

Джеккрам вздохнул.

— Есть такая песенка, — сказал он. — Однажды в понедельник, в погожий майский день...

— Значит, все-таки секс, — спокойно заметила Полли. — Это народная песенка, она начинается со слова «однажды», действие происходит в мае, значит, она про секс. Героиня — молочница? Держу пари, что так.

— Вполне возможно, — подтвердил Джеккрам.

— Она шла на рынок продавать свой товар? — спросила Полли.

— Весьма вероятно.

— Та-ак... значит, вот и сыр. Девушка встречает... ну конечно, солдата, моряка, удалого паренька или какого-то парня в кожаной куртке. Ну, если песенка про нас, значит, она повстречала солдата. А поскольку это солдат из «Тудой-сюдой»... о-о-о, я чувствую, здесь будет игра слов. Только один вопрос: какой предмет одежды с нее свалился или расстегнулся?

— Подвязка, — сказал Джеккрам. — Ты знаешь эту песенку, Перкс?

— Нет, но я знакома с народным творчеством вообще. Дома... то есть там, где я работала, у нас в трактире полгода выступали бродячие певцы. Под конец пришлось вызывать клоуна с хорьком. Но, в общем, я

запомнила...

— И что, он стал с ней нежничать, да, сержант? — спросила Холтер, ухмыляясь.

— Скорей, творожничать, — под общее хихиканье подсказала Игорина.

— Боюсь, он украл у нее сыр, — Полли вздохнула. — Пока бедняжка лежала, ожидая, когда же ей наденут подвязку, ля-ля, он спер сыр. Так?

— Не спер, а украл, — поправила Холтер. — Не ругайся, когда на тебе юбка, Оззи.

— Тогда уж не Оззи, — сказала Полли. — Суйте хлеб в кивер, наливайте суп в сапоги... и крадите сыр. Правильно, сержант?

— Точно. В нашем полку люди практичные, — подтвердил сержант. — Армия живет желудком, парни. И я — лучшее тому подтверждение!

— Молочница сама была виновата. Почему она не сумела надеть подвязку? — спросила Тьют.

— Наверное, хотела, чтоб у нее украли сыр, — ответила Холтер.

— Золотые слова, — сказал Джеккрам. — Ну, вперед... Сырцееды.

Они пробирались через лес к тропе, ведущей вдоль реки. Туман еще не рассеялся. Юбка цеплялась за ежевику. Несомненно, так было и раньше, но почему-то до армии Полли не обращала на это внимания. А теперь юбка всерьез ей мешала. Она рассеянно поправила носки — лежавшие порознь и придававшие пухлость... другим местам. Полли была слишком худая. Вот когда пригодились бы длинные волосы. Они гласят «женщина». Без них пришлось обойтись платком на голове и парой носков под рубашкой.

— Так, — шепнула она, когда спуск закончился. — Помните, никакой ругани. Хихикать, а не гыгыкать. Не рыгать. И никакого оружия. Стражники не идиоты. Надеюсь, никто не прихватил с собой оружие?

Все покачали головами.

— Ты взяла с собой оружие, Хол... Магда?

— Нет, Полли.

— Ничего похожего на оружие? — настаивала Полли.

— Нет, Полли, — сдержанно ответила Холтер.

— Ничего с острым лезвием?

— А, ты имеешь в виду вот это...

— Да, Магда.

— Разве женщина не имеет права носить нож?

— Это сабля, Магда. Как ее ни прячь, но это сабля.

— Может быть, она у меня вместо ножа, Полли.

- В ней три фута длины, Магда.
- Размер не имеет значения.
- Никто тебе не поверит. Брось ее за дерево, пожалуйста. Это приказ.
- Ну ладно.

Маникль, которая до сих пор шла, над чем-то задумавшись, вдруг сказала:

— Я все-таки не понимаю, почему молочница сама не поправила свою подвязку...

— Маникль, какого дья... — начала Холтер.

— «Бетти, что ты имеешь в виду»? — перебила Полли.

— Что ты, Бетти, имеешь в виду? — повторила Холтер, закатывая глаза.

— Песню, конечно. И потом, вовсе не нужно ложиться, чтобы подтянуть подвязку, так будет только труднее, — продолжала Маникль. — Какая-то глупая песня.

Все помолчали. В общем, несложно было понять, отчего у Маникль в жизни возникли проблемы.

— Ты права, — наконец сказала Полли. — Глупая песня.

— Очень глупая, — подтвердила Холтер.

Остальные согласились. Глупая песня.

Они вышли на тропку. Впереди быстро шла небольшая группа женщин. Отряд машинально задрал головы. Крепость возвышалась на отвесной скале; трудно было понять, где заканчивается неотесанный камень и начинается древняя кладка. Никаких окон. Стена, уходящая в небеса. Ни войти, ни выйти. Только немногочисленные двери, запертые наглухо.

Здесь, рядом с глубокой неторопливой рекой, холод пронизывал до костей, и становилось еще холоднее, если подольше посмотреть вверх. За поворотом дороги они увидели небольшой скалистый уступ, а за ним скрывалась потайная дверца. Женщины разговаривали со стражником.

— У нас ничего не получится, — тихо сказала Маникль. — Они показывают ему какие-то бумаги. Никто не прихватил с собой документы?

Солдат поднял глаза и равнодушно взглянул на них, как всякий человек, у которого в жизни мало развлечений.

— Не останавливайтесь, — шепнула Полли. — Если придется туго, начинайте плакать.

— Вот гадость, — буркнула Холтер.

Неверным шагами они подходили все ближе. Полли держала глаза опущенными, как подобает молодой девушке. Она не сомневалась, что за

ними наблюдают и другие стражники. Наверное, им просто было скучно и они не ожидали никакого подвоха... но со стен на Полли смотрело множество глаз.

Они подошли к стражнику. За узкой дверцей маячил второй, полускрытый в тени.

— Документы, — сказал стражник.

— У меня ничего нет, сэр, — ответила Полли. Она придумала отговорку, когда шла через лес. Война, ужасы нашествия, бегство, голод... не нужно фантазировать, достаточно вспомнить увиденное. — Мне пришлось бежать...

— Ладно, ладно, — перебил стражник. — Нет документов? Ничего страшного, пожалуйста, заходите, вас там ждут, очень приятно, что вы к нам заглянули.

Он отошел и махнул рукой в сторону темного прохода.

Полли, озадаченная, шагнула внутрь, остальные последовали за ней, и дверь захлопнулась. Они стояли в длинном коридоре с многочисленными прорезями в стенах по обе стороны. Из щелей пробивался свет, и там маячили тени. Лучники, которые прятались за стеной, могли превратить в начинку для пирога любого противника.

В конце коридора распахнулась другая дверь. Она вела в маленькую комнату, где за столом сидел молодой человек в незнакомой форме, с нашивками капитана. Рядом стоял еще один офицер, гораздо крупнее, в точно такой же форме — ну или в двух, сшитых вместе. И с мечом. Это было главное, и тут не возникало никаких сомнений: да, меч, да, у него, да, в руках. Меч приковывал к себе все взгляды. Даже Яшма бы впечатлилась.

— Доброе утро, дамы, — сказал капитан. — Никаких документов? Снимите платки, пожалуйста.

Вот оно, подумала Полли, и в животе у нее что-то оборвалось. А мы считали себя такими умными. Ничего не оставалось, кроме как повиноваться.

— Ага. Теперь вы скажете, что вас остригли в наказание за связь с врагом? — спросил капитан, почти не глядя на них. — Не считая тебя, — добавил он, указав на Игорину. — Что, тебе не захотелось вступить в связь с врагом? Чем-то не понравились славные злобенские парни?

— Э... да нет, — ответила Игорина.

Капитан слегка улыбнулся.

— Господа, оставим болтовню. Вы не так ходите и не так стоите. Мы не слепые. Ты, — он указал на Холтер. — У тебя под ухом засохла мыльная пена. А вы, сэр, либо урод, либо прибегли к старому трюку и сунули под

рубашку два носка.

Полли, багровая от смущения и унижения, опустила голову.

— Войти или выйти, переодевшись прачкой... — капитан покачал головой. — Эта уловка знакома всем и каждому за пределами вашей дурацкой страны, парни, но другие хотя бы прикладывают больше усилий. Что ж, для вас война закончилась. В этой крепости большие, очень большие темницы. И скорее всего там вам будет лучше, чем снаружи... Да, чего тебе?

Маникль подняла руку.

— Можно я вам кое-что покажу? — спросила она.

Полли не оборачивалась. Она следила за лицом капитана.

Позади зашелестело платье.

Полли не поверила своим ушам.

Маникль задирала юбку...

— Ой, — сказал капитан, отшатываясь, и покраснел.

И тогда раздался взрыв...

...взрыв рыданий. Холтер издала протяжный горестный вой и повалилась на пол.

— Мы так долго шли-и-и! Мы прятались в канавах от солдат! Нам нечего есть! Мы хотим работать! А вы обозвали нас парнями! Почему вы такие... жестокие?

Полли опустилась на колени, приподняла ее и погладила по спине. Плечи Холтер вздрагивали от плача.

— Нам пришлось туго, — сказала Полли капитану.

— Если сможешь его завалить, я удушю второго тесемкой фартука, — шепнула Холтер ей на ухо в промежутках между рыданиями.

— Вы видели все, что хотели? — ледяным тоном спросила Полли у побагровевшего капитана.

— Да! Нет! Да! Спасибо! — ответил капитан, бросая на охранника затравленный взгляд человека, который прекрасно понимает, что меньше чем через час станет посмешищем для всей крепости. — Одного раза вполне... то есть я видел... я абсолютно удовлетворен! Рядовой, приведи кого-нибудь из прачечной. Простите, девушки... у меня... у меня такая работа...

— И она вам нравится? — поинтересовалась Полли по-прежнему ледяным голосом.

— Да! — выпалил капитан. — То есть нет! Да! Осторожность не повредит...

Громила-охранник вернулся с женщиной на буксире. У Полли глаза

полезли на лоб.

— Э... вот новенькие, — капитан махнул рукой в сторону отряда. — Не сомневаюсь, госпожа Энид приставит их к делу... э...

— Конечно, капитан, — ответила женщина, скромно приседая. Полли не сводила с нее глаз.

— Ступайте... девушки, — сказал капитан. — Если будете хорошо работать, госпожа Энид, разумеется, выпишет вам пропуск, чтобы в следующий раз... э... обошлось без проблем...

Маникль положила обе руки на стол, подалась вперед и сказала: «Бу!» Капитан вlepился в стену.

— Может быть, я не блещу умом, — сказала Маникль, обращаясь к Полли. — Но я и не дура.

Но та по-прежнему смотрела на лейтенанта Блуза. Он на удивление ловко делал книксен.

Солдат повел их по коридору, который закончился галереей с видом на пещеру... или комнату. На такой глубине, в общем, разница была несущественной. Полли подумала, что это не столько прачечная, сколько жаркое и мокрое мытарство для тех, кто заслужил дополнительное мытье. Клубившийся под потолком пар сгущался и капал на пол, и без того залитый водой. Помещение тянулось как будто без конца — лохань за лоханью. Женщины, точно призраки, двигались среди танцующих клубов пара.

— Входите, дамочки, — сказал стражник и шлепнул Блуза по заду. — До вечера, Дафна.

— Да-да, — проверещал Блуз.

— В пять, — напомнил солдат и зашагал обратно по коридору.

— Дафна? — переспросила Полли, когда он скрылся.

— Это мой псевдоним, — ответил Блуз. — Я еще не нашел способ пробраться в подвалы, но у всех стражников есть ключи — и в половине шестого ключ будет у меня. Э... что?

— По-моему, Холтер, то есть Магда, просто прикусила язык, — сказала Полли.

— Прикуси-ла? Ах, да-да. Молодцы, не нужно выходить из роли... кстати, как тебя зовут?

— Полли.

— Отличное имя, — сказал Блуз, первым спускаясь по лестнице. — Очень распространенное, в самый раз для служанки.

— Да, я тоже так подумала, — мрачно отозвалась Полли.

— Э... сержант Джеккрам не с вами? — нервно спросил Блуз.

— Нет, сэр. Он сказал, что возглавит атаку на главные ворота, когда мы подадим сигнал. Надеюсь, он таки его дождется.

— Господи помилуй, этот человек сошел с ума, — сказал Блуз. — Впрочем, вы отлично постарались. Молодцы, ребята. Если не всматриваться, вас вполне можно принять за женщин.

— От вас это особенно приятно слышать, Дафна, — ответила Полли и подумала: о боги, и я говорю это с каменным лицом.

— Вам вовсе не нужно было приходить сюда за мной, — продолжал Блуз. — Простите, что не подал сигнал, но госпожа Энид позволила мне переночевать. Стражников ночью меньше, так что я спокойно осмотрелся и поискал выход на верхние этажи. Боюсь, все двери закрыты или охраняются. Но рядовой Гауптфидель, кажется, ко мне неравнодушен...

— Отлично, сэр, — сказала Полли.

— Простите, я недопоняла, — перебила Холтер. — У вас свидание со стражником?

— Да. Я отзову его туда, где потемнее, заберу то, что нужно, и сломаю ему шею, — сказал Блуз.

— Не многовато ли для первого свидания?

— Сэр, вас впустили без всяких проблем? — спросила Полли. Эта мысль не давала ей покоя. Нечестно, подумала она.

— Да, да, конечно. Я просто улыбнулся и покрутил бедрами, и меня пропустили. А вас?

— Ну, у нас были некоторые трудности, — ответила Полли. — Несколько... э... неловких моментов.

— Что я вам говорил? — торжествующе воскликнул Блуз. — Все дело в сценическом таланте! Но вы отчаянные ребята, если все-таки рискнули. Пойдемте, я познакомлю вас с госпожой Энид. Она надежная особа. Смелые женщины Борогравии на нашей стороне!

Действительно, в нише, которая служила кабинетом хозяйке прачечной, висел портрет Герцогини. Госпожа Энид не отличалась внушительными размерами, но у нее были руки как у Яшмы, в закатанных до локтей рукавах. А еще — насквозь мокрый передник и невероятно подвижный рот. Губы и язык вырисовывали в воздухе каждое слово. Прачки посреди горячего пара, шума, плеска воды и шлепанья мокрого белья следили за губами, если уши были заняты. Даже когда госпожа Энид слушала, губы все равно двигались, как будто она пыталась выковырять из зубов крошку.

Она бесстрастно выслушала Блуза и сказала:

— Вижу. Ладно. Оставьте ребят здесь, сэр, и возвращайтесь в гладильню.

Когда Блуз осторожно зашагал сквозь пар, госпожа Энид оглядела отряд с головы ног. А потом насквозь.

— «Ребята», — фыркнула она. — Он ничего не знает, я так понимаю? Женщина, переодетая мужчиной, — это Мерзость пред Нугганом!

— Но сейчас мы одеты по-женски, госпожа Энид, — кротко отозвалась Полли.

Губы главной прачки энергично задвигались. Она сложила руки на груди, как будто воздвигнув баррикаду против любого святотатства.

— Так нельзя, — сказала она. — Мои муж и сын сидят здесь в плену, а я вкалываю на врага, чтобы не терять их из виду. Враги собираются захватить Борогравию. Просто удивительно, сколько интересного здесь можно услышать. Что толку спасать ваших мужчин, если мы все равно под пятой злобенского деревянного башмака, раскрашенного вручную?

— Злобенцы нас не захватят, — уверенно возразила Уолти. — Герцогиня обо всем позаботится. Не бойтесь.

Миссис Энид взглянула на нее так, как люди всегда смотрели на Уолти, когда слышали ее впервые.

— Ты молишься, да? — добродушно спросила прачка.

— Нет, просто слушаю, — ответила Уолти.

— С тобой говорит Нугган?

— Нет. Нугган умер, госпожа Энид, — сказала Уолти.

Полли взяла Уолти за худенькую ручку и сказала:

— Извините, госпожа Энид, мы на минутку.

Она поспешно завела девушку за огромный каток для белья. Он ухал и гремел, заглушая разговор.

— Уолти, послушай, ты ведешь себя слишком... — в родном языке Полли не было слова «эксцентрично», но если бы она его знала, то охотно включила бы в свой лексикон, — ...слишком странно. Ты пугаешь людей. Нельзя вот так заявлять, что бог умер.

— Значит... он ушел. Наверное, просто... иссяк, — нахмурившись, сказала Уолти. — Он больше не с нами.

— Но Мерзости остались.

Уолти попыталась сосредоточиться.

— Нет. Они не настоящие. Они... как эхо в древней пещере. Мертвые голоса, которые отскакивают от стен. Слова меняются, получается чепуха. Как флаги, которыми когда-то подавали сигналы, а потом оставили болтаться на ветру... — Взгляд Уолти затуманился, голос зазвучал взросло

и уверенно. — Мерзости исходят не от бога. Его больше нет.

— Так откуда же они берутся?

— Из вашего страха. Из той части души, которая ненавидит все непривычное и не желает меняться. Из вашей мелочности, глупости, тупого упрямства. Вы боитесь завтрашнего дня — и сделали страх своим богом. Герцогиня это знает.

Каток продолжал скрипеть. Вокруг кипели котлы и с шумом лилась вода. В воздухе пахло мылом и мокрой одеждой.

— Я не верю в Герцогиню, — сказала Полли. — Это сплошной обман. Всякий бы на моем месте обернулся. Это совсем не значит, что я в нее верю.

— Неважно, Полли. Она верит в тебя.

— Правда? — Полли окинула взглядом душную мокрую пещеру. — Значит, она здесь? Может быть, она почитит нас своим присутствием?

Уолти не знала, что такое сарказм. Поэтому она кивнула.

— Да.

Да.

Полли оглянулась.

— Ты сказала «да»? — уточнила она.

— Да.

Да.

Полли расслабилась.

— Просто эхо. В конце концов, мы в пещере...

...но интересно, почему мой голос не отдается эхом?

— Уолт... то есть Элис, — задумчиво сказала Полли.

— Что?

— Пожалуй, не стоит говорить об этом с остальными, — сказала она. — Люди охотно верят... ну, в богов и все такое, и они нервничают, если сказать им, что они просто притворяются. Э... она ведь не появится?

— Та, в кого ты не веришь? — с воодушевлением спросила Уолти.

— Я не утверждаю, что она не существует, — слабо возразила Полли. — Я просто в нее не верю, вот и все.

— Она очень слаба, — сказала Уолти. — Я слышу, как она плачет по ночам.

Полли всмотрелась в худенькое личико, в глубине души надеясь, что Уолти над ней смеется. Но ответом был лишь озадаченный невинный взгляд.

— Почему она плачет? — спросила Полли.

— От молитв ей больно.

Полли подскочила, когда кто-то коснулся ее плеча. Это была Холтер.
— Госпожа Энид говорит, чтобы мы принимались за работу. Стражники могут прийти и проверить.

Стирка — женское занятие, а следовательно — монотонное, утомительное и располагающее к общению. Полли уже давно не доводилось стирать. Здесь, в пещере, были длинные деревянные корыта, над каждым из которых трудились по двадцать женщин. По обе стороны от Полли женские руки выжимали, колотили, выкручивали и мылили белье, прежде чем бросить его в чан для полоскания. Она присоединилась и стала слушать разговоры.

Женщины просто сплетничали, но там и сям, как мыльные пузыри, мелькали ценные сведения. Двое стражников, по слухам, «дали себе волю» — то есть больше прежнего, — и за это их выпороли. Инцидент вызвал большое оживление в прачечной. Судя по всему, в крепости командовал какой-то важный господин из Анк-Морпорка, который и распорядился наказать стражников. Он вроде как волшебник, сказала женщина напротив. Говорят, он видит, что творится на всем белом свете, и ест только сырое мясо. Говорят, у него повсюду шпионы. Разумеется, никто не сомневался, что Анк-Морпорк — воплощенная Мерзость. Полли, старательно оттирая рубаху на стиральной доске, задумалась. В том числе о равнинном канюке, который поднялся так высоко в горы, и о каком-то существе, ловком и быстром, похожем на тень...

Потом она отправилась к кипятившему чану и принялась заталкивать исходившую паром одежду в бурлящую воду. Здесь, в прачечной, где не было никакого оружия, она держала в руках тяжелую палку почти в три фута длиной...

Полли нравилось бездумно работать. Мышцы делали все необходимое, оставляя голову свободной. Никто не знал наверняка, жива ли Герцогиня. Но Полли не сомневалась в одном. Герцогиня была обыкновенной женщиной. Женщиной, а не богиней. Люди молились ей в надежде, что их просьбы завернут в подарочную упаковку и перешлют Нуггану. Но Герцогиня не имела никакого права сводить с ума таких, как Уолти, у которой и без того хватало проблем. Боги творят чудеса. А Герцогиня только позировала для портретов.

Краем глаза Полли увидела вереницу женщин, которые снимали огромные корзины с помоста в углу комнаты и выходили в коридор. Она оттащила Игорину от лохани и велела присоединиться к ним.

— И смотри внимательно! — добавила Полли.

— Слушаюсь, капрал, — ответила Игорина.

— Одно я знаю наверняка, — сказала Полли, указывая на горы сырого белья. — Все это нужно где-то сушить...

Она вернулась к работе, время от времени присоединяясь к общей болтовне — просто для вида. Прачки уклонялись от некоторых тем, особенно избегая говорить о мужьях и сыновьях. Но иногда Полли удавалось кое-что ухватить. Одни мужчины сидели в темнице, другие, вероятно, погибли, третьи еще оставались на свободе. Некоторые прачки постарше носили медаль Материнства. Ее вручали женщинам, чьи сыновья погибли за Борогравию. Дрянной металл покоробился от сырости. Наверное, здешние женщины тоже получали медаль в сопровождении письма от Герцогини, с оттиском ее собственноручной подписи и именем покойного, втиснутого в узкий пробел.

Мы имеем честь поздравить вас, *госпожа А. Лапчик (Мунц, Колодезная улица)*, с героической гибелью вашего сына *ОттоПетраГанса Лапчика*, которая произошла 25 июня в xxx.

Название места военная цензура всегда вырезала, чтобы враг не радовался. Полли всегда изумляло, что дешевые медали и бездумные слова ободряли и утешали матерей. Те жительницы Мунца, которые удостоились награды, носили ее с болью, гневом и гордостью.

Полли сомневалась, что стоит доверять госпоже Энид. В крепости у нее сидели муж и сын. Госпожа Энид наверняка успела понять, чего стоит Блуз, и скорее всего задалась вопросом, что вероятнее: он освободит пленных или стряется крупная заварушка, в которой пострадают все? Трудно винить госпожу Энид, если в голову ей пришел очевидный ответ...

Полли вдруг поняла, что кто-то ее окликает.

— Что? — спросила она.

— Посмотри, — сказала Маникль, размахивая у нее перед носом мокрыми кальсонами. — Они кладут цветное белье вместе с белым!

— Да, ну и что? Это же вражеские кальсоны.

— Но ведь нужно стирать как положено! Ты посмотри, они положили сюда красные штаны, и все остальное окрасилось в розовый!

— И что? Когда мне было семь, я любила розовый цвет.^[9]

— Бледно-розовый цвет? На мужчине?

Полли быстро взглянула в соседнюю лохань и похлопала Маникль по плечу.

— Да. По-моему, получилось слишком бледно. Подбрось-ка туда еще

что-нибудь красное.

— Но будет только хуже... — начала Маникль.

— Это приказ, солдат, — шепнула Полли. — И добавь крахмала.

— Сколько?

— Сколько найдешь.

Игорина вернулась. Глаза у нее были острые. Полли нередко гадала, от кого они ей достались. Игорина подмигнула и показала оттопыренный палец. Слава богу, свой собственный.

В огромной гладильне работал только один человек, когда Полли, пользуясь временным отсутствием госпожи Энид, заглянула туда.

За гладильной доской стояла Дафна. Остальные собрались вокруг, как будто наблюдали за проведением опыта. В общем, так оно и было.

— ...вот смотрите, сначала воротничок, — говорил лейтенант Блуз, размахивая огромным дымящимся утюгом, полным раскаленных углей. — Потом манжеты и, наконец, рукава. Гладьте по половинкам. Потом рубашку нужно сразу же повесить. Вот еще полезный совет — не гладьте белье досуха. Это вопрос опыта, но...

Полли в изумлении уставилась на него. Лично она ненавидела глажку.

— Дафна, на пару слов, — позвала она, воспользовавшись паузой.

Блуз поднял глаза.

— А, Пе... Полли. Да, конечно.

— Просто удивительно, сколько всего Дафна знает про складки, — восхищенно воскликнула одна из женщин. — А уж как она гладит!

— Я впечатлена, — сказала Полли.

Блуз передал гладильнице утюг.

— Держи, Димфа, — великодушно сказал он. — И помни: сначала гладь изнанку. А у темных вещей гладь *только* изнанку. Распространенная ошибка. Я уже иду, Полли.

Полли подождала в коридоре. Мимо прошла женщина с огромной грудой свежесглаженного белья. Увидев Полли, она склонилась к ней и шепнула:

— Мы все знаем, что он мужчина. Но он такой забавный, а в глажке — сущий демон!

— Сэр, где вы научились гладить? — спросила Полли, когда они с Блузом вернулись в прачечную.

— Мне самому приходилось гладить белье, когда я служил в штабе, — сказал Блуз. — Женщину взять было негде, а мой денщик оказался ревностным нугганитом. Он отказывался выполнять женскую работу. Я подумал: ну, наверное, тут нет ничего сложного, иначе мы бы не поручили

это дело женщинам. Прачки здесь действительно неопытные. Ты представляешь, они свалили вместе цветное и белое белье.

— Сэр, вы, кажется, собирались украсть ключ у стражника и сломать ему шею? — напомнила Полли.

— Да.

— Вам приходилось ломать кому-нибудь шею, сэр?

— Я прочел книгу о боевых искусствах, Перкс, — сердито ответил Блуз.

— Но сами вы никогда этого не делали, сэр?

— Честно говоря, нет. Я ведь служил в штабе. И потом, практиковаться на живых людях нельзя, Перкс.

— Понимаете ли, у человека, которому вы собираетесь сломать шею, будет оружие. А у вас — нет, — намекнула Полли.

— Я изучил основной принцип и потренировался на скатанном одеяле, — с упреком произнес Блуз. — У меня неплохо получалось.

— Сомневаюсь, что одеяло сопротивлялось, издавало громкий хрип и пыталось пнуть вас по носкам, сэр.

— По носкам? — удивленно переспросил Блуз.

— По-моему, другая ваша идея гораздо разумнее, сэр, — поспешно сказала Полли.

— Да... э... моя... другая идея? Которая?

— Когда вы предложили сбежать из прачечной через сушилку, сэр, тихонько обезоружив троих стражников, сэр. Там, дальше по коридору, есть что-то вроде движущейся комнаты, которую поднимают с помощью лебедки на самый верх. Два стражника поднимаются вместе с женщинами, сэр, и еще один стоит наверху. Если мы навалимся сообща, то захватим стражников врасплох. Это вернее, чем если вы будете бороться с вооруженным солдатом, сэр, при всем к вам уважении. И, вдобавок, по крышам мы сможем пробраться куда угодно, сэр. Отличная идея, сэр.

Последовало молчание.

— Э... я развил ее во всех подробностях? — уточнил Блуз.

— Нет, сэр. Да и не обязательно. Подробности — дело сержантов и капралов. Офицер должен видеть картину целиком.

— Да, конечно. Э... и насколько велика данная картина? — спросил Блуз, хлопая глазами.

— Очень велика, сэр. Просто громадна, сэр.

— А, — отозвался Блуз, выпрямился и попытался окинуть мысленным взором всю панораму.

— Некоторые здешние женщины работали на верхних этажах

крепости, пока она была в наших руках, сэр, — быстро продолжала Полли. — Опережая ваш приказ, сэр, отряд завязал с ними непринужденный разговор и выяснил, что где находится. Имея некоторое представление, сэр, об общем направлении вашей стратегии... я, кажется, знаю, как пробраться к темницам.

Она помолчала. Это была отличная лесть, достойная Джеккрама. Она уснастила ее достаточным количеством «сэров» и гордилась словами «опережая ваш приказ». Джеккрам так никогда не говорил, но, при достаточной осторожности, эти слова могли послужить оправданием практически для чего угодно. «Имея представление об общем направлении» — тоже хорошо.

— Темницы, — задумчиво повторил Блуз, мгновенно позабыв о картине целиком. — Если не ошибаюсь, я сказал...

— Да, сэр. Потому что, сэр, если мы вызволим наших парней из темницы, сэр, вы примете командование внутри вражеской цитадели, сэр!

Блуз как будто вырос на целый дюйм — а потом снова обмяк.

— Но ведь здесь есть и другие старшие офицеры... и все они гораздо выше по званию...

— Да, сэр, — сказала Полли — примерная слушательница сержантских курсов под названием «Как управлять рупертом». — Тогда, может быть, мы сначала попытаемся освободить рядовых, сэр? Зачем подставлять офицеров под удары неприятеля?

Это было совсем уже бесстыдно и глупо, но в глазах Блуза зажегся боевой огонь. Полли решила раздуть искру, просто надежности ради.

— Ваше руководство послужило для нас прекрасным примером, сэр, — добавила она.

— Правда?

— О да, сэр.

— Никакому офицеру еще не доводилось командовать такими славными парнями, Перкс.

— Ну, это вряд ли, сэр.

— Кто мог на такое надеяться? — продолжал Блуз. — Наши имена впишут в учебники по военной истории! Ну... мое — несомненно, и я уж позабочусь, чтобы вас, ребята, тоже упомянули. Кто знает? Не исключено, что я удостоюсь высшей награды, какую только может получить отважный офицер...

— И какой же, сэр? — спросила Полли.

— В мою честь назовут какое-нибудь блюдо или предмет одежды, — ответил Блуз, сияя от радости. — Например, в честь генерала Фракка

назвали то и другое. Фрак и фракассе. Конечно, я не целю так высоко... — он застенчиво опустил глаза. — Но должен признаться, Перкс, что я уже придумал несколько интересных рецептов...

— Значит, однажды мы будем есть блуз, сэр? — спросила Полли. Она следила, как в корзины складывают белье.

— Возможно, возможно, если, как я смею надеяться... э... знаешь, например, такое пирожное, в виде кольца с кремом, пропитанное ромом...

— Это ромовая баба, сэр, — рассеянно ответила Полли. Холтер и остальные тоже наблюдали за корзинами.

— То есть его уже изобрели?

— Боюсь, что так, сэр.

— А... как называется паштет из печени с луком?

— Он называется «паштет из печени с луком», сэр. Простите, — ответила Полли, стараясь не отвлекаться.

— Ну, в некоторые блюда, которые названы в чью-то честь, внесли лишь незначительные изменения...

— Теперь или никогда, сэр! Нам пора!

— Что? Ах, да-да, нам пора.

И они проделали военный маневр, прежде нигде не описанный. Отряд, по команде Полли двинувшись с разных сторон, подоспел к бельевым корзинам на мгновение раньше женщин, которые намеревались их забрать, схватил корзины за ручки и зашагал вперед. Лишь потом Полли сообразила, что, возможно, никто и не горел желанием братья за это дело. Женщины охотно предоставили трудную работу глупым новичкам. Корзины были большими, а сырое белье — тяжелым. Уолти и Игорина с трудом тащили одну корзину вдвоем.

В дверях ждали двое солдат со скучающими лицами. Они почти не обратили внимания на проходивших мимо прачек. Дальше тянулся длинный коридор, который вел к подъемнику.

Полли не смогла вообразить его по описаниям. Подъемник нужно было видеть. Он представлял собой деревянную клетку, сбитую из тяжелых брусьев и прикрепленную к длинной веревке, которая уходила вверх и вниз в каменном туннеле, вырубленном в скале. Как только все зашли в подъемник, один из солдат дернул за веревку потоньше, которая терялась в темноте, а другой зажег две свечи, но они только сгустили мрак.

— Не вздумайте падать в обморок, девочки, — предупредил он. Второй хихикнул.

Их двое, а нас семеро, подумала Полли. Когда она двигалась, железная палка хлопала ее по бедру. И Полли знала наверняка, что Холтер

прихрамывала, потому что спрятала под юбкой мешалку. Это было серьезное оружие — длинная палка с чем-то вроде трехногой табуретки на конце, предназначенная для того, чтобы мешать белье в огромном котле с кипятком. Ею вполне можно было разбить череп.

Подъемник двинулся наверх, и мимо поплыли каменные стены.

— Как чудесно! — проверещала Дафна. — И эта штука идет до самого верха, через всю вашу большую крепость?

— Нет, мисс. Сначала надо миновать скалу. Проедем уйму всяких старых ходов, пока не поднимемся.

— А я думала, мы уже в крепости, — Блуз встревоженно посмотрел на Полли.

— Нет, мисс. Прачечную устроили внизу, потому что там вода. Чтобы добраться хотя бы до нижних подвалов, нужно черт-те сколько проехать. Хорошо, что есть подъемник, да?

— Просто замечательно, сержант, — сказал Блуз и позволил Дафне занять свое место. — И как же он работает?

— Я капрал, мисс, — поправил солдат, слегка поклонившись. — Подъемник поднимают и опускают пленники на ступальном колесе, мисс.

— Какой ужас!

— Да нет, мисс, вполне гуманно. Э... если вы свободны после работы, я могу сводить вас наверх и показать механизм...

— Это было бы просто прекрасно, сержант!

Полли закрыла глаза. Дафна позорила всю женскую половину человечества.

Подъемник медленно полз наверх. Мимо плыл неотесанный камень, но иногда попадались старые решетки и пятна древней кладки — следы давным-давно замурованных туннелей...

Подъемник дернулся и остановился. Второй солдат тихонько выругался, а капрал сказал:

— Не бойтесь, девочки, это часто бывает.

— А чего нам бояться? — спросила Полли.

— Мы висим на веревке в ста футах от земли, а подъемный механизм заело.

— Опять заело, — поправил второй солдат. — Потому что тут ничего как следует не работает.

— Очень убедительный довод, — сказала Игорина.

— И сколько времени уйдет на починку? — поинтересовалась Холтер.

— Ха!.. В последний раз мы тут висели целый час.

Слишком долго, подумала Полли. За это время может случиться

многое. Она посмотрела сквозь щели в крыше подъемника. Квадратик дневного света маячил далеко вверху...

— Мы не можем ждать, — объявила она.

— Милая, но кто же нас спасет? — пропищала Дафна.

— Мы найдем чем развлечься, правда? — сказал солдат. Полли вздохнула. Есть такие фразочки — например, «Смотрите-ка, что у нас тут», — которые значат, что события сейчас обернутся к худшему.

— Мы-то знаем, каково вам, дамочки, — продолжал солдат. — Без мужчин, и все такое. Нам тоже нелегко. Я и не помню, когда в последний раз целовал свою женушку.

— И я не помню, когда в последний раз целовал его женушку, — капрал ухмыльнулся.

Холтер подпрыгнула, ухватилась за балку и подтянулась. Подъемник закачался, от стены оторвался камень и полетел вниз.

— Эй, так нельзя! — крикнул капрал.

— А кто мне запретит? — поинтересовалась Холтер. — Полли, здесь замурованный туннель, но почти вся кладка вывалилась. Туда можно залезть.

— Нельзя выходить! У нас будут неприятности! — сказал капрал.

Полли выдернула его меч из ножен. В подъемнике было слишком тесно, чтобы пустить оружие в ход — разве что в качестве угрозы, — но теперь меч держала она, а не он. В том-то и заключалась разница.

— У вас уже неприятности, — намекнула она. — И, пожалуйста, не вынуждайте меня. Ребята, выбираемся отсюда. Ты согласна, Дафна?

— Э... да, конечно, — сказал Блуз.

Второй солдат положил ладонь на рукоять меча.

— Ну, хватит, девочки, это уже... — начал он и рухнул на пол.

Маникль опустила палку.

— Надеюсь, я не слишком сильно его ударила, — произнесла она.

— Какая разница? — спросила Холтер. — Живей, я помогу вылезти.

— Игорина, не могла бы ты взглянуть на него... — нервно начала

Маникль.

— Он мужчина — и он стонет от боли, — сказала сверху Холтер. — Для меня этого уже достаточно. Шевелитесь.

Капрал наблюдал за ними, пока они карабкались на балки.

— Э... извините, — обратился он к Полли, которая подсаживала Блуза.

— Да! Что?

— Может, вы и меня стукнете по голове? — смущенно попросил он. — Иначе скажут, что я не сумел справиться с кучкой женщин.

— А почему же ты не сумел справиться? — спросила Полли, прищуриваясь. — Мы всего лишь кучка женщин.

— Я еще не сошел с ума!

— Сейчас, сейчас, — сказала Игорина, примериваясь палкой. — Удары в голову особенно опасны, к ним нужно относиться серьезно. Повернитесь, сэр. Снимите шлем, пожалуйста. Двадцать минут без сознания вас устроит?

— Да, спасибо больше...

Стражник повалился на пол.

— Надеюсь, я все-таки не слишком сильно ударила второго, — простонала сверху Маникль.

— Он лежит и ругается, — сказала Полли, забирая у солдата меч. — Значит, все в порядке.

Она передала наверх свечи, а потом залезла на шаткую крышу подъемника. Выбравшись в туннель, Полли подняла обломок камня и понадежнее затолкала в щель между стеной шахты и деревянной рамой подъемника. Некоторое время он точно никуда не сдвинется.

Холтер и Тьют уже обследовали туннель. При свете свечей за остатками неуклюжих попыток замуровать ход они обнаружили хорошую кладку.

— Наверное, это нижние подвалы, — сказала Холтер. — Значит, шахту для подъемника проложили совсем недавно и просто заделали те ходы, которые шли насквозь. Могли бы и получше.

— Темницы где-то близко, — сказала Полли. — Потушите-ка одну свечу, тогда света хватит вдвое дольше...

— Перкс, на пару слов, пожалуйста, — попросил Блуз. — Отойдем.

— Да, сэр.

Когда они отделились от отряда, Блуз понизил голос и спросил:

— Я вполне поощряю инициативу, Перкс, но... что ты делаешь?

— Опережаю ваши приказы, сэр.

— Опережаешь?

— Да, сэр.

— А. То есть видишь картинку в подробностях, и все такое.

— Вот именно, сэр.

— Тогда я приказываю, Перкс, как можно быстрее и как можно осторожнее двигаться вперед и освободить пленных.

— Так точно, сэр. Мы пройдем этот... этот...

— Склеп, — сказала Игорина, оглядываясь.

Свеча погасла. Где-то впереди, в непроницаемом мраке цвета черного бархата, послышался скрежет камня по камню.

— Интересно, почему этот проход замуровали? — раздался голос Блуза.

— Лично я не хочу думать, почему его замуровали в такой спешке, — ответила Холтер.

— Интересно, кто пытался его открыть, — сказала Полли.

Раздался грохот, как будто с резной каменной гробницы упала тяжелая крышка. Источником звука могло быть что угодно, но почему-то в сознании возникла именно эта картина. В затхлом воздухе почувствовалось какое-то движение.

— Не хочу никого пугать, — произнесла Маникль, — но я слышу... как будто кто-то волочит ноги.

Полли вспомнила: солдат, зажигая свечу, положил связку спичек на латунное блюдо подсвечника. Медленно и осторожно она потянулась за ними.

— Если ты никого не хочешь пугать, какого черта ты это говоришь? — донесся из сухой, непроницаемой мглы голос Холтер.

Пальцы Полли нащупали кусочек дерева. Она поднесла щепочку к носу и ощутила запах фосфора.

— У меня есть спичка, — сказала она. — Сейчас я попробую зажечь свечу. А вы ищите выход. Готовы?

Она прислонилась к невидимой стене, чиркнула спичкой по камню, и склеп озарился желтым светом.

Кто-то захныкал. Полли стояла, широко раскрыв глаза и забыв про спичку. Огонек погас.

— Та-ак... — негромко сказала Холтер. — Ходячие мертвецы. И что теперь?

— Тот, что возле двери, — это же покойный генерал Пулловер! — воскликнул Блуз. — Я читал его книгу «Искусство обороны»!

— Только не вздумайте просить автограф, сэр, — предупредила Полли. Отряд сгрудился кучкой.

Снова послышалось хныканье. Оно как будто исходило оттуда, где стояла Уолти. Полли слышала, как та молится, но не могла разобрать слова — только упорный непрерывный шепот.

— Может быть, наши палки их остановят? — с дрожью спросила Маникль.

— Им не страшно, они уже мертвые, — сказала Игорина.

Нет, прошептал чей-то голос, и засиял свет.

Он был не ярче светляка, но в подземной мгле достаточно и одного-единственного фотона. Свет исходил от коленапоклоненной Уолти и

поднимался, пока не достиг высоты женского роста. Это и была женщина — точнее, тень женщины. Нет, подумала Полли, это *свет* женщины, движущееся скопление точек и черточек, среди которых, как картинка в пламени, то появлялся, то исчезал женский силуэт.

— Солдаты Борогравии... смирно! — сказала Уолти, и одновременно с ее слабым тоненьким голосом послышался другой, призрачный шепот, который наполнил все углы огромного зала.

Солдаты Борогравии... смирно!

Солдаты...

Солдаты... смирно!

Солдаты Борогравии!

Ковыляющие фигуры остановились. Помедлили. Отступили. Шаркая и безъязыко переругиваясь, они выстроились в две шеренги. Уолти встала с колен.

— За мной, — приказала она.

За мной...

...мной...

— Сэр? — сказала Полли.

— Видимо, пора идти, — ответил лейтенант, который, казалось, совсем позабыл про Уолти в присутствии ожившей военной истории. — О боги... Бригадир Калош! Генерал-майор Канапей! Генерал Гапюшон! Я прочел все его книги! Я и не думал, что однажды увижу его во плоти!

— Ну... отчасти во плоти, — заметила Полли, волоча Блуза вперед.

— Здесь погребены все великие военачальники за последние пять веков, Перкс!

— Очень хорошо, сэр, но лучше пойдем чуть быстрее...

— Я так мечтал провести здесь остаток вечности...

— Чудесно, сэр, но не стоит начинать сегодня. Пожалуйста, давайте догоним остальных.

Пока они проходили вдоль шеренги, руки в изодранных рукавах одна за другой вздергивались в приветственном салюте. На впалых лицах горели внимательные глаза. Пыльные галуны и грязная, вылинявшая одежда мерцали странным светом. Послышался шум — чуть громче шепота, низкий, горловой, он походил на скрип далеких дверей. Когда отряд проходил мимо стоящих мертвецов, в нем выделялись отдельные голоса...

...смерть злобенам... убейте их... помните... задайте им жару... мечь... помните... они не люди... отомстите за нас... мечь...

Уолти, идущая впереди, достигла высоких деревянных дверей. Они распахнулись от одного прикосновения. Свет двигался вместе с ней, отряд

старался не отставать. Отстать значило оказаться в темноте.

— Я хотел бы спросить у генерал-майора... — начал Блуз, которого Полли тащила за руку.

— Нет! Нельзя! Не теряйте время! Вперед! — приказала Полли.

Они добрались до двери. Холтер и Игорина захлопнули створки у них за спиной. Полли привалилась к стене.

— Это была самая... самая невероятная минута в моей жизни, — сказал Блуз, когда гул затих.

— В моей, кажется, тоже, — ответила Полли, пытаясь отдышаться.

Свет еще окружал Уолти. Она обернулась к отряду с выражением небесного блаженства на лице.

— Вы должны обратиться к верховному командованию, — сказала Уолти.

Вы должны обратиться к верховному командованию, прошептали стены.

— Не причиняйте зла этой девочке.

Не причиняйте зла этой девочке.

...этой девочке...

Полли подхватила Уолти, прежде чем та рухнула наземь.

— Что с ней такое? — спросила Холтер.

— Я думаю, Герцогиня действительно говорит ее устами, — ответила Полли. Уолти лежала без сознания, закатив глаза, так что виднелись одни белки. Полли осторожно уложила ее на пол.

— Да ладно! Герцогиня — это просто картинка. Она умерла.

Иногда ты просто сдаешься. Для Полли время пришло, когда они шли через склеп. Если ты не веришь, или не хочешь верить, или даже не надеешься, что в мире есть нечто достойное веры... зачем тогда оборачиваться? Если ты не веришь, кто спасет тебя из хватки мертвецов?

— Умерла? — переспросила Полли. — И что? А эти старые солдаты, которые не желают лежать спокойно? А свет? И разве ты не слышала, как звучал голос Уолти?

— Да, но... такие вещи не случаются с твоими знакомыми! — сказала Холтер. — Они случаются... со странными людьми... которые сильно верят. Всего несколько дней назад она училась громко пукать!

— Она? — шепотом спросил Блуз. — Она? Почему...

И снова разум взял верх над внезапной паникой.

— Простите, *Дафна?*

— Ах, да. Конечно... осторожность... да... — забормотал лейтенант.

Игорина опустилась на колени рядом с Уолти и пощупала лоб.

— Она вся горит, — сказала она.

— В Сером доме она всегда молилась, — сказала Тьют, склоняясь рядом.

— Да, да, там оставалось только молиться, если силенок не хватало, — прорычала Холтер. — Каждый день, черт возьми, мы должны были молиться Герцогине и благодарить Нуггана за объедки, которыми не кормят даже свиней! И повсюду эта проклятая картинка, эти рыбы глаза... ненавижу! От них с ума можно сойти! Вот Уолти и сошла. И ты хочешь, чтобы я поверила, что эта старая толстая баба жива и что она управляет нашей подругой... как куклой? Не верю. Даже если это правда — так нельзя!

— Она вся пылает, Магда, — тихонько сказала Тьют.

— Знаешь, почему мы пошли на войну? — вся красная, продолжала Холтер. — Чтобы убраться подальше от Школы! Где угодно лучше, чем там! У меня есть Тьют, у нее есть я, и мы держимся вместе, потому что больше ничего не остается! Говорят, злобенцы чудовища. Вот только *нам* они не сделали ничего плохого, *нас* ни разу не тронули. Если они хотят захватить нашу страну и повесить нескольких негодяев, я им выдам список! Всюду, где творится зло, всюду, где тупые сволочи придумывают новые жестокости, новые способы втоптать тебя в грязь, маячит это проклятое лицо и пялится, пялится! И ты говоришь, что Герцогиня здесь?!

— Мы здесь, — сказала Полли. — Ты здесь. Мы сделаем то, зачем пришли, и выберемся отсюда, понятно? Ты поцеловала картинку и взяла шиллинг!

— Я, черт возьми, ее не целовала в лицо! И они мне должны побольше шиллинга!

— Тогда вали! — заорала Полли. — Дезертируй! Я не буду тебя держать, потому что меня уже тошнит от этой... этой хрени! Но решай немедленно, слышишь, немедленно! Когда мы встретимся с врагом, я не хочу думать, что ты вот-вот ударишь меня в спину!

Эти слова вылетели, прежде чем Полли успела остановиться, и никакая сила в мире уже не могла их вернуть.

Холтер побледнела, кровь сбежала с ее лица, как вытекает из желоба вода.

— Что ты сказала?!

На языке у Полли вертелось «То, что слышала», но она удержалась. Нет. Не надо так. Не позволяй носкам вести разговор.

— Я сказала глупость, — ответила она. — Прости. Я не хотела.

Холтер слегка остыла.

— Ладно... ладно, — ворчливо сказала она. — Но учти, мы здесь ради нашего общего дела. Не ради борогравской армии, не ради клятой Герцогини.

— Это речь изменника, рядовой Холтер! — воскликнул лейтенант Блуз.

Все, кроме Полли, уже позабыли о нем. О Блузе нетрудно было позабыть.

— Тем не менее, — продолжал он, — я понимаю, что мы все... — лейтенант окинул взглядом свой наряд, — ...в некотором замешательстве, поскольку события развиваются так быстро...

Холтер старательно не смотрела Полли.

— Простите, сэр, — ворчливо сказала она.

— Прошу учесть, что в другой раз я не потерплю подобных вещей, — сказал Блуз.

— Да, сэр.

— Вот и хорошо, — быстро сказала Полли. — Давайте...

— Но в этот раз я готов посмотреть сквозь пальцы, — продолжал Блуз.

Полли почувствовала, как Холтер напряглась. Она медленно подняла голову.

— Вы посмотрите сквозь пальцы? — повторила Холтер. — *Вы* посмотрите сквозь пальцы?

— Осторожней, — предупредила Полли — так, чтобы слышала только Холтер.

— Сейчас я вам кое-что объясню насчет нас, лейтенант, — продолжала та, нехорошо улыбаясь.

— Мы здесь, рядовой, вне зависимости от того, кто мы такие, — перебила Полли. — Пошли искать темницы.

— Они где-то рядом, — сказала Игорина. — Я так думаю. Я вижу указатель. Э... В конце коридора. Э... Под ним стоят трое озадаченных стражников... э... с заряженными арбалетами. Э... Конечно, то, о чем вы говорили, было очень важно, и вы непременно должны были это сказать. Но... наверное, не прямо сейчас. И не так громко.

Двое стражников наблюдали за ними, медленно поднимая арбалеты. Третий с громкими криками бежал по коридору.

Все они как один — или как одна — подумали: «У них арбалеты. У нас нет. К ним сейчас подойдет подкрепление. А за нами — лишь темнота, полная ходячих мертвецов. Даже помолиться за нас и то теперь некому».

Блуз тем не менее решил рискнуть. Голосом Дафны он прощепетал:

— Господа... мы, кажется, заблудились, когда искали уборную.

Их посадили не в темницу, хотя по пути их миновали немало. В крепости было много мрачных каменных переходов, много тяжелых дверей с засовами и бессчетными замками и очень много вооруженных солдат, чья работа, судя по всему, стала бы гораздо интереснее, если бы замки вдруг исчезли.

Пленных отвели на кухню. Она была огромная и не наводила на мысль о месте, где режут петрушку и фаршируют грибы. В этом мрачном, закопченном, покрытом сажей зале повара скорее всего кормили сотни голодных ртов. Время от времени дверь приоткрывалась, и на пленников смотрели призрачные фигуры. Никто не говорил ни слова.

— Они нас ждали, — сказала Маникль. Отряд сидел на полу, прислонившись спинами к огромной старой колоде для рубки мяса. Все — кроме Игорины, которая хлопотала вокруг Уолти, по-прежнему лежавшей без сознания.

— Вряд ли они стронули с места подъемник, — сказала Полли. — Я надежно загнала камень в щель.

— Может быть, нас выдали прачки, — заметила Холтер. — Чем-то не понравилась мне эта госпожа Энид.

— Теперь уже неважно, — сказала Полли. — А что вон за той дверью?

— Кладовая, — ответила Холтер. — И никакого выхода, кроме решетки в полу.

— Можно через нее выбраться?

— Только если нас порежут соломкой.

Они мрачно уставились на дверь в дальнем конце кухни. Она снова открылась, показались чьи-то силуэты, и послышался приглушенный разговор. Холтер подошла — и в дверном проеме немедленно возникли солдаты с мечами. Полли взглянула на Блуза, который сидел, привалившись к стене, и тупо смотрел в никуда.

— Я лучше скажу ему...

Холтер пожала плечами.

Блуз открыл глаза и слабо улыбнулся, когда Полли подошла.

— А, Перкс, — сказал он. — Мы почти справились, правда?

— Простите, что подвели вас, сэр, — сказала Полли. — Разрешите сесть, сэр?

— Пожалуйста, располагайся как дома, — ответил Блуз, — хоть камни и холодноваты. Боюсь, это я вас подвел.

— Нет-нет, сэр... — запротестовала Полли.

— Вы — мои первые подчиненные, — сказал Блуз. — Ну, не считая

капрала Дребба, но ему семьдесят и у него только одна рука, у бедолаги... — Он ущипнул себя за переносицу. — Мне нужно было просто отвести вас в долину. И не более того. Но нет, я по глупости мечтал дожить до того дня, когда все в мире будут носить блуз. Или есть. Почему я не послушал сержанта Джеккрама? Увижу ли я когда-нибудь свою дорогую Эммелину?

— Не знаю, сэр, — ответила Полли.

— Перкс, я издал риторический вопль отчаяния, а не задал вопрос, — заметил Блуз.

— Простите, сэр.

Полли сделала глубокий вдох, готовясь броситься в ледяные глубины правды.

— Сэр, я хочу сказать, что...

— Боюсь, как только они выяснят, что мы не женщины, нас отправят в настоящую темницу, — продолжал лейтенант. — Очень большую и грязную, насколько я знаю. И битком набитую.

— Сэр, мы женщины... сэр, — сказала Полли.

— Да, да, молодчина, Перкс, но больше уже не нужно притворяться...

— Вы не поняли, сэр. Мы правда женщины. Мы все.

Блуз нервно улыбнулся.

— Ты, кажется... слегка не в себе, Перкс. Кажется, нечто подобное случилось и с нашим Ригглсуортом...

— Сэр...

— ...хотя, нужно признать, он отлично умел выбирать занавески...

— Нет, сэр. Я была де... я девушка. Я отрезала волосы, притворилась парнем и поцеловала Герцогиню, сэр. Поверьте на слово, сэр, потому что я не хочу входить в подробности. Мы вас обманули, сэр. Ну... не то чтобы обманули, но у нас — у нас всех — был повод куда-нибудь деться... по крайней мере, деться из тех мест, где мы жили раньше. Мы соврали.

Блуз уставился на нее.

— Ты уверен?

— Да, сэр. Я — существо женского пола. Каждый день проверяю, сэр.

— А рядовой Холтер?

— Да, сэр.

— И Тьют?

— Да, сэр. Они обе, сэр. Не спрашивайте, сэр.

— И Маникль?

— Да, сэр. Она ожидает ребенка.

На лице Блуза мелькнул ужас.

— О боги. Сейчас?!

— Нет, через несколько месяцев, сэр, насколько я понимаю.

— А бедный маленький рядовой Гум?

— Тоже девушка, сэр. Игорь — на самом деле Игорина. Карборунда зовут Яшма... где бы она сейчас ни была. Мы не уверены насчет капрала Маладикта. Но остальных, сэр, при рождении совершенно точно завернули в розовое одеяльце, сэр.

— Но вы вели себя совсем не как женщины!

— Так точно, сэр. Мы вели себя как мужчины, сэр. Простите, сэр. На самом деле все мы просто хотели найти наших парней, или сбежать, или что-нибудь доказать. Простите, что мы свалились именно на вас, сэр.

— Ты не ошибаешься? Точно?

Какого ответа ты ждешь? — подумала Полли. «Хм, если хорошенько подумать, мы все-таки мужчины»?

Но она ограничилась тем, что сказала:

— Да, сэр.

— Значит... тебя зовут не Оливер?

Судя по всему, лейтенант никак не мог поверить. Он разными способами задавал один и тот же вопрос, надеясь услышать в ответ нечто иное.

— Нет, сэр. Меня зовут Полли, сэр...

— Правда? А ты знаешь песенку про...

— Да, сэр, — твердо ответила Полли. — И поверьте, я буду очень рада, если вы не станете ее напевать.

Блуз устремил туманный взгляд на дальнюю стену. Ох боги, подумала Полли.

— Вы страшно рисковали, — наконец сказал лейтенант. — Поле боя — не место для женщин.

— Война не ограничивается полем боя, сэр. В такие времена самое лучшее для девушки — надеть штаны.

Блуз снова замолчал, и Полли вдруг стало его очень жалко. Он был простоват — как бывают простоваты очень умные люди, — но не плох. Он хорошо обращался с солдатами и заботился о них. Блуз не заслужил такого финала.

— Простите, что втянули вас, сэр, — сказала она.

Блуз поднял глаза.

— Ты просишь прощения? — спросил он, и, к удивлению Полли, впервые за весь день на его лице мелькнула радость. — Святые небеса, да тебе не за что извиняться. Ты учила историю, Полли?

— Лучше зовите меня Перксом, сэр. Я пока еще солдат. Я плохо знаю историю, сэр. По крайней мере, ту ее часть, которая достойна доверия.

— Значит, ты никогда не слышала о самофрипийских амазонках? Сотни лет эти воительницы славились как самая страшная боевая сила! Одни только женщины! Беспощадные в битве! Они стреляли из смертоносных длинных луков. Чтобы до предела натянуть тетиву, им приходилось отрезать одну... э-э-э... надеюсь, вы не отрезали себе... э-э-э...

— Нет, сэр, мы не отрезали себе «э-э-э». Только волосы.

Блуз, казалось, испытал неимоверное облегчение.

— А еще были телохранительницы царя Самуила в Очудноземье. Семи футов росту и с копьями. В Клатче есть много легенд о воительницах, которые сражались бок о бок с мужчинами. Грозные и бесстрашные, если я правильно помню. Вражеские солдаты предпочитали бежать, чем столкнуться в бою с женщиной, Перкс. Они знали, что не справятся...

Полли снова посетило странное ощущение — как будто она пыталась перепрыгнуть через препятствие, которого вдруг не оказалось на месте. Она поспешно спросила:

— И что, по-вашему, теперь будет, сэр?

— Понятия не имею, Перкс. Э... а что случилось с... рядовой Гум? Что-то вроде религиозного экстаза?

— Наверное, сэр, — осторожно ответила Полли. — С ней говорит Герцогиня.

— О боги. Она...

Дверь открылась. С десяток солдат вошли и встали по обе стороны прохода. Форма на них была разная, преимущественно злобенская, но Полли заметила и анк-морпоркские мундиры. Все солдаты были вооружены и имели вид людей, готовых при случае пустить оружие в ход.

Когда стражники выстроились и сердито уставились на отряд, появилась еще одна группа, поменьше, также в разной форме, но куда более дорогой. Все это были офицеры, притом весьма высокого ранга, судя по презрительному выражению лица. Самый высокий — он казался еще выше из-за кавалерийского шлема с плюмажем — высокомерно посмотрел на пленных. У него были бледно-голубые глаза, а лицо наводило на мысль, что он в общем-то ни на что не пожелает смотреть, если только все в этой комнате не вымоют с мылом.

— Кто тут старший по званию? — спросил он тоном адвоката.

Блуз встал и отсалютовал.

— Лейтенант Блуз, сэр, Десятый пехотный полк.

— Вижу, — человек в шлеме взглянул на остальных офицеров. — Думаю, охрану можно отпустить. Это дело лучше уладить тихо. И, ради всего святого, принесите лейтенанту штаны.

Послышалось приглушенное бормотание. Человек в шлеме кивнул сержанту, солдаты вышли, и дверь закрылась.

— Меня зовут лорд Ржав, — сказал он. — Я представляю здесь Анк-Морпорк. По крайней мере... — он фыркнул, — анк-морпоркские военные силы. С вами хорошо обращались? Не били? Эта юная леди на полу...

— У нее обморок, сэр, — сказала Полли. Голубые глаза обратились на нее.

— А ты...

— Капрал Перкс, сэр, — сказала Полли. Офицеры с трудом подавили улыбки.

— Если не ошибаюсь, ты разыскиваешь брата? — спросил Ржав.

— Откуда вы знаете? — сказала Полли.

— У нас высокоэффективная армия, — ответил Ржав и охотно улыбнулся собственным словам. — Твоего брата зовут Поль?

— Да!

— Рано или поздно мы его найдем. Насколько я знаю, другая девушка разыскивает своего кавалера?

Маникль нервно присела.

— Да, сэр.

— Мы и его найдем, если вы назовете имя. А теперь, пожалуйста, послушайте меня внимательно. Вас, мисс Перкс, и всех остальных выведут отсюда сегодня же вечером, не причинив никакого вреда, и сопроводят обратно на родину, так далеко, насколько смогут зайти наши патрули. То есть достаточно далеко, насколько мне известно. Понятно? Вы получите то, за чем пришли, — разве это не приятно? И вы сюда больше не вернетесь. Кстати, тролль и вампир также захвачены в плен. Наше предложение касается и их.

Полли смотрела на офицеров. Они явно нервничали...

...кроме одного, который держался позади. Она думала, что все стражники вышли, но этот человек, хотя и выглядел как стражник — более того, как плохо одетый стражник, — вел себя совсем иначе. Он стоял, прислонившись к стене у двери, докуривал сигару и ухмылялся. Судя по выражению лица, он наслаждался происходящим.

— Это очень щедрое предложение, — продолжал Ржав, — и вас оно тоже касается, лейтенант... Блуз, если не ошибаюсь? С той разницей, что вы дадите слово не участвовать в военных действиях и поселитесь в очень

уютном, насколько я знаю, доме на злобенской территории. Прогулки по сельской местности и все такое. Должен добавить, что эти условия не распространяются на ваших вышестоящих офицеров, которые находятся здесь.

«Тогда зачем вы предлагаете это нам?» — подумала Полли. — «Вы испугались? Испугались нескольких девушек? Глупо...»

Человек с сигарой подмигнул Полли. Форма у него была старомодная — древний шлем, нагрудник, слегка заржавевшая кольчуга, большие сапоги. Она сидела на нем как комбинезон на рабочем. Его одежда, без галунов и прочих украшений, недвусмысленно гласила, что ее обладатель не хочет пострадать. У него не было никаких знаков различия, не считая маленького щита, прикрепленного к нагруднику.

— Прошу дать мне несколько минут, — сказал Блуз. — Я посоветуюсь со своими солдатами.

— Солдатами? — переспросил Ржав. — Да ведь это кучка женщин!

— Но сейчас я не променял бы их на шестерых мужчин, — холодно ответил Блуз. — Если вам не трудно, господа, не могли бы вы подождать снаружи?

Скверно одетый человек, стоявший позади остальных, залился беззвучным смехом. Впрочем, раззолоченная компания не поделила его веселья.

— Неужели вы собираетесь *размышлять* над этим предложением? — воскликнул лорд Ржав.

— И все-таки, сэр, — сказал Блуз. — Нам нужно несколько минут. Думаю, девушки предпочтут побыть одни. Одна из них ожидает ребенка.

— Что? Сейчас? — все обернулись как один.

— Кажется, нет. Но будет лучше, если вы ненадолго удалитесь...

Когда офицеры вышли в коридор (среди себе подобных им явно было спокойнее), лейтенант повернулся к отряду.

— Ну, солдаты? Должен заметить, это очень выгодное предложение.

— Только не для нас, — сказала Холтер. Тьют кивнула.

— И не для меня, — сказала Маникль.

— Почему? — спросил Блуз. — Тебе вернут мужа.

— Это может быть не так уж легко, — проямлила Маникль. — И потом, что он там говорил насчет вторжения?

— Я не хочу, чтобы меня отправили домой, как посылку, — возразила Игорина. — Кстати, у этого человека нездоровое строение скелета.

— Насколько я понимаю, рядовой Гум сейчас не может высказаться, — Блуз вздохнул. — Остаешься ты, Полли.

— Зачем им это надо? — спросила Полли. — Почему они хотят от нас избавиться, вместо того чтобы оставить здесь, под замком? В крепости полно темниц.

— Может быть, они снисходят к слабости, свойственной вашему полу, — сказал Блуз и замер под их взглядами. — Я не сказал, что я тоже! — быстро добавил он.

— Они могли просто нас перебить, — произнесла Холтер. — Да, могли. Почему они этого не сделали? Никто бы и слова не сказал. Мы вряд ли считаемся военнопленными.

— Но они нас не убили, — ответила Полли. — Даже не угрожали. Они обращаются с нами очень осторожно. По-моему, им страшно.

— Да, конечно, — сказала Холтер. — Наверное, они боятся, что мы погонимся за ними и слюняво расцелуем.

— Значит, решено: мы не принимаем их предложение, — подытожил Блуз. — Черт возьми... ох, прошу прощения.

— Нашли за что извиняться, сэр, — ответила Полли. — А теперь давайте посмотрим, насколько они нас боятся.

Офицеры с нескрываемым нетерпением ждали в коридоре, но Ржав все-таки заставил себя улыбнуться, когда вернулся в кухню.

— Итак, лейтенант?

— Мы как следует обдумали ваше предложение, — сказал Блуз, — и наш ответ таков: засуньте его себе... — Он наклонился к Полли, и та что-то горячо зашептала. — Кто? А, да, точно. В джемпер, сэр. Засуньте его себе в джемпер. Названный так в честь полковника Генри Джемпера. Очень полезный шерстяной предмет одежды, что-то вроде легкого свитера, сэр, который, в свою очередь, назван, если не ошибаюсь, в честь старшего сержанта Свита. Именно туда, сэр, вы можете засунуть ваше предложение.

Ржав выслушал спокойно — может быть, подумала Полли, потому, что ничего не понял. Зато потрепанный стражник, который снова привалился к стене, понял все. Он ухмылялся.

— Ясно, — сказал Ржав. — Это единосложный ответ? Значит, вы не оставляете нам другого выбора. Спокойной ночи.

Он попытался гордо выйти, но ему помешали другие офицеры, не оценившие драматичности момента. Дверь захлопнулась — но тот, кто выходил последним, быстро обернулся и показал оттопыренный большой палец. Этот жест можно было не заметить, если не смотреть, — но Полли-то смотрела.

— Кажется, сошло, — сказал Блуз, отворачиваясь от двери.

— Надеюсь, у нас не будет неприятностей, — сказала Маникль.

— Неприятностей — сравнительно с чем? — уточнила Холтер.

— Человек, который выходил последним, показал большой палец и подмигнул, — сказала Полли. — Вы видели? Он был одет не как офицер.

— Может быть, он хотел назначить тебе свидание, — предположила Холтер.

— В Анк-Морпорке этот жест означает «молодчина», — сказал Блуз. — А в Клатче, если не ошибаюсь, «Чтоб твой осел взорвался!». Я тоже его заметил. Похож на сержанта стражи.

— У него не было нашивок. И вообще, зачем ему нас подбадривать?

— Или желать смерти нашему ослу? — подхватила Маникль. — Как там Уолти?

— Спит, — сказала Игорина. — Я так думаю.

— То есть?

— Кажется, она еще жива.

— Кажется? — переспросила Полли.

— Да, — ответила Игорина. — Похоже на то. Жаль, я не могу получше ее согреть.

— Ты ведь сказала, что она вся пылает!

— Да. Но теперь ее знобит.

Лейтенант Блуз быстро подошел к двери и схватился за ручку. К его удивлению, дверь распахнулась — и из ножен тут же вылетели четыре меча.

— Мой солдат болен, — сердито сказал Блуз ошеломленным стражникам. — Нам нужны одеяла и дрова. Немедленно!

Он захлопнул дверь и сказал:

— Должно сработать.

— На двери нет замка, — заметила Холтер. — Полезный факт, Полли.

Та вздохнула.

— Прямо сейчас я хочу поесть. В конце концов, это кухня. Здесь должна быть еда.

— Да, кухня, — подтвердила Холтер. — Здесь должны быть ножи!

Всегда неприятно бывает обнаружить, что враг не глупее тебя. На кухне был колодец, но перегороденный решеткой, через которую не пролезло бы ничего крупнее ведра. Кто-то, начисто лишенный приключенческого духа и не сознающий законов повествования, убрал с кухни все, что могло сойти за оружие. А также, по неведомой причине, все, что могло сойти за еду.

— Если только мы не собираемся есть на ужин свечи, — сказала

Маникль, вытаскивая из скрипучего шкафа связку свечей. — В конце концов, это сало. Старина Шкаллот наверняка приготовил бы свечную баланду.

Полли заглянула в дымоход, из которого пахло так, будто огня в печи не разводили уже давным-давно. Труба была широкая, но в шести футах над полом ее загоразживала массивная решетка, сплошь в саже и паутине. Старые прутья изрядно заржавели, и, возможно, ее удалось бы извлечь, двадцать минут поработав ломом, но лома вечно нет под рукой, когда он нужен.

В кладовой лежали несколько мешков старой, похожей на пыль, муки. От нее дурно пахло. Еще там нашлась какая-то штука с раструбом, рукояткой и загадочными винтами,^[10] несколько скалок, шумовка, черпаки... и вилки. Множество вилок для жарки. Полли почувствовала себя обманутой. Вряд ли стоило надеяться, что стражники, сажая заключенных в импровизированную камеру, оставят в ней все необходимое для побега, но тем не менее, с точки зрения Полли, какое-то вселенское правило было нарушено. Они не нашли ничего серьезнее дубинки. Вилкой можно пырнуть, шумовкой ударить по голове, а скалка, во всяком случае, — традиционное женское оружие, но загадочная штука с раструбом, рукояткой и винтами способна разве что озадачить противника.

Дверь открылась. Вошли вооруженные стражники, сопровождавшие двух женщин, которые несли одеяла и дрова. Они поспешно, не поднимая глаз, положили на пол все, что принесли, и удалились почти бегом. Полли быстро подошла к стражнику, который показался ей главнее остальных, и он попятился. На поясе у него зазвенела связка ключей.

— В следующий раз стучи, ясно? — сказала она.

Стражник нервно ухмыльнулся.

— Ясно. Нам не велели с вами разговаривать...

— Правда?

Тюремщик оглянулся.

— Но мы считаем, что вы просто молодцы, хоть и девчонки, — заговорщицки сказал он.

— То есть вы не станете в нас стрелять, если мы отсюда выскочим? — ласково спросила Полли.

Улыбка увяла.

— Лучше не пытайтесь, — сказал стражник.

— Какая у вас большая связка ключей, сэр, — сказала Холтер, и стражник немедленно схватился за пояс.

— Стой где стоишь, — предупредил он. — Неприятностей у нас и без

того хватает. Стой на месте!

Он захлопнул дверь, и девушки тут же услышали, как к ней придвинули что-то тяжелое.

— Теперь, по крайней мере, мы разведем огонь, — заявил Блуз.

— Э... — сказала Тьют. Она так редко подавала голос, что остальные разом обернулись, и она тут же смущенно замолчала.

— Что, Тьют? — спросила Полли.

— Э... я знаю, как открыть дверь, — тихонько сказала она. — Так, чтобы она уже не закрылась.

Будь это кто-нибудь другой, все бы рассмеялись. Но если Тьют что-то говорила — значит, предварительно она все хорошенько обдумала.

— Очень хорошо, — произнес Блуз. — Молодец.

— Я об этом думала, — продолжала Тьют.

— Хорошо...

— Это сработает.

— Значит, именно так мы и сделаем, — воскликнул Блуз тоном человека, который старается не терять оптимизма, несмотря ни на что.

Тьют посмотрела на массивные, покрытые сажей балки под потолком.

— Да, — сказала она.

— Но стражники снаружи никуда не денутся, — заметила Полли.

— Денутся, — сказала Тьют.

— Правда?

— Они уйдут... — и Тьют замолчала. Видимо, она сказала все, что хотела.

Холтер взяла ее за руку.

— Давай поговорим, — сказала она и отвела подругу в дальний угол. Последовал разговор шепотом, во время которого Тьют не отрываясь смотрела в пол.

Холтер вернулась к остальным.

— Нам нужны четыре мешка муки из кладовой и веревка от ведра, — объявила она. — А еще... такая круглая штука с ручкой, которой закрывают блюда. И свечка. И побольше бочонков. И много воды.

— И что будет? — спросил Блуз.

— Большой «бум», — ответила Холтер. — Тильда знает, что такое огонь, уж поверьте.

— Когда ты так говоришь... — неуверенно начала Полли.

— ...я имею в виду, что каждое место, куда ее посылали на работу, сгорало дотла.

Они прикатали пустые бочонки на середину кухни и наполнили их водой из колодца. Следуя односложным указаниям Тьют, с помощью веревки они подняли три дырявых и пыльных мешка с мукой как можно выше, так что те закачались в воздухе между бочонками и дверью.

— Ага, — сказала Полли, отступая на несколько шагов. — Кажется, я понимаю. Два года назад в Мунце взорвалась мельница...

— Да, — ответила Холтер. — Это устроила Тильда.

— Что?

— Ее там били. И не только. Понимаешь, Тильда просто смотрит и думает, пока не сложит одно с другим. И тогда... большой «бум».

— Но на мельнице погибли двое!

— Да, хозяин и его жена. Я слышала, другие девочки из Школы, которых отправляли работать на мельницу, вообще не возвращались. Тильда была беременна, когда после пожара ее привезли в Серый дом. Она родила, и ребенка забрали, и мы не знаем, что с ним случилось. А ее опять избили, потому что это Мерзость пред Нугганом. Что, тебе теперь легче? — спросила Холтер, привязывая веревку к ножке стола. — У нас никого нет, Полли. Только я и Тильда. Ни наследства, ни уютного дома, куда можно вернуться, ни родных. Школа каждого ломает на свой лад. Уолти разговаривает с Герцогиней, у меня... нет тормозов, а на Тильду жутко глядеть, когда ей в руки попадает коробка спичек. Хотя... видела бы ты тогда ее лицо. Оно просто загорается... — Холтер нехорошо улыбнулась. — И все вокруг тоже. Загони-ка остальных в кладовку, а мы зажжем свечку.

— Может, это сделает Тильда?

— Именно она это и сделает. Но потом нам придется ее оттащить, иначе она будет стоять и смотреть на огонь.

Все начиналось как игра. Хоть Полли так и не считала, но все-таки это была игра под названием «Сохранить „Герцогиню“». И сейчас... она утратила смысл. Полли строила немало планов, но теперь они отошли в прошлое.

Для девушек мы неплохо справились...

После небольшого спора последний бочонок поставили перед дверью кладовки. Полли посмотрела на Блуза и остальных.

— Так, слушайте. Мы... сейчас это сделаем, — сказала она. — Мы уверены, Холтер?

— Да.

— Мы не пострадаем?

Холтер вздохнула.

— Мука взорвется. Ничего сложного. С нашей стороны взрывная волна натолкнется на бочонки с водой — надеюсь, они устоят. В худшем случае мы вымокнем. Так думает Тильда. И я бы не стала с ней спорить. А с той стороны... только дверь.

— Как она все это придумала?

— Никак. Она просто знает, как должно быть. — Холтер вручила Полли веревку: — Видишь, она перекинута через балку и к ней привязана крышка от кастрюли? Подержите, лейтенант. Но не тяните, пока мы не скажем. Понятно? Пошли, Полли.

Стоя между бочонками и дверью, Тьют зажигала свечу. Она делала это медленно, как будто совершала священный ритуал, каждая часть которого имела невероятно важное и сложное значение. Она чиркнула спичкой и осторожно подержала ее в руке, пока огонек не разгорелся, потом провела огоньком по основанию свечи и крепко прилепила ее к камню. Растопленный воск не позволял свече упасть. Наконец Тьют поднесла спичку к фитильку и опустила на колени, глядя в огонь.

— Так, — сказала Холтер. — Я заберу Тильду, а ты осторожненько опустишь крышку над огнем, поняла? Пошли, Тильда.

Она бережно подняла подругу на ноги, что-то нашептывая ей на ухо, и кивнула Полли. Та опустила крышку так бережно, что это граничило со священнодействием.

Тьют двигалась как во сне. Холтер остановилась возле огромного кухонного стола. К его ножке был привязан свободный конец веревки, на которой висели мешки с мукой.

— Пока что все идет хорошо, — сказала она. — Когда я распушу узел, мы схватим Тильду за руки и побежим, ясно, Полли? Бегом. Готова? — Она дернула веревку. — Бежим!

Мешки упали, рассыпая на лету муку, и взорвались перед дверью. Белая пелена повисла, как туман. Полли, Холтер и Тьют бросились в кладовку и повалились друг на друга за бочонком. Холтер крикнула:

— Давай, лейтенант!

Блуз потянул веревку и поднял крышку. Пламя потянулось вверх...

«Бум» было неподходящим словом. Грохнуло мироздание целиком, и все пять чувств были потрясены. Мир содрогнулся до основания и окрасился в белый цвет, а потом, как ни странно, запахло свежим хлебом. За секунду все закончилось, и не осталось ничего, кроме воплей в отдалении и шума падающих камней.

Полли выпрямилась и посмотрела на Блузу.

— Забираем вещи и бежим, сэр. И давайте покричим.

— Я могу очень правдоподобно покричать, — сказала Маникль. — Сомневаюсь, что все это на пользу ребенку.

Блуз схватил черпак.

— Надеюсь, это еще не наш последний бой, — сказал он.

— Похоже, что первый, сэр, — заметила Полли. — Прошу разрешения вопить так, чтобы уши в трубочку сворачивались!

— Разрешаю, Перкс!

Пол был залит водой и покрыт маленькими, очень маленькими, обломками досок. Половина трубы рухнула в очаг, и сажа ярко горела. Не исключено, что солдаты в долине сочли взрыв сигналом.

Дверь исчезла. Как и большая часть прилегающей стены. А за ней...

Повсюду были дым и пыль. Люди стонали, лежа на полу, или слепо пробирались среди обломков. Когда отряд выбежал из кухни, стражники не только не вступили в бой — они вообще ничего не поняли. И не услышали. Девушки опустили оружие. Полли заметила сержанта, который сидел на полу и стучал себя ладонью по голове.

— Дай ключи! — потребовала она.

Он попытался сосредоточиться.

— Ключи!

— Мне коричневый, пожалуйста.

— Ты как?

— Чего?

Полли наклонилась и сорвала с его пояса связку ключей, подавив желание извиниться. Она бросила ключи Блузу.

— Пожалуйста, сэр, займитесь. Боюсь, сейчас у нас будет много гостей...

Она обернулась к остальным.

— Заберите у них оружие!

— Некоторые тяжело ранены, Полли, — сказала Игорина, опускаясь на колени. — У одного солдата множественное.

— Множественное — что? — спросила Полли, глядя в сторону лестницы.

— Все. Но я наверняка сумею сохранить ему руку, потому что я ее нашла. Наверное, он держал меч, когда...

— Сделай что можно, — перебила Полли.

— Это же враги, — заметила Холтер, поднимая с пола меч.

— Игори обязаны помогать, — ответила Игорина, снимая ранец. — Прошти, ты не поймешь.

— Да уж. — Холтер вместе с Полли наблюдала за лестницей. Вокруг стонали оглушенные и трещала кладка. — Интересно, мы много тут поломали? Пыли полно...

— И солдат тоже скоро будет полно, — напомнила Полли. Она говорила гораздо спокойнее, чем чувствовала себя. Потому что это финал, подумала она. На сей раз никакая индейка нас не спасет. Теперь-то я пойму, что я такое — плоть или сталь...

Она слышала, как Блуз отпирает двери. Слышала крики из камер.

— Лейтенант Блуз, Десятый пехотный! — восклицал Блуз. — Мы, некоторым образом, вас спасаем, извините за беспорядок.

Наверное, последнюю фразу произнесла его внутренняя Дафна. Когда коридор заполнился освобожденными, кто-то воскликнул:

— Эй, что тут делают женщины? Ради всего святого, девочка, отдай мне меч!

И Полли даже не стала возражать.

Мужчины всегда берут верх. Наверное, из-за носков.

Отряд вернулся на кухню, и Игорина принялась за работу. Она работала быстро, эффективно и, в общем, с малой кровью. Рядом лежала открытая сумка, а в ней — зеленые, красные и синие склянки. Некоторые дымились, когда Игорина их открывала, или странно светились. Ее пальцы двигались с невероятной скоростью. Наблюдать за работой Игорини было очень интересно. По крайней мере, на пустой желудок.

— Отряд, это майор Эрик фон Молдвиц. Он просил встречи с вами.

Все обернулись на голос Блуза. Майор был молод, но сложен гораздо внушительнее, чем лейтенант. Поперек лица у него шел шрам.

— Вольно, парни, — сказал он. — Блуз рассказал, как вы здорово все провернули. Молодцы! Переодеться женщинами, а? Хорошо, что вас не раскусили.

— Да, сэр, — ответила Полли. Снаружи доносились крики и шум боя.

— Вы не прихватили с собой форму? — спросил майор.

— Нам было бы трудненько выкрутиться, если бы ее обнаружили, — сказала Полли, в упор глядя на Блуза.

— В любом случае вы бы вряд ли выкрутились, если бы вас обыскали, — заметил майор, подмигивая.

— Да, сэр, — послушно ответила Полли. — Лейтенант Блуз все вам о нас рассказал, сэр?

Блуз, стоя за спиной майора, сделал общепонятный жест: развел в стороны ладони, отчаянно шевеля вытянутыми пальцами.

— Да. Говорят, вы украли одежду в публичном заведении, а? Молодым людям нечего делать в таких местах! Это просто Мерзость пред Нугганом, если, конечно, там все устроено как полагается... — майор театрально погрозил пальцем. — Так или иначе, мы успешно продвигаемся, на нижних этажах почти не осталось стражников, сами видите. Крепость выстроили с расчетом на то, что враг будет снаружи. Эй, а что это парень делает с человеком, который лежит на столе?

— Я его латаю, шэр, — ответила Игорина. — Пришиваю ему руку.

— Но ведь это враг!

— Кодекш Игорей, шэр, — с упреком произнесла Игорина. — Рука помощи, шэр.

Майор фыркнул.

— Ладно, ладно, с вами, ребята, не поспоришь. Но когда закончишь — снаружи у нас полно солдат, которым и вправду нужна твоя помощь.

— Конечно, шэр, — сказала Игорина.

— Есть новости о моем брате, сэр? — спросила Полли. — Его зовут Поль Перкс.

— Да, Блаз о нем упомянул, Перкс, но пленные заперты повсюду, и сейчас их искать трудновато, — резко ответил майор. — Что касается вас, то поскорей натягивайте штаны и присоединяйтесь к веселью.

— К веселью, — безжизненно повторила Холтер.

— То есть?.. — уточнила Полли.

— Мы уже добрались до четвертого этажа, — сказал фон Молдвиц. — Мы еще не захватили крепость целиком, но в наших руках внутренние дворы и несколько башен. К утру мы будем контролировать все входы и выходы! Мы снова на коне! Никакого вторжения не будет. Почти вся их верхушка засела во внутренней башне.

— Снова на коне, — пробормотала Полли.

— Мы победим! — воскликнул майор.

— Елочки, — сказала Маникль.

Полли не сомневалась: что-нибудь должно случиться. Судя по виду, Холтер собиралась взорваться. Даже Маникль нервничала. А Тьют наверняка скоро разыщет спичечный коробок, который Полли спрятала в шкафу.

Игорина собрала склянки и лучезарно улыбнулась майору.

— Вше готово, шэр.

— Тольконими парик.

— Это мои шобштвенные волошы, шэр, — ответила Игорина.

— Э... ну надо же, как у девчонки, — сказал майор. — Лучше бы ты...

— Я на самом деле девушка, сэр, — сказала Игорина, немедленно перестав шепелявить. — Но при этом, поверьте, я Игорь. Мы в таких вещах отлично разбираемся. И шью я так, что никто не жалуется.

— *Девушка?* — повторил майор.

Полли вздохнула.

— Как и все мы, сэр. Мы действительно девушки. Мы не просто солдаты, переодетые женщинами. И сейчас я не хочу надевать штаны, потому что тогда я буду девушкой, которая переделалась парнем, который переделался девушкой, которая переделалась парнем... тогда я окончательно запутаюсь и не буду знать, как ругаться. А мне, честно говоря, сейчас очень хочется крепко выругаться, сэр.

Майор холодно взглянул на Блуза.

— Вы знали, лейтенант? — рявкнул он.

— Э... да, сэр. В конце концов узнал. Но все-таки я бы хотел...

На сей раз их заперли в старой кордегардии — сырой комнате с двумя скрипучими койками.

— В общем и целом, — сказала Холтер, — было лучше, когда нас сажали под арест враги.

— В потолке есть решетка, — заметила Маникль.

— Дырка слишком маленькая, чтобы пролезть, — сказала Полли.

— Да, но на решетке можно повеситься самим, не дожидаясь...

— Говорят, это очень больно.

— Кто говорит? — уточнила Холтер.

Время от времени сквозь узкие окна доносился шум битвы. В основном крики. Иногда визг. Веселье шло полным ходом.

Игорина сидела, разглядывая собственные пальцы.

— Что с ними не так? — спросила она. — Разве я не пришила ему руку как следует? Но нет, нет, они боятся, что я прикоснусь к... запретным частям.

— Дай подписку о неразглашении, — посоветовала Холтер. Никто не улыбнулся.

Вряд ли кто-нибудь из них попытался бы бежать, даже если бы дверь вдруг открылась. Бежать от врага — почетно и благородно, но куда податься, если сбежать от своих?

Уолти спала на одной из коек как сурок. Чтобы увидеть, как она дышит, нужно было пристально наблюдать.

— Что нам будет? — нервно спросила Маникль. — Ну... из серьезного.

— Мы надели мужскую одежду, — напомнила Полли.

— Но за это полагается только порка.

— Поверь, они еще что-нибудь придумают, — заверила Холтер. — И потом, кто знает, что мы здесь?

— Но мы выпустили их из тюрьмы! Мы на их стороне!

Полли вздохнула.

— В том-то и дело, Маникль. Никому неохота сознавать, что кучка девушек, переодевшись солдатами, пробралась в крепость и выпустила из темницы половину армии. Всякий знает, что женщины на это не способны. Мы не нужны ни друзьям, ни врагам, понимаешь?

— Здесь такая драка, что никто не заметит еще несколько трупов, — закончила Холтер.

— Не говори так! Лейтенант Блуз заступится за нас, — возразила Маникль.

— Кто? Дафна? Х-ха. Еще один труп. Наверняка его тоже где-то заперли, как и нас.

Вдалеке послышались торжествующие крики, которые не стихали некоторое время.

— Похоже, они взяли крепость, — сказала Полли.

— Ура, — Холтер сплонула.

Маленькое окошко в двери открылось, и через него молча протянули большой котелок с баландой и поднос с лошадиным хлебом. Баланда была неплохая — по крайней мере, не худшая из возможных. Отряд некоторое время поспорил, можно ли считать кормежку предвестием помилования, а потом кто-то вспомнил, что к приговоренным накануне казни принято относиться сердечно. Игорина профессионально отметила, что местный повар не ограничился сердцем, но добавил еще и легкие с печенью.

По крайней мере, баланда была горячая.

Через пару часов принесли котелок с хлебом и кружки. На сей раз стражник подмигнул.

Еще через час дверь открылась, и в камеру зашел молодой человек в форме майора.

Продолжим как начали, подумала Полли и вскочила.

— Отр-р-ряд!.. Смир-р-р...на!

С похвальной скоростью они по крайней мере попытались встать прямо и в шеренгу. Майор оценил их усилия и постучал по козырьку кивера тросточкой. Она уж точно была тоньше дюйма.

— Вольно... капрал, если не ошибаюсь? — сказал он.

Это звучало многообещающе.

— Да, сэр.

— Я майор Клогстон, из военной полиции, — сказал майор. — Я хочу, чтобы вы все мне рассказали. Подробно. Я буду записывать, если вы не возражаете.

— Зачем это надо? — спросила Холтер.

— А ты, наверное, рядовой Холтер, — сказал Клогстон. — Я уже побеседовал с лейтенантом Блузом.

Он повернулся, кивнул стражнику, который маячил на пороге, и закрыл дверь. Окошко тоже.

— Вас допросят, — сказал майор, присаживаясь на свободную койку. — Политотдел требует, чтобы вы предстали перед нугганитским судом, но собрать его здесь было бы непросто, а затягивать дело никто не хочет. И потом, у нас... чрезвычайная ситуация. Кто-то послал генералу Фракку коммюнике, где перечислены вы все. Поименно. Точнее, пофамильно.

— Лорд Ржав, сэр?

— Некто по имени Вильям де Словв. Не знаю, попадалась ли вам эта штука — его газета. Лично мы никак не можем понять, откуда он узнал, что вы в плену.

— Мы ему уж точно не говорили, — сказала Полли.

— Таким образом, ситуация немного... усложнилась, — продолжал Клогстон. — Хотя для вас появилась надежда. В армии есть люди, которые, скажем так, задумываются о будущем Борогравии. Во всяком случае, они хотят, чтобы у нее было будущее. Моя задача — представить ваше дело перед трибуналом.

— Нас будут судить военным судом? — спросила Полли.

— Нет, они не настолько глупы. Назвать этот суд военным значило бы признать вас солдатами.

— Но вы ведь признали, — сказала Маникль.

— Де-факто, но не де-юре, — заметил Клогстон. — А теперь, пожалуйста, рассказывайте, мисс Перкс.

— Капрал Перкс.

— Прошу прощения за оговорку. Итак... я слушаю.

Клогстон открыл сумку, надел очки со стеклами в форме полумесяца, достал карандаш и что-то белое и квадратное.

— Начните, когда будете готовы, — сказал он.

— Сэр, вы действительно собираетесь писать на сэндвиче с вареньем? — уточнила Полли.

— Что? — майор опустил глаза и рассмеялся. — Нет, конечно.

Извините. Мне нельзя пропускать обед. Уровень сахара в крови и все такое...

— Варенье вытекает, сэр. Не обращайтесь внимания на нас, мы только что поели.

Понадобился примерно час, с многочисленными отступлениями и поправками. И еще два сандвича. Майор исписал блокнот почти целиком. Время от времени он останавливался и смотрел в потолок.

— А потом нас бросили сюда, — закончила Полли, прислоняясь к стене.

— Точнее, втолкнули, — поправила Игорина. — Запахнули.

— Хм, — сказал Клогстон. — Вы говорите, так называемый капрал Страппи... внезапно захворал от одной лишь мысли об отправке на фронт?

— Да, сэр.

— И в Плюне вы действительно ударили князя Генриха?

— Можно сказать и так, сэр. И тогда я не знала, что это князь, сэр.

— Насколько я помню, вы не упомянули про стычку на холме. По словам лейтенанта Блуза, благодаря вашим своевременным действиям в его руках оказалась вражеская шифровальная книга...

— Тут нечем хвалиться, сэр, нам от нее было немного проку.

— Ну, не знаю. Из-за вас и этого газетчика союзники отправили два полка в горы, на поиски партизанского вожака по прозвищу Тигр. На этом настоял князь Генрих — он лично командует поисковыми группами. Он не умеет проигрывать достойно. Если верить слухам, он после вашей встречи... вообще мало что умеет.

— Газетчик поверил в эту чушь? — изумленно спросила Полли.

— Он, во всяком случае, ее записал. Вы говорите, лорд Ржав предложил тихонько отправить вас домой?

— Да, сэр.

— И вы единогласно решили...

— Что он может засунуть это предложение себе в джемпер, сэр.

— Ах, да. Я не разобрал собственный почерк. Д... ж... е... — Клогстон старательно записал слово заглавными буквами. — Учтите, я ничего не говорил, но некоторые... высокопоставленные... особы хотели бы знать, не угодно ли вам и в самом деле... тихонько...

Вопрос повис в воздухе, как труп удушенника.

— Я так понимаю... туда же?.. — кивнул Клогстон.

— Кое-кому из нас просто некуда идти, — сказала Холтер.

— И не с кем, — добавила Маникль.

— Мы не совершили никакого преступления, — сказала Полли.

— Значит, в джемпер, — заключил майор, снял очки и вздохнул. — Я даже не знаю, в чем вас обвиняют.

— В том, что мы Плохие Девочки, — сказала Холтер. — Кого мы пытаемся обмануть, сэр? Враг хотел тихонько избавиться от нас, и ваш генерал хочет того же. Между плохими и хорошими парнями, по сути, нет разницы, потому что они все — парни!

— Нам бы дали медали, будь мы мужчинами? — спросила Маникль.

— Да. Конечно. А Блуза бы немедленно повысила, я думаю. Но сейчас война, и, наверное, не стоит...

— ...благодарить воплощенную Мерзость пред Нугганом, — закончила Полли.

Клогстон улыбнулся.

— Я хотел сказать «терять бдительность». Разумеется, на нас давит политотдел. Они хотят пресечь распространение слухов. А верховное командование по той же самой причине хочет, чтобы все поскорее закончилось.

— И когда начнется суд? — спросила Полли.

— Примерно через полчаса.

— Но это глупо! — воскликнула Холтер. — Война в разгаре, а они собираются тратить время на суд над кучкой женщин, которые даже не совершили ничего дурного!

— Генерал настаивает, — сказал Клогстон. — Он намерен устранить проблему.

— И кто в случае чего поддержит этот трибунал? — холодно поинтересовалась Полли.

— Тысячи вооруженных солдат, — ответил Клогстон. — Простите. Если спросить у генерала Фракка «Ну и где ваша армия?», ему будет достаточно всего лишь указать за окно. Но я намерен утверждать, что это мероприятие — военный суд. Вы все поцеловали Герцогиню и взяли шиллинг. С моей точки зрения, вы — военные.

— И что проку?

— Будет определенный порядок. Недавно Нугган объявил Мерзостью головоломки-пазлы. Он утверждает, что они раскалывают мир на кусочки. И люди наконец-то задумались. Армия, возможно, безумна, но, по крайней мере, ее безумие основано на цифрах и достойно доверия. Э... ваша спящая подруга... может, оставите ее здесь?

— Нет! — ответили все как один. То есть как одна.

— Она нуждается в моем постоянном наблюдении, — сказала Игорина.

— С ней может случиться приступ внезапного исчезновения без следа, — добавила Холтер.

— Мы должны держаться вместе, — сказала Полли. — Мы не бросим ни одного из нас.

Трибунал решили проводить в бальной зале. Полли сказали, что борогравцы отбили большую часть крепости, но в непредсказуемом порядке. Союзники по-прежнему удерживали центральные постройки цитадели и оружейную, но были полностью окружены борогравскими войсками. Сейчас шел бой за главные ворота, которые строились не для того, чтобы противостоять атакам изнутри. В крепости шла не битва, а драка, полудневная кабацкая потасовка, только в огромном масштабе. Поскольку разнообразные орудия на верхушках башен принадлежали теперь обеим сторонам, крепость, следуя лучшим традициям, стреляла по самой себе — словно расстрельный взвод, ставший в кружок.

Полы в зале пахли мастикой и мелом. Столы сдвинули вместе, приблизительным полукругом. В комнате было человек тридцать, как прикинула Полли. За пределами полукруга стояли еще столы, на них лежали карты, а вокруг суетились люди. Полли догадалась, что они собрались не только ради ее отряда. Это был настоящий штаб.

Отряд вошел и встал по стойке «смирно». Игорина заставила двух стражников нести Уолти на носилках. Полукруглый шрам у нее под глазом стоил нашивок полковника. Ни один солдат не хотел нажать себе врагов среди Игорей.

Они ждали. Время от времени кто-нибудь из офицеров взглядывал на них и вновь возвращался к картам и разговорам. Затем Полли услышала шепот. Присутствующие начали оборачиваться и стягиваться к полукругу столов. Судя по всему, они относились к происходящему как к утомительной обязанности, которую, к сожалению, надо было выполнить.

Генерал Фракк не обращал внимания на отряд, пока не занял место в самом центре и не разложил бумаги по порядку. Но и потом он лишь бегло окинул стоящих взглядом, как будто боялся посмотреть внимательнее. Полли никогда раньше его не видела. Полковник был красивый мужчина, с густой шапкой седых волос. По щеке, минуя глаз, шел рубец, хорошо заметный на фоне морщин.

— Дела идут хорошо, — сказал он, обращаясь к присутствующим в целом. — Мы только что узнали, что летучий отряд, составленный из остатков Десятого пехотного полка, приближается к крепости и штурмует главные ворота снаружи. Должно быть, кто-то заметил, что тут заварушка.

Наша армия на марше!

Послышались сдержанные возгласы одобрения. Отряд молчал.

Генерал снова взглянул на них.

— Здесь все, Клогстон? — спросил он.

Майор, которому, по крайней мере, отвели отдельный столик, встал и отсалютовал.

— Нет, сэр, — сказал он. — Мы ждем...

Дверь открылась. Ввели Яшму, скованную с двумя троллями побольше. Следом плелись Маладикт и Блуз. В спешке и суете никто так и не озаботился отыскать для лейтенанта штаны, а Маладикт, казалось, был слегка не в себе. Цепи на нем неумолчно звенели.

— Я возражаю против цепей, сэр, — заявил Клогстон.

Генерал шепотом посоветовался с другими.

— Да. Не нужно излишней формальности, — сказал он и кивнул стражникам. — Раскуйте их. Тролли могут уйти. Но пусть стража останется у дверей. Итак, давайте начнем. Затягивать незачем. Итак, — генерал устроился поудобнее, — на самом деле все очень просто. Вы, за исключением лейтенанта Блуза, вернетесь по домам и будете отданы под опеку достойных доверия мужчин. Понятно? И больше ни слова о случившемся. Вами была выказана изрядная сила духа — несомненная, хотя и неуместная. Разумеется, мы вам благодарны. Мы знаем, что вы все не замужем, а потому снабдим каждую подобающим и даже весьма внушительным приданым...

Полли отсалютовала.

— Разрешите обратиться, сэр?

Фракк уставился на нее, затем многозначительно перевел взгляд на Клогстона.

— Вам дадут слово потом, капрал, — сказал майор.

— Но какое именно преступление мы совершили, сэр? — спросила Полли. — Пусть объяснят.

Фракк посмотрел в дальний конец полукруга.

— Капитан?..

Невысокий офицер встал, и в душе Полли волна узнавания захлестнула берег ненависти.

— Капитан Страппи, политический отдел, сэр... — начал он и замолчал: отряд испустил дружный стон. Когда шум затих, Страппи кашлянул и продолжал: — Двадцать семь нарушений заповедей Нуггана, сэр. Подозреваю, на деле их еще больше. Что касается военных законов, сэр, достаточно того простого факта, что они выдали себя за мужчин,

чтобы вступить в армию. Я был там, сэр, и все видел.

— Капитан Страппи, могу ли я поздравить вас с быстрым повышением? — сказал лейтенант Блуз.

— О да, капитан, — добавил Клогстон. — Если не ошибаюсь, всего несколько дней назад вы были скромным капралом.

С потолка посыпалась штукатурка, когда что-то тяжелое врезалось в стену снаружи. Фракк стряхнул пыль с бумаг.

— Надеюсь, это был не наш снаряд, — заметил он, вызвав за столом легкий смех. — Продолжайте, капитан.

Страппи повернулся к генералу.

— Вы знаете, сэр, время от времени мы, сотрудники политического отдела, при необходимости действуем под видом лиц более низкого звания, чтобы собрать необходимую информацию. Разумеется, в рамках Устава, сэр, — добавил он.

Взгляд, которым одарил его генерал Фракк, вселил в Полли небольшую надежду. Кто, включая родную мать, способен любить такого, как Страппи?

Генерал вновь повернулся к Клогстону.

— Это имеет отношение к делу, майор? — испытующе поинтересовался он. — Мы знаем, что они переоделись...

— ...женщинами, сэр, — спокойно ответил тот. — И это все, что мы знаем, сэр. Не считая заявления капитана Страппи — и я намерен доказать, что оно сомнительно, — не представлено ни одного доказательства того, что они переодевались как-то иначе.

— То, что мы видим, — вот доказательство!

— Да, сэр. И мы видим, что на них платья, сэр.

— Но они острижены почти наголо!

— Да, сэр, — Клогстон достал толстую книжку, испещренную закладками. — «Книга Нуггана», сэр: «Благо пред Нугганом, если женщина стрижет волосы коротко, дабы не разжигать в мужчине любовстрасшие».

— Вокруг не так уж много женщин, стриженных наголо, — огрызнулся Фракк.

— Да, сэр. Это одна из заповедей, которые люди считают чересчур мудренными. Наряду с запретом чихать, например. Обратите внимание, сэр, все мы то и дело совершаем Мерзости. Мы привыкли не обращать на них внимания, и это могло бы послужить поводом для интересной дискуссии. Во всяком случае, короткие волосы — не грех по нугганитскому закону. Короче говоря... пусть даже с короткими волосами, эти женщины, сэр, занимались только стиркой и приняли участие в небольшом кухонном

инциденте, а еще освободили вас, сэр, из темницы.

— Я их видел! — крикнул Страппи. — Они выглядели как мужчины и вели себя как мужчины!

— Почему вы ездили вербовщиком, капитан? — спросил Клогстон. — Я бы даже не подумал, что вербовочные партии — рассадник изменнической деятельности...

— По-вашему, этот вопрос относится к делу, майор? — спросил Фракк.

— Не знаю, сэр, поэтому я и спрашиваю. Вряд ли мы хотим, чтобы потом говорили, что мы отказались выслушать этих женщин.

— Кто будет говорить? Я гарантирую, что мои офицеры проявят достаточную сдержанность.

— Возможно, сами женщины, сэр.

— Значит, мы потребуем, чтобы они ни с кем не разговаривали!

— Ну-ну, — заметил Блуз.

— Как вы этого добьетесь, сэр? — спросил Клогстон. — Как вы принудите к молчанию женщин, которые, давайте признаем, вырвали вас из когтей врага?

Офицеры начали негромко переговариваться.

— Майор Клогстон, вы обедали? — спросил генерал.

— Нет, сэр.

— Полковник Жиллет говорит, что вы становитесь слегка... рассеянным, если забываете поесть.

— Нет, сэр. Я становлюсь вспыльчив. Но, думаю, немного вспыльчивости сейчас не повредит. Я задал вопрос капитану Страппи, сэр.

— Я... вел расследование, сэр. По поводу одного унтер-офицера. Наше внимание привлекли ошибки в его документах, сэр. Там, где есть ошибки, мы, как правило, находим и измену. Мне неловко об этом говорить, сэр, потому что упомянутый сержант некогда оказал вам услугу...

— Гм! Сомневаюсь, что нужно обсуждать это здесь, — громко перебил генерал.

— Если верить документам, некоторые офицеры помогли ему... — продолжал Страппи.

— Гм! В данном случае неважно, капитан! Вы согласны, господа?

— Да, сэр, но майор меня спросил, и я... — в замешательстве продолжал Страппи.

— Капитан, усвойте наконец, что значит «гм»! — прогремел Фракк. Страппи съежился.

— Что же вы искали, когда рылись в наших вещах? — спросила

Полли.

— М-м-м-мой к-к-к-кофе... — простонал Маладикт. — Т-т-ты ук-к-к-крал м-м-мой к-к-к-кофе...

— Ты сбежал, когда узнал, что придется драться, дерьмо ты собачье! — сказала Холтер. — Полли видела, как ты намочил штаны со страху!

Генерал Фракк стукнул кулаком по столу, но Полли заметила, что несколько офицеров с трудом скрывают улыбку.

— Это не имеет отношения к данному делу! — воскликнул он.

— Хотя, кажется, кое-какие нюансы могут послужить поводом для расследования, — заметил полковник, сидевший рядом. — Личные вещи солдат подлежат обыску лишь в их присутствии, генерал. Вроде бы мелочь, но в прошлом из-за этого случались бунты. Вы знали, капитан, что эти... солдаты — женщины, когда обыскивали их вещи?

Страппи помедлил.

Пожалуйста, пожалуйста, скажи «да», подумала Полли. Когда речь пойдет о том, отчего кавалеристы нашли нас так быстро, это будет значить, что ты натравил их на борогравских девушек. Посмотрим, как ты вывернешься. А если ты не знал, то зачем же рылся в наших вещах?

Страппи предпочел не рисковать. Где-то во дворе посыпалась каменная кладка, и ему пришлось повысить голос, чтобы быть услышанным.

— Э... я уже подозревал их, потому что они были такие шустрые...

— Протестую, сэр, — сказал Клогстон. — Быть шустрым — не военное преступление!

— В разумных пределах — разумеется, нет, — подтвердил Фракк. — Вы нашли какие-нибудь улики, капитан?

— Я нашел юбку, сэр, — сказал Страппи, осторожно подбирая слова.

— Тогда почему вы сразу не... — начал Фракк, но Страппи перебил:

— Я некоторое время служил с капитаном Ригглсуортом.

— И что? — спросил Фракк, но сидевший слева офицер склонился к нему и что-то шепнул. — А, тот самый Ригглсуорт. О да. Конечно. Отличный офицер. Увлекался...

— ...драматическим искусством, — уклончиво подсказал полковник.

— Да. Да. Оно повышает боевой дух, и все такое. Гм...

— Простите, генерал, но вы позволите мне вести слушание? — спросил офицер в генеральском мундире.

— Что, Боб? Ну ладно... говори. занесите в протокол, что я уступаю слово генералу Кцупи.

— Простите, сэр, я думал, что никто не ведет протокол заседания, — заметил Клогстон.

— Да, да, конечно, большое спасибо, что напомнили, — ответил Фракк. — Но если бы мы вели протокол, именно так там и было бы сказано. Верно, Боб?

— Дамы, — начал генерал Кцупи, лучезарно улыбаясь. — И вы, конечно, лейтенант Блуз. И вы... — он в замешательстве взглянул на Маладикта, который ответил пристальным взглядом, — ...сэр? — Генерала Кцупи было не напугать вампиром, даже таким, который с трудом стоял на ногах. — Во-первых, могу ли я от лица всех присутствующих поблагодарить вас за потрясающую работу, которую вы проделали? Просто невероятно. Но, к сожалению, мир, в котором мы живем, имеет свои... законы. Вы понимаете? Честно говоря, проблема не в том, что вы женщины, а в том, что вы упорно это подчеркиваете. Понятно? И так нельзя.

— То есть, если мы снова наденем форму и начнем ходить вразвалку, рыгать и сквернословить, все будет в порядке? — уточнила Полли.

— Позвольте мне... — послышался еще один голос. Фракк взглянул на говорящего.

— А, бригадир Стоффер. Слушаю.

— Все это, черт возьми, довольно глупо, генерал...

— Гм! — сказал Фракк.

— Что? — озадаченно спросил Стоффер.

— Здесь женщины, бригадир. В том-то, ах-ха, и беда.

— Вот именно, черт возьми! — сказала Холтер.

— Я понял, генерал. Но отрядом командовал мужчина, не так ли?

— Лейтенант Блуз утверждает, что он мужчина, сэр, — сказал Клогстон. — Поскольку он офицер и джентльмен, я готов поверить ему на слово.

— Значит, вопрос решен. Юные леди помогли ему. Сопутствовали. Хитростью провели в крепость. Славные традиции борогравских женщин и все такое. Они никакие не солдаты. Дайте командиру медаль побольше и повысьте до капитана, а об остальном забудем.

— Прошу прощения, генерал, — сказал Клогстон, — я посоветуюсь с обвиняемыми — то есть я назвал бы их обвиняемыми, если бы кто-нибудь просветил меня, в чем конкретно их обвиняют.

Он подошел к отряду и понизил голос:

— Думаю, это лучшее, чего вы добьетесь. Возможно, мне удастся выговорить и денежное вознаграждение. Что скажете?

— Но это просто нелепо! — возмутился Блуз. — Они выказали невероятную смелость и решительность! Без них мы не добились бы успеха!

— Да, лейтенант, можете так и сказать, — сказал Клогстон. — Стоффер предложил неплохой вариант. Все получают то, что хотели. Нужно лишь избегать каких-либо упоминаний о том, что вы действовали как солдаты. Смелые борогравские женщины пришли на помощь отважному герою. Отлично. Времена меняются, и вы помогаете им меняться быстрее. Идет?

Они переглянулись.

— Э... я не против, — сказала Маникль. — Если остальные «за».

— Значит, ты предпочтешь родить ребенка без мужа? — спросила Полли.

— Может быть, он уже погиб... кем бы он ни был, — Маникль вздохнула.

— Генерал — влиятельный человек, — продолжал Клогстон. — Возможно, он...

— Ну нет, я не куплюсь, — сказала Холтер. — Снова чертово вранье. Да пошло оно.

— Тьют? — спросила Полли.

Тьют чиркнула спичкой и уставилась на огонь. Она и впрямь могла раздобыть спички где угодно.

Наверху снова что-то треснуло.

— Маладикт?

— Б-б-будь что б-б-б-будет. Я г-г-говорю «нет».

— А вы, лейтенант? — спросил Клогстон.

— Это бесчестие, — сказал Блуз.

— Если вы не согласитесь, могут быть проблемы. В плане карьеры.

— Я сомневаюсь, что у меня в принципе будет карьера, вне зависимости от исхода. Я не хочу жить с этой ложью. Я знаю, что я никакой не герой. Всего лишь человек, который очень хотел стать героем.

— Спасибо, сэр, — сказала Полли. — Э... Яшма?

— Ета, один тролль, который меня арестовал, врезал мне дубиной, а я, ета, швырнула в него столом, — сказала Яшма, глядя в пол.

— Я возражаю против жестокого обращения с плен... — начал Блуз, но Клогстон перебил:

— Нет, лейтенант. Я кое-что знаю о троллях. Они... предпочитают физический контакт. Э... что, рядовой, тебе приглянулся тот тролль?

— Ниче так, мне нравится, — ответила Яшма и покраснела. — Я, ета,

тоже не хочу, чтоб меня отправили домой. Мне там делать нечего.

— Рядовой Игорь...ина?

— Я за то, чтобы согласиться, — сказала Игорина.

— Но почему? — спросила Полли.

— Потому что Уолти умирает. — Она поспешно вскинула руку. — Пожалуйста, не толпитесь вокруг. По крайней мере, дайте ей воздуху. Она ничего не ела. И я не могу ее напоить... — Игорина обвела друзей покрасневшими глазами. — Я не знаю, что делать.

— Герцогиня говорила с Уолти, — сказала Полли. — Вы все слышали. Вы помните, что мы видели там, в склепе.

— А я повторяю, что ничему этому не верю! — воскликнула Холтер. — Ей... мерещится! Уолти свели с ума. А мы страшно вымотались и могли увидеть что угодно! Вся эта чушь про разговоры с верховным командованием... ну, вот, мы здесь, и пока что никакого чуда не произошло! Тебе так не кажется?

— Вряд ли Уолти захотела бы, чтобы мы сдались, — сказала Полли.

Да.

— Ты слышала? — спросила Полли, хотя и сомневалась, что это слово проникло к ней в голову через уши.

— Нет, — ответила Холтер. — Ничего не слышала.

— Мы не пойдем на компромисс, сэр, — сказала Полли майору.

— Тогда и я не пойду, — поспешно добавила Маникль. — Я не... это было... я здесь, потому что... но... короче, я остаюсь. Э... и что с нами теперь будет, сэр?

— Наверное, вас надолго посадят в темницу, — ответил майор. — Послушайте, они разговаривают с вами по-хорошему...

— По-хорошему? — переспросила Полли.

— Ну... они думают, что разговаривают с вами по-хорошему, — поправился Клогстон. — Могло быть намного хуже. И потом, идет война. Они не хотят казаться злодеями, но Фракк дослужился до генерала отнюдь не потому, что славился своей добротой. Я вас предупреждаю. Вы по-прежнему отказываетесь?

Блуз обвел отряд взглядом.

— Я так понимаю, что да, майор.

— Хорошо, — Клогстон подмигнул.

Хорошо.

Клогстон вернулся за свой столик и зашуршал бумагами.

— Так называемые обвиняемые, сэр, к сожалению, отклоняют ваше предложение.

— Как я и предполагал, — сказал Фракк. — Значит, мы вернем их в камеру и разберемся с ними потом. Все зашло уже слишком далеко!

В наружную стену вновь что-то врезалось, и дождем посыпалась штукатурка.

— Я не пойду в камеру! — крикнула Холтер.

— Это бунт, сэр! — сказал Фракк. — И мы знаем, как его подавить!

— Простите, генерал... значит, трибунал все-таки признает, что эти девушки — солдаты? — спросил Клогстон.

Генерал яростно взглянул на него.

— Не пытайтесь запутать меня всякой юридической чепухой, майор.

— Никакая не чепуха, сэр, а основа...

Пригнитесь.

Это слово чуть слышно прозвучало в голове Полли, но, казалось, проникло прямо в центральную нервную систему. Весь отряд пригнулся разом. Игорина накрыла собой пациентку.

Рухнула половина потолка. Люстра, свалившись, разлетелась мириадами острых осколков. Раскололись зеркала. А потом наступила относительная тишина, которую нарушали лишь глухой стук падения отдельных кусков штукатурки и запоздалое позвякивание стекла.

Сейчас...

За большой дверью в конце зала, там, где пытались подняться на ноги стражники, послышались шаги. Створки распахнулись.

На пороге стоял Джекрам, сияющий как весенний рассвет. Свет отражался от значка на кивере, начищенного так ярко, что неосторожный зритель рисковал ослепнуть от блеска. Лицо сержанта было красным, мундир — еще краснее, а кушак представлял собой просто квинтэссенцию красного, истинную суть цвета, багрянец падающих звезд и солдатской крови. Кровь капала с заткнутых за пояс сабель. Стражники, все еще трясясь, попытались копьями преградить Джекраму путь.

— Даже не пытайтесь, парни, я вас умоляю, — сказал Джекрам. — Клянусь, я не склонен к жестокости, но неужели вы думаете, что сержанта Джекрама можно остановить какими-то кухонными принадлежностями, черт возьми?

Стражники взглянули на Джекрама, который едва сдерживал ярость, потом на ошеломленных офицеров и немедленно приняли решение по собственной инициативе.

— Вот и молодцы, — сказал Джекрам. — Разрешите обратиться, генерал Фракк?

Он не стал ждать ответа, а просто промаршировал вперед, как на

параде. Оглушительно стукнув каблуками, сержант вытянулся по стойке «смирно» перед верховным командованием, которое стряхивало штукатурку с мундиров. Рука Джеккрама, точно стрелка семафора, взлетела в салюте.

— Позвольте доложить, сэр, что главные ворота в наших руках, сэр! Я взял на себя смелость объединить силы полков «Тудой-судой», «С-боку-на-бок» и «Вперед-назад», сэр. Просто на всякий случай. Потом мы увидели большое облако дыма над крепостью и подошли к воротам одновременно с вашими людьми. Ох и побегали они у нас, сэр!

Послышались торжествующие возгласы. Генерал Кцупи наклонился к Фракку:

— Поскольку ситуация приняла такой приятный оборот, сэр, не закончить ли нам поскорее...

Фракк жестом велел ему замолчать.

— Джеккрам, ах ты старый плут, — сказал он, откидываясь на спинку кресла. — А я слышал, тебя убили. Как поживаешь, черт возьми?

— Дерусь по-прежнему, сэр! — крикнул Джеккрам. — Все еще жив, и не дождутся!

— Превосходно, сержант. Хотя я рад видеть твою цветущую физиономию в любое время, сейчас мы...

— Я нес вас на себе четырнадцать миль, сэр, — прогремел Джеккрам. По его лицу градом катился пот. — Я выдернул из вашей ноги стрелу, сэр. Разрубил пополам того капитана, который полоснул вас топором по лицу, сэр. Приятно видеть, что шрам смотрится ничего себе. Я убил беднягу дозорного всего лишь затем, чтобы забрать у него фляжку с водой. Для вас, сэр. Я смотрел в его гаснущие глаза. Ради вас, сэр. И я ничего не просил взамен, сэр. Так, сэр?

Фракк потер подбородок и улыбнулся.

— Помнится, были кое-какие подтасовки фактов и дат... — негромко произнес он.

— Не надо сантиментов, черт их дерь, сэр, при всем уважении. Вы это сделали не ради меня, а ради армии. Для Герцогини, сэр. И я вижу здесь еще нескольких джентльменов, у которых были причины оказать мне ту же самую маленькую услугу. Во имя Герцогини, сэр. Оставьте мне меч — и я побью любого, сэр, даже если на его стороне молодость и дерзость!

Одним движением он выхватил саблю из-за пояса и обрушил ее на бумаги, прямо между руками Фракка. Сабля вонзилась в доски и осталась стоять.

Фракк не дрогнул. Он поднял взгляд и спокойно сказал:

— Ты, конечно, герой, сержант, но, боюсь, ты зашел слишком далеко...

— Этак миль на четырнадцать, сэр? — уточнил Джекрам.

На мгновение воцарилась абсолютная тишина, не считая дрожания сабли. Фракк выдохнул:

— Ладно. Чего ты хочешь, сержант?

— Я вижу, тут стоят мои парни, сэр. Говорят, у них проблемы, сэр.

— Эти девушки, Джекрам, будут отправлены в безопасное место. Здесь им делать нечего. И это приказ, сержант.

— Когда они завербовались, я им сказал, сэр: «Если кто-нибудь захочет вас увести, им придется заодно тащить за шиворот и меня», сэр!

Фракк кивнул.

— Очень благородно, сержант, и совершенно в твоём духе. Тем не менее...

— Я располагаю жизненно важными сведениями, которые могут помочь расследованию, сэр. Я обязан кое-что сказать!

— Ну так скажи, солдат! — потребовал Фракк. — Вовсе не обязательно...

— Нужно, чтобы некоторые из вас покинули зал, сэр, — отчаянно сказал Джекрам. Он все еще стоял навытяжку, не отрывая руки от виска.

— Ты просишь слишком многого, сержант, — заметил Фракк. — Здесь присутствуют преданные офицеры ее светлости.

— Не сомневаюсь, сэр. Клянусь, я не сплетник, сэр, но я скажу то, что хочу сказать, лишь тем, кого выберу сам... или всему свету. Есть много способов, сэр. Мерзких новомодных способов. Вам выбирать, сэр.

Наконец Фракк покраснел. Он порывисто встал.

— Ты и вправду говоришь мне, что...

— Это мой последний и решительный бой, сэр! — Джекрам снова отсалютовал. — Победить или умереть, сэр!

Все глаза обратились на Фракка. Генерал слегка расслабился.

— Ладно. Никакого вреда не будет, если мы тебя выслушаем, сержант. Бог свидетель, ты это заслужил. Но побыстрее.

— Спасибо, сэр.

— Если попробуешь выкинуть нечто подобное еще раз, я шкуру с тебя спущу.

— Не беспокойтесь, сэр. Я не из тех, кто лезет на рожон. С вашего позволения, я сейчас укажу, кому надо выйти...

Почти половине офицеров. С большими или меньшими возражениями, но они все-таки встали и, под взглядом сапфировых глаз Фракка, вышли в коридор.

— Генерал, я протестую! — сказал полковник от дверей. — Нас, как непослушных детей, высылают из комнаты, тогда как эти... девчонки...

— Да, да, Родни, и если у моего друга сержанта не найдется чертовски серьезного оправдания, ты лично назначишь ему наказание, — перебил Фракк. — Но если кто и имеет право на одну безумную просьбу, то именно Джеккрам. Выходи и не шуми, будь умницей. И проследи, чтобы война продолжалась как положено, пока мы здесь. Ты закончил ломать комедию, сержант? — спросил он, когда последний из офицеров вышел.

— Не совсем, сэр, — сказал Джеккрам и зашагал к стражникам. Они и так уже стояли по стойке «смирно», но все равно попытались вытянуться в струнку. — Выйдите-ка, парни, — приказал сержант. — И даже не подходите близко. Вы, ребята, конечно, не станете подслушивать — вы ведь знаете, что будет, если я кого-нибудь застукаю. Живей, живей, хоп-хоп-хоп!

Он закрыл дверь, и атмосфера разом изменилась. Полли не поняла, как именно. Может быть, щелчок дверного замка провозгласил «*Это наш секрет*», и все присутствующие оказались соучастниками.

Джеккрам снял кивер и осторожно положил его на стол перед генералом. Потом снял мундир и вручил Полли со словами: «Подержи-ка, Перкс, это собственность ее светлости». Потом закатал рукава и слегка ослабил чудовищные красные подтяжки. А потом, если не к удивлению, то к ужасу Полли, вытащил пачку вонючего жевательного табака и почерневший складной нож.

— Ну, знаешь ли... — начал какой-то майор, прежде чем сосед успел ткнуть его под ребра. Никогда еще предметом столь пристального и испуганного внимания не был человек, отрезающий себе кусок табаку.

— Снаружи все идет как надо, — наконец сказал Джеккрам. — Жаль, что вы не там, правда? Но все-таки истина важнее. Не сомневаюсь, именно для этого и придумали трибунал. Истина важнее всего, иначе вы бы тут не сидели, я прав? Ну, разумеется, прав.

Джеккрам отрезал кусок табаку, сунул в рот и поудобнее расположил за щекой. Снаружи доносились звуки боя. Сержант повернулся и зашагал к майору, который заговорил первым. Тот слегка съежился.

— Что вы хотели сказать, майор Дерби? — дружелюбно спросил Джеккрам. — Ничего? Ну а я что скажу? Что я скажу о капитане, который повернулся и в слезах побежал с поля боя, бросив собственных солдат, когда мы наткнулись на отряд злобенцев? Скажу ли я, что старина Джеккрам перехватил его, слегка навешал по ушам и вселил ужас... ужас пред Джеккрамом? Капитан вернулся и одержал блистательную победу над двумя врагами, один из которых сидел у него в голове. А потом он пришел к

старине Джекраму, пьяный от радости, и рассказал ему чуть больше, чем следовало...

— Ах ты сукин сын, — негромко произнес майор.

— Скажу ли я сегодня правду... Джанет?.. — закончил Джекрам.

Звуки битвы вдруг стали намного громче. Они проникали в комнату подобно тому, как вода заливает выемку на океанском дне. Но никакой шум на свете не мог вытеснить эту внезапную, чудовищную тишину.

Джекрам подошел к следующему.

— Рад вас видеть, полковник Кумабунд, — бодро сказал он. — Конечно, когда я служил под вашим началом, вы еще были лейтенантом Кумабундом... храбрым парнем, который повел нас в атаку на отряд копельцев. И там вас ранили... скажем так, в живот, и я выхаживал вас ромом и холодной водой, и обнаружил, что храбрости вам, конечно, хватает... но вы не парень. Ах, как вы бредили и бормотали в бреду... Да, да. Это правда... Ольга.

Он обошел стол и двинулся вдоль ряда, за спинами офицеров. Те, к кому он приближался, вдруг застывали, не решаясь обернуться, не решаясь сделать ни одного движения, из страха привлечь его внимание.

— Я что-нибудь да знаю про каждого из вас, — сказал Джекрам. — Про некоторых знаю многое. В любом случае достаточно. Кое о ком я бы мог написать целую книгу... — он остановился за спиной Фракка, и тот мгновенно закоченел.

— Джекрам, я... — начал он.

Джекрам положил руки ему на плечи.

— Четырнадцать миль, сэр. За две ночи, потому что днем мы прятались — вражьи патрули так и шныряли. Рана была жуткая, но я ходил за вами лучше, чем костоправы, вот уж поверьте... — он наклонился к уху генерала и продолжал сценическим шепотом: — Так чего о вас я не знаю? Ты действительно ищешь правду... Милдред?

Зал напоминал музей восковых фигур. Джекрам сплюнул на пол.

— Ты ничего не докажешь, сержант, — наконец сказал Фракк с ледяным спокойствием.

— Допустим. Но я то и дело слышу, что мы живем в современном мире, сэр. Мне не понадобятся доказательства. Я кое-кому перескажу эту историю... и она будет известна в Анк-Морпорке часа через два.

— Если ты выйдешь отсюда живым! — крикнул кто-то.

Джекрам улыбнулся самой хищной своей улыбкой и обрушился на говорившего, как лавина.

— А. Я так и думал, что кто-нибудь из вас это скажет, Хлоя... я вижу,

тебе так и не удалось подняться выше майора, и неудивительно, раз ты блефуешь, черт возьми, без единого козыря на руках. Но, во-первых, честное слово, я устрою вам изрядную баню, прежде чем стражники успеют прибежать, а во-вторых, вы не знаете, что я записал и кто еще в курсе. Всех вас, девочки, в свое время учил я. Хитрость, смелость, здравый смысл... это вам досталось от меня. Разве нет? И даже не думайте, что сумеете словчить, потому что когда речь заходит о хитрости — я просто рыжий лис.

— Сержант, сержант, сержант, — устало сказала Фракк, — объясни, что ты хочешь?

Джеккрам завершил обход вокруг стола и снова остановился в центре, как обвиняемый перед судьями.

— Черт возьми, — негромко сказал он, рассматривая лица офицеров. — Вы ведь не знали, правда?.. Вы не знали. Есть среди вас хоть один, кто знал? Вы думали, других таких нет. Бедняги, да вы посмотрите на себя. Больше трети верховного командования. Вы пробились своими силами, дамы. Чего вы сумели бы достичь, если бы действовали сооб...

Он замолчал и шагнул к Фракк, которая не отрывала взгляда от пронзенных саблей бумаг.

— Скольких ты заметила, Милдред?

— «Генерал», — поправила та. — Я все еще генерал, сержант. Или «сэр». И ответ на твой вопрос — двух-трех.

— Ты повышала их, если они оказывались не хуже мужчин?

— Ну, нет, сержант. За кого ты меня принимаешь? Только если они оказывались лучше мужчин.

Джеккрам широко развел руки в стороны, как шталмейстер, объявляющий новый номер.

— Тогда что вы скажете о солдатах, которых я привел, сэр? Отличные ребята, я таких еще не видал, — он вновь устремил налитые кровью глаза в сторону стола. — Я, как вам известно, сразу вижу, чего стоит новичок. Они не посрамят вашу армию, сэр.

Фракк посмотрела направо и налево. На невысказанный вопрос она получила молчаливый ответ.

— Так, — произнесла она. — В свете некоторых новых сведений все становится ясно. Когда безусые юнцы переодеваются девушками, ничего не стоит ошибиться. Именно это и произошло, сержант. Обыкновенная путаница. Ошибка. Много шума, собственно говоря, из ничего. Разумеется, они мужчины. Они могут вернуться домой хоть сию минуту, получив почетную отставку.

Джеккрам усмехнулся и пошевелил пальцами, как покупатель на ярмарке, намеренный поторговаться. И снова они друг друга поняли.

— Хорошо. Если угодно, они могут продолжать службу в армии, — сказала Фракк. — Разумеется, при соблюдении тайны.

— Нет, сэр.

Полли посмотрела на Джеккрама, прежде чем поняла, что эти слова сорвались с ее собственных губ.

Фракк подняла бровь.

— Как там тебя зовут?..

— Капрал Перкс, сэр! — Полли отсалютовала.

Она увидела, как на лице генерала появилось выражение снисходительной благожелательности. Если она назовет меня «дорогушей», я выругаюсь, честное слово, подумала Полли.

— Послушай, дорогуша...

— Я вам не дорогуша, сэр... или мэм! — отрезала Полли. Перед ее мысленным взором «Герцогиня» сторела дотла, прежняя жизнь вылетела в окно, превратившись в прах, а сама она неслась, как пушечное ядро. Слишком быстро, слишком высоко и не в состоянии остановиться.

— Я солдат, генерал. Я завербовалась. И поцеловала Герцогиню. Сомневаюсь, что генералы обращаются к солдатам «дорогуша».

Фракк кашлянула. Улыбка не сошла с ее лица, хотя стала сдержаннее.

— А рядовые не разговаривают таким тоном с генералами, юная леди. Поэтому забудем эту оговорку.

— Здесь, в этом зале, я не знаю, о чем позабыть, а что помнить, — сказала Полли. — Но мне так кажется, что если вы еще генерал, то я еще капрал, сэр. Не скажу за остальных, но я стою на своем, генерал, потому что поцеловала Герцогиню, а она знала, кто я такая... и не отвернулась.

— Отлично сказано, Перкс, — одобрил Джеккрам.

Полли продолжала:

— Сэр, два дня назад я бы забрала брата и отправилась домой, полагая, что дело сделано. Я просто хотела безопасности. Но теперь я понимаю, что никакой безопасности не будет, покуда длится... вся эта глупость. Поэтому я останусь здесь и поучаствую. Я попытаюсь сделать так, чтобы глупости поубавилось. Я хочу остаться собой, а не Оливером. Я поцеловала Герцогиню. Как и остальные. И вы не можете это отрицать. Вы не можете сказать, что мой поцелуй не считается, потому что это наше с ней дело...

— Вы все поцеловали Герцогиню, — произнес голос.

И по залу прокатилось эхо.

Вы все поцеловали Герцогиню...

— Думаете, это ничего не значит? Думаете, это был просто поцелуй?

Думаете, это ничего не значит...

...просто поцелуй...

Шепот, как прибой, докатился до стен, отхлынул и стал громче, обретая множество оттенков.

Вы думали поцелуй ничего не значит поцелуй просто думали поцелуй значит поцелуй...

Уолти встала. Отряд застыл как вкопанный, когда она, шатаясь, прошла мимо. Ее глаза были устремлены на Полли.

— Как приятно вновь обрести тело, — произнесла она. — Вновь дышать. Дышать — это так чудесно...

Как приятно...

Дышать чудесно тело вновь дышать...

Нечто новое появилось в лице Уолти. Черты остались прежними, носик был таким же острым и красным, щеки такими же впалыми... но что-то неуловимо изменилось. Она подняла руку и пошевелила пальцами.

— Итак... — произнесла она. Эхо на сей раз не отозвалось, но голос зазвучал сильнее и глубже, и он был красив, хотя никто и никогда не назвал бы красивым голос Уолти.

Она повернулась к Джеккраму, который рухнул на колени и поспешно сдернул кивер.

— Сержант Джеккрам, я вижу, вы меня узнали. Ради меня вы шагали по пояс в крови. Наверное, мы должны были что-нибудь сделать для вас, но, по крайней мере, ваши грехи — это грехи солдата, и притом не самые тяжкие. Отныне вы старший сержант, и более подходящего человека на эту должность я не видела никогда. Вам нет равных в ловкости, хитрости и мелких правонарушениях, сержант Джеккрам. Вы отлично справитесь.

Джеккрам, не поднимая глаз, поднес руку к лицу.

— Я недостоин, ваша светлость, — проговорил он.

— Конечно, достойны, — Герцогиня оглянулась. — Где моя армия?..

Ага.

Больше не было никакого эха. Уолти не дрожала, не прятала глаза. Она встала прямо перед генералом, который смотрел на нее разинув рот.

— Генерал Фракк, вы должны оказать мне одну последнюю услугу.

Генерал сердито взглянул на нее.

— Кто ты, черт возьми, такая?

— Вы еще спрашиваете?.. Джеккрам, как всегда, соображает быстрее вас. Вы меня знаете. Я Герцогиня Аннаговия.

— Но вы же... — начал кто-то из офицеров, но Фракк вскинула руку.

— Этот голос... мне знаком, — сказала она шепотом.

— Да. Вы помните тот бал? Я тоже помню. Почти сорок лет назад. Вы были самым юным капитаном в армии. Мы танцевали, хоть мне и не хватало гибкости. Я спросила, давно ли вы получили капитанский чин, и вы ответили...

— Три дня назад... — прошептала Фракк, закрыв глаза.

— А потом мы ели сладкие подушечки и пили коктейль, который, кажется, назывался...

— «Слезы ангела», — сказала Фракк. — У меня сохранилось меню, ваша светлость. И бальная книжечка.

— Да. И когда генерал Скаффер вас уводил, он сказал: «Будет что рассказать внукам, мой мальчик». Но вы были... так преданны, что не обзавелись внуками... Вы стали *мужчиной*... мой мальчик...

...мой мальчик... мой мальчик...

— Я вижу героев, — продолжала Герцогиня, глядя на замерших офицеров. — Все вы отдали мне... многое. Но я требую большего. Куда большего. Есть ли среди вас хоть один, кто не готов умереть за меня в бою? — Уолти повернулась и обвела взглядом все лица. — Нет. Вижу, что нет. И я хочу, чтобы вы сделали то, что, по мнению невежд, проще всего. Постарайтесь *не* умереть в бою. Месть — плохая расплата. Месть похожа на колесо. Оно непременно повернется. Довольно повиноваться мертвецам.

— Что вы хотите от меня, мэм? — выговорила Фракк.

— Позовите остальных офицеров. Заключите перемирие. Это бедное дитя, давшее мне приют, поведет вас. Я слаба, но я могу управлять мелочами. Например, мыслями. Я оставлю ей... что-нибудь. Блеск глаз или знакомые нотки в голосе. Идите за ней. Вторжение должно состояться.

— Разумеется! Но как...

— Вторгнитесь в Борогравию! Во имя здравого рассудка — пришло время вернуться домой! Близится зима, скот не кормлен, старики умирают от холода, женщины плачут, страна гибнет. Боритесь с Нугганом, потому что теперь он ничто — одно лишь ядовитое эхо вашего невежества, мелочности, преступной глупости! Найдите себе достойного бога. И... отпустите меня. Хватит молиться и просить, хватит воздевать руки, которые могли бы дать вам все, о чем вы просите, будь у вас решимость и сила! Кем я была? При жизни — просто глупой женщиной. Но вы верили, что я наблюдаю за вами и слушаю... и я должна была слушать, хотя и знала, что ничем не смогу помочь... О, если бы люди не были столь беспечны в своей вере! Итак, ступайте. Захватите тот край, который вы не

сумели завоевать до сих пор. И эти женщины вам помогут. Гордитесь ими. А чтобы вы не попытались исказить смысл моих слов... чтобы не усомнились... позвольте мне на прощание вернуть ваш дар. Помните. Я целую вас.

...целую...

...целую целую вернуть ваш дар...

...не забывают...

Все как один — или как одна — неуверенно поднесли руку к левой щеке.

Уолти беззвучно упала на пол.

Фракк заговорила первой:

— Это же... думаю, нам нужно...

Она замолчала.

Джеккрам встал, стряхнул пыль с кивера, надел его и отсалютовал.

— Разрешите обратиться, сэр?

— О боги, Джеккрам, — рассеянно отозвалась Фракк. — Нашел время.

Да, да, разрешаю.

— Какие будут приказания, сэр?

— Приказания? — Фракк моргнула и огляделась. — Приказания... приказания... да. В конце концов, я командующий и могу требовать... да, я могу потребовать перемирия, сержант...

— Старший сержант, сэр, — поправил Джеккрам. — Вы правы, сэр, и я сейчас пошлю гонца к союзникам.

— Наверное... нужен белый флаг...

— Не извольте сомневаться, сэр, предоставьте все мне, — заявил Джеккрам — воплощенная деловитость.

— Да, конечно... э... прежде чем заняться делами... дамы и господа, я... э... в частности, тут было сказано... что касается женщин, которые хотят служить в армии... как женщины... очевидно... — Фракк, как будто в изумлении, вновь поднесла руку к щеке. — Мы готовы их принять. Я... не возражаю. Но что касается тех, кто служит уже давно... может быть... еще не время... понимаете?

— Что? — переспросила Полли.

— Печать на моих устах, сэр, — ответил Джеккрам. — Предоставьте все мне, сэр! Отряд капитана Блуза, смирно! Вы получите форму. Нельзя же расхаживать по крепости в таком виде, боги мои, боги!

— То есть мы все-таки солдаты? — уточнила Полли.

— Разумеется, солдаты, иначе стал бы я на тебя орать, упрямая ты девчонка! Мир перевернулся вверх тормашками, и сейчас есть дела

поважнее тебя! Ты получила что хотела, а теперь ищи форму, надевай кивер и, по крайней мере, вытри физиономию! Ты пойдешь парламентом.

— Я, сержант?

— Вот именно. Как только господа офицеры составят официальное письмо. Холтер, Тьют... найдите какую-нибудь подходящую одежду для Перкса. Не трусь, Перкс, держи нос по ветру. Остальные, пошевеливайтесь!

— Сержант... старший сержант Джеккрам, — позвал Блуз.

— Да, сэр?

— Я никакой не капитан.

— Правда? — сказал Джеккрам, ухмыляясь. — Предоставьте это Джеккраму, сэр. Посмотрим, что принесет нам новый день. Ей-богу, какие мелочи, сэр. И я бы на вашем месте, сэр, снял платье.

Джеккрам вышел, выпятив грудь — алую, как у малиновки, и грозную. Он орал на ординарцев, шпынял стражников, салютовал офицерам и, невзирая ни на что, выковывал клинок Решимости из раскаленного докрасна железа Паники. Старший сержант в окружении перепуганных рупертов был счастлив, как терьер в бочонке с крысами.

Остановить бой гораздо труднее, чем начать. Чтобы начать, достаточно крикнуть «Вперед!», а чтобы закончить, за дело нужно приняться всем вместе.

Полли чувствовала, что новость распространяется. «Это девушки!» Ординарцы, которые носились туда-сюда, смотрели на них, как на странных насекомых. Интересно, о скольких даже Джеккрам не в курсе, подумала Полли. Интересно...

Ей по частям собрали форму. Яшма раздобыла вполне подходящие по размеру штаны — для этого достаточно было найти клерка примерно ростом с Полли, приподнять его и вытряхнуть из брюк. Отыскался и мундир. Тьют где-то стянула кивер нужного размера и до блеска начистила кокарду рукавом. Застегивая ремень, Полли увидела в дальнем углу зала знакомую фигуру.

Об этом человеке она уже успела позабыть.

Потуже подтянув пояс и просунув хвостик в пряжку, Полли быстро зашагала через толпу. Страппи слишком поздно увидел ее приближение. Спасаться можно было только бегством, но капитаны не бегают от капралов. Он стоял на месте, как кролик, загипнотизированный взглядом лисицы. Когда Полли приблизилась, он вскинул руки.

— Слушай, Перкс, теперь я капитан, и у меня полно дел... — начал он.

— Интересно, долго ли вы продержитесь в этом чине, сэр? —

прошипела Полли. — Особенно если я расскажу про нашу драку. Про то, как ты натравил на нас князя. Как запугивал Уолти. И как украл мои волосы, ах ты мерзкое маленькое жалкое подобие мужчины! Да из Маникль и то парень получился лучше, чем из тебя, хоть она и беременна!

— Мы знали, что в армии есть женщины, но не подозревали, как далеко распространилась зараза...

— Ты украл мои волосы, потому что знал, что они мне чем-то дороги! — перебила Полли. — Ну так можешь оставить их себе. Я отращу их заново, и никто мне не запретит, слышишь? И кстати... вот как далеко распространилась зараза!

Это была не пощечина, а настоящий удар — такой сильный, что капитан отлетел. И, в лучших традициях Страппи, немедленно воззвал о мести.

— Она ударила вышестоящего офицера! — завопил он.

Несколько человек посмотрели на Страппи. Потом на Полли. И с улыбкой отвернулись.

— На твоём месте я бы сбежала, — посоветовала Полли и развернулась на каблуке, чувствуя, как Страппи кипит от бессильной ярости.

Когда Полли уже собиралась присоединиться к Яшме и Маладикту, кто-то тронул ее за плечо.

— Что? А... простите, майор Клогстон.

Полли подозревала, что, если ей снова придется иметь дело со Страппи, она его убьет. Даже в нынешней ситуации это повлекло бы за собой некоторые неприятности.

— Я хотел поблагодарить вас за приятный день, — сказал майор. — Я сделал все, что мог, но, по-моему, нас... превзошли.

— Спасибо, сэр, — ответила Полли.

— Не стоит благодарности, капрал Перкс. Я буду с интересом и завистью следить за вашей будущей карьерой. Поздравляю. И поскольку, кажется, протокол все равно никто не ведет, я охотно пожму вам руку.

Они обменялись рукопожатиями.

— А теперь вернемся к своим обязанностям, — сказал майор Клогстон, когда появилась Яшма с белой простыней на шесте. — Кстати... меня зовут Кристина. Но, честно говоря, я сомневаюсь, что смогла бы снова привыкнуть к платью.

Маладикту и Яшме велели проводить Полли через крепость, потому что тролль внушает уважение, а вампир его действительно требует. Пока они

проталкивались через коридоры, слышались стоны и радостные возгласы: новости уже распространились. Вот зачем еще была нужна Яшма. Тролли умеют прокладывать дорогу.

— Так, — сказал Джекрам, замыкавший шествие. — Внизу лестницы — дверь, за нею — вражеская территория. Сначала высуньте белый флаг. Безопасности ради.

— А вы не пойдете с нами, сержант?

— Кто, я?! Чтобы кто-нибудь по мне пальнул, перемирие там или нет? Не волнуйтесь, ребята, весть уже разошлась.

— Какая весть?

Джекрам придвинулся ближе.

— Они не станут стрелять в девушку, Перкс.

— Это вы им рассказали?

— Новости быстро разлетаются. Поэтому пользуйся преимуществом. А я пока что найду твоего брата. Клянусь. И еще кое-что... посмотри на меня, Перкс.

Полли, стоя в тесном людном коридоре, обернулась. Глаза Джекрама сверкнули.

— Я знаю, что могу тебе доверять, Перкс. Доверять, как самому себе. Желаю удачи. И не зевай, парень. Поцелуй не длится вечно.

Проще некуда, подумала Полли. Вооруженные стражники, стоявшие у двери, подозвали их.

— Прижмитесь к стене, ясно? И поживей выставляйте тряпку!

Тяжелая дверь распахнулась, и в коридор влетели разом несколько стрел. Одна пробил белый флаг. Полли отчаянно замахала шестом и услышала вдалеке крики и радостные возгласы.

— Идите, — сказал стражник, подталкивая ее вперед.

Полли вышла из полутьмы на свет и на всякий случай снова помахала белым флагом над головой.

Во дворе и на укреплениях были солдаты.

Живые и убитые.

Капитан в окровавленном мундире переступил через несколько тел и протянул руку.

— Можешь отдать мне, боец, — сказал он.

— Нет, сэр. Я вручу это вашему командующему и подожду ответа, сэр.

— Давай сюда письмо, солдат, и я принесу ответ. В конце концов, вы сдались.

— Нет. Мы просим перемирия. Это не одно и то же. Я вручу письмо лично. Вы недостаточно важное лицо... — И тут Полли сообразила: — Я

требую передать письмо командору Ваймсу!

Капитан уставился на нее... присмотрелся внимательнее...

— Ты случайно не одна из...

— Да, — ответила Полли.

— Вы правда их заковали и выбросили ключ?

— Да, — повторила Полли, чувствуя, как перед глазами проносится вся жизнь.

— И им пришлось несколько миль топтать в кандалах и нагишом?

— Да!

— И вы... всего лишь женщины?

— Да! — сказала Полли, решив не обращать внимания на «всего лишь».

Капитан придвинулся ближе и проговорил, почти не двигая губами:

— Эо ыло нечто. Олодцы. Авно надо ыло роучить этих чванных ридурков.

Он выпрямился.

— Командор Ваймс здесь. Следуйте за мной, мисс.

Полли чувствовала, что на нее устремлены сотни глаз. Ее провели в донжон. Там толпилось еще больше солдат, в том числе и несколько троллей. Кто-то присвистнул. Яшма наклонилась, подобрала булыжник и залепила одному из троллей между глаз.

— Не двигаться! — заорал Маладикт, отчаянно размахивая руками, как только сто человек разом схватились за оружие. — Это воздушный поцелуй по-тролльи!

И действительно, тролль, в которого угодил камень, помахал Яшме, хоть и не слишком твердо стоял на ногах.

— Можно пока что обойтись без нежностей? — попросила Полли, обращаясь к Яшме. — Впечатлительные люди могут неправильно тебя понять.

— Зато свистеть они перестали, — заметил Маладикт.

Солдаты наблюдали, как они, пролет за пролетом, поднимались по каменным ступеням. Полли сообразила, что занять эту башню невозможно. Каждый пролет просматривался сверху, и незваного гостя заметили бы, прежде чем он успел увидеть наблюдателя.

Когда они достигли очередного этажа, из сумрака выступила фигура. Полли увидела молодую женщину в старомодном кожаном доспехе с нагрудником. У нее были длинные светлые волосы, и впервые за несколько недель Полли почувствовала зависть.

— Спасибо, капитан, дальше поведу я, — сказала женщина и кивнула

Полли: — Добрый вечер, капрал Перкс... пожалуйста, следуйте за мной.

— Она женщина! И всего лишь сержант! — шепнул Маладикт.

— Вижу, — ответила Полли.

— Но она отдала приказ капитану!

— Может, она из политического...

— И она не скрывает, что женщина!

— Я не слепая, Мал.

— А я не глухая, — сказала женщина и улыбнулась. — Меня зовут Ангва. Если подождете здесь, я велю принести кофе. У начальства сейчас небольшая дискуссия...

Они стояли в чем-то вроде прихожей — в широкой части коридора с несколькими скамейками. В дальнем конце была большая двойная дверь, из-за которой доносились громкие голоса. Ангва ушла.

— И все? — сказал Маладикт. — Что помешало нам взять эту башню?

— Наверное, солдаты с арбалетами, которых мы видели по пути, — напомнила Полли.

Почему именно мы? — подумала она, глядя в стену.

— Ах, *эти* солдаты. Точно. Э... Полли?

— Что?

— Меня зовут Маладикта. Ну, вот я и призналась.

— Ета, очень приятно, — сказала Яшма.

— Да, — подтвердила Полли.

Дома в это время я бы пошла мыть уборную, подумала она. Какой прогресс...

— Я вроде бы неплохо справлялась, — продолжала Маладикта. — Да, да, я знаю, что ты думаешь. Ты думаешь: вампиры живут в свое удовольствие, вне зависимости от пола. Так? Но у нас то же самое. Бархатное платье, кружевные ночнушки, все время веди себя как ненормальная, никакой тебе ванны из крови девственниц, ничего такого. Если тебя считают мужчиной, то принимают намного серьезнее.

— Да, — сказала Полли.

В конце концов, у них выдался долгий день. И от ванны она бы не отказалась.

— И все отлично шло, пока не случилась эта история с кофе. Ожерелье из жареных кофейных зерен — вот что было нужно. В следующий раз подготовлюсь получше.

— Конечно, — сказала Полли. — Отличная идея. И с настоящим мылом...

— Мыло? При чем тут мыло?

— Что? О... прости.

— Ты вообще меня слушаешь?

— Да. Спасибо, что рассказала.

— И все?

— Да, — ответила Полли. — Ты — это ты, ну и хорошо. Я — это я, кем бы я ни была. Холтер — это Холтер. Все мы... просто люди. Неделю назад самым увлекательным событием в моей жизни было чтение новых надписей в мужской уборной. Согласись, с тех пор изменилось многое. И вряд ли отныне что-то сможет меня удивить. Кстати, ожерелье из кофейных зерен, по-моему, очень хорошая мысль, — Полли нетерпеливо притопнула. — Но сейчас я больше всего хочу, чтобы они поторопились.

Они сидели и прислушивались, а потом Полли заметила, как небольшое облачко дыма выплывает из-за скамьи в дальнем углу. Она подошла и заглянула за спинку. Там, подложив руку под голову, лежал человек с сигарой во рту. Он кивнул, увидев Полли.

— Они уже сто лет там спорят, — заметил он.

— Вы, кажется, тот сержант, которого я видела на замковой кухне? Вы корчили рожи, стоя за спиной у лорда Ржава.

— Я не корчил рожи, мисс. Это мой обычный вид, когда лорд Ржав толкает речь. И раньше я действительно был сержантом, вы правы, но сейчас, как видите, у меня никаких нашивок...

— Вы, ета, слишком часто корчили рожи? — спросила Яшма.

Человек рассмеялся. Судя по всему, сегодня он не брился.

— В общем, да. Пойдемте ко мне, там теплее. Я вышел в коридор, потому что господа офицеры жалуются на дым. Не беспокойтесь, они могут и подождать. Мой кабинет рядом.

Они пошли за ним. Кабинет действительно был всего в нескольких шагах дальше по коридору. Странный сержант открыл дверь, пересек маленькую комнатку и опустился в кресло за столом, заваленным бумагами.

— Думаю, мы сумеем раздобыть достаточно еды, чтобы вы пережили зиму, — сказал он, наугад беря лист. — Зерна маловато, зато полно белокочанной капусты. Отлично хранится, полно витаминов и минералов... правда, придется держать окна открытыми. И не надо так смотреть — я знаю, что страна на пороге голода.

— Но я еще даже никому не показала письмо! — запротестовала Полли. — Вы не знаете, что в нем...

— Мне и не нужно, — перебил он. — Главный довод — голодные рты. Силы небесные, нам даже не обязательно с вами драться. Ваша страна вот-

вот развалится сама собой. Поля заросли, в деревнях одни старики, почти все съестное отправляют в армию. А от армии мало проку для сельского хозяйства, не считая того, что солдаты косвенным образом удобряют землю на поле боя. Честь, гордость, слава... неважно. Или война прекратится, или Борогравия погибнет. Понимаете?

Полли вспомнила опустевшие поля и стариков, которые спасали, что могли...

— Мы всего лишь парламентареры, — сказала она. — Я не имею права вести переговоры...

— Вы знаете, что ваш бог умер? — спросил сержант. — Священники говорят, от него остался только голос. В последний раз Нугган объявил Мерзостью уши, камни и аккордеонистов. Насчет последнего пункта я даже согласен, но... камни? Ха. Мы не откажем вам в совете, если надумаете поискать нового бога. Сейчас очень популярен Ом. Короткий список Мерзостей, никаких специальных облачений, а гимны можно распевать в ванной. С Оффлером, Богом-Крокодиллом, боюсь, не получится, учитывая ваши зимы, а Неправославная Картофельная Церковь, наверное, слишком незатейлива для...

Полли рассмеялась.

— Сэр, я... простите, как вас зовут?

— Сэм Ваймс. Чрезвычайный представитель. Что-то вроде посла, только без золотистой фольги.

— Мясник Ваймс? — уточнила Маладикта.

— Да, да, слышал такое, — Ваймс ухмыльнулся. — В Борогравии еще не вполне овладели тонким искусством пропаганды. Я рассказываю вам все это, потому что... вы хотя бы слышали про Ома?

Они покачали головами.

— Нет? Так вот, в «Ветхом Завете Ома» есть история о городе, полном пороков. Ом решил поразить его священным огнем. Это было в те давние времена, когда он еще был грозен и не ударился в религию. Но епископ Рог возразил, и Ом пообещал пощадить город, если епископ найдет в нем хотя бы одного порядочного человека. Епископ обошел все дома и вернулся ни с чем. Когда город превратился в пепелище, оказалось, что в нем было много хороших людей, но, как и положено хорошим людям, они просто постеснялись это признать. Умереть от скромности — ужасная штука. Вы, девушки, — единственные жители Борогравии, о которых мне хоть что-то известно, не считая военных, которые, скажем прямо, неразговорчивы. По сравнению со внешней политикой вашей страны вы даже не такие чокнутые. Более того: вы — единственное местное воплощение

международной доброй воли. Компания парнишек, которые перехитрили опытных драгун, и вдобавок один из них пнул князя по шарам? Чудесная история. А теперь оказалось, что вы девушки? Да все придут в восторг. Мистер де Словв развлечется по полной программе, когда узнает.

— Но у нас нет никаких полномочий! Мы не имеем права договариваться о...

— Чего хочет Борогравия? Не страна. Люди.

Полли открыла рот, чтобы ответить, снова закрыла и задумалась над ответом.

— Оставьте нас в покое, — сказала она. — По крайней мере, на некоторое время. Мы способны измениться.

— Вы примете от нас еду?

— Борогравия — гордая страна.

— И чем вы гордитесь?

Вопрос последовал быстро, как удар, и Полли вдруг поняла, отчего случаются войны. Достаточно было лишь довести до кипения ее ярость.

Может быть, оно развращено, невежественно и глупо, но это мое оте...

Ваймс следил за ее лицом.

— Как мне видится из-за этого стола, — наконец произнес он, — единственное, чем сейчас может гордиться Борогравия, — это вы, девушки.

Полли молчала, пытаясь побороть гнев. Еще неприятнее было сознавать, что он прав. У нас есть гордость. Именно этим мы и гордимся. Мы гордимся тем, что горды...

— Тогда, может быть, вы согласитесь купить еду? — предложил Ваймс, внимательно наблюдая за Полли. — В кредит. Надеюсь, в вашей стране кто-то еще умеет решать международные вопросы, не прибегая к холодному оружию.

— Люди согласятся, да, — хрипло ответила Полли.

— Прекрасно. Вечером я пошлю клик в город.

— Почему вы так щедры, мистер Анк-Морпорк?

— Потому что я родом из чудесного доброго города, капрал... нет, нет, я такое не выговорю, — признал Ваймс. — Хотите знать правду? Большинство жителей Анк-Морпорка понятия не имели о вашей стране, пока не пришли сообщения де Словва. Тут, в горах, теснятся десятка маленьких государств, которые торгуют друг с другом деревянными башмаками, раскрашенными вручную, и пивом из репы. Потом анк-морпоркцы прочитали в газете, что здесь живут сумасшедшие идиоты, которые не переставая дерутся друг с другом. А теперь они знают вас...

людей, которые поступают так, как поступили бы и они. Завтра в Анке будут смеяться. Но среди них есть и те, кто каждый день думает о будущем и полагает, что стоит подружиться с такой страной, как ваша.

— Почему? — подозрительно спросила Маладикта.

— Потому что Анк-Морпорк — друг всех, кто любит свободу! — провозгласил Ваймс. — Черт возьми, я как-то не так говорю. *Же чжи Брогоция прожтфик!* — Он обвел взглядом непонимающие лица. — Простите, я слишком долго не был дома. И, честно говоря, предпочел бы сейчас быть именно там.

— Но почему вы сказали, что вы — блинчик с вишнями? — спросила Полли.

— По-моему, я сказал, что я гражданин Борогравии.

— Нет. «Брогоция» — это блинчик с вишнями. А страна называется «Борогравия».

— Во всяком случае, я честно попытался. Слушайте, будет нехорошо, если князь Генрих станет правителем обеих стран. Тогда получится одно довольно большое государство, намного крупнее соседних. Так что, возможно, оно еще вырастет. Князь хочет подражать Анк-Морпорку. Иными словами, он хочет власти и влияния. Он не намерен заслужить их, дорасти до них или на собственном горьком опыте научиться ими пользоваться. Он просто их хочет.

— Это политическая агитация! — сказала Маладикта.

— Нет. Это правда. Помириться с Генрихом любыми средствами. Оставьте в покое дорогу и клик-башни. Вы получите еду по цене, какую сможете заплатить. Мистер де Словв и его газета об этом позаботятся.

— Это вы прислали кофе, — спросила Полли.

— Да. Через капрала Сварли Свирса — он лепрекон, мое око в небе.

— И вы пустили по нашему следу вервольфа?

— Слишком сильно сказано. Ангва следовала за вами просто из соображений безопасности. Она вервольф, да.

— Та девушка, которую мы встретили на лестнице? Она не похожа на вервольфа!

— Так обычно и бывает, — подтвердил Ваймс. — Вервольфы не похожи на вервольфов... до самого последнего момента, если вы меня понимаете. Она присматривала за вами, потому что я искал способ сделать так, чтобы тысячи людей перестали умирать. И это тоже никакая не политика. — Ваймс встал. — А теперь, дамы, я пойду и передам ваше письмо главам союзников.

— Вы не случайно вышли покурить, да? — спросила Полли,

осторожно подбирая слова. — Вы знали, что мы идем, и постарались встретиться с нами первым.

— Конечно. Не мог же я предоставить дело кучке... как это... рупертов.

— Где мой брат, мистер Ваймс? — холодно спросила Полли.

— Ты, кажется, уверена, что я знаю... — Ваймс отвел глаза.

— Уверена.

— Почему?

— Потому что больше никто не знает!

Ваймс выбросил окурок.

— Ангва не ошиблась в тебе, — сказал он. — Да, я действительно... э... устроил его отдельно, на всякий случай. С ним все в порядке, и Ангва проводит тебя немедленно, если хочешь. Твой брат, месть, шантаж и так далее... безопасности ради я предпочитаю твердо знать, у кого ключи.

Конец пути, подумала Полли. И тут же поняла: нет. У нее сложилось отчетливое впечатление, что собеседник читает ее мысли.

— И все — только ради этого? — спросил Ваймс.

— Нет, сэр, — ответила Полли. — Ради этого все только началось.

— И продолжается. Впереди нелегкий день. Сейчас я отнесу ваше письмо вот в ту комнату в конце коридора и покажу очень важным людям... — его голос зазвучал бесстрастно, — которые обсудят, как дальше быть с Борогравией. Вы получите передышку, еду и, возможно, еще какую-нибудь помощь.

— Откуда вы знаете? — спросила Полли. — Они пока ничего не обсудили!

— Да. Но, как я сказал... когда-то я служил сержантом. Ангва!

Дверь открылась, и вошла девушка-сержант. Ваймс был прав: вервольфа ни за что не разгадать, пока не узнаешь на своей шкуре...

— А я пойду побреюсь, прежде чем предстать перед очень важными людьми, — сказал Ваймс. — Почему-то бритью придают такое большое значение...

Полли ощущала некоторую неловкость, спускаясь по лестнице вслед за сержантом Ангвой. Как начать разговор? «Так, значит, ты вервольф?» — прозвучит глупо. Полли радовалась, что Яшма и Маладикта остались ждать в передней.

— Да, я вервольф, — сказала Ангва.

— Но я еще ни о чем не спросила! — выпалила Полли.

— Я привыкла. Не беспокойся, я умею распознавать, что именно мне

не говорят.

— Ты шла за нами.

— Да.

— Значит, ты знала, что мы не мужчины.

— Конечно, — ответила Ангва. — Обоняние у меня гораздо лучше зрения... да и зрение не из худших. Люди... пахнут. Впрочем, я бы не стала говорить мистеру Ваймсу, если бы не услышала, как вы разговариваете между собой. Вас мог подслушать кто угодно, причем не обязательно вервольф. У каждого есть секреты, которые он не спешит раскрывать. Вервольфы в этом смысле немного похожи на вампиров. Нас терпят... пока мы осторожны.

— Я понимаю... — сказала Полли. С нами то же самое, подумала она. Ангва остановилась у тяжелой, окованной железом двери.

— Он тут, — сказала она, вставляя ключ в замок. — А я пока поболтаю с остальными. Найдешь меня, когда освободишься.

Сердце Полли забилося быстрее, когда она шагнула в комнату и увидела брата. На жердочке у открытого окна сидел канюк. А на стене, у которой трудился Поль, высунув от усердия язык и даже не замечая, что дверь открылась, был другой канюк, летевший прямо на восход.

Сейчас Полли могла бы простить Анк-Морпорку что угодно. Кто-то раздобыл для Поля коробку цветных мелков.

Длинный день все длился. Полли обрела некоторое подобие власти. Как и все они. Им уступали дорогу, на них смотрели. Битва прекратилась, и причиной были именно они, хотя никто не знал в точности почему.

Возможно, им принадлежала некоторая власть, но приказы все-таки отдавала генерал Фракк.

Возможно, приказы отдавала генерал Фракк, но Полли не исключала, что предугадывал их старший сержант Джеккрам.

Наверное, именно поэтому Маникль попросила Полли и Холтер пойти с ней. Их провели в комнату, где под охраной двух стражников стоял смущенный молодой человек по имени Джонни, светловолосый, голубоглазый, с золотой сережкой в ухе, в спущенных до колен штанах — на тот случай, если бы Маникль вздумалось проверить иной опознавательный знак.

Под глазом у парня красовался синяк.

— Этот? — спросила майор Клогстон, которая стояла у стенки и грызла яблоко. — Генерал просил передать, что вы получите приданое в пятьсот крон и поздравления от имени командования.

Джонни слегка приободрился, услышав про пятьсот крон. Маникль долго и внимательно смотрела на него.

— Нет, — наконец сказала она, отворачиваясь. — Это не он.

Джонни открыл рот, но Полли прикрикнула:

— Никто не позволял тебе заговаривать, рядовой!

И такое витало в этот день в воздухе, что Джонни послушно закрыл рот.

— Боюсь, он единственный кандидат, — сказала Клогстон. — Мы нашли множество солдат с сережками, светлыми волосами, голубыми глазами и именем Джонни, а также, как ни странно, изрядное количество фурункулов, но только у этого совпало все. Вы уверены?

— Совершенно, — сказала Маникль, в упор глядя на парня. — Моего Джонни, должно быть, убили.

Клогстон подошла к ней и понизила голос.

— В таком случае генерал неофициально обещает свидетельство о браке, кольцо и вдовью пенсию.

— Это правда возможно? — шепнула Полли.

— Для одной из вас? Сегодня? Вы удивитесь, сколь многое возможно, — ответила Клогстон. — Не думайте о генерале слишком плохо. Она хочет как лучше. Фракк — очень практичный человек.

— Нет, — сказала Маникль. — Я... это все очень хорошо... но... нет. Спасибо. Нет.

— Ты уверена? — спросила Полли.

— Совершенно, — ответила Маникль с непокорным видом. Поскольку она от природы не отличалась строптивостью, вид получился не вполне таким, как она рассчитывала, и скорее напоминал гримасу человека, страдающего геморроем, но все-таки она честно попыталась.

Клогстон отступила.

— Ну, если ты уверен, рядовой... Все честно. Уведите этого парня, сержант.

— Минутку, — попросила Маникль. Она подошла к ошарашенному Джонни, встала перед ним и потребовала:

— Прежде чем тебя уведут, гони мой шестипенсовик, сукин сын!

Полли протянула руку майору Клогстон. Та пожала ее и улыбнулась. Они одержали еще одну маленькую победу. Если лавина достаточно сильная, катятся даже квадратные камни.

Полли зашагала в большой зал, который превратили в женскую казарму — или, по крайней мере, в казарму для женщин, официально

находящихся на службе. Мужчины, взрослые мужчины буквально сбивались с ног, разыскивая подушки и таская дрова для очага. Все это было очень странно. Полли казалось, что с ними обращаются как с чем-то очень опасным и хрупким — например, с огромной красивой бутылкой, полной яда.

В углу главного двора Полли наткнулась на де Словва и мистера Шрика. Удрать было невозможно: газетчики явно кого-то искали.

Де Словв окинул Полли взглядом, в котором упрек сочетался с надеждой.

— Э... так вы женщины? — спросил он.

— Да, — ответила Полли.

Де Словв достал записную книжку.

— Потрясающая история, — сказал он. — Вы действительно прошли сюда с боем и пробрались в крепость, замаскировавшись женщинами?

— Ну... мы и есть женщины, — напомнила Полли. — По-моему, получилась не вполне обычная маскировка. Мы пробрались в крепость... не притворяясь.

— Генерал Фракк и капитан Блуз говорят, что гордятся вами, — продолжал де Словв.

— Так Блуза повысили?

— Да. Фракк говорит, что для женщин вы отлично справились.

— Да уж, — сказала Полли. — Неплохо. Для женщин.

— Генерал сказал... — де Словв заглянул в блокнот, — что вы — цвет женщин Борогравии. Не хотите ли прокомментировать?

Вид у него был невинный, так что, возможно, де Словв действительно не понимал, какая яростная перепалка идет в голове Полли. «Вы — цвет женщин Борогравии. Мы гордимся вами». Эти слова преграждали путь, препровождали в специально отведенное место, поглаживали по головке и дарили на прощание конфетку. С другой стороны, надо же с чего-то начинать...

— Очень любезно с его стороны, — сказала Полли. — Но мы просто хотим закончить свое дело и вернуться домой. Как и все солдаты... — Она ненадолго задумалась и добавила: — А еще — горячего сладкого чая.

К ее удивлению, де Словв это записал.

— Последний вопрос, мисс. Как по-вашему, изменился бы мир, если бы в армию принимали больше женщин? — спросил он, улыбаясь. Наверное, вопрос был шуточный.

— Лучше спросите у генерала Фракка, — посоветовала Полли.

И хотела бы я видеть в эту минуту ее лицо...

— Да, но у вас-то есть свое мнение, мисс?

— Капрал.

— Извините. Капрал. Итак?..

Карандаш завис над бумагой. Это была ось, вокруг которой вращался мир. Де Словв записывал то, что слышал, а потом новости распространялись повсюду. Карандаш, возможно, слабее меча, зато печатный станок тяжелее осадного орудия. Несколько слов способны изменить все...

— Ну... — сказала Полли. — Я...

У дальних ворот началась какая-то суматоха. Показались несколько всадников. Должно быть, их ожидали, потому что во двор поспешно сбегались злобенские офицеры.

— Я вижу, князь вернулся, — произнес де Словв. — Полагаю, он будет не в восторге от перемирия. Ему навстречу послали верховых.

— Он может как-нибудь повлиять на исход переговоров?

Де Словв пожал плечами:

— Вряд ли. Он оставил здесь старших офицеров.

Высокий всадник спешил к Полли — точнее, к двери, рядом с которой она стояла. Взволнованные чиновники и офицеры бежали следом, и князь нетерпеливо от них отмахивался. Но когда перед ним замахали чем-то белым, он остановился так внезапно, что несколько человек в него врезались.

— Э... — сказал де Словв. — Газета с рисунком, насколько я понимаю.

Князь отшвырнул газету.

— Да, это она, — подтвердил де Словв.

Генрих подошел. Теперь Полли могла рассмотреть выражение его лица. Князь метал молнии.

Де Словв, стоя рядом с Полли, открыл чистую страничку и откашлялся.

— Вы собираетесь с ним говорить? — ужаснулась Полли. — Когда князь в таком настроении? Да он же вас убьет!

— Но это мой долг, — ответил де Словв.

Когда князь и его свита достигли дверей, газетчик шагнул вперед и сказал слегка дрогнувшим голосом:

— Ваше высочество, не могли бы вы ответить на несколько вопросов?..

Генрих обернулся и нахмурился, а потом увидел Полли. На мгновение их взгляды скрестились.

Адъютанты князя хорошо знали своего начальника. Когда он схватился за рукоять меча, они сгрудились всей толпой, полностью окружив Генриха. Последовало яростное перешептывание, в котором выделялись громкие возгласы — преимущественно вариации на тему «Что?!». Наконец прозвучала кода: «Какого черта!»

Толпа расступилась. Князь медленно и осторожно смахнул пыль с безупречного мундира, мельком взглянул на Отто и де Словва и, к ужасу Полли, зашагал к ней...

...протягивая руку в белой перчатке.

О нет, подумала она. Но князь умнее, чем полагает Ваймс. Он умеет сдерживать свой гнев. А я — всеобщий талисман на удачу.

— Ради обоюдного блага наших великих держав, — сказал Генрих, — нам предлагают публично пожать друг другу руки в знак дружбы.

Он снова улыбнулся — по крайней мере, позволил уголкам рта приподняться.

Поскольку Полли не видела пути к бегству, она взяла огромную руку и послушно пожала.

— Очень хорошо, — сказал Отто, хватая свой ящик. — Я сделаю только один рисунок, потому что, к сожалению, придется использовать вспышку. Одна секунда, пожалуйста...

Полли уже поняла, что произведение искусства, создаваемое за долю секунды, требует длительной подготовки, во время которой застывшая улыбка превращается в безумную гримасу, а то и в оскал мертвеца. Отто что-то бормотал под нос, устанавливая оборудование. Генрих и Полли застыли, не разнимая рук и глядя на ящик.

— Значит, — шепотом сказал князь, — смелый юноша — вовсе не юноша. Тебе повезло.

Полли старательно улыбалась.

— Вы часто угрожаете перепуганным женщинам? — поинтересовалась она.

— Ерунда. Ты, в конце концов, всего лишь крестьянская девчонка. Что тебе известно о жизни? Но ты проявила характер!

— Скажите «сы-ыр», — потребовал Отто. — Один, два, три... чтоб тебя!..

Когда пятна в глазах окончательно рассеялись, вампир уже восстал из праха.

— Однажды, надеюсь, я все-таки найду фильтр, который будет работать, — сказал он. — Фсем спасибо.

— Мы пожали руки в знак мира между нашими государствами, —

Полли улыбнулась, выпустила руку князя и отступила на шаг. — А это вам, ваше высочество, от меня...

Нет, она не ударила. Жизнь есть постепенное осознание того, как далеко ты можешь зайти. Но некоторые даже в этом осознании заходят слишком далеко. Впрочем, ложного движения коленом оказалось достаточно, чтобы титулованный идиот самым нелепым образом согнулся, прикрывая фамильные драгоценности.

Полли зашагала прочь, напевая в душе. Это был отнюдь не сказочный замок, и ее не ждал счастливый финал в духе «Стали они жить-поживать», но, во всяком случае, она чуть было не съездила по шарам прекрасному принцу.

Оставалось еще одно дело.

Солнце уже почти село, когда Полли наконец нашла Джекрама. Кровавый свет лился через высокие окна самой большой замковой кухни. Джекрам сидел в одиночестве за длинным столом у очага, в полной форме, и уписывал толстый ломоть хлеба, намазанный свиным жиром. Рядом стояла кружка с пивом. Он поднял глаза, когда увидел Полли, и дружелюбным кивком указал на соседний табурет. Вокруг суетились женщины.

— Свиная намазка с солью и перцем и кружка пива... — сказал он. — Вот что такое рай. Кухня здесь первый сорт. Хочешь кусочек? — Джекрам махнул служанке, которая пританцовывала от нетерпения.

— Не сейчас, сержант.

— Точно? Есть старая поговорка. Все, в том числе поцелуй, преходяще, а жратва вечна. Надеюсь, усомниться в этом повода не будет.

Полли села.

— Пока поцелуй еще длится, — сказала она.

— У Маникль все наладилось? — спросил Джекрам. Он допил пиво, щелкнул пальцами и указал служанке на пустую кружку.

— Она всем довольна, сержант.

— И прекрасно. Лучше быть не может. Что дальше, Перкс?

— Не знаю, сержант. Я отправлюсь с Уол... с Элис и с остальными и погляжу, что будет.

— Удачи. Присмотри за ними, Перкс, потому что я ухожу.

— Сержант? — в ужасе сказала Полли.

— Похоже, в мире стало на одну войну меньше. Точка. Конец пути. Я выполнил свой долг и дальше не пойду. На истории с генералом я растратил весь порох. Скорее всего он будет рад, если я наконец

попрощаюсь. И потом, старость не радость. Сегодня во время штурма я убил пятерых, а потом задумался зачем. Это плохой знак, Перкс. Лучше я уйду, прежде чем вконец утрачу хватку.

— Вы уверены, сержант?

— О да. Похоже, для меня все эти штуки вроде «мое отечество, право оно или нет...» остались в прошлом. Пора передохнуть и наконец понять, за что же мы, собственно, дрались. Ты точно не хочешь свиной намазки? В ней есть хрустящие кусочки. Вот что я называю «высший класс».

Полли отмахнулась от протянутого куска хлеба, намазанного жиром, и сидела молча, пока Джеккрам уплетал свою порцию.

— Забавно... — наконец сказала она.

— Что именно, Перкс?

— Так странно понять, что дело не в тебе. Считаешь себя героем, а в итоге оказывается, что ты — всего лишь часть чужой истории. Все будут помнить Уол... Элис. А мы ей просто помогали.

Джеккрам ничего не сказал, но, как и предчувствовала Полли, извлек смятую пачку жевательного табака. Тогда она сунула руку в карман и вытащила небольшой сверток. Карманы, подумала она. Нам непременно понадобятся карманы. Солдату без них не обойтись.

— Возьмите, сержант, — сказала Полли. — Ну же, разверните.

Это оказался маленький кисет из мягкой кожи, с завязками. Джеккрам покрутил его в руках.

— Ей-богу, Перкс, я не склонен к сантиментам... — начал он.

— Да. Я заметила. Но эта грязная оберточная бумага действует мне на нервы. Почему вы сами не обзавелись приличным кисетом? Седельщик сшил бы его за полчаса.

— Такова жизнь, — ответил Джеккрам. — Каждый день думаешь: «О боги, пора бы завести новый кисет», а потом становится некогда, и в конце концов остаешься с чем был. Спасибо, Перкс.

— Я подумала: «Что подарить человеку, у которого есть все?» Правда, ничего другого я и не могла себе позволить, — сказала Полли. — Только на самом деле у вас не все есть, сержант, правда ведь? Сержант?..

Она почувствовала, что Джеккрам замер.

— Хватит, Перкс, — велел он, понизив голос.

— Я подумала... почему вы никому не показываете ваш медальон, сержант? — бодро продолжала Полли. — Тот самый, который носите на шее. И не надо так сердито на меня смотреть. Да, да, если я сейчас уйду, то никогда не узнаю наверняка, и, может быть, вы так никому его и не покажете и ничего не расскажете, а однажды нас обоих не станет... жаль,

правда?

Джекрам пристально смотрел на нее.

— Ей-богу, вы хороший человек, — закончила Полли. — Очень хороший, сержант. Вы сами это каждый день твердите.

Кухня вокруг гудела женскими голосами. Женские руки никогда не бездельничают — они держат детей, сковородки, тарелки, пряжу, щетку, иголку... даже когда женщины разговаривают, они одновременно заняты делом.

— Никто тебе не поверит, — наконец ответил Джекрам.

— А кому я расскажу? Вы правы. Никто не поверит. Но вам я поверю.

Джекрам рассматривал кружку с пивом, как будто пытаюсь разглядеть в пене будущее. Наконец он решился. Сержант вытащил золотую цепочку из-под грязного жилета, отстегнул медальон и осторожно открыл крышку.

— Вот, — сказал он, передавая медальон Полли. — Хотя не много тебе с того будет проку.

На обеих половинках было по миниатюре. Темноволосая девушка и белокурый молодой человек в форменном мундире «Тудой-судой».

— Вы очень удачно вышли, — сказала Полли.

— Не болтай ерунды, Перкс.

— Честное слово. Я смотрю на портрет, потом на вас... и в ее лице вижу ваше. Конечно, раньше вы были бледнее. И... тоньше. Кто этот юноша?

— Его звали Вильям.

— Вы его любили?

— Да.

— И пошли за ним в армию...

— Да, да, старая история. Я... была крепкой рослой девкой. Ну, сам видишь. Художник постарался, но для картины маслом я никогда не годилась. Разве что для акварели. Там, где я родилась, в жены охотнее всего брали таких женщин, которые могли каждой рукой поднять по боровку. И вот однажды, когда Вилли завербовали, я таскала боровков, помогая папаше, и потеряла башмак в грязи, и старик стал на меня орать, и я подумала: к черту. Вилли никогда на меня не орал. Я раздобыла мужскую одежду, неважно как, отрезала волосы, поцеловала Герцогиню и через три месяца... я стала «избранным парнем».

— Кем-кем?

— Так раньше называли капралов, — сказала Джекрам. — Избранный. Да, да, я тоже улыбнулась, когда услышала. Так и пошло. Армия — просто рай по сравнению с порослячьей фермой и тремя ленивыми братьями.

— И сколько лет вы служите, сержант?

— Честно говоря, не помню. Я всем говорю, что не знаю, сколько мне лет, и это суцая правда. Я столько раз врала насчет своего возраста, что в конце концов сама себе поверила... — Джеккрам начала осторожно перекладывать жевательный табак в новый кисет.

— А ваш возлюбленный? — тихо спросила Полли.

— Нам было хорошо, очень хорошо... — Джеккрам остановилась на мгновение и посмотрела в никуда. — Его так и не повысили, потому что он заикался, зато у меня был громкий командный голос, и офицеры это ценили. Вилли не возражал. Даже когда я дослужилась до сержанта. А потом его убили в бою под Шепплом. В шаге от меня.

— Как жаль...

— Тебе нечего жалеть, ты тут ни при чем, — спокойно произнесла Джеккрам. — Я переступила через тело Вилли и проткнула сукина сына, который его убил. Он был не виноват, я тоже. Мы оба выполняли свой долг. А потом, через несколько месяцев, у меня появился... небольшой сюрприз. Его назвали Вильямом, в честь отца. Я вовремя попросилась в отпуск. Моя бабка вырастила мальчика и отдала в учение к оружейнику в Скритце. Отличное ремесло. Никто не станет убивать хорошего оружейника. Однажды я встретил капитана, который купил у Вильяма прекрасный меч. Он показал его мне. Конечно, он ничего не знал. Отличный был меч, черт возьми. С гравировкой на рукояти и все такое, высший класс. Теперь, говорят, мой Вильям женат, у него четверо детей, карета, пара лошадей, слуги, большой дом... как ты, однако, внимательно слушаешь...

— Уолти... то есть Уолти и Герцогиня сказали...

— Да, да, да, они упоминали Скритц и меч. Тогда-то мне и стало ясно, что за вами, ребятки, присматриваю не только я. Я поняла, что вы уцелеете. Старушка Герцогиня нуждалась в вас.

— Вы должны поехать в Скритц, сержант.

— Должна? Кому должна? Я почти всю жизнь прослужила Герцогине, но теперь она не имеет на меня никаких прав. Я принадлежу только себе. Как всегда.

— Ой ли, сержант?

— Ты плачешь, Перкс?

— Ну... это немного грустно.

— Надо сказать, в свое время я тоже поревела, — признала Джеккрам, продолжая складывать табак в новый кисет. — Но в общем и целом, если так посмотреть, я прожила неплохую жизнь. Я видела кавалерийский прорыв в битве при Сломпе. Я стояла в Тонкой Красной Линии, которая

держалась против тяжелых драгун на Овечьем Перегоне. Я отбила наш флаг у четверых мерзавцев в Раладане. Я побывала в разных странах и повидалась с интересными людьми, которых, впрочем, приходилось убивать, пока они не успели прикончить меня. Я потеряла возлюбленного, но у меня есть сын... Поверь, в Борогравии немало женщин, которым повезло гораздо меньше.

— И... вы замечали в армии других девушек...

— Х-ха! Это было своего рода хобби. Почти сплошь — перепуганные бедняжки, которые бежали на войну бог весть от чего. Их скоро разоблачали. Попадались и такие, как Маникль, которые разыскивали своих парней. Но были и другие... с огоньком. Притом с изрядным. Их надо было всего лишь направить в нужную сторону. Я, так сказать, подставляла плечо. Сержант может быть чертовски влиятельным лицом. Там словечко, тут кивок, иногда — небольшая подтасовка в документах или шепот в потемках...

— ...пара носков, — добавила Полли.

— Да, да, — Джеккрам ухмыльнулась. — Всех озадачивает визит в уборную. А я бы сказал, что это меньшая из проблем. В мирное время никто не обратит внимания, а на войне все справляют нужду одинаково, а главное, быстро. Да, я им помогала. Я была... как это называется... *серым ковырдиналом*, и, ей-богу, пришлось немало поковыряться в грязи, чтобы протащить кое-кого из них на самый верх. «Джеккрамовы ребятки» — вот как я их называла.

— И они даже не подозревали?

— Подозревать старого Джека Джеккрама, который до краев полон рома и уксуса? — спросила Джеккрам со знакомой хитрой усмешкой. — Джека Джеккрама, который способен остановить кабацкую драку, разок рыгнув? Нет, сэр. Может быть, кто-то что-то и подозревал, может быть, они и сообразили, что дело нечисто... но я ведь просто-напросто толстый старый сержант, который знает каждую собаку... ну и пьет все, что горит.

Полли вытерла глаза.

— И что вы будете делать теперь... если не поедете в Скритц?

— У меня кое-что отложено на черный день, — сказала Джеккрам. — Ну... солидное «кое-что», честно говоря. Мародерство, военная добыча, воровство... и так далее. Я в отличие от других парней не расшвырял то, что нажил. Я помню почти все нычки, где припрятал что-нибудь ценное. Я всегда надеялся открыть кабак или дом свиданий... заведение высокого класса, и не нужно так на меня смотреть. Ничего похожего на ту вонючую палатку. Нет-нет, дом с шеф-поваром, хрустальными люстрами и красным

бархатом, куда не каждого пустят. Пусть для виду заправляет какая-нибудь шикарная дама, а я буду барменом и вышибалой. Запомни на будущее, парень, не помешает. Этот совет пригодился не одному из Джеккрамовых ребят. Иногда надо заглянуть в дом порока, иначе приятели удивятся. Я обычно брал с собой книжку почитать, а девице предлагал вздремнуть, потому что работка у них нелегкая.

Полли помолчала.

— Вы не хотите поехать к своим и повидать внуков?

— Я им такой радости не пожелаю, парень, — твердо сказала Джеккрам. — И не посмею. Мой сын — уважаемый в городе человек! А я что могу ему дать? Он не обрадуется, если какая-то старая кляча постучит к нему в заднюю дверь, заплюет весь пол табаком и скажет, что она его мать!

Полли несколько секунд смотрела в огонь, а потом ей пришло в голову...

— А как насчет храброго старшего сержанта, в галунах и медалях, который подкатит к парадному ходу в роскошном экипаже и скажет оружейнику Вильяму, что он его отец?

Джеккрам уставилась на нее.

— Неразбериха военного времени, и все такое, — продолжала Полли, и ее мысли вдруг бешено понеслись. — Первая любовь. Долг зовет. Разбитые семьи. Бездна надежды. Проходят десятки лет. Нежные воспоминания. Но однажды... случайно услышал пару слов в баре. Да! Отличная идея. Надежда ожила. Снова поиски. Может быть, пара взяток. Разговоры со старухами. И, наконец, адрес...

— Чего ты плетешь, Перкс?

— Вы лжец, сержант, — сказала Полли. — Лучший из всех, кого я знала. Ну так солгите напоследок, и этой ложью окупится все! Почему бы и нет? Покажите сыну медальон. Расскажите о девушке, которую когда-то оставили...

Джеккрам отвела глаза.

— У тебя черт знает какая толковая голова, Перкс. Только где мне взять роскошный экипаж?

— Сегодня-то, сержант? Да здесь, в высших кругах, есть... настоящие мужчины, которые дадут вам все, что ни попроси, и вы это знаете. Особенно если намекнуть, что вы с ними распрощаетесь навсегда. Вы никогда ничего не просили, и на вашем месте, сержант, я бы хваталась за выгоду, пока можно. Это закон «Тудой-судой», сержант. Хватай сыр, пока он рядом, потому что поцелуй не длится вечно.

Джекрам глубоко вздохнула.

— Я подумаю, Перкс. А теперь катись.

Полли встала.

— Подумайте как следует, сержант, ладно? Вы сами сказали: всякий, у кого хоть кто-нибудь остался, сейчас в выигрыше. Четверо внуков? Да я бы гордилась, будь у меня дедушка, который может убить табачным жевком муху на дальней стене!

— Я тебя предупреждаю, Перкс.

— Мысли вслух, сержант.

— Ладно, ладно... — проворчала Джекрам.

— Спасибо за помощь, сержант.

Джекрам не обернулась.

— Я пойду, сержант.

— Перкс! — позвала Джекрам, когда Полли дошла до двери. Та вернулась.

— Что, сержант?

— Я... ожидала от них большего. Я думала, они будут лучше мужчин. Беда в том, что они действительно держались как мужчины... и даже более того. Говорят, армия из любого сделает мужчину? Так вот... что бы там ни было дальше, оставайся собой. В прошлом слишком много лжи — и ни крупницы истины. Плохо это или хорошо, но будь собой.

— Непременно, сержант.

— Это приказ, Перкс. И кстати...

— Что, сержант?

— Спасибо, Перкс.

Полли помедлила, прежде чем вновь взяться за ручку двери. Джекрам повернулся к огню и откинулся на спинку кресла. Вокруг сержанта деловито гудела кухня.

Прошло полгода. Мир не стал идеальным, но земля продолжала вращаться.

Полли сохраняла газетные вырезки. Они не отличались точностью в деталях, потому что авторы рассказывали... истории, а не передавали события. Это было все равно что смотреть на картины после того, как ты видел события собственными глазами. Но они и вправду двинулись к замку Герцогини, и Уолти ехала впереди на белом коне, держа флаг. И люди вправду выходили из домов и присоединялись к ним, так что к воротам с радостными криками подошла уже не армия, а организованная толпа. И стражники действительно бросили на них один лишь взгляд, всерьез

задумались о своем будущем — и ворота распахнулись, прежде чем белый конь ступил на подъемный мост. Никакой стычки. Вообще никакого сопротивления. Главное свершилось. Страна вздохнула полной грудью.

Полли сомневалась, что портрет Герцогини, стоявший на мольберте в большом и пустом тронном зале, улыбнулся, когда Уолти подошла к нему. Лично Полли не видела никакой улыбки, но десятки людей клялись, что Герцогиня действительно улыбнулась. Рано или поздно начинаешь задумываться, что такое правда и не существует ли она во множестве обликов...

Так или иначе, у них все получилось. А потом...

...потом они отправились по домам. Так поступили многие солдаты, пока длилось зыбкое перемирие. Уже выпал первый снег. Тем, кто хотел воевать, предстояло дать бой зиме. Она пришла с копьями льда и стрелами голода, засыпала снегом горные тропы и сделала весь остальной мир далеким, как луна.

И тогда открылись старые гномьи шахты, и начали появляться груженные пони. Недаром говорили, что гномьи ходы есть повсюду, и не только ходы — настоящие потайные каналы под горами, пристани, системы шлюзов, с помощью которых можно поднять лодку на милю вверх, в темноте, вдалеке от гуляющих на вершинах ветров.

В Борогравию привезли капусту, картошку, свеклу, яблоки, бочонки с жиром... все, что хорошо хранится. И зима была побеждена. Потоки талого снега стекли с гор, и Кнек вновь начал бессмысленно извиваться по илистой равнине.

Они отправились по домам, и порой Полли сомневалась — а уходили ли они? Неужели мы и правда воевали? — думала она. Отряд приветствовали по пути в замок Князь Мармадюк Пётр Альберт Ганс Йозеф Бернгард Вильгельмсберг, с ними обращались гораздо лучше, чем предполагало их звание, для них даже придумали специальную форму. Но из головы у Полли не выходил Беззубый Аббенс.

Мы не солдаты, подумала она. Мы — девушки в военной форме. Своего рода амулет на удачу. Талисман. Мы не настоящие. Всего лишь символ... чего-нибудь. Мы неплохо справились — для женщин. Мы нужны лишь на время.

Холтер и Тьют не грозило возвращение в Школу — и они отправились своей дорогой. Уолти взяли в дом к генералу Фракку. Теперь у нее были отдельная комната и полный покой. Уолти по мере сил приносила пользу, а главное — ее не били. Она написала Полли письмо — мелкими шаткими

буквками. Она была вполне счастлива; мир без побоев казался ей раем. Яшма и ее кавалер ушли и, наверное, занялись какими-то более интересными тролльскими делами. Маникль... ну, Маникль жила по своему календарю. Маладикта исчезла. Игорина перебралась в столицу и решала там женские проблемы... по крайней мере, те из них, которые не назывались словом «мужчина». Вышестоящие офицеры вручили отряду медали и проводили с натянутыми, неестественными улыбками.

Поцелуй не длится вечно.

Не то чтобы случилось много хорошего — но, по крайней мере, прекратилось плохое. Старухи по-прежнему ворчали, но на них не обращали внимания. Ни у кого не было ни инструкций, ни карты, никто не сказал бы с полной уверенностью, кто теперь главный. На всех углах шли ссоры и споры. Это пугало и вдохновляло. Каждый день приносил новые открытия. Полли надевала старые штаны брата, когда мыла пол в трактире, и не слышала в свой адрес даже «гм». А еще — Работная школа сгорела дотла, и в тот же день два худеньких существа в масках ограбили банк. Полли усмехнулась, услышав об этом. Маникль перебралась в «Герцогиню». Ее сына называли Джеком. Поль его обожал. А потом...

Кто-то снова изрисовал стены в мужской уборной. Полли не смогла смыть рисунки и ограничилась тем, что подправила анатомические детали. Истратив два ведра воды, она навела чистоту — по меркам трактирного нужника — и мысленно поставила галочку, как делала каждое утро. Когда она вернулась в бар, компания взволнованных мужчин разговаривала с ее отцом. Они как будто слегка испугались, когда Полли вошла.

— Что стряслось? — спросила она.

Отец кивком указал на Беззубого Аббенса, и все слегка посторонились. Аббенс так брызгал слюной, что никто не жаждал чересчур тесного общения.

— Эти брюквоеды снова вжались жа швое! — сообщил он. — Они к нам вторгнутша! Князь говорит, что наша жемля принадлежит ему.

— Потому что он дальний родич Герцогини, — сказал отец Полли.

— Но я слышала, что пока ничего не решено, — возразила Полли. — И потом, еще действует перемирие.

— Похоже, он шам вше решил, — ответил Аббенс.

Остаток дня прошел в ускоренном темпе. На улицах стояли люди, занятые энергичными разговорами, у ворот городской ратуши собралась толпа. То и дело выходил клерк и вешал на ворота очередную сводку новостей. Толпа смыкалась, как кулак, и раскрывалась наподобие цветка. Полли протолкалась в первый ряд, не обращая внимания на недовольные

голоса, и пробежала глазами листок.

Все то же самое. Снова «требуются добровольцы». Знакомые слова. Знакомый хриплый зов давно покойных солдат, которые приглашали живых присоединиться. В генерале Фракк, несомненно, было «что-то старушечье», как выразился бы Блуз. Или, возможно, тяжесть эполет гнула генерала к земле.

Поцелуй не длится вечно. Пускай Герцогиня предстала перед ними во плоти и на некоторое время перевернула мир с ног на голову; пускай все они решили сделаться лучше и по чьей-то несомненной милости получили право вздохнуть полной грудью...

Но... было ли это на самом деле? Даже Полли иногда сомневалась — а ведь она видела собственными глазами. Может быть, голос звучал только в их головах? Что-то вроде галлюцинации. Известно, что солдаты в минуты сильнейшего нервного напряжения видят богов и ангелов. За долгую зиму чудо утратило новизну, и люди сказали: «Да, конечно, но давайте трезво смотреть на вещи».

Все, что мы получили, — это шанс. Не чудо, не избавление, не волшебство. Просто шанс.

Она вернулась в трактир. Голова у нее гудела.

В «Герцогине» Полли ждала посылка, довольно большая и тяжелая.

— Ее привезли на повозке из Скритца, — взволнованно сказала Маникль. Она возилась на кухне. Теперь это была ее кухня. — Интересно, что там такое? — с намеком сказала она.

Полли сняла крышку с неструганого деревянного ящика и обнаружила, что он полон соломы. Наверху лежал конверт. Она открыла его.

В конверте оказалась иконография. Судя по всему, дорогая. Семейный портрет с занавесками и пальмой в горшке на заднем плане, чтобы привнести немного шика. Слева с очень гордым видом сидел мужчина средних лет; справа — женщина примерно того же возраста, не столько гордая, сколько озадаченная, но все-таки довольная, раз ее муж счастлив; вокруг, глядя на зрителя — кто с улыбкой, кто с прищуром, кто с удивлением, кто с внезапным сожалением о том, что заранее не сходил в туалет, — сидели дети всех возрастов, от долговязого подростка до пухлого прелестного малыша.

А в кресле, в середине, в центре всеобщего внимания, расположился старший сержант Джеккрам, сияющий как солнце.

Полли уставилась на него, потом перевернула карточку. Сзади большими черными буквами было написано: «Последний бой старшего сержанта Джеккрама». И чуть ниже — «Они мне больше не нужны».

Полли улыбнулась и разворошила солому. В ящике, завернутые в ткань, лежали две сабли.

— Неужели это старина Джеккрам? — спросила Маникль, рассматривая картинку.

— Да. Он разыскал сына, — ответила Полли, разворачивая ткань. Маникль вздрогнула, увидев саблю.

— Вот гадость, — сказала она.

— Они неживые, — заметила Полли.

Она положила обе сабли на стол и уже собиралась убрать ящик, когда заметила на дне, в соломе, нечто маленькое, продолговатой формы, обернутое тонкой кожей...

Записная книжка в дешевом переплете, с пожелтевшими, пахнущими плесенью страницами.

— Что это? — спросила Маникль.

— Кажется... да, это его записная книжка, — ответила Полли, перебирая страницы.

Вот оно, подумала она. Все они здесь. Генералы, майоры, капитаны... боги мои, боги. Да их же... сотни. Может быть, целая тысяча наберется. Имена, *настоящие* имена, производство в чин, даты... всё...

Полли вытащила белую картонную карточку, всунутую в книжку вместо закладки. На ней красовался замысловатый герб, а ниже значилось:

Уильям де Словв
Редактор «Анк-Морпоркской Правды»
«Правда — мать беды»
Ат-Морпорк, Тусклая улица
клик-мейл: WDW@Times.AM

Над словом «беды» были вписаны буквы «п» и «о».

На ум пришла странная мысль...

Сколько существует способов выиграть войну? Теперь у нас есть клик-башни. А я знаю человека, который ходит и записывает. Мир перевернулся. Маленькие отважные страны, ищущие самоопределения, бывают полезны большим державам, у которых свои планы.

Пора хватать сыр.

Выражение, с которым Полли смотрела в стену, могло напугать кое-каких важных особ. И еще сильнее они бы встревожились, если бы проведали, что она провела следующие несколько часов над бумагой. Она знала, что генерал Фракк не достигла бы своего нынешнего положения,

будь она глупа, а значит, Полли не возбранялось последовать ее примеру. Она переписала всю книжку, сунула ее в старую банку из-под варенья и спрятала под крышей конюшни. Написала несколько писем. Достала из шкафа форму и критически осмотрела.

Форма, которую сшили для них, обладала особым, дополнительным качеством — по ней было видно, что она предназначалась для девушек. Больше галуна, лучше покрой, вместо брюк — длинная юбка с турнюром. И перья на кивере. На мундире у Полли были нашивки сержанта. Наверное, кто-то пошутил. Командир женского отряда. Мир, видимо, и впрямь перевернулся.

Они были талисманами на счастье, символами... Возможно, по сравнению с тем, что случилось в замке КнязьМармадьюкПётрАльбертГансЙозефБернгардВильгельмсберг, это и впрямь было неплохой шуткой. Но когда мир становится с ног на голову, шутку тоже можно вывернуть наизнанку. Спасибо, Беззубый Аббенс, хоть ты и не подозревал, чему научил меня. Когда люди над тобой смеются, они теряют бдительность. Когда они теряют бдительность, можно пнуть их между ног.

Полли осмотрела себя в зеркало. Волосы достаточно отросли, чтобы мешаться, и недостаточно — чтобы смотреться красиво, поэтому Полли просто причесалась и больше не стала с ними возиться. Она надела форму — юбку поверх штанов — и попыталась отогнать неприятное ощущение, что она переодевается женщиной.

Вот так. Она выглядела совершенно безвредно. Чуть менее безвредно она выглядела с двумя саблями и арбалетом на спине. Особенно если знать, что трактирные доски для метания дротиков были все в дырах. Она тренировалась.

Полли прокралась по коридору к окну, выходившему во двор. Поль стоял на стремянке и красил вывеску. Отец держал лестницу и давал указания в своей излюбленной манере, то есть через пару секунд после того, как Поль начинал что-то делать. А Маникль — хотя Полли была единственной в «Герцогине», кто звал ее по-прежнему, — наблюдала за ними с Джеком на руках. Очаровательная сцена. На мгновение Полли пожалела, что у нее нет медальона.

«Герцогиня» была меньше, чем она думала. Но если она собиралась защищать ее, стоя у порога с мечом в руках, то опоздала. Чтобы позаботиться о малом, сначала нужно позаботиться о большем. Возможно, весь мир недостаточно велик...

Записка, которую Полли оставила на столике, гласила: «Маникль, я

надеюсь, что вы с Джеком счастливы. Поль, береги ее. Папа, денег я не взяла, но мне нужна лошадь. Постараюсь отослать ее домой. Люблю вас всех. Если я не вернусь, сожгите письмо и пошарьте под крышей конюшни».

Она вылезла в окно, оседлала лошадь и вывела ее через заднюю калитку. Полли села в седло, лишь когда оказалась за пределами слышимости, и поехала вдоль реки.

По Борогравии шагала весна. Деревья наливались соком. Каждую минуту в лесу прирастала тонна бревен. Повсюду пели птицы.

У паромы стоял стражник. Он нервно взглянул на Полли, когда та завела лошадь на паром, и ухмыльнулся.

— Доброе утро, мисс, — бодро сказал он.

Ну что ж... пора начинать. Полли, чеканя шаг, подошла к озадаченному стражнику.

— Умничаешь? — поинтересовалась она, стоя почти вплотную.

— Нет, мисс...

— Не мисс, а сержант! — поправила Полли. — А теперь еще разок. Я спросила: ты что, умничаешь?

— Нет, сержант!

Полли подалась вперед, так что их носы оказались на расстоянии дюйма друг от друга.

— А почему?

Улыбка увяла. Этот солдат явно не относился к тем, кого ждало быстрое продвижение по службе.

— Э?.. — выдавил он наконец.

— Если вам недостает ума, сударь, значит, вам повезло, и вы дурак! — рявкнула Полли. — А я сыта чужой глупостью по горло. Ясно?

— Да, но...

— Что «но», солдат?

— Э... но... это... но... ничего, сержант.

— Вот и славно.

Полли кивнула паромщикам.

— Пора? — спросила она, но с повелительным оттенком.

— Вон идут еще двое, сержант, — сказал один из паромщиков, который соображал быстрее.

Они подождали. Точнее сказать, шли трое. В том числе Маладикта, в полной форме.

Полли ничего не сказала, пока паром не достиг середины реки. Вампирша улыбнулась ей так, как умеют улыбаться только вампиры. Эту

улыбку по степени кротости можно было бы назвать голубиной, будь у голубей клыки.

— Я решила попробовать еще разок, — сказала Маладикта.

— Мы найдем Блуза.

— Он теперь майор. И счастливый, как крыса в сыре, потому что, говорят, в его честь назвали какие-то перчатки. А что нам от него надо?

— Он разбирается в кликах. Он знает, какими еще способами можно сражаться. А я знаю... разных людей, — ответила Полли.

— Ага. В стиле «ей-богу, я врать не стану, но я-то людей знаю»?

— Да-да, именно это я и имела в виду.

Волны плескались о борт парома.

— Прекрасно, — сказала Маладикта.

— Впрочем, не знаю, чем все это закончится, — произнесла Полли.

— Тем лучше.

И тогда Полли решила, что знает достаточно, чтобы действовать. Их врагами были не мужчины, не женщины, не старики и старухи и даже не мертвецы. А просто идиоты во всех разновидностях. Никто не вправе быть идиотом.

Она посмотрела на двух пассажиров, которые бочком взошли на борт. Деревенские парни в потрепанной одежде не по росту. Они держались в сторонке и неотрывно смотрели под ноги. Но одного взгляда хватило. Мир перевернулся вверх тормашками, история повторялась. И почему-то Полли вдруг очень обрадовалась.

— Хотите завербоваться, парни? — бодро спросила она.

Они промямлили «да».

— Отлично. А ну-ка встаньте прямо, — велела Полли. — Я на вас посмотрю. Головы выше. Так. Хорошо. Жаль, что вы заранее не поучились ходить в штанах. И я вижу, ни одна не прихватила лишнюю пару носков.

Разинув рты, они уставились на нее.

— Как вас зовут? — продолжала Полли. — Я имею в виду по-настоящему.

— Э... Розмарина, — сказала одна.

— Мари, — ответила вторая. — Я слышала, девушкам тоже разрешили служить, но все смеются, поэтому я решила, что лучше притвориться...

— Если угодно, можете завербоваться как мужчины, — сказала Полли. — Хорошие парни нам нужны.

Девушки переглянулись.

— Парням можно ругаться. И штаны удобней юбки, — продолжала Полли. — Но выбор за вами.

— Выбор? — уточнила Розмари.

— Конечно, — ответила Полли. Она положила руки им на плечи, подмигнула Маладикте и добавила: — Вы мои ребятки — ну или как получится, — и я за вами пригляжу...

И был день, и была рыба.

notes

Примечания

1

Тролли соображают не быстро, но и обиды не забывают долго.

Впрочем, те голуби, которые знают, как охотятся хищные птицы, мертвы, а потому еще менее склонны к связному мышлению.

У женщины всегда найдется пол-луковицы. Неважно, какого размера луковица, блюдо и женщина.

4

Если только в эту сельскую местность органично вписывается сгоревшая машина на лужайке перед домом.

Лейтенант Блуз читал книги, которые несколько сглаживали историю.

6

Строго говоря, дерево не обязательно, но, видимо, это вопрос стиля.

И стрела ни в кого не попала, особенно в пролетающую мимо утку. Столь необычное стечение обстоятельств следует специально отметить как вопиющее нарушение основополагающих законов юмористики. Если бы стрела подшибла утку, а та с последним кряком рухнула бы кому-то на голову, это, конечно, было бы очень смешно и, разумеется, запомнилось. Но стрела всего лишь немного пролетела и воткнулась в дуб в тридцати футах от дороги, едва не пригвоздив белку.

Орнитологу трудно идти через лес, когда вокруг всё буквально кричит: «Отлезь, сукин сын, это мой куст! Ах ты подлый разоритель гнезд! Займись со мной любовью, посмотри, какая у меня большая алая грудка!»

Наукой установлено, что все девочки в возрасте семи лет испытывают сверхъестественное влечение к розовому цветку, какие бы меры ни принимало общество.

На всякой старой кухне непременно есть такая штука, хотя никто не помнит, для чего она нужна. Обычно она предназначается для чего-нибудь, что уже давным-давно не делают, да и в прошлом делали без особого энтузиазма — например, чистили сельдерей, резали каштаны или, в худшем случае, фаршировали садовых сонь.